

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Ежемесячный

политико-экономический журнал

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Р. Е. Вайсберга, Н. А. Новалевского (отв. ред.),
М. Кржижановского, А. С. Мендельсона,
С. В. Минаева, А. И. Петрова, С. Г. Струмилина
и С. В. Шахновской

1930 АПРЕЛЬ

4

ИЗД. ГОСПЛАНА

СССР

МОСКВА

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Р. Е. ВАЙСБЕРГА, Н. А. КОВАЛЕВСКОГО (отв. ред.),
Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО, А. С. МЕНДЕЛЬСОНА,
С. В. МИНАЕВА, А. И. ПЕТРОВА, С. Г. СТРУМИЛИНА
и С. В. ШАХНОВСКОЙ

Отв. секретарь И. Я. БРАСЛАВСКИЙ

№ 4

АПРЕЛЬ

1930 г.

ПЛАНХОЗГИЗ
МОСКВА

В журнале „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

принимают участие:

Акуленко В. П., Александров И. Г., Базаров В. А., Баранский Н. Н., Бернацкий Л. Н., Бернштейн-Коган С. В., Бессонов С. А., Боголепов М. И., Браславский И. Я., Буланже Н. П., Бухарин Н. И., Бухарцев Д. П., Варга Е., Вайсберг Р. Е., Вильямс В. Р., Виноградский Н. Н., Вольф М. М., Гайстер А. И., Гатовский Л. М., Гинзбург А. М., Голендо М. С., Гольденберг Э., Гордон А. С., Гордеев Г. С., Горев А. А., Гольцман А. Э., Гринько Г. Ф., Громан В. Г., Губерман С. Е., Гуров П. Я., Гухман Б. А., Дволайцкий Ш. М., Долгов А. Н., Дунаевский Ф. Р., Егоров К. Д., Есин В. Э., Зак С. С., Кактынь А. М., Кан И. А., Кафенгауз Л. Б., Кац В. И., Квинтинг Э. И., Кениг Е. Л., Киселев С. М., Козлов Г. А., Ковалевский Н. А., Колларов, Колосовский Н. Н., Кржижановский Г. М., Крицман Л. Н., Крон Ц. М., Круг К. А., Крумин Г. И., Кузнецов С. М., Кукель-Краевский С. А., Куйбышев В. В., Лапинский Н., Ларичев В. А., Лежава А. М., Леонтьев А., Лозовский А., Маймин А. Б., Маркевич А. М., Мендельсон А. С., Мендельсон Л. А., Меснер И. Б., Милютин В. П., Минаев С. В., Миндлин Э. Л., Михайлов А. М., Мухарджи Абани, Никитин Л. Л., Осадчий П. С., Осинский В. В., Первушин С. А., Петров А. И., Пятаков Г. Л., Рамзин Л. К., Ришар В. Н., Рудзутак Я. Э., Рыков А. И., Светлов Ф. Ю., Сви-дерский А. И., Сегаль А. И., Смирнов А. П., Сокольников Г. Я., Спектатор (М. Нахимсон), Струмилин С. Г., Сушков Э. Г., Терпигорев А. М., Трахтенберг И. А., Турецкий Ш. Я., Туровский И. Г., Фалькнер С. А., Фельдман Г. А., Флаксерман Ю. Н., Фрумкин М. И., Хмельницкая Е. Л., Циперович Г. В., Цышевский И. А., Черданцев Г. Н., Четыркин В. М., Членов С. Б., Чубарь В. Я., Шаров С. И., Шателен М. А., Шахновская С. В., Штейн Б. Е., Эвентов Л. Я., Яковлев Я. А., Ярилов А. А. и др.

Главлит № А — 68321. Набрано в
18 типографии «Мосполиграф»
(Москва, Петровка, 35),
отпечатано в 13 типо-цинографин
«Мосполиграф», (Москва, Петровка, 17)
в колич. 6000.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I

Стр.

Экономика и экономическая политика

Э. И. Квининг. Проблемы генерального плана	5	✓
А. Гордон. Планирование в системе социально-экономических и технических знаний	26	
В. Зарзар. Проблема реконструкции хозяйства связи СССР	37	
Г. Бурштейн. Индексы эффективности основного капитала	56	✓
К. Трояновский. От хозяйственного плана к научному плану	77	✓
С. Г. Струмилин. Оплата труда в России	93	

В Институте экономических исследований Госплана СССР

Методологические проблемы теории советского хозяйства. Дискуссия.

Краткие тезисы доклада Л. М. Гатовского	131	•
Прения по докладу:		
С. Д. Слуцкина	138	
И. А. Кан	140	
В. И. Ратнер	143	
М. Н. Рагольский	144	
А. И. Подгорный	147	
Г. А. Черный	148	
О. М. Таргульян	149	—
С. Л. Розентул	149	
А. В. Вайсброд	151	
И. Г. Коновалов	154	
С. Г. Струмилин	155	
Заключительное слово Л. М. Гатовского	158	
Резюме С. Г. Струмилина	191	

ОТДЕЛ II

Проблемы мирового хозяйства

С. А. Фалькнер. Народный доход современной Германии и его социально-экономическая структура	192	
Х. Гуревич. Кризис сельского хозяйства Франции	209	

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

Е. Лебедев. Электрификация пригородного пассажирского движения г. Москвы.	215	
---	-----	--

ОТДЕЛ IV

Экономика районов

А. И. Шапошников. Цветная промышленность как фактор развития народного хозяйства Средней Азии и Казакстана	229
Д. Волжин. Проблема реконструкции орошения в хлопковых районах Средней Азии и крупное строительство	240
А. М. Ярмош. Производственные методы переселения	263

ОТДЕЛ V

Экономика и статистика.

Н. Ю. Чарнецкий. Проблема учета показателей	272
---	-----

ОТДЕЛ VI

Критика и библиография.

Г. Гордеев. Проф. П. И. Лященко. Социальная экономия сельского хозяйства	285
В. Носов. Ф. А. Цылько. Пути развития сельского хозяйства СССР в ближайшие пять лет	289
А. Неусыпин. В. В. Шер. Кредитная реформа	290
В. Львов. «Вестник статистики». Журнал №№ 1 и 2 за 1929 г.	292
И. М. Гринштейн. П. де-Рузье. Современная индустрия	295
Н. Буланже. Э. Карльтон, Стэйплс и Д. Морелль. Иорк. Факторы экономической географии	297
Л. Демский. Г. Ретбоун. Индия	298
М. Коган. И. Витвер. Южная Америка	303
Г. Срагович. Библиография плановой литературы	306

№ 4 журнала „Плановое Хозяйство“ выходит с значительным опозданием по техническим причинам вследствие неожиданного закрытия трестом „Мосполиграф“ 18-ой типографии, где набирался этот №, и перевоза набранных листов журнала для печати в 13-ую типографию „Мосполиграф“.

Отдел I

Экономика и экономическая политика

Э. И. Квирини

Проблемы генерального плана

О генеральном плане развития СССР написано несколько книжек и много статей. Уже несколько лет в Госплане Союза ведется подготовительная работа к составлению 10—15-летнего генерального плана развития народного хозяйства СССР, и все же пока имеются лишь рабочие материалы, отдельные прикидки, а самый план может быть закончен лишь через полтора-два года, т. е. к периоду, когда будет выполнена пятилетка. Опыт составления пятилетнего плана показал, какие трудности представляет собой планирование на значительный ряд лет. Если уже со второго года пятилетки выявилось, что хозяйство наше растет значительно быстрее, чем это было намечено пятилеткой, приходится проявлять особую осторожность при составлении хозяйственных планов на 10—15 лет.

Задача составления генплана к тому же крайне осложняется международным положением СССР. Для перспектив развития СССР имеют огромное значение и революционное движение пролетариата капиталистических стран и возможное военное выступление против нас союза капиталистических государств. Предвидеть сколько-нибудь точно развитие событий на протяжении 10—15 лет невозможно. Это делает всякий генплан документом особо условным.

Общеизвестно, что капиталистические государства готовятся к войне против СССР, общеизвестно, что сила революционного пролетариата из года в год нарастает, но никто не может сказать, когда капиталистические государства обрушатся на СССР, никто не может сказать, когда революционный пролетариат свергнет господство капиталистов в той или другой стране.

Между тем война с капиталистическими государствами или пролетарская революция хотя бы в одном из крупных капиталистических государств будет иметь огромное значение для дальнейшего развития СССР.

Учитывая значение указанных факторов, ряд товарищей ставит вопрос о том, чтобы учесть в генплане возможную интервенцию против нас и пролетарские революции в капиталистических странах.

Тов. Ларин еще в июле 1929 г. в «Правде» высказал положение, что «в основу планировки (генплана) надо класть допущение, что на-

шей стране придется с оружием в руках отстаивать социализм», и что «вся планировка нашего хозяйства должна быть подчинена мысли о возможности быть вынужденными ответить на силу силой».

Правда, т. Ларин не пытался сколько-нибудь конкретизировать свое предложение, иначе ему пришлось бы сказать, какую именно войну предусмотреть в плане: войну на полгода или на 2, 3, 4 года; войну, из которой СССР выйдет с победой, полупобедой или поражением; войну, которая вызовет пролетарские восстания в ряде капиталистических стран, или наоборот, войну, в которой пролетариат решающих стран будет раздавлен и обескровлен еще раз.

Если взять лучший и наиболее вероятный исход, что война окончится полной победой Советов, с установлением советского строя в ряде капиталистических стран, то все же стоит вопрос, каковы будут разрушения, причиненные войной и Советскому Союзу, и новым советским республикам, и как далеко назад отбросят нас эти разрушения.

Как можно предвидеть хотя бы примерно подобные вещи?

Как можно хозяйственно оценить результаты любой сколько-нибудь серьезной войны при современной военной технике? Это невозможно.

Поэтому мы не можем в наших планах учесть такие факторы, как война и ее последствия.

Капиталистическое окружение и неизбежность военного столкновения между страной растущего социализма и охваченным старческими болезнями капиталистическим миром обязывает нас готовить оборону СССР и во всей нашей хозяйственной и политической работе исходить из интересов обороны. Это элементарно.

Задачи обороны пред'являют очень широкую систему мер и хозяйственного и политического порядка, помимо вопросов непосредственно военного порядка. Эти задачи учитываются во всех наших планах, во всей хозяйственной работе.

Если у т. Ларина и др. речь идет только о соответственной подготовке страны к обороне, тогда это обязательная «органическая» часть всякого плана, и можно лишь говорить о том, обеспечивает ли каждый данный конкретный план в достаточной мере нужды обороны или нет. Но готовить страну к обороне и предусмотреть в плане войну и ее последствия — вещи различные.

Конечно, трудно допустить, что в течение ближайших 10—15 лет капиталистические державы не попытаются стереть с лица земли республику Советов вооруженной рукой. Единственной гарантией против нападения капиталистических стран на СССР явилась бы победоносная пролетарская революция в ряде капиталистических стран.

И все же генеральный план не может предусмотреть ту или иную войну и ее последствия, т. к. в одних условиях такая война может ускорить темпы социалистического строительства, в других — отбросить нас назад.

Заниматься гаданием в такой области совершенно бесполезно. Вместо этого нужно крепить оборону и реально обеспечить планы военной мобилизации страны.

Условность 10—15-летнего генерального плана не ограничивается однако неопределенностью международного положения.

Невозможно достаточно правильно учесть ресурсы страны, завершающей переходный период. Еще труднее учесть ресурсы, которые дает социалистическая организация всего производства. Невозможно предвидеть развитие науки и техники, что может открыть все новые и новые ресурсы.

И все же генеральный план необходим. Он необходим для того, чтобы установить основные линии развития, наметить основные контуры того хозяйственного, культурного и социального строя, который мы должны построить в ближайшие 10—15 лет.

Но именно в силу указанной условности ряда положений мы не можем дать законченный во всех деталях план развития страны на 10—15 лет.

Тов. Кржижановский совершенно правильно подчеркнул в своем докладе на с'езде госпланов, что в генплане мы можем дать лишь общие контуры и наметить лишь генеральные линии развития нашего хозяйства.

Каждый хозяйственный план (и контрольные цифры и пятилетка) есть не только план хозяйственной работы и строительства — это есть план, который в концентрированном виде представляет всю политику коммунистической партии на определенный период. Именно поэтому В. И. Ленин назвал план ГОЭЛРО второй программой партии, именно поэтому вокруг наших годовых планов и пятилетки разворачивались бои внутри партии. В хозяйственном планировании и всей системе мероприятий по выполнению планов выявляется с наибольшей остротой и силой генеральная линия партии.

Каждый наш план охватывает определенный период продвижения к социализму Советского Союза.

Правильное планирование народного хозяйства в переходный период обязательно предполагает учет соотношения классовых сил в стране и установление определенных сдвигов в соотношении классовых сил.

Поэтому в генплане идет речь не просто о том или ином хозяйственном росте, не просто о росте производительных сил страны, а о таком росте производительных сил, при котором была бы обеспечена победа социализма.

Наши планы есть прежде всего планы строительства социализма. До сих пор это определение было достаточно для выявления социальной установки наших планов. Для генплана такая формула уже недостаточна.

Из года в год мы усиливаем элементы социализма в нашем хозяйстве и вытесняем элементы капитализма.

В генеральном плане эта борьба должна быть доведена до конца: социализм побеждает и вытесняет все остальные хозяйственные уклады. За период в 10—15 лет мы построим социалистическое общество, если возможная война не отбросит нас назад.

Генеральный план есть план построения социализма в СССР, но и это определение слишком обще и потому недостаточно.

Социализм не есть нечто законченное, застывшее. Социалистическое общество, развиваясь из капитализма, лишь постепенно освобождается от ряда капиталистических пережитков, лишь постепенно поднимается на высшую ступень. Переход этот вовсе не так легок и прост — переход к высшим формам требует помимо колоссального роста производительных сил еще и полной переделки людей.

Поэтому, когда мы говорим о генплане, необходимо наметить этапы строительства социализма. Это имеет огромное значение именно теперь, когда переходный период вступил в фазу отмирания. Мы употребляем здесь этот термин в условном понимании. Это «отмирание» будет происходить в условиях жестокой классовой борьбы на протяжении ряда лет.

Мы подошли сейчас к такому периоду развития социалистического строительства, когда приобретают особое значение следующие слова В. И. Ленина:

«Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно, но теперь, при капитализме, признавать его было бы смешно и выдвигать его на первый план могли бы разве лишь отдельные анархисты»¹.

Да, теперь различие между низшей и высшей фазой коммунизма огромно именно потому, что мы вплотную подошли к строительству социализма, и тут надо строго различать фазы социалистического строительства. Нельзя безнаказанно прыгать сразу через несколько ступенек, нельзя опережать события.

Всякая подобная попытка вызывает отдачу и вместо форсированного наступления может получиться обратное.

Именно сейчас партия исправляет головотяпство местных органов, допустивших перегибы в целях максимального форсирования колхозного строительства. Левые загибщики не довольствовались тем, чтобы провести коллективизацию в 2-3 года. Никто не хотел «отставать». В результате перегибов мы теперь в целом ряде районов имеем выходы из колхозов и дискредитирование в глазах известных групп идеи коллективизации. Исправление этих ошибок требует дополнительных усилий.

В такой же мере, как сейчас, опасно применять насилие, чтобы ускорить сплошную коллективизацию, — в такой же мере опасно и сейчас и в последующие годы форсировать переход от низшей фазы коммунизма к высшей, т. е. к зрелому коммунистическому обществу.

¹ В. И. Ленин, т. XIV, стр. 2.

Между тем ряд товарищей при трактовке задач генплана проявляет в этом вопросе крайнее легкомыслие.

Особую храбрость проявили тт. Золотарев и Сабсович. Они неудержимо рвутся возможно скорей к «зрелому коммунистическому обществу».

У т. Золотарева (см. статью в «Торг.-пром. газ.» от 7/XII 1929 г.) в 2 ближайших года мы кончаем со всякими остатками капитализма, а в следующую пятилетку, считая с 1932/33 до 1936/37 г., т. е. через 7 лет, мы кончаем первую фазу коммунизма и вступаем прямо в высшую фазу коммунизма, когда, как утешает нас т. Золотарев, «государство начнет отмирать».

Больше, чем на 7 лет, т. Золотарев отказывается планировать, «ибо за пределами второй пятилетки, при переходе в зрелое коммунистическое хозяйство, где не будет классов и «неравенства», понятие плана, очевидно, коренным образом изменится, перерастет в планирование бесклассового общества, в котором функции государства начнут отмирать».

Стало быть, по т. Золотареву, через 7 лет мы махнем в «зрелое коммунистическое общество, где не будет классов и неравенства».

Поневоле вспоминается неудачный претендент на командование партизанской армией в пьесе «Командарм 2», который в отчаянии кричит: «Господи, скорее бы социализм».

Но т. Золотарев как-будто не впал в отчаяние, подобно неудачнику из «Командарма 2». Он доказывает от науки, от опыта, от темпов, наконец от Маркса и Ленина. Он несомненно прочитал соответствующие места и из «Критики готской программы», и из «Государства и революции», и еще кое-что. Терминология у него взята именно из указанных работ, но... и только. Все остальное «головокружительная» вредная трескотня.

Тов. Сабсович в своей книжке «СССР через 15 лет» ставит задачу построить социализм через пятнадцать лет. О фазах социализма т. Сабсович в этой работе не говорит.

В последних своих работах о социалистических городах т. Сабсович уже далеко «опередил» и свою гипотезу «через 15 лет» и пытается опередить других храбрых строителей будущего. Сабсович явно не хочет отставать от «перегнавшего» его Золотарева.

В статье «Почему мы должны и можем строить социалистические города» (№ 1 журн. «Культура и революция») Сабсович рисует следующую перспективу: «Таким образом в течение ближайших 5—8 лет мы сможем почти полностью уничтожить противоречия между городом и деревней» и дальше: «к этой социалистической реконструкции быта мы должны приступить немедленно и осуществить ее для всех трудящихся города и деревни в 5—8 лет». Итак, и т. Сабсович хочет через 5—8 лет привести нас к высшей фазе коммунизма.

Но может быть тт. Золотарев и Сабсович правы: хозяйство наше растет бешеным темпом, коллективизация крестьянства также,

остатки капитализма из года в год уменьшаются. Почему же нельзя в 7-8 лет кончить переходный период и первую фазу социализма и подойти к «полному», «зрелому» коммунизму?

Чтобы разобраться в этих вопросах, нужно остановиться подробнее на вопросе о фазах развития коммунизма, на том, что сказано по этим вопросам Марксом, Энгельсом и Лениным.

Нужно отметить, что до последнего времени в нашей литературе на этом останавливались мало, ибо до сих пор речь шла почти исключительно о различных этапах переходного периода.

Теперь же мы вплотную подошли к задаче построения социализма. Поэтому сейчас приходится думать не только о том, как завершить переходный период, но и о той фазе социализма, которая последует за переходным периодом.

Это во всяком случае обязательно для всякой проектировки генплана. Поэтому именно теперь необходимо вспомнить, как наши великие учителя намечали фазы развития социализма.

В замечательной брошюре «Государство и революция», написанной в 1917 г. непосредственно перед Октябрьской революцией, В. И. Ленин специально рассматривает учение Маркса о низшей и высшей фазе коммунизма. Приводим ряд выдержек из этой книги:

«Научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это неполный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм, как нечто развивающееся из капитализма. Вместо схоластически выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм) Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма» (т. XIV, ч. 2, стр. 377).

И дальше, поясняя первую фазу коммунизма, Ленин пишет: «В первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм не может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма».

«Учет и контроль — вот главное, что требуется для налаживания, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну». «Все общество будет одной конторой с равенством труда и равенством платы».

Таким образом в первую фазу коммунизма все средства производства обобществлены, все граждане не только являются служащими

и рабочими пролетарского государства, но оплата производится «поровну за равную работу».

Но при этой «равной» оплате за равный труд остается фактическое неравенство, что особо отмечено Марксом в «Критике готской программы».

В. И. Ленин также подчеркивает это положение:

«Развивая мелкобуржуазную неясную фразу Лассалья о «равенстве» и «справедливости» вообще, Маркс показывает ход развития коммунистического общества, которое вынуждено сначала уничтожить только ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое не в состоянии сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)» (там же, стр. 374).

Таким образом в низшей фазе коммунизма все граждане являются работниками государства (или, добавим мы теперь, социалистического коллектива), а средства потребления распределяются «поровну» «по труду».

На первой фазе коммунизма существует «строжайший контроль со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления», и уклонение от этого контроля «будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить с собой едва ли позволят), что необходимость соблюдать несложные основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой» (Ленин, «Государство и революция»).

Эта первая «низшая» фаза коммунизма должна постепенно подготавливать «высшую» фазу зрелого коммунистического общества. Что же для этого нужно?

Чем отличается высшая фаза от низшей? Законченный ответ на этот вопрос дает Маркс в «Критике готской программы»:

«На высшей фазе коммунистического общества после того как исчезнет поработощающее человека подчинение его разделению труда, когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы, и все источники общественного богатства польются полным потоком, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени «каждый — по способностям, каждому — по потребностям».

Итак лишь после того как исчезнет разделение труда (а следовательно и различие между крестьянином и рабочим и противоречия между городом и деревней); лишь после того как исчезнет противоречие между умственным и физическим трудом, причем все это про-

изойдет на базе такого роста производительных сил, что «богатства польются полным потоком», лишь тогда — подчеркивает Маркс — мы преодолеваем последние пережитки капитализма и переходим в высшую фазу коммунизма, когда не будет никакого неравенства, где каждый будет работать по способностям и полностью удовлетворять свои потребности. Тогда государство, как ненужный пережиток, отомрет.

Вот о чем идет речь на высшей фазе коммунизма! Вот на какую вершину думают нас поднять в 7-8 лет тт. Золотарев и Сабсович.

Самый поверхностный анализ перспектив покажет, что здесь мы имеем легкомысленный и необоснованный перескок, загиб от головокружения на быстрых темпах подъема.

Было бы, конечно, бездушным схематизмом представлять дело таким образом, что этапы развития социализма отделены друг от друга китайской стеной, что один начинается как раз на другой день после того, как кончается предыдущий. В реальной жизни все происходит сложнее, новое нарождается и растет, а старое еще держится и уступает лишь постепенно.

Уже в переходный период социализм осуществляется на 50—60—70% и т. д., постепенно завоевывая одну позицию за другой и вытесняя капиталистические и докапиталистические элементы. В то же самое время, уже в переходное время, закладываются коммунистические ячейки, как например сел.-хозяйственные коммуны с обобществлением потребления.

Положение этих ячеек своеобразное. Так например сел.-хоз. коммунам приходится реализовать свои продукты за деньги и на деньги покупать все необходимое, платить проценты по ссудам и т. д. Но все же это уже зачатки высшей фазы коммунизма.

После окончания переходного периода коммунистические ячейки будут расти усиленным темпом, и по мере роста производительных сил низшая фаза коммунизма будет непрерывно перерастать в высшую.

Ленин в свое время неоднократно останавливался на вопросе о сроках, которые необходимы для перехода к высшей фазе коммунизма, и в определениях проявлял осторожность, которую можно рекомендовать усердным проектировщикам. В брошюре «Государство и революция» он пишет: «Как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположностей между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность», — этого мы не знаем и знать не можем.

Поэтому мы и вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов нет».

Некоторые товарищи¹ считают, что теперь материалы для решения этого вопроса уже есть. Этот материал товарищи видят в огромных темпах роста нашего хозяйства.

Темпы наши огромны — это верно. Преимущества социализма подтверждаются полностью. Подтверждаются предсказания Маркса, Энгельса, Ленина о невиданных темпах хозяйственного роста при социализме. Все это верно. Но все это пока материал для решения задачи о примерных сроках для окончания переходного периода и установления первой фазы коммунизма.

Но где же материал для решения задачи, о которой говорит Ленин, а именно: «как скоро дойдет дело до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом»?

И здесь мы имеем зачатки решения этой задачи хотя бы в виде завода-втуза, но разве этот опыт дает нам основание считать, что через каких-нибудь 7 лет уже исчезнет разделение труда и противоположность умственного и физического труда?

К тому же уничтожение разделения труда предполагает также уничтожение противоречия между городом и деревней, что возможно лишь в результате выполнения требования, выставленного еще в Коммунистическом манифесте, — требования «объединения фабричного и земледельческого труда».

Есть ли у нас материал для решения вопроса о сроках для решения указанных задач? Нет. Таких материалов нет, и потому мы можем сейчас лишь ставить задачу постепенного приближения за период генплана к высшей фазе коммунизма, подготавливая для этого почву. Тем более нет материалов для решения вопроса «о неизбежном отмирании государства», которое, по Ленину, зависит «от быстроты развития высшей фазы коммунизма».

Это особенно надо помнить т. Золотареву, у которого через 7 лет государство «начнет отмирать».

На основе всего сказанного мы приходим к следующей формуле:

За период генплана (10—15 лет) мы должны закончить переходный период, построить в основном первую фазу коммунизма, с постепенным переходом к высшей фазе коммунизма, по мере укрепления материальной базы и международного положения СССР, по мере социалистической переделки всех граждан и подготовки их к высшим формам социалистического общества.

¹ В этом вопросе мы не можем согласиться также с т. Ковалевским (см. его статью в „Экономич. жизни“ от 21/1 1930 г.). В целом статья дает правильную установку по социальным проблемам генплана, но т. Ковалевский считает, что мы сейчас имеем уже достаточный материал для определения сроков перехода к высшей фазе коммунизма, что по нашему мнению неправильно.

Мы отказываемся сейчас определять, как скоро первая фаза коммунизма перерастет в высшую. Вместо этого мы устанавливаем перспективу постепенного перерастания, — именно в этом все дело. Конкретная обстановка покажет, какие нам даны темпы в этом процессе.

Некоторым очень нетерпеливым товарищам мы можем напомнить для успокоения следующие слова Ленина.

В речи на I-м съезде земельных коммун, произнесенной 3/XII 1919 г., т. е. в период высшего напряжения военного коммунизма, В. И. Ленин, поучая коммунистов, сказал:

«Коммунизм есть высшая ступень развития социализма, когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу. Мы знаем, что сейчас вводить социалистический порядок мы не можем, дай бог, чтобы при наших детях, а может быть и внуках он был установлен у нас».

В. И. Ленин был много скромнее в установлении сроков для высшей фазы коммунизма, чем ряд современных писателей по вопросам генплана, — уже не говоря о загибщиках, которые пытаются немедленно перевести единоличников прямо в коммуны.

В предвидении срока, когда будет установлен коммунизм, Ленин допускает разницу во времени на целое поколение, а тов. Золотарев считает точно: «через 7 лет к высшей фазе коммунизма».

**

Остановимся теперь в общих чертах на анализе переходного периода и первой фазе коммунизма. Мы хотим показать, какие именно социальные задачи мы должны решить в период генплана для того, чтобы подняться к высшей фазе коммунизма.

Прежде всего мы должны кончить переходный период. В последнее время очень много написано о ближайшем этапе переходного периода. Более подробное рассмотрение этого вопроса потребовало бы слишком много времени. И в вопросе о нэпе было проявлено не мало головомоления. Не останавливаясь на вопросе о нэпе, мы здесь считаем лишь необходимым отметить, что переходный период еще не кончается с завершением новой экономической политики. Нэп является одним из этапов переходного периода и притом, как это теперь уже можно утверждать, самым длительным, но не единственным. Военный коммунизм был ведь также этапом переходного периода, а еще раньше — рабочий контроль.

И после завершения нэпа может быть и вероятно будет еще некоторый этап переходного периода.

На самом деле: переходный период ведь не кончается с того момента как ликвидирован последний кулак и закрыта последняя частная лавка.

Переходный период кончается тогда, когда все «граждане» страны получают работу от государства или коллектива, когда не будет

ни безработных ни беспризорных, когда все граждане, в том числе и нетрудоспособные, будут иметь необходимый жизненный минимум, когда не будет элементарной борьбы за кусок хлеба, когда не будет почвы для подпольной торговли продуктами продовольствия или дефицитными товарами, т. е. тогда, когда экономика не будет в той или иной форме содействовать «химическому» выделению тех или иных ростков капитализма. Тогда мы перейдем в первую, низшую фазу коммунизма.

Будут ли через 2-3 года все граждане работниками государства или членами производственных коллективов? Конечно не будут.

Во-первых, в отсталых районах и национальных республиках через 2-3 года едва ли все крестьянство будет объединено в колхозы. Партия себе этой задачи сейчас не ставит. Во-вторых, кулачество, составляющее около 5—7 млн. чел., в колхозы не принимается, не принимается и на работу на заводы и фабрики. Нужно думать, что и через 3 года больше половины из них будет вести индивидуальное хозяйство. А что будут делать через 3 года остатки городской буржуазии, городские ремесленники, известная часть кустарей?

Если подсчитать все эти группы населения, то наберется около десятка миллионов людей, которые через 3 года еще не могут быть непосредственными участниками социалистического строительства. Их жизнь в той или иной форме будет основана на частнохозяйственном начале. Если даже мы закроем все клапаны для перерастания этих хозяйств в капиталистические, они все же будут хозяйствами частными, и отношения государства с ними должны базироваться на товарообороте — хотя бы в форме продуктообмена.

Можно ли далее предполагать, что, закончив в основном процесс коллективизации за 3 года, мы за этот период полностью обобществим все отрасли сельского хозяйства? В частности, думаем ли мы в этот срок обобществить всех коров, свиней, птиц и т. д.? Мы считаем, что за 3 года это сделать нельзя. Но если у крестьянства через 3 года в индивидуальном пользовании еще будут находиться миллионы коров, свиней, птиц, — можем ли мы запретить их владельцам продавать товарные излишки, если таковые у них будут? Мы полагаем, что это было бы неразумно. Животноводство переживает жесточайший кризис. Головоуныение в деле безоглядного обобществления всего скота крестьянства явилось одной из причин уничтожения значительной части стада. Потребуется годы, чтобы смягчить положение с продуктами животноводства. В этих условиях и через 3 года будет еще крайне важно получать товарный выход продуктов от той части скота, которая будет находиться в индивидуальном пользовании. Мы можем запретить частную торговлю и следовательно скупку у крестьян их излишков частниками. Мы можем поручить дело скупки кооперации. Все же для колхозника, владельца скота, эта сделка является частнохозяйственной, и колхозник в данном случае выступает как мелкий товаропроизводитель. Таким образом даже после того, как все кре-

стьянство будет объединено в колхозы, мы будем иметь период, когда известная часть колхозников (вероятно, примерно, около половины) будет одновременно выступать в качестве мелких товаропроизводителей.

Стало быть в хозяйственной системе, которая в главных своих разделах стала социалистической, мы будем иметь еще элементы простого товарного хозяйства, а следовательно и возможность «химического» выделения капитализма, пусть в нелегальных формах.

В этих условиях мы, несомненно, будем иметь еще безработицу. Допустим, что безработица сведется к минимуму. Мы считаем, что в ближайшие годы недостаток рабочей силы будет более чувствоваться, чем безработица. Но, вместе с тем, будет существовать и в значительных размерах (сотни тысяч) безработица неквалифицированных и главным образом женщин. К тому же вопросы организации труда в колхозах у нас еще совершенно не поставлены. Опыт работы колхозов в весеннюю кампанию 1930 г. показывает огромный избыток рабочей силы. Как дать нагрузку этой рабочей силе — это важнейший вопрос. Можем ли мы с уверенностью сказать, что через 3 года мы эту проблему решим, и что через 3 года колхозы не будут выделять такое количество свободных рабочих рук, что вопрос о безработице встанет в новой форме.

Все эти соображения приводят нас к выводу, что было бы неосторожно считать, что переходный период завершается через 2-3 года.

Не исключено, что с простым товарным хозяйством мы кончим лет через 5—7, когда материальная база социализма настолько окрепнет, что все виды индивидуального хозяйствования исчезнут, и тогда действительно все граждане будут работниками единой социалистической «конторы».

Само собой понятно, что в этот последний отрезок переходного периода социализм будет уже в такой степени преобладающей формой хозяйства, что мы сможем в известной мере игнорировать все уменьшающиеся остатки капитализма и говорить о нашей системе хозяйства как о социалистической. Это будет так же верно, как то, что «государство наше — рабочее, с бюрократическими извращениями».

Но остатки капитализма и докапиталистических форм налагают свой специфический отпечаток и на социалистические формы хозяйства, почему в этот период фактическое неравенство в материальном положении участников социалистического сектора хозяйства будет еще очень велико.

Переходим теперь к рассмотрению первой фазы коммунизма. Что же необходимо для того, чтобы подготовить переход к высшей фазе коммунизма, т. е. что нужно сделать, чтобы завершить первую фазу коммунизма?

Прежде всего, конечно, нужно создать такую мощную материальную базу, чтобы можно было осуществить принцип — каждому по потребностям. Мы допускаем, что масштабы производства, намеченные

в рабочей гипотезе т. Ковалевского, достаточны для перехода к этому принципу, примерно, к концу периода генплана, хотя и это определит лишь история.

Само собой разумеется, что и принцип — каждому по потребностям — будет вводиться постепенно, по частям, а не будет «декретирован» сразу. По мере укрепления социалистического общества (первой фазы) с каждым годом будет увеличиваться количество благ, которые будут предоставляться всем гражданам бесплатно. Сюда, прежде всего, относятся обучение и содержание детей, ясли, больницы, санатории, дома отдыха и т. п., т. е. все то, к чему мы приступили уже сейчас. Затем настанет очередь для трамваев, автобусов, освещения, отопления, воды, вань и пр. Тут же идет кино, театры и т. п.

Такие продукты первой необходимости, как хлеб, картофель и др., очевидно будут выдаваться бесплатно в потребительской норме с того момента, как только эти продукты у нас будут в избытке.

Дальше, очевидно, мы перейдем к такому порядку, когда по одному и тому же талону на завтрак, обед, ужин каждый может есть столько, сколько ему нужно, и то, что он хочет из состава разнообразных кушаний, имеющихся в столовых. Уже сейчас в скандинавских странах в ресторанах, рассчитанных на зажиточных, за определенную плату можно брать сколько хочешь самых разнообразных блюд, представленных на столе. Каждый берет по своему вкусу, и в конечном счете получается некоторая средняя норма, и содержатели ресторанов и столовых получают нормальную прибыль. Тем легче организовать такой порядок в социалистическом обществе. Только хронически недоедающий человек набрасывается на пищу и поедает свыше нормы, если ему поставить ее без всяких норм. В организованном обществе этого не будет.

На ряду с едой очевидно и для простейших стандартных видов одежды будет установлен упрощенный порядок отпуска. Мы хотим подчеркнуть приведенными примерами, что уже на низшей фазе коммунизма все больше и больше услуг и благ обобществляются и предоставляются всем гражданам «по потребностям» — по мере роста материальной мощи страны. Заниматься гаданием, через сколько именно лет можно перейти полностью к осуществлению принципа — каждому по потребностям — дело праздное.

Важно, что мы на первой фазе социализма постепенно и по частям вводим этот принцип в жизнь.

Переходим к вопросу о разделении труда.

Разделение труда лежит в основе капиталистического общества. Разделение труда, по выражению Маркса, «порабощает человека и привязывает одного к земле, другого — к машине, станку, счетной конторке и т. п.». Разделение труда вызывает такие противоречия между отдельными членами общества, которые не могут иметь место при социализме.

Сюда относится, прежде всего, противоречие между городом и деревней, что создает, по выражению Маркса, с одной стороны, «ограниченное городское животное», — с другой стороны, «ограниченное деревенское животное» и противоположность умственного и физического труда, по словам Ленина — «один из важнейших источников современного общественного неравенства».

Социализм должен уничтожить разделение труда и следовательно и противоречия, которые создает разделение труда между городом и деревней. Коммунистический манифест требует «соединения земледельческого труда с фабричным».

Что же нужно для этого сделать?

В первый период необходимо уничтожить материальное, культурное и политическое различие в положении рабочего и крестьянина. Как это сделать? В. И. Ленин в статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» писал:

«Социализм есть уничтожение классов.

Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином; сделать всех работниками. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единоличного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к обобществленному крупному хозяйству. Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен. Такой переход можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными законодательными мерами. Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне».

Эта короткая выдержка содержит целую программу действия и, вместе с тем, дает теоретическую установку. Указания эти имеют решающее значение для политики коллективизации сегодняшнего дня.

В. И. Ленин предупреждает от увлечения административными, законодательными мерами, ибо они могут только «замедлить и затруднить» переход к коллективизации.

Во многих местах об этом забыли, стали коллективизировать в порядке административного восторга — результаты, предсказанные Лениным, налицо.

Пыжиться и скакать в таком деле вредно. Владимир Ильич указывает, вместе с тем, возможный путь ускорения перехода к коллективизации. Это помощь государства в деле коренного преобразования всей земледельческой техники.

На лошадиных и воловьих колоннах можно строить коллективы лишь на первых порах, имея твердую перспективу — в сравнительно короткий срок постепенно переводить хозяйства на механическую базу.

Переход единоличных крестьян в колхозы есть первый серьезный шаг к уничтожению как политического, культурного, так и материального различия между крестьянином и рабочим.

Товарищи, которые через 7 лет подводят нас к зрелому коммунистическому обществу, очевидно, должны исходить из предпосылки, что 4-5 лет после проведения коллективизации — это срок совершенно достаточный для того, чтобы добиться уничтожения указанного неравенства между рабочим и крестьянином.

Таким образом уничтожение различия между рабочим и крестьянином начинается с того, что крестьянин перестает быть хозяином (самостоятельным товаропроизводителем) и становится работником (безразлично — у государства, в совхозе, на фабрике и др. местах или у колхоза). Крестьянин начинает, как и рабочий, получать определенную зарплату. С этого начинается второй период, в течение которого колхозник — вчерашний крестьянин — должен быть «уравнен» с заводским рабочим в материальном, культурном и политическом отношении. Установление сроков в этом деле чрезвычайно трудно, — они зависят, прежде всего, от темпов роста материальной базы.

Чем быстрее будет расти материальная база, тем быстрее можно ввести «уравнение» в том условном понимании, когда за равный труд платится поровну, но неравенство еще остается.

Во всяком случае за период генплана этот период может быть закончен.

Но этим лишь уничтожается различие между рабочим и крестьянином. Для установления полного социализма требуется покончить с противоречиями между городом и деревней. Это потребует «соединения фабричного и земледельческого труда», т. е. такого распределения по стране заводов, которое давало бы возможность каждую производственную единицу организовать как индустриально-аграрный комбинат или аграрно-индустриальный комбинат.

В I томе «Архива Маркса и Энгельса» мы находим следующее место у Маркса:

«Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности. Она есть грубейшее выражение факта подчинения индивида разделению труда и определенной, принудительно навязываемой ему деятельности, подчинения, превращающего одного человека в ограниченное городское животное, другого — в ограниченное деревенское животное и ежедневно нового порождающего противоречие интересов обоих. Труд здесь является снова главным делом, является силой над индивидами, и пока существует эта последняя должна существовать и частная собственность. Уничтожение противоречия между городом и деревней является

одним из первых условий коллективности (*Gemeinschaft*) условием которое в свою очередь зависит от массы материальных предпосылок и которое, как всякий видит сразу же, не может быть осуществлено одной только волей (эти условия должны еще быть развиты)».

Маркс подчеркивает здесь, что противоречие между городом и деревней, связанное с властью (силой) труда над индивидом, есть прямое следствие частной собственности. Уничтожение частной собственности и переход к «коллективности» должны привести к уничтожению противоречий между городом и деревней, между «ограниченными городскими и деревенскими животными». Без этого нет социализма.

В «Принципах коммунизма» Ф. Энгельс писал по этому же поводу:

«Отсюда вытекает, что противоречие между городом и деревней тоже исчезнет. Одни и те же люди будут заниматься земледелием и сельским хозяйством вместо того, чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации уже в силу материальных причин. Дробление земледельческого населения в деревнях и скопление промышленного в больших городах является состоянием, которое соответствует только недостаточно высокому уровню сельского хозяйства и промышленности и которое препятствует дальнейшему развитию, что уже весьма дает себя чувствовать в настоящее время».

Ограниченность и «идиотизм» деревенской жизни должны быть уничтожены не только тем, что крестьянское хозяйство поднимается на высшую ступень крупного механизированного земледелия, но еще и тем, что земледельческий и фабричный труд соединяются, что крестьянин становится одновременно участником и фабрично-заводского труда, а заводский рабочий — участником земледельческого труда.

В развернутом коммунистическом обществе у нас не должно быть разделения на современных городских и сельских жителей, на людей, работающих только на фабриках, и людей, работающих только в сельском хозяйстве.

«Разделение труда, расшатанное уже в настоящее время машиной и превращающее одного в крестьянина, другого — в сапожника, третьего — в фабричного рабочего, четвертого — в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно¹».

Это может быть достигнуто только при условии, что размещение промышленных предприятий по стране будет производиться таким образом, чтобы не нагромождать в существующих промышленных центрах строительства новых предприятий, а, наоборот, держаться, поскольку это допускают экономические соображения, такого распределения предприятий, чтобы в дальнейшем они могли стать частью первичной производственной ячейки коммунистического общества, в которой промышленное предприятие составляет лишь частицу хо-

¹ Энгельс. Принципы коммунизма.

зяйственного комбината. Эту перспективу мы не можем упускать из виду уже при текущем планировании, тем более в планировании перспективном.

Задача генплана — в максимальной степени подготовить условия для такой организации коммунистического общества. Это значит, что генплан по линии сельского хозяйства должен предусмотреть такое постепенное укрупнение коллективных хозяйств, с постепенным превращением их в аграрно-индустриальные комбинаты, чтобы они соответствовали оптимальному типу крупного хозяйства для соответствующего района.

В этом деле мы тоже успели уже наделать крупные ошибки. И здесь проявляется недопустимая спешка, торопливость, перескакивание. Каждый район хочет сразу иметь колхозы-«гиганты». В результате получаются бумажные гиганты, которые рассыпаются при первом толчке. НКЗему пришлось издать специальный приказ, чтобы зря не гигантить, а бумажные гиганты распустить.

Крупный колхоз на десятки тысяч га можно создать лишь в течение ряда лет после того, как мы добьемся укрепления более мелких колхозов, при условии, что объединение это основано как на механизации с.-х. производства, так и на организации новых хозяйственных предприятий, обслуживающих ряд мелких колхозов.

В «Анти-Дюринге» Энгельс ставит вопрос о широком, более равномерном распределении крупной промышленности по всей стране. При этом Энгельс говорит, что «большие города должны исчезнуть, и они исчезнут, хотя бы процесс и был продолжительный».

Мы не можем ставить в генплане задачу ликвидации больших городов, но было бы нелепо продолжать политику концентрации промышленности в крупных промышленных центрах и тем более политику создания новых социалистических городов с миллионным населением. Такие планы идут по линии капиталистического разделения труда, по линии дальнейшего углубления противоречий между городом и деревней.

Труднее всего, конечно, объединить фабричный и земледельческий труд, скажем, на таких промышленных гигантах, как Магнитогорский гигант, Сталинградский, Запорожский комбинаты и т. п.

Однако и здесь нет непреодолимых трудностей, и таким комбинатам можно придать сельскохозяйственный массив в несколько десятков тысяч га, используя рабочую силу попеременно на заводе и в поле. Технических препятствий к такому комбинированию не существует. Организационные трудности преодолеют те новые люди, которых воспитает социалистическая система.

Из всего сказанного вытекает, что основной первичной (низовой) производственной единицей в развернутом коммунистическом обществе должна быть производственная коммуна, которая охватывает все виды хозяйственной деятельности предприятий, расположенных на ее территории.

И здесь мы не беремся установить сроки, когда мелкие колхозы, не подходящие под типовую модель данного района, будут ликвидированы или вернее влиты в крупные колхозы.

И здесь вопрос решают темпы хозяйственного роста колхозов и темпы роста наших организационных сил и способностей. Нужно, чтобы укрупнение колхозов происходило без всякого головотяпства, администрирования и «соревнования» в темпах.

По мере укрепления и укрупнения колхозов должен быть поставлен вопрос о формах комбината между крупными государственными фабриками и колхозами, в районе которого она (или они) работает. Это будет уже решающий шаг по линии уничтожения противоречий между городом и деревней.

Сейчас трудно еще установить формы такого объединения. Вопрос требует проверки практикой. Принципиально он решен постановлением ноябрьского пленума ЦК ВКП(б), которым устанавливается организация аграрно-индустриальных комбинатов.

В генеральном плане эта задача должна быть разработана более конкретно, а районы должны разработать свои планы конкретно, применительно к действующим у них промышленным предприятиям. Завершает все дело такое размещение по стране новых фабрик и заводов, которое действительно полностью объединит сельское хозяйство и промышленность.

Только тогда полностью будет уничтожено противоречие между городом и деревней. Нужно быть очень храбрым, чтобы наметать выполнение такой программы в 7-8 лет. Чаще всего в такой «спешке» и погоне за «полным» социализмом забываются задачи сегодняшнего дня и срывается работа.

Не менее трудную задачу представляет ликвидация противоположности между умственным и физическим трудом. И здесь мы должны пройти несколько стадий. Первая задача — это создать достаточное количество своих советских пролетарских кадров, работников умственного труда.

За какой срок мы решим эту задачу? Едва ли раньше, чем через 5—7 лет. И то нужно сказать, что это будут на первых порах молодые кадры. Без оставшихся старых «буржуазных» специалистов как наших, так и иностранных мы не обойдемся.

Все знают, сколько у нас трудностей со старыми специалистами, среди которых очень значительная часть принимала активное участие во вредительстве, большинство держало нейтралитет и лишь меньшинство активно участвовало в хозяйственном строительстве. Пятилетка по кадрам рождается в муках именно потому, что это одна из труднейших проблем. Огромные темпы строительства, социалистическая реконструкция хозяйства требуют громадного количества специалистов во всех областях.

Все расчеты по пятилетке показывают недостаток специалистов во всех отраслях. Очевидно лишь во втором пятилетии нам удастся разрешить количественно проблему специалистов. Но отсюда еще далеко до ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом, до исчезновения разделения труда — эта задача, очевидно, может быть решена лишь во вторую очередь. Когда мы будем иметь достаточное количество своих специалистов, тогда только встанет вопрос о таком дальнейшем перепроизводстве специалистов, что можно будет нагружать специалистов любой работой.

Здесь именно встает задача создать того нового разностороннего человека, о котором Ф. Энгельс в «Принципах коммунизма» писал:

«Существование классов вызвано разделением труда, а разделение труда в прежнем его виде совершенно исчезнет, так как, чтобы поднять промышленное земледельческое производство на указанную прежде высоту, недостаточно одних только механических и химических вспомогательных средств. Нужно также в соответственной мере развить способности людей, применяющих эти средства. Подобно тому, как в прошлом столетии крестьяне и рабочие в мануфактурах изменили весь свой образ жизни и стали совершенно другими людьми, когда оказались вовлеченными в крупную промышленность, точно так же общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их». И дальше...

«воспитание позволит молодым людям быстро знакомиться со всей системой производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребностей общества или их собственных склонностей. Таким образом воспитание освободит их от той односторонности, к которой вынуждает в настоящее время каждого современное разделение труда».

Создание этих новых людей, очевидно, требует, чтобы все дети обязательно проходили курс, примерно, девятилетки, и чтобы каждый гражданин был не только грамотен, но чтобы он имел ничем не ограниченную возможность изучать детально ряд производств. Только тогда мы будем иметь такое положение, когда, например, инженер может половину своего времени работать за станком, а другую половину — в качестве управляющего мастерской, цехом, фабрикой. Уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом будет изжито, если каждый, работающий на станке, на тракторе, одновременно будет в той или иной мере работником умственного труда и наоборот, когда каждый ученый, профессор, химик и т. д. обязательно одновременно будет выполнять какую-нибудь физическую работу.

Но это между прочим обозначает совершенную перестройку нашей государственной машины.

Никаких специальных советских служащих, т. е. учрежденческих работников, не должно быть. Все бесчисленные учрежденские работники должны будут известную часть времени работать в каком-либо производстве. Учрежденская работа (поскольку останутся управленческие органы) будет выполняться всеми гражданами или по желанию, по выбору, или по очередности, если это потребуется. Вот что обозначает ликвидация противоположности умственного и физического труда.

Сейчас мы за недостатком специалистов вынуждены мобилизовать агрономов, инженеров, строителей и других из учреждений для работы по специальности непосредственно на производстве.

Мы боремся против того, чтобы специалисты работали не по своей специальности, мы заставляем агронома, который может быть не имеет склонности к работе в сельском хозяйстве, все же работать по своей специальности, так как агрономов нехватает, и интересы общества стоят выше интересов отдельных лиц. Такое положение мы вынуждены поддерживать до тех пор, пока у нас будет недостаток специалистов. Следовательно, на ближайший ряд лет мы никак не можем ставить задачу «уменьшить» разделение труда в отношении группы специалистов. Мы, наоборот, будем требовать, чтобы каждый специалист работал по специальности. Лишь после того как мы создадим «перепроизводство» специалистов, и в то же время каждый гражданин будет иметь возможность значительно поднять свою квалификацию; а школы будут выпускать молодых людей, всесторонне подготовленных, — современное узкое разделение труда по специальностям отпадет и станет возможным ликвидация противоположности между умственным и физическим трудом, и этот источник неравенства между людьми будет ликвидирован.

Вот какие сложные задачи стоят перед нами на первой, низшей фазе коммунизма. Играть в таком деле сроками, спорить 7—10 или 15 лет — несерьезно. Важно поставить задачу и наметить пути. Жизнь покажет, когда нужно переходить от одной стадии к другой.

Мы коснулись здесь ряда сложнейших вопросов лишь в самых общих чертах. Мы наметили лишь общее направление решения поставленных проблем. Каждая из этих проблем должна быть подвергнута детальному анализу. Для правильной компоновки генплана мы должны иметь, прежде всего, твердые установки по линии социального разреза плана, по линии организации общества. Не претендуя на исчерпывающее изложение вопроса, мне кажется, что основные вехи мною в настоящей статье поставлены.

Мы подвергли резкой критике левых загибщиков, легкомысленно пытающихся «на-ура» проскочить в высшую фазу коммунизма. Мы показали огромные трудности, которые придется преодолеть в борьбе за «полный» коммунизм. Мы показали примерный процесс постепенного нарастания социализма. Мы отказались в ряде случаев наметить

сроки. Мы считаем, что эти сроки выявятся в процессе строительства. Сейчас важно взять правильное направление. Это не значит однако, что нужно скатиться к самотеку.

На другом полюсе от перегибов и перескоков стоит правая опасность, которая ведет к оппортунистической трактовке вопросов генплана.

Иногда, когда говорят «жизнь покажет», могут надеяться и на то, что авось жизнь покажет как-нибудь иначе, или покажет не так уже скоро.

Под такими «мудрыми» ссылками на жизнь чаще всего скрывается оппортунизм, боязнь революционных сдвигов.

Именно оппортунисты кричат после временных неудач или трудностей: «не надо было начинать».

В наших условиях правая оппортунистическая опасность в отношении генплана заключается в том, что задача построения социализма отодвигается в сторону, и вообще проблема генплана берется под сомнение.

Используя ошибки загибщиков, скажем, по линии строительства социалистических городов, оппортунисты сводят вопрос о социалистическом переустройстве быта к элементарным изменениям индивидуального быта; используя ошибки в форсировании коллективизации, оппортунисты отодвигают задачу социалистической перестройки села в неопределенное будущее.

Сейчас правые настроения в отношении генплана не получили своего законченного очертания, они выявляются чаще всего по отдельным вопросам. Мы решительно выступаем против такого по существу «мещанского» отношения к генплану.

Готовы ли мы однако к тому, чтобы составить сейчас хоть сколько-нибудь жизненный генплан? Нет, пока еще не готовы. Мы находимся лишь в предварительной стадии работ. Рабочая гипотеза тов. Ковалевского — это пока лишь некоторая прикидка, которая может ориентировать нас примерно в масштабе и структуре производства и строительства. Но этого для генплана еще недостаточно. У нас нет еще главного: нет еще конкретной проработки технической реконструкции по важнейшим отраслям народного хозяйства.

Впереди еще огромная работа огромной трудности и сложности. Поэтому мы думаем закончить работу над генпланом лишь в 1½-2 года.

А. Гордон

Планирование в системе социально-экономических и технических знаний¹

Всякая наука формируется из разрозненных элементов, по мере того как познание отдельных фактов и осознание приемов практической деятельности дают материал для классификации и обобщений. Но на определенной стадии практической деятельности, еще до того, как накопились в достаточной степени элементы будущей науки, сама практика начинает повелительно требовать научных обобщений и толкать мысль в неизведанные области, неизменно однако следуя за ней и исправляя ее заблуждения.

Так на наших глазах формируется наука планирования, наука пролетариата, преобразующего мир.

На данной стадии формирования науки о планировании, как и на первых стадиях формирования всякой науки, чрезвычайно трудно отграничить ее от смежных отраслей и указать ее место в системе научных знаний.

Планирование есть практическая деятельность, направленная к планомерному преобразованию существующих общественных отношений производства и существующей системы производительных сил в систему социалистической, а затем и коммунистической организации общества. Эта именно практическая деятельность и лежит в основании учения о планировании, однако последнее не есть простое ее описание. Учение о планировании есть система научных знаний о механизме социалистической реконструкции общества. К нему вполне применимо то определение, которое Энгельс дал марксизму: учение это — не догма, а руководство к действию.

Учение о планировании, как учение о механизме социалистической реконструкции общества, не может не носить следов общества переходного периода, в котором плановый регулятор систематически вытесняет, но еще не вытеснил стихию общественных отношений производства. Однако своей положительной стороной оно обращено вперед: оно основано на предпосылке рационализации общественного процесса в целом до конца. В общественных отношениях, в которые люди в процессе производства вступают друг к другу и к природе, оно изучает те их стороны и те их сочетания, которые позволяют

произвести полную рационализацию общественного процесса¹. Необходимым условием, без которого эта задача неразрешима, является уничтожение общественных классов. Поэтому в обществе переходного периода учение о планировании есть учение классовое не только в том смысле, что механизм социалистической реконструкции есть вместе с тем и механизм построения бесклассового общества, но и главным образом в том, что одним из основных рычагов этого механизма является исключительное господство пролетариата и одним из основных условий, мешающих правильной работе этого механизма, является прямое сопротивление остатков капиталистических классов и инерция колеблющихся промежуточных классов в стране. Учение о планировании в обществе переходного периода есть поэтому система научных знаний о механизме социалистической реконструкции в условиях диктатуры пролетариата и в обстановке еще не закончившейся классовой борьбы.

Рационализировать до конца весь общественный процесс в целом, т. е. обеспечить действительное и точное выполнение плана, построенного на основании заранее поставленной цели, значит — сделать отношения между людьми, возникающие в общественном процессе производства и распределения, такими же ясными и прозрачными и столь же послушными нашей воле, столь же поддающимися нашему воздействию, как и отношения человека к природе. Это значит — ввести в практическую деятельность, направленную к использованию в целях производства общественных связей между людьми, ту же нить технического или, точнее, естественно-научного исследования, то же техническое отношение, какое существует в производстве между человеком и силами при-

¹ В этом смысле планирование народного хозяйства принципиально отличается от того прямого вмешательства государства во взаимные отношения автономных хозяйствующих единиц и от того прямого воздействия на автономную хозяйственную деятельность, которые характеризуют хозяйственную политику капиталистического общества во время войны: не только потому, что «военное планирование» представляет собой аномалию, которая не вяжется с представлением о рационализации общественного процесса, но и потому, что даже эту аномальную рационализацию капиталистическому обществу в условиях для этого чрезвычайно благоприятных не удалось последовательно развить до конца. Проф. Я. М. Букшпан, который в своей книге «Военно-хозяйственная политика» (ГИЗ, 1928 г.) отмечает, «до какой степени приспосаблимости мог дойти под влиянием военной необходимости капиталистический режим без нарушения его основ — частной собственности на средства производства, наследственного права и т. п.» (стр. 36), должен однако признать, что даже в Германии, которая в этом смысле сделала наиболее крупные успехи, регулирование цен было неудачным и имело свое влияние лишь в применении к товарам узко казенного спроса (стр. 99), что в Германии же «регулирование сельскохозяйственного производства было весьма затруднено и мало успешно» (стр. 173). Крупные успехи, по мнению Я. М. Букшпана, были достигнуты в Германии в области регулирования промышленности, где совпадали «задачи государства, не боящегося никаких затрат, лишь бы удовлетворены были потребности ведения войны, и интересы промышленности, которой военные заказы сулили грандиозные прибыли» (стр. 206). Но и здесь «в промышленных кругах назревали оппозиционные настроения против принудительных объединений» (стр. 215), и в своих речах в рейхстаге министр внутренних дел Гельферих разъясняет, что только «под давлением обстоятельств» правительство решило стать на этот путь, с которого оно сойдет, как только «позволят обстоятельства». Но и это «врастание государства в частнохозяйственные организмы», о котором говорит Я. М. Букшпан, описывая мобилизацию промышленности в Германии (стр. 184), относилось лишь к военной и притом крупной промышленности.

¹ В порядке обсуждения. *Ред.*

роды. Но это значит также — изменить одновременно и само техническое отношение общества к природе, т. е. рационализировать до конца общественное отношение к природе.

Здесь не место останавливаться на теории «организованного капитализма». Достаточно указать на то, что невозможность рационализации общественных отношений производства в капиталистической системе хозяйства с непрекаемой очевидностью вытекает из того анализа фетишизма товарного производства, который дал Маркс. Для тех, для кого убедителен этот анализ, не может быть убедительна теория «организованного капитализма»¹. А кого не убеждает «теория», может быть, убедит «практика» современного кризиса в САСШ. Но капитализм не только не в состоянии рационализировать производственные отношения людей, он не в состоянии рационализировать до конца и производственные отношения общества к природе. Известны рассуждения П. Струве об основном дуализме общественно-экономического процесса, в котором якобы есть два ряда явлений, из которых один ряд — отношение человека к природе — может быть рационализированным, т. е. «направленным согласно воле того или иного субъекта», и другой ряд — отношения людей в процессе производства, — «не могущий быть рационализированным, протекающий стихийно вне соответствия с волей какого-нибудь субъекта»². Но любопытно, что этот «основной дуализм» блестяще опровергается самим же П. Струве, совершенно отчетливо выясняющим зависимость техники от данной общественной системы производства, когда он, как настоящий апологет капитализма, подходит к анализу техники — техники, разумеется, в условиях капиталистического хозяйства. «Не может быть», — говорит он, — «технических действий», которые, будучи разумными, не были бы «хозяйственными». «Техника как таковая есть целесообразная деятельность и уже в силу одного этого технической целесообразности, которая не совпадала бы с рациональностью экономической, в хозяйстве быть не может»... «техническое рассуждение, раз хозяйственной целью поставлено его задание, есть рассуждение исключительно и до конца естественно-научное. Но это не значит, чтобы техническое рассуждение возможно было вести отвлеченно от хозяйственного задания, и чтобы

¹ П. Струве. Хозяйство и цена, ч. I, СПб.—М., 1913 г., стр. 60-61.

² Характерно, что один из самых откровенных и, когда он еще не совсем впал в мистицизм, один из самых умных апологетов капитализма — П. Струве, писавший в своей книге «Хозяйство и цена», что «общественно-экономический процесс не может ни сам до конца рационализироваться на основе свободной игры хозяйственных сил, ни быть до конца рационализированным велением какого-нибудь субъекта власти» (стр. 60), должен был признать, что невозможность рационализации общественного процесса в капиталистической системе хозяйства доказана Марксом в его учении о фетишизме товарного производства. То, что доказано Марксом для исторически обусловленной системы хозяйства, П. Струве пытается ввести в абсолютный, «естественный» закон всякого общества, и ошибку он видит в том, в чем как раз заключается величайшая заслуга Маркса, т. е. в том, что невозможности рационализации общественного процесса Маркс приписал чисто исторический характер, обусловленный капиталистическими отношениями собственности и присвоения.

результаты технического рассуждения и технического действия не нуждались в санкции хозяйства»¹. В дальнейшем П. Струве раскрывает характер этой «санкции хозяйства» — ultima ratio капиталистического хозяйства, в подчинении к которому находится капиталистическая техника, как общественная категория. «Экономический процесс, поясняет П. Струве, есть всегда процесс приобретения. Производство, как материальный процесс, существенно для этого экономического процесса, но оно недостаточно для него и не совпадает с ним»².

Товарная форма общественных связей, общественный атомизм ставит непреодолимые преграды как для рационализации общественных отношений, так и для рационализации отношений технических.

Социалистическое планирование есть не только рационализация общественных связей людей между собой, но и одновременно рационализация отношений общества к природе — не отношений отдельного человека к природе, которые уже рационализированы, а именно общественных отношений к природе, столь же «иррациональных» в условиях капиталистической системы хозяйства, как и отношения людей друг к другу в процессе производства. Разрывая индивидуалистическую оболочку, сковывающую социальное содержание техники, планирование является могучим фактором реконструкции техники как определенной формы общественной практической деятельности и как системы научных знаний.

По мере того как растут успехи планирования, т. е. усиливается организованность общества, — общественные отношения производства сбрасывают скрывающий их и придающий им загадочность товарный и правовой покров и превращаются в то, чем они по сути своей и являются, — в отношения людей, связанных между собой технической целесообразностью, т. е. в отношения обозримые, отношения, которые могут быть предвидены, учтены и заранее рассчитаны. Но по мере того как будет происходить этот процесс, технические действия также будут терять свой специфический, отделяющий их от экономики характер — не в том смысле, как это понимает П. Струве, что они будут нуждаться в «санкции хозяйства», а в том смысле, что исчезнет и техника и экономика в современном их понимании и сотрется грань между экономикой и техникой. Экономические действия станут своеобразными техническими действиями и будут отличаться от того, что мы называем техникой не больше, чем например сейчас техника металлургии отличается от техники машиностроения. Экономика станет конкретной, как техника, но и техника станет социальной, как экономика.

¹ П. Струве. Хозяйство и цена, ч. II, СПб., 1915 г., стр. 4.

² Там же, стр. 24. А что такое «приобретение», П. Струве также недвусмысленно поясняет: «Вся экономическая деятельность всякого хозяйствующего субъекта стремится получить большее за меньшее, стремится к реализации положительных ценностных разностей». Там же, стр. 22.

В том огромном перевороте в системе социальных и технических знаний, который несет с собой полная рационализация общественных отношений производства и который в сущности и будет прыжком из царства необходимости в царство свободы, планированию — на стоящей его стадии, т. е. в переходной к социалистическому обществу,—принадлежит роль формирования соответствующей «экономической» и «технической» идеологии. Было бы слишком упрощено и наивно представлять себе планирование научно-исследовательской (экономической и технической) работы формально, как составление и «увязку» между собой годовых и перспективных планов научно-исследовательских работ. Это — внешняя и далеко не существенная сторона планирования. Самым существенным в планировании научно-исследовательской работы является постановка перед экономическим исследованием тех комплексов технических задач, для решения которых требуется найти соответствующую рациональную форму общественных отношений производства, и постановка перед техническим или естественно-научным исследованием тех комплексов общественных производственных отношений, для осуществления которых необходимо достигнуть определенного уровня производительной силы труда.

В синтезе «технического» и «экономического» планирования формируется плановое мышление, которое становится формой мышления десятков миллионов трудящихся, формируется тот новый мир мыслей, в котором сейчас живет и работает советский техник, экономист, педагог, врач и т. п. Планирование представляет собой в советской стране особый вид практической деятельности, которая, чем дальше, тем больше специализируется и выделяется из прочих видов практической деятельности, хотя все виды и формы деятельности в области нашего хозяйства и культуры настолько пронизаны плановым началом, что основы планирования должны быть известны всем и должны стать предметом элементарного образования.

Учение о планировании есть учение о синтетическом планировании, в которое отраслевое планирование входит в своем недифференцированном виде. Отраслевое планирование требует дальнейшей специализации, тесно связанной со специальными отраслевыми техническими и экономическими науками. Это — дальнейшие ступени общей науки планирования, ее специальные ответвления, которые будут складываться по мере того, как в самой практике планирования будут созданы для этого необходимые предпосылки. Планирование пока еще находится на той стадии своего оформления, когда оно осуществляется не «индустриальными», а «кустарными» методами — путем кооперации, основанной не на разделении труда, а на соединении недифференцированного труда общегосударственных и отраслевых плановых органов. Перелом в этом направлении намечается, но он еще не совсем ясен и самим практикам планирования.

Находясь на грани между знанием «экономическим» и «техническим», будущая наука о планировании должна будет впитать в себя

элементы того и другого, будучи более «экономической» в ее синтетической части и более «техникой» в ее отраслевых ответвлениях.

Наиболее трудным является отграничение общего учения о планировании, т. е. синтетической части складывающейся новой науки, от учения об экономике переходного периода («советское хозяйство»), с одной стороны, и от экономической политики — с другой, так как и та и другая области знания также находятся еще в процессе формирования.

Плановый комплекс является отображением в нашем сознании многообразной сложной связи взаимоотношений и взаимодействий между двумя сложными комплексами — между процессами, происходящими в народном хозяйстве, и процессами, происходящими в самой практической деятельности общества, воздействующего на народное хозяйство. Каждый из этих комплексов имеет свою структуру, и до тех пор, пока существует «гетерогения целей» в человеческом обществе, каждый из них имеет свою внутреннюю логику развития, свой принцип и формы самодвижения, из взаимодействия которых слагаются структура и динамика всего сложного социального комплекса¹. Экономика переходного периода и экономическая политика изучают, каждая в своей области, один из этих сложных комплексов — компонентов социального комплекса: экономика переходного периода — структуру и закономерность советского народного хозяйства, закон его движения; экономическая политика — структуру и закономерности самих мероприятий, воздействующих на народное хозяйство². Само собой разумеется, что экономика переходного периода, как система теоретических научных

¹ «... в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые убеждением или страстью, ставящие себе определенные цели. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желанной цели. Но как ни важно это различие для исторического исследования, — особенно отдельных эпох и событий, — оно ни мало не изменяет того факта, что ход истории определяется общими законами. В самом деле, на поверхности явлений и в этой области, несмотря на сознанные и желанные цели людей, царствует кажущаяся случайность. Желанное совершается лишь в редких случаях; по большей же части цели, поставленные себе людьми, приходят во взаимное столкновение и противоречие или оказываются недостижимыми... Действия имеют известную желанную цель, но результаты, вытекающие из этих действий, часто вовсе нежелательны. А если они повидимому и соответствуют желанной цели, то в конце концов они несут с собой далеко не одно то, что было желательно. Таким образом кажется, что в общем случайность одинаково господствует и в исторической области. Но где на поверхности господствует случайность, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам». Фр. Энгельс. Людвиг Фейербах, перев. Г. Плехалова; Г. В. Плеханов, соч., том VIII, ГИЗ, 1923 г., стр. 345-346.

² В речах и докладах Ленина, посвященных науке, можно найти немало глубоких замечаний и ту истинно научную постановку вопросов, откуда наука о советской экономической политике может почерпнуть ряд важных методологических указаний. Совершенно исключительный интерес представляет с этой точки зрения блестящая речь Ленина на Московской губ. парт. конференции 29/X 1921 г., в которой он намечает, так сказать, и разрезы проблем экономической политики: 1) ознакомление и оценка постановлений и законов, касающихся экономической политики; 2) анализ результатов экономической политики и 3) то, что составляет предмет его речи «Вопрос о тактике или, если можно так выразиться, о революционной стратегии и об оценке условий того, насколько эта политика соответствует общему пониманию нами наших задач». см. Собр. соч., т. XVII, ч. I, изд. 1-е, ГИЗ, 1925 г., стр. 355-371.

знаний, не может не учитывать экономической политики государства, как предпосылки для своих обобщений, и — наоборот: экономическая политика, как наука, имеет своей предпосылкой закономерности народного хозяйства, изучаемые экономикой переходного периода. Но это — та связь, которая определяется единством объекта всех социальных наук, единством общественных процессов, в которых «материальное» возникает и изменяется благодаря воле и практической деятельности людей, живущих в обществе, а воля и практическая деятельность людей определяются движением материального процесса и в нем именно «материализуются». Это единство объекта изучения не только не может служить препятствием для раздельного изучения отдельных сторон сложного общественного процесса, а наоборот требует раздельного его изучения, так как в противном случае объект изучения стал бы совершенно необозримым и в силу этого не познаваемым.

Если экономика переходного периода изучает закономерность динамики переходных форм, и если экономическая политика изучает закономерность динамики основных задач, которые себе ставит государство для достижения конечной цели — социализма, то учение о планировании изучает, с одной стороны, самый механизм создания новых форм путем использования существующих в каждый данный момент форм переходного периода для решения определенных задач и, с другой стороны, самый механизм постановки и расчленения конкретных задач в зависимости от «революционной стратегии», определяемой экономической политикой на данном этапе динамики переходных форм. Эта, с виду сложная связь между учением о планировании, экономикой переходного времени и экономической политикой, определяющей место учения о планировании в ряду указанных наук, очень ярко иллюстрируется мыслью, брошенной Лениным по совершенно другому поводу. Говоря о том, что мы начинаем овладевать оборотом между промышленностью и земледелием, что мы начинаем овладевать задачей «уцепиться за наличную, мелкую, отсталую промышленность или за крупную, но ослабленную, разоренную, оживить на данной экономической основе торговлю, дать почувствовать среднему рядовому крестьянину экономическое оживление, воспользоваться этим для более систематической и упорной, более широкой и более успешной работы по восстановлению крупной промышленности», — Ленин замечает: «Всеми и всякими экономически переходными формами позволительно пользоваться и надо уметь пользоваться, раз является в том необходимость для укрепления связи крестьянства с пролетариатом для немедленного оживления народного хозяйства в разоренной и измученной стране, для подъема промышленности, для облегчения дальнейших более широких и глубоких мер, как то электрификации¹. Учение

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, ГИЗ, 1925 г., 1-е изд., стр. 381. «О значении золота теперь и после полной победы социализма».

о планировании и должно дать представление о том, как пользоваться всеми формами для решения задач, диалектически возникающих в процессе социалистического преобразования общества.

Планирование рационализирует и организует народное хозяйство, но оно не есть деятельность, направленная на рационализацию и организацию отдельных предприятий или их комбинатов — внутри или межотраслевых — как бы обширны последние ни были. Там, где отношение социалистического обобществления — диалектическое единство производительных сил и общественных отношений — расщепляется, там нет планирования, а есть техническая деятельность по организации производства и управления, хорошо известная и капиталистическому обществу, создавшему ряд дисциплин по рационализации, по «планированию» предприятий и научной организации труда¹. Расширяя объем планирования до «планирования» работы отдельных предприятий или их комбинатов, мы настолько обесцвечиваем понятие планирования, что оно по своему содержанию совпадает с понятием всякой административно-организационной и технико-нормировочной производственной деятельности. То обстоятельство, что предприятия или их объединения не только имеют «планово-распределительные» бюро, но и работают по определенным планам, не должно нас вводить в заблуждение относительно истинного характера этого вида «планирования». Составление технических торгово-производственных и финансовых планов — долгосрочных (перспективных) и краткосрочных (годовых и квартальных) — отдельных предприятий и комбинатов не есть особенность только нашей системы хозяйства. Техническое совершенство форм организации и рационализации и формальная точность расчета в каждом отдельном из предприятий и концернов, разобщенных отношением собственности, представляют собой высшую ступень «планирования», на которую способно подняться капиталистическое хозяйство². Планирование отдельных предприятий, которое в капиталистической системе вырастает из рыночных отношений и на эти рыночные отношения ориентируется, окрашивает это «планирование» в «народнохозяйственный» цвет. Но то обстоятельство, что в условиях товарно-денежных связей некоторые элементы такого «народнохозяйственного» планирования отдельных предприятий сохраняются еще у нас, не дает оснований некритически переносить понятие планирования на работу наших предприятий промышленных, сельскохозяйственных, транспортных и т. п. — на работу по существу организационно-рационализаторскую, стирая грань между регулятором народнохозяйственного процесса и регуляторами разобщенных производственных процессов. Правда, организационно-рационализаторская работа и планы отдель-

¹ См. нашу статью «Синтетическое планирование и организация планового факультета в составе соц.-экономического вуза», «Плановое хозяйство», 1930 г., № 1.

² См. например о планах в американской промышленности — А. М. Гинзбург. «Очерки промышленной экономики», ГИЗ, 1930 г., стр. 231—239.

ных предприятий, находящиеся в капиталистическом обществе исключительно под воздействием рынка и им определяемые, строятся у нас под воздействием принципиально иного начала — плана народного хозяйства, как плана социалистического преобразования общества. С этой точки зрения и «планирование» отдельных предприятий у нас принципиально иное: заимствуя совершенство форм организации и рационализации, как и совершенство техники, у капиталистического общества, мы не только вкладываем в эти формы иное содержание, но и преобразуем самые формы, превращая их в рычаги социалистической реконструкции. Тем не менее смешивать то, что находится под воздействием планирования и что служит целям планирования, с самим планированием было бы грубой методологической ошибкой, способной затемнить содержание планирования, как особого, свойственного только советской системе хозяйства, вида практической деятельности. Так называемое «планирование» работы предприятия есть объект народнохозяйственного и отраслевого планирования, как и научно-исследовательская работа, как и капитальное строительство и т. п., но само оно, подобно научно-исследовательской работе, капитальному строительству, производству и т. п., представляет собой конкретную хозяйственную деятельность, а не планирование, несмотря на то, что оно носит это название. Тождественность терминологии не должна нас вводить в заблуждение относительно различной природы и сущности этих двух видов хозяйственного строительства. Поэтому наука планирования как в своей синтетической части, так и в своих специальных отраслевых ответвлениях, заимствуя материал из всех видов конкретной хозяйственной и культурной работы, в том числе и из так называемого «планирования» предприятий, не может делать содержание последнего своим объектом.

Основные особенности народнохозяйственного планирования проявляются, правда в модифицированном виде, и в планировании отдельных отраслей, т. е. в том планировании, которое даже в разобленном от планирования народного хозяйства виде недоступно в более или менее последовательно развитых формах капиталистическому обществу. Здесь наука планирования в своих отраслевых ответвлениях сталкивается с так называемыми специальными экономическими науками — экономией промышленности, экономией транспорта, экономией сельского хозяйства и т. п. Специальные (отраслевые) плановые дисциплины сравнительно легко отграничить от тех специальных «экономик», которые нам дает буржуазная экономическая мысль, но их очень трудно отграничить от того, что нам должны давать (и уже начинают давать) «экономия советской промышленности», «экономия советского сельского хозяйства», «экономия советского транспорта», советские «финансы» и т. п. Рассматривая отдельные отрасли в аспекте народнохозяйственном, пропитываясь все больше и больше телеологическим началом с тем субстратом социалистического обобщения, который присущ народнохозяйственному планированию,

специальные экономические науки все больше и больше превращаются в системы научных знаний о социалистической реконструкции соответствующих отраслей, т. е. в специальные ветви общей науки планирования. В такую же ветвь науки планирования, а именно в науку о районной организации хозяйства превращается и традиционная экономическая география.

Общее учение о планировании, как синтетическая часть науки планирования, могло бы быть разбито на два крупных подразделения: I — планирование и II — построение народнохозяйственных планов. Связующим звеном между этими двумя частями должно стать оформление планирования, т. е. анализ правовой и технико-организационной природы плановых актов и анализ самого плана (или планов) народного хозяйства, как формы планирования. Здесь наука планирования смыкается с наукой советского права, в частности с хозяйственным правом.

Первая часть общего учения о планировании могла бы быть, в свою очередь, расчленена на два раздела: 1) учение о плановых комплексах и 2) учение о механизме планирования.

Учение о плановых комплексах должно дать представление о структуре синтетического планового комплекса и о его дальнейших расчленениях (морфология планирования), о временных координатах планирования, т. е. о рычагах оперативного и перспективного планирования и о связях между ними, о пространственных координатах планирования, т. е. о районном планировании в его связи с планированием народнохозяйственного целого.

Учение о механизме планирования должно дать представление о механизме преодоления «гетерогении целей» в советском хозяйстве, о прямом и косвенном действии актов планирования, об их рефлексном действии, о реакции на акты планирования, в том числе и о реакции социальной среды (классов), о пределах планирования и о методах систематического расширения пределов планирования.

Вторая часть — построение народнохозяйственных планов — может быть разбита на три подразделения: 1) основные принципы методики народнохозяйственного плана и их оценка: определяющие и определяемые элементы плана, метод вариантных приближений, метод динамических коэффициентов и экстраполяции, метод научной экспертизы, балансовый метод, проблема оптимума в плане, проблема резервов, проблема производительности и эффективности в плане, проблема организационная в плане и т. п.; 2) статистическое и численное оформление плана и пределы этого оформления; 3) методика отдельных планов — генерального, перспективного, контрольных цифр, территориальных планов.

Завершением общего учения о планировании является организационное оформление планирования, т. е. анализ орга-

низации плановой работы как системы плановых органов, единой в ее кажущейся разорванности.

Практика планирования достигла такого уровня, когда ее успехи уже находятся в зависимости от того, насколько теория успела осознать и осветить огромный и богатый опыт социалистического строительства. Чем дальше — тем эта зависимость практики от теории будет становиться все более и более непосредственной. Теория планирования становится частью плановой практики и уже по одному этому она должна приковать к себе общественное внимание и стать предметом коллективной научной работы экономистов и техников.

В. Зарзар

Проблема реконструкции хозяйства связи СССР

(К пересмотру пятилетнего плана хозяйства связи СССР)

Работа Госплана СССР по пересмотру пятилетки связи закончена и правительством Союза в основном утвержден новый пятилетний план развития хозяйства связи нашей страны.

В результате трехмесячной работы совместно с НКПиТ, НКПС и ВЭО Госплан принял ряд ответственных решений о материальном и финансовом выражении новой пятилетки, развернув масштабы строительства большими темпами в соответствии с потребностями бурного развития совокупного народного хозяйства СССР.

Совершенно очевидно, что эта работа опирается на ряд основных социально-экономических положений, и поэтому нельзя было бы понять новой пятилетки связи, если бы мы не представили себе ясно социально-экономической структуры хозяйства связи, если бы мы не представили себе совершенно ясно ту роль, то место, тот удельный вес, которые принадлежат связи в системе развернутого обобществленного народного хозяйства социалистического типа.

В 1928 г. докладчик на президиуме Госплана СССР от НКПиТ, заместитель наркома тов. А. М. Любович, начал доклад о первом варианте пятилетки с очень грустной констатации.

Он заявил: «Я должен с самого начала предупредить, что наши цифровые расчеты страдают целым рядом недостатков, но основные направления развития в пятилетке мы можем считать проработанными более внимательно. Такие же вопросы как себестоимость, зависимость ее от народного хозяйства у нас проработаны все же недостаточно полно и всеобъемлюще. Мы не могли их проработать в силу того, что наша система отчетности в значительной степени приспособлена к сметно-бюджетному существованию, благодаря которому нет возможности проанализировать ряд экономических проблем и вопросов. Этим положением мы обязаны также в значительной степени и тому, что связь до последнего времени не рассматривалась как элемент народного хозяйства. Она до сих пор рассматривалась очень часто, особенно нашими товарищами из НКФина, как обычное канцелярское учреждение, которое никакого родства с хозяйством страны не имеет»¹.

¹ „Контрольные цифры перспективного плана развития хозяйства связи на 1923/29—1932/33 гг.“ (доклад замнаркомпочтеля т. Любовича А. М. на президиуме Госплана СССР 24/VIII 1928 г. (М., изд. НКПиТ). Разрядка здесь и ниже наша. В. З.

Вот та принципиальная установка, с которой Наркомпочтелю приходилось бороться, делая первый большой выход на арену реконструкции хозяйства связи.

Само собою разумеется, что, только преодолев целый ряд предрассудков в отношении хозяйства связи и его роли в народном хозяйстве в целом, можно притти к правильным выводам.

Необходимо специально осветить вопрос о том, что хозяйство связи является вполне законной отраслью народного хозяйства, без которой немыслима развернутая система не только социалистического хозяйства и хозяйства переходного к нему этапа, но даже и та система хозяйства, которая предшествует им, — система капиталистического хозяйства.

**

К. Маркс в первом томе «Капитала» говорит следующее: «Кроме тех предметов, посредством которых труд воздействует на предмет труда, и которые служат поэтому в той или иной мере проводниками его деятельности, к средствам процесса труда относятся в более широком смысле все материальные условия, необходимые для того, чтобы процесс мог вообще совершаться. Прямо они не входят в него, но без них он или совершенно невозможен или может происходить лишь в несовершенном виде»¹. Под этими общими условиями труда необходимо на ряду с прочими и притом далеко не в последнюю очередь понимать проблему преодоления пространственной и временной разобщенности в общем, частном и единичном разделении труда современного общества².

Мы позволим себе бегло коснуться характеристики развернутого общего процесса производства.

«Во всяком производственном процессе, — говорит Маркс в другом месте «Капитала», — большую роль играет перемещение предмета труда и необходимые для того средства труда и рабочей силы: хлопок например передвигается из кардировочной мастерской в прядильню, уголь поднимается из шахты на поверхность. То же явление, но в большем размере повторяется при переходе готового продукта, как готового товара, из одного места — самостоятельного места производства — в другое, пространственно отдаленное от него. За транспортировкой продуктов из одного места производства в другое следует транспортировка готовых продуктов из сферы производства в сферу потребления. Продукт только тогда готов к потреблению, когда он закончил это передвижение»³.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 151-152. Изд. 1923 г.

² См. там же, стр. 361, относительно революции «в общих условиях общественно-производственного процесса, т. е. в средствах сношений и транспорта».

³ Там же, том II, стр. 123.

Мы видим здесь в очень сжатом и ярком виде характеристику современного связанного процесса производства. Этот процесс обладает рядом последовательностей. Без этих последовательностей, без точно выдержанной последовательности в отдельных отраслях и в производстве в целом: между цехами одного и того же завода, между отдельными видами производства, например добывающей и обрабатывающей индустрии и т. д., без этой последовательности, организованности, четкости и надежности смен процессов не может быть нормального течения производства.

Но сложность этого процесса отнюдь не ограничивается лишь самой сменой последовательных процессов производства.

Маркс указывает: «Между тем очевидно, что производительный капитал в весьма различных размерах может быть в скрытом состоянии или составлять запас. Например большая разница, должен ли прядильщик заготовить запасы хлопка или угля на три или один месяц. Таким образом, возможно, что этот запас относительно уменьшается, хотя абсолютно он увеличивается. Это зависит от различных условий, но в главном они все сводятся к той быстроте, регулярности и надежности, с которыми может быть доставлена масса сырого материала, необходимая для того, чтобы никогда не произошло перерыва в производственном процессе. Чем менее соблюдены эти условия, чем следовательно менее правильно, верно и скоро совершается доставка, тем значительно должна быть у производителя скрытая часть производительного капитала, т. е. еще ожидающий своей обработки запас сырых материалов и т. д.»¹.

Само собою разумеется, что маневрирование запасами может быть тем успешнее, чем более развернута и приспособлена для связанного совокупного процесса производства система транспорта и сношений.

Маркс напоминает, что «последовательность в пространстве, обуславливающая непрерывность производства, существует однако только благодаря движению частей капитала, во время которого они одна за другой описывают различные стадии. Самая последовательность в пространстве есть лишь результат последовательности во времени»².

Совершенно очевидно, что нарушение последовательности в производственном процессе, заминки и диссонансы в нем вызывают соответствующие последствия, резко дезорганизуя весь процесс производства в целом.

Маркс указывает, что «всякая остановка последовательного движения частей приводит в беспорядок их последовательность в пространстве, всякая остановка на одной стадии влечет за собою остановку во всем кругообороте не только той части капитала, движение

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 114-115.

² Там же, стр. 77.

которой остановилось, но и в кругообороте всего индивидуального капитала»¹.

«Напротив, если различные части капитала проделывают кругооборот одна за другой, так что кругооборот всей капитальной стоимости осуществляется в последовательном кругообороте ее различных долей, то ясно, что чем длиннее тот промежуток времени, в течение которого составные части капитальной стоимости задерживаются в сфере обращения, тем меньше будет та ее часть, которая постоянно функционирует в сфере производства. Расширение и сокращение времени обращения играет поэтому роль отрицательного предела для сокращения или расширения времени производства или той степени, в которой капитал данной величины функционирует как производительный капитал»².

Не подлежит никакому сомнению, что при широкой системе развитого транспорта и блестяще организованной системе связи можно сократить до минимума резервы скрытого запаса капитала, всемерно уменьшить ту долю средств и предметов производства, которые ожидают своего ввода в производство либо в потребление.

Маркс говорит, что «быстрота, с которой продукт одного процесса может перейти в качестве средств производства в другой, зависит от развития средств транспорта и сношений. Дешевизна транспорта играет при этом большую роль»³.

Совершенно ясно, что и дешевизна связи при этом также играет весьма заметную роль.

Громадное значение имеет в процессе производства так называемый рабочий период⁴, т. е. тот период, который падает на производство какого-либо продукта, готового к промышленному или человеческому потреблению.

Значение сокращения рабочего периода, т. е. сокращение того периода, в течение которого и орудия производства, и материалы, и рабочая сила заняты в производстве определенных вещей, легко можно было проследить из всего, сказанного выше.

Совершенно очевидно, что чем выше уровень развития совокупных производительных сил, тем больше рабочий период сокращается.

Совершенно очевидно, что чем ближе источники энергии, источники сырья находятся к месту производства, тем более рабочий период становится короче, — иначе говоря «недостатки» экономической географии, обуславливаемые естественными причинами, могут быть очень и очень исправляемыми развитием транспорта и связи в самом широком смысле этого слова.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 77.

² Там же, стр. 98.

³ Там же, стр. 115.

⁴ Там же, стр. 200—203-204.

Маркс подчеркивает, что «вследствие развития средств транспорта и сношений относительные различия могут изменяться таким способом, который не соответствует географическим расстояниям»¹.

В другом месте, говоря относительно плотности населения, играющей первоклассную роль в организации производства, Маркс указывает, что «плотность населения есть нечто относительное. Страна, сравнительно слабо населенная, но с развитыми средствами сообщения, обладает более плотным населением, чем более населенная страна с неразвитыми средствами сообщения; в этом смысле северные штаты американского союза (даже его времени. В. З.) населены плотнее, чем например Индия»².

Исходя из полной оценки значения транспорта и сношений в совокупном процессе общественного производства, Маркс дает следующую развернутую характеристику этой отрасли производства:

«Капиталистический способ производства уменьшает издержки транспорта для отдельных товаров как посредством развития средств транспорта и сношений, так и посредством концентрации, увеличения масштаба транспорта. Он увеличивает ту часть общественного труда как живого, так и овеществленного, которая расходуется на транспортирование товаров, увеличивает, потому что, во-первых, превращает огромное большинство всех продуктов в товары и, во-вторых, заменяет местные рынки отдаленными рынками.

Действительное передвижение, т. е. фактическое обращение товаров в пространстве, сводится к транспорту товаров. С одной стороны, транспортная промышленность представляет самостоятельную отрасль производства, а потому и особую сферу приложения производительного капитала. Но, с другой стороны, она отличается тем, что представляется продолжением производственного процесса в процессе обращения и для процесса обращения»³.

Мы можем перенести в полном объеме эту характеристику, данную Марксом транспорту, как отрасли производства, обслуживающей обращение в широком смысле слова и служащей для процесса обращения, и на связь. Связь пронизывает всю систему производства и обращения. Связь способствует организованности и сглаживает явления диссонанса и в процессе производства и в процессе обращения. Правда, люди больше привыкли замечать связь тогда, когда она отсутствует, или тогда, когда она особенно остро нужна, так сказать, в момент диссонанса, и меньше привыкли чувствовать и понимать значение связи тогда, когда этих диссонансов нет. Между тем связь, повторяем, пронизывая оба процесса — и производства и обращения, является, если можно так выразиться, нервной системой, по которой

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 222.

² Там же, т. I, стр. 331.

³ Там же, т. II, стр. 124.

токи руководства, инструктирования, оперативных сводок, увязки в узком и широком смысле и т. д. получают законченное выражение.

Специфическая природа продукта труда, занятого в хозяйствах транспорта и связи, иногда недостаточно четко понимается товарищами, пробующими анализировать этот вопрос. Между тем совершенно ясно, что не только материальная вещь, вещественный продукт составляют продукт производительного труда, но и «полезный эффект»¹, не создающий нового вещественного продукта, является не менее «законным» и общественно-полезным продуктом производительного процесса. Здесь в первую очередь необходимо иметь в виду транспорт и связь.

Маркс по этому поводу специально указывает, что «существуют самостоятельные отрасли промышленности, где продукт производственного процесса не является новым вещественным продуктом, товаром. Из этих отраслей важна в экономическом отношении только промышленность сношений, будет ли то промышленность собственно транспорта товаров и людей или передачи только сообщений, писем, телеграмм и т. д.»².

Делая отсюда основной вывод, надо сказать, что хозяйство связи является самостоятельной отраслью народного хозяйства, — это первый вывод, и второй вывод — связь является такой отраслью народного хозяйства, которая, обслуживая и производство и обращение, «проникает» во все остальные отрасли народного хозяйства.

Поэтому Маркс определенно указывает, что «возрастает и та часть общественного богатства, которая вместо того, чтобы непосредственно служить средствам производства, затрачивается на средства транспорта и сношений и на основной и оборотный капитал, требующийся для их деятельности»³. Эти указания являются вполне достаточными для того, чтобы серьезно увеличить часть нашего общественного богатства, направленную на постановку на высокую ступень и с широким размахом и нашего хозяйства связи.

**

Хозяйства транспорта и связи развиваются закономерно, как закономерно протекает и все развитие хозяйственных форм общественного производства. Социально-экономические и технические перевороты в промышленности вызывают необходимость в соответствующем перевороте в хозяйстве транспорта и сношений. Это настолько очевидно, что мы этот факт чувствуем теперь с особой остротой. Мы чувствуем, что наше неразвитое и сильно отсталое хозяйство связи превращается уже в путы, в тормоза, которые известным образом ограничивают возможности максимально эффективного использования нашего совокупного народного богатства.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 28 и др.

² Там же, стр. 28.

³ Там же, стр. 224.

Обратимся к выдержке из I тома «Капитала», которая говорит об этом вопросе совершенно недвусмысленно:

«Революция в способе производства промышленности и земледелия, — говорит Маркс, — сделала необходимой революцию в общих условиях общественно-производственного процесса, т. е. в средствах сношений и транспорта. Средства сношений и транспорта такого общества, средоточием которого, употребляя выражение Фурье, были мелкое земледелие с его подсобной домашней промышленностью и городское ремесло, далеко уже не удовлетворяли потребностей производства в мануфактурный период с его расширенным разделением общественного труда, с его концентрацией средств труда и рабочих, с его колониальными рынками, а потому и на самом деле претерпели переворот. Точно так же и средства транспорта и сношений, завещанные мануфактурным периодом, скоро превратились в невыносимые путы для крупной промышленности с ее лихорадочным темпом производства, ее массовыми размерами, с ее постоянным перебрасыванием масс капитала и рабочих из одной сферы производства в другую и с созданными ею новыми связями, расширяющимися в мировой рынок. Не говоря уже о парусном судостроении, претерпевшем полный переворот, в деле сношений и транспорта совершилось поэтому при помощи системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов постепенное приспособление к крупнопромышленному способу производства»¹.

В «Коммунистическом манифесте» Маркса и Энгельса телеграф приводился как высшая точка в технических достижениях современного им капиталистического общества, а теперь мы знаем, что телеграф находится на такой ступени, что он обгоняется другими более совершенными средствами сношений, что он приближается к тому моменту, когда его можно будет сдать в архив производительных сил.

Эта тенденция к уменьшению удельного веса телеграфа еще не значит, что мы должны завтра ликвидировать телеграф, не имея должного уровня телефонизации и особенно радиофикации страны. Но вместе с тем совершенно ясно, что развернутая система социалистического хозяйства потребует уже радикального технического и организационного переворота во всем хозяйстве связи нашей страны, ибо здесь мы уже наблюдаем те же явления, которые Маркс наблюдал в капиталистическом обществе, когда с завершением пройденного периода хозяйственного развития унаследованная система транспорта

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 361-362.

и связи стала уже являться путями, тормозом для тогда еще передового крупного промышленно-капиталистического хозяйства.

Мы должны самым определенным образом зафиксировать то положение, для нас абсолютно долженствующее быть бесспорным, что социалистическая реконструкция всего хозяйства СССР вызывает скачок в реконструкции и развитии средств связи и ее хозяйства.

Каковы же контуры реконструируемого на социалистической базе нашего нового хозяйства?

Во-первых, индустриализация страны, — индустриализация, опирающаяся на электрификацию, на создание мощнейшей энергетической базы, на основе значительного изменения промышленной географии в СССР в связи с богатствами недр и с.-х. технического сырья. Нужно сказать, что если, как говорил Маркс, промышленная революция XVIII века была обусловлена революцией в исполнительном аппарате, т. е. третьем звене машины, то современная нам социалистическая революция в производстве обуславливается революцией в первом звене, т. е. в источниках энергии, и когда Ленин, говоря о социализме, сказал, что это есть «Советская власть плюс электрификация», то он имел в виду именно этот элемент.

Отсюда для нас вытекают очень большие последствия. Эти последствия заключаются в том, что мы будем видеть перемещение наших основных промышленных гигантов в новые районы, мы будем замечать появление на нашей народнохозяйственной арене таких районов, которые раньше играли незначительную роль. Возьмем Казакстан, Восточный Урал, Кузнецкий бассейн, Эмбанефть и т. д. и целый ряд районов, которые раньше для связи и для промышленности не существовали, теперь же они призываются к жизни. Это первый вопрос.

Второй вопрос — это то, что эти районы количественно обрастают и осложняются таким образом, что появляется целый ряд новых экономических образований большого масштаба, которые могут быть в настоящее время имеют какие-нибудь почтово-телеграфные конторы, но которым очевидно придется превратиться в огромные центры связи.

Второй элемент строительства социализма — это социалистическая переделка раздробленного, мелкотоварного крестьянского хозяйства и превращение его в систему крупного механизированного социалистического сельского хозяйства. Здесь появляется на сцену такой мощный производственный потребитель связи, которого мы раньше могли почти что не замечать. Разве не странно слышать о том, что целый ряд наших писем до адресата не доходит, что 100%-ного обслуживания почтой у нас нет, а есть всего лишь 45%?

Разве не странно слышать о том, что целый ряд колхозов и совхозов пока что осуждены на то, чтобы не иметь телефона? Совершенно ясно, что социально-экономический переворот в сельском хо-

зяйстве, создание крупного социалистического сельского хозяйства вызывает совершенно новые и исключительные задачи в области связи.

Наконец в перспективе преодоления нэп с ее торговлей, ограничиваемой регулированием со стороны пролетарского государства, появляется на сцену организация системы совокупного продуктообмена в пределах социалистического хозяйства Союза — это третий элемент социалистической реконструкции.

Реконструкция этих элементов вызывает качественно отличные и количественно усложненные потребности в связи.

Ясно, что основной капитал хозяйства связи, его оборудование не может рассчитываться на какие-либо два-три года, что этот основной капитал должен рассчитываться на целый исторический период.

Мы не можем конструировать пятилетку, не поставив перед собой вопроса о том, каковы же тенденции и предпосылки развития хозяйства уже в системе генерального плана.

Поэтому совершенно очевидно, что мы, разрабатывая второй вариант пятилетки, ставя его во всей широте, вводя в этот вариант целый ряд реконструктивных мер, должны с полной ясностью учесть, что этот новый вариант пятилетки является фундаментом социалистической системы связи в СССР, так как это хозяйство, которое мы закладываем теперь, должно будет отслужить некоторый, большой или малый (это видно будет) исторический период.

Нужно сказать, что очень многие не представляют себе ни размаха этого строительства, ни качества его, ни той системы, которая со всей неумолимостью из этого вытекает. Одно время в Наркомпочтеле господствовали такие настроения, о которых можно было бы сказать, что Наркомпочтель недостаточно во-время начал становиться на путь реконструкции.

В первой пятилетке связи¹ например имелись такие вещи, как то, что в пятилетке на пятый год намечался по отношению к 1913 г. обмен телеграммами только в 62% (sic!), т. е. было намечено, что с ходом нашей пятилетки телеграфный обмен должен был оставаться позади довоенного уровня. Это — тенденция, которая совершенно непонятна тогда, когда мы начали быстро реконструировать наше совокупное народное хозяйство. Совершенно ясно, что оценка тенденций развития хозяйства связи, как относительное уменьшение обмена связи в социалистическом секторе народного хозяйства с развитием плановости и рационализации товаропроводящего аппарата, как предполагал Наркомпочтель в 1928 г., неполна, неосторожна и поэтому, неправильна.

Конечно плановое хозяйство обуславливает уменьшение, а затем и прекращение связи рыночного порядка. Это бесспорно. Совершенно бесспорно также, что по мере роста производительных сил ко-

¹ См. упомянутый доклад А. М. Любовича.

личество обмена связи уменьшается на единицу продукции. Также совершенно верно, что на одного рабочего количество производимой продукции увеличивается, или иначе — на единицу продукции количество рабочих тоже падает, но что из этого следует? Отсюда не следует, что дело идет об «отмирании» рабочего класса, наоборот дело идет к тому, что мы будем иметь при коммунизме наибольшее втягивание всего трудоспособного человечества в производственный процесс. Отсюда совершенно естественная аналогия вытекает и для связи. Дело в том, что по совершенно очевидной постановке вопроса, которую делает Маркс, система связи, которая была достаточной для мануфактурного периода, обратилась в путы для капиталистического производства в его развернутом виде. Эпоха монополистического капитализма вызывает новый взрыв в обмене, огромный качественный сдвиг и большой количественный рост. Такой же огромный скачок закономерен, и мы уже чувствуем это давление и при переходе от капитализма к социализму.

Мы коснулись так называемой теории «отмирания» связи, потому что у нас сегодня основным вопросом является не вопрос о том, нужно ли сдерживать развитие связи, а вопрос о необходимости огромного роста связи. Нужно сказать, что в данный момент нас интересует не вопрос о том, будет ли и когда будет связь отмирать, — наоборот нас интересует скачок в развитии связи, поэтому с этой точки зрения мы акцентируем внимание на данном вопросе. Это одна сторона дела.

Другая сторона дела — значение этого обмена в новом хозяйстве — неизмеримо увеличивается. Ошибка планирования стоит иногда очень и очень дорого, и поэтому своевременная связь иногда решает судьбы целых промышленных кампаний. Стоит только перенестись в сферу военных действий, как для каждого делается бесспорным, что отсутствие связи между войсками и штабами решает иногда судьбы кампании. Поэтому нужно сказать совершенно определенно, что по мере дальнейшего хода социалистической переделки народного хозяйства связь не только не будет сокращаться, т. е. не будет иметь тенденций к «отмиранию», а наоборот — она будет иметь тенденцию и уже имеет тенденцию к повышению.

Не нужно оценивать того взрыва в потреблении связи, который имел у нас место за последние полугодия, как только конъюнктурные колебания: это — остатки представлений о связи, как об орудии, которое помогает обходиться в моменты диссонанса в последовательности производства. Нужно оценивать это явление роста обмена как вполне закономерный процесс, соответствующий тому, что мы взяли очень и очень решительно во многих областях за реконструкцию и новое строительство, что темпы его обуславливают этот рост связи.

Мы имеем определенное наследство, которое наше пролетарское государство завоевало в результате Октябрьской революции. Это наследство нужно будет использовать. Но во всяком случае ни первый

вариант пятилетки ни второй вариант не могли строиться таким образом, чтобы переждать доамортизацию имеющихся ресурсов, а потом начать строить. Вместе с тем эти ресурсы нужно будет использовать максимально разумно, амортизировать их по мере действительного появления новых технических средств.

Мы имеем очень любопытное явление — это то, что наше хозяйство связи является более отсталым, чем то в свою очередь отсталое промышленное наследство в целом, которое рабочий класс у нас завоевал. Вообще нашему пролетариату приходится страдать от этой унаследованной отсталости. В предисловии к I тому «Капитала» Маркс писал, говоря о Германии 50—60-х гг. XIX века: «Мы, как и другие страны западно-европейского континента, страдаем не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития»¹.

Так как политические и общественные стародавние отношения мы ликвидировали в итоге Октябрьской революции и доликвидируем корни капитализма в сельском хозяйстве в процессе ликвидации кулачества как класса, то эта сторона дела для нас достаточно обеспечена. Но вместе с тем мы видим такой факт, что относительно значительной отсталости капиталистического развития России сопутствовала еще большая отсталость хозяйства связи. Это было вполне закономерно для того режима, для той системы, которая господствовала на российской территории до 1917 г. Эта система, как великолепно определяют работники НКПиТ, имела такие характерные черты: во-первых, она удовлетворяла в первую очередь административно-полицейским потребностям господствующего дореволюционного класса; во-вторых, аппарат, управлявший этим хозяйством, являлся сверхбюрократическим аппаратом, который меньше всего заботился и мог заботиться о развитии этого хозяйства, как отрасли совокупного производства; наконец частные телефонные компании достаточно хищнически эксплуатировали телефонное городское хозяйство. Все это не могло не привести к тому, что мы унаследовали очень и очень отсталое хозяйство связи.

Мы должны подчеркнуть вместе с тем тот факт, что мы обладаем тем, что можно назвать «привилегией» отсталости. Хотя это очень печальная привилегия, все-таки она дает нам возможность пере скакивать через некоторые пройденные технические ступени, т. е. избирать новейшие образцы и ускорять сроки введения их в жизнь. Это обстоятельство для нас является первоочередным, так как те качественные показатели, которые должны быть поставлены во главу угла, являются сильно отстающими. Поэтому, когда мы будем строить новое огромное хозяйство связи, оно должно опираться на качественные технические показатели реконструкции.

Мы полагаем, что, когда мы сможем поставить новые образцы, старое недоамортизированное имущество можно будет спокойно вы-

¹ Капитал, т. I. Предисловие, стр. 12.

бросить как хлам. Мы считаем, что нам совершенно не нужно ставить, как основную задачу, обязательно доамортизировать тот хлам, который исторически нами унаследован. Нет! Нас сегодня сдерживают возможности технической реконструкции, но как только мы сможем обеспечить себя в этом отношении, мы должны не пожалеть пятачков по недоамортизированному имуществу и выбросить его безжалостно в мусорную яму истории.

Поэтому не нужно расширительно понимать вопрос об использовании и максимально полной амортизации нашего технического наследства в хозяйстве связи, а нужно решительнее преодолеть эти недостатки в развитии хозяйства связи. Нужно сказать совершенно определенно, что реконструкция хозяйства связи СССР должна содержать в себе коренной пересмотр как количественных, так в особенности и качественных показателей.

**

Наша новая пятилетка связи должна иметь в виду три основные области интересов. Первая область (тут мы тоже не должны отходить от элементов производственного значения) — это связь внутрипроизводственного характера, то, что Маркс понимал в общей схеме разделения труда, как «единичное» разделение труда (im Einzelnen).

Вторая ступень, второй элемент системы связи — это связь посредствующего характера в производстве и обмене по горизонтальной и вертикальной линиям, что несколько условно будет соответствовать второй ступени разделения труда, которое Маркс называл «частным» (im Besonderen).

Третья ступень системы связи — связь совокупного общегосударственного значения, — то, что соответствует марксовому «общему» разделению труда (im Allgemeine).

Наконец, большие количественные усложнения в схему связи вносят специфические интересы транспорта с его особой сетью обороны, культуры и быта.

Нужно сказать, что вся система культуры опирается полностью на всю систему производственных процессов. Также и быт строится вокруг процесса материального производства. Оба эти «потребителя» количественно и частью качественно (радио) усложняют средства связи.

Под связью внутрипроизводственного характера необходимо понимать связь в пределах завода, фабрично-заводского комбината, агро-индустриального комбината, совхозов, колхозов и других учреждений.

Обращаясь к тому, что у нас теперь есть, нужно сказать, что в большинстве случаев на наших заводах и фабриках если и имеется телефонная электрическая связь, то достаточно отсталого типа. Автоматической телефонной, действующей без отказа, действующей немедленно, совершенно четко, как правило, на наших предприятиях почти нет.

Низовой телефонии (ниже районов) ни автоматической ни даже неавтоматической у нас нет: только в совхозе «Гигант» есть слабенькая телефонная сеть. Между тем в текущем году имеется несколько тысяч колхозов с миллионами объединенных крестьянских хозяйств.

На заводах, в фабрично-заводских комбинатах и учреждениях можно общаться лично, можно пользоваться курьерской почтой, посылать записки и т. д. Но здесь, вместе с тем, со всей резкостью встает вопрос о скоростной автоматически действующей связи, дающей возможность дирекции связываться с каждым заводским звеном и звеньям — между собой. Современные, без отказа, непрерывно, спокойно действующие предприятия немыслимы без такой развернутой и совершенно четкой работы внутрипроизводственной связи. Нужно сказать, что хозяином внутризаводской сети должно быть само предприятие, само учреждение, так как НКПиТ не мог бы справиться с тем, чтобы ввести в свою орбиту внутреннюю телефонию предприятий и учреждений.

Что касается сельского хозяйства (а тут по типам нужно двигаться так: колхоз или коммуна, совхоз, агроиндустриальный комбинат), то здесь совершенно ясно, что в силу пространственных особенностей, почти полного отсутствия низовой связи — эта сеть необходима в еще большей мере и одновременно будет обслуживать не только производственные интересы, но и всю совокупность интересов связи в данном районе. Поэтому совершенно ясно, что здесь Наркомпочтель должен являться организатором хозяйства и «эксплуататором» этой сети связи.

Мы должны поставить себе задачу обслужить внутрипроизводственной связью, а также и радиовещанием все наши предприятия, все наши сельскохозяйственные объединения, так как без этого мы будем иметь очень и очень большие трудности в процессе производства.

Мы не ошибемся, если скажем, что целый ряд элементов потерь в производстве и на фабрике и особенно в сельском хозяйстве обусловливается и будет обуславливаться отсутствием необходимой внутрипроизводственной связи. Поэтому, как генеральная перспектива, которая может в отдельных элементах, в вопросе о темпах и очередности сдерживаться только отсталостью нашей промышленности, может быть поставлена стопроцентная внутрипроизводственная связь в промышленности и в обобществленном сельском хозяйстве.

Под связью посредствующего характера нужно понимать связь данного предприятия со своей обслуживающей периферией в данном районе, — связь по горизонтали и связь по вертикали — предприятия с управляющими органами и с теми интересующими его органами и заведениями вне данного района, с которыми оно в той или иной мере

кооперирует. На базе этой связи могут также обслуживаться и культурные, и административные, и бытовые потребности.

Если в связи внутрипроизводственной основной формой должна явиться автоматическая телефония, то в связи посредствующего характера эта форма уже несколько модифицируется.

Тут может быть и проволочный и беспроводный телефон и телеграф, и почта городская и междугородная.

Конечно здесь тоже нужно сказать, что скоростность средств связи необходимо довести до максимума. Вопрос об автоматической телефонии у нас должен быть поставлен, как генеральная задача. Почта должна пользоваться не только существующими уже средствами передвижения, но и ориентироваться на более скорые и передовые средства сообщения и обслуживать 100 % потребности в ней. Вообще документированная связь (а почта в промышленности, в сельском хозяйстве, в быту и т. д. играет именно роль документированной связи) будет требовать все более и более «пересадки» на более быстрые и передовые средства передвижения: таковы, помимо существующих железных дорог, пароходов и т. п., автомобили, самолеты, аэросаны, глиссеры, моторные лодки и т. д.

У нас на совершенно ничтожном уровне находится бильдтелеграфия — передача изображений: мы имеем только первые попытки в этом отношении, только техническую помощь, которая, кстати говоря, недостаточно хорошо используется. Бильдтелеграфия очевидно будет иметь тенденцию все больше и больше замещать обыкновенную почту, но конечно, не всю почту, — об «отмирании» почты можно еще поговорить.

Совокупная связь общегосударственного значения должна обеспечить возможность скорейших сношений внутри производства в целом, между производством и потреблением в целом, сношений экономических районов с центром, республиками и связи их между собой. Вообще говоря географически отделить посредствующую связь от совокупной связи очень трудно: тут количество переходит в качество. Но во всяком случае это переплетение дает такую общую совокупную систему связи, которая должна будет обслуживать совокупную потребность всех элементов нашего хозяйства.

Телеграфная и телефонная сеть, скоростная почта, радиотелеграфия и телефония и бильдтелеграфия — все элементы связи находят здесь свое применение. Речь может идти только о темпах, в которых будут развиваться эти виды связи. Мы думаем, что мы не ошибаемся, если скажем, что у нас на нынешней ступени развития все виды связи нуждаются в радикальном росте, поэтому речь может идти лишь о том, что некоторые более передовые, более универсальные средства связи должны будут получить темпы более мощные, чем остальные элементы.

Необходимо остановиться на некоторых интересных цифрах. Телеграф рос, начиная с пятидесятих годов прошлого века, довольно быстро и бурно до первой декады нашего века. Если в 1850 г. общее протяжение телеграфа во всем мире было 25 тыс. англ. миль, то уже в 1860 г. — 100 тыс., 1870 г. — 281 тыс., в 1880 г. — 440 тыс., в 1890 г. — 768 тыс., в 1900 г. — 1.180 тыс., в 1903 г. — 1.200 тыс., в 1910 г. — 1.307 тыс., в 1913 г. — 1.462 тыс. англ. миль.

В нашем веке наступило некоторое замедление. Вместе с тем с 1902 г. по 1917 г. капитальные вложения в телеграфные предприятия в Америке возросли в $1\frac{1}{2}$ раза, с 163 млн. долл. до 229 млн. долл. В этот же самый период капитальные вложения по телефонным предприятиям в Америке увеличились почти в 4 раза: с 348 млн. долл. до 1.169 млн. долл. Валовой доход телеграфа поднялся с 40 млн. до 190 млн. долл., а доходы от телефона поднялись с 88 млн. до 373 млн. долл. К концу 1920 г. число телефонных аппаратов во всем мире поднялось до 20,8 млн., из которых на Европу падало 25,4 %, на Соединенные Штаты — 63,9 %, на прочие страны Америки — 4,5 %, на Азию — 4,4 %, на Африку — 0,5 %. Длина телеграфных линий в Соединенных Штатах равнялась 7 млн. км¹.

К 1-му января 1928 г. во всем мире количество телефонных установок возросло до 30.999 тыс., т. е. на 50 % за 7 лет, причем из них 60 % установок находится в САСШ, 28 % — в Европе и 12 % — в остальном мире.

Вполне естественно, что нам хочется определить наш уровень отсталости в этом отношении и это очень важно зафиксировать. На 100 чел. всех жителей в Соед. Штатах приходится 15,8 телефонных установок, в Канаде — 13,2, в Новой Зеландии — 10, в Дании — 9,3, в Швеции — 7,7, в Норвегии — 6,4 установок, а в таких городах, как Сан-Франциско на 100 жителей приходится 32,8, в Чикаго — 28,4². У нас же на 100 жителей в 1913 году было 0,12 установок, в 1925/26 г. — 0,13, в 1926/27 г. — 0,14, в 1927/28 г. — 0,15, в 1928/29 г. — 0,16 и только в 1932/33 г. по новой пятилетке намечается 0,55, а по старому варианту пятилетки было намечено 0,25 установок на 100 жителей. На 100 городских жителей намечено иметь 3 телефонных установки. Уровень отсталости даже по тому варианту, над которым Госплан работал несколько недель, остается все же огромным.

Затем, далее число установок на единицу площади в Дании — 7,5, в Голландии — 7, в Англии — 7,9 %. Нам же не следует пока заниматься подыскиванием этих цифр, ибо это будет скромная десятичная дробь.

Из этого цифрового материала совершенно явствует колоссальный рост телефонии в такой передовой капиталистической стране, как

¹ Эти цифры взяты из книги «Развитие машин» § 2, 13 глава, I т. Капитала Маркса, с примечаниями А. С. Бессонова, «Моск. Раб.» 1926 г. Стр. 337-338.

² Эти цифры взяты из статьи инж. Д. И. Каргина в № 4 журнала «Ж.-д. дело» 1926 г.

САСШ, так что отсюда и из общего анализа той потребности, которой телефон удовлетворяет, делается совершенно ясным, что телефония в СССР должна быть очень и очень продвинута, ибо и в этой области также как и во всех отраслях народного хозяйства нам нужно в короткий исторический период догнать и перегнать технически передовые капиталистические страны.

Остановимся также и на некоторых цифрах, характеризующих наше общее проводочное хозяйство. Рост телеграфных и телефонных проводов по междугородному сообщению у нас такой: в 1913 г. было 487 тыс. км, в 1924/25 г.—753 тыс., в 1925/26 г.—779 тыс., в 1926/27 г.—839 тыс., в 1927/28 г.—854 тыс. и в 1928/29 г.—877 тыс. км, т. е. довоенный уровень мы уже давно перешагнули, но темпы нашего роста очень и очень незначительны. По первой пятилетке намечалось 1.075 тыс. км по новому варианту — удвоение того, что намечалось по первому варианту, т. е. 2.167 тыс. км, или примерно утроение того, что имелось в 1928/29 г. с большим ростом бронзовых цепей и кабельных линий.

По радиостанциям темп роста у нас также совершенно небольшой, хотя, правда, довоенный уровень мы давно перешагнули, но довоенный уровень был очень незначительным. Мы имеем такой рост: в 1913 г.—13 приемно-передающих станций, в 1925/26 и 1926/27 гг.—56, в 1927/28 г.—63 и в 1928/29 г.—79 станций, по новой пятилетке намечен решительный сдвиг.

Потребности транспорта ставят особые задачи: ж.-д., водный и морской, воздушный и автомобильный транспорт ставят перед нами совершенно четкие и определенные требования самостоятельной сети связи транспортного значения и поэтому никаких попыток к ее свертыванию из ложных соображений экономии и параллелизма не должно быть. Мешать развитию системы особой транспортной связи нецелесообразно. Можно лишь условно говорить о некоторых радиостанциях большого значения, но во всяком случае как правило железные дороги и все средства сообщения должны обладать своей самостоятельной сетью связи.

Соображения обороны, во-первых, обуславливают необходимость накопления в мирное время потенциальных мощностей средств связи с таким расчетом, чтобы получить обширную базу хозяйства связи для удовлетворения значительно возрастающего совокупного обмена в военное время, во-вторых, требуют создания особой системы стратегической связи и средств войсковой связи.

Нужно сказать, что это положение нигде у нас не встречало и не встречает возражений, и поэтому этот вопрос является абсолютно бесспорным.

Специфические потребности культуры и быта пред'являют требования в двух отношениях. Прежде всего нужно сказать о том, что культура и быт требуют наиболее мощного и широкого развития всей системы связи в стране, потому что по тем каналам, по которым движет-

ся весь обмен в Союзе, в такой же мере будут обслуживаться и потребности культуры. Но когда мы говорим о специфических потребностях культуры и быта, то здесь уже мы имеем в виду то, что превышает потребность, удовлетворяемую совокупной сетью хозяйственной, экономической и политической связи. Тут речь идет, во-первых, о гигантском размахе радиовещания, речь идет о том, чтобы поставить себе прямую цель поголовного обслуживания радиовещанием всего населения Союза. Это и минимум и максимум, потому что говорить о том, что мы можем ликвидировать неграмотность, ликвидировать техническую неграмотность, ликвидировать культурную отсталость, поднять все кадры рабочих и трудящихся масс на более высокий технический уровень без радиофикации страны в широком смысле слова, без создания нужного количества центральных и местных радиовещательных станций, без поголовного охвата этими приемными точками всего трудового населения конечно нельзя. Без этого культурного охвата нам строить социализм будет труднее, — поэтому цифры здесь диктуются всей совокупностью социально-экономических соображений.

Конечно говорить о том, чтобы мы сегодня могли обслужить полностью все население СССР, не приходится не потому, что этого не нужно и не потому, что мы этого не хотим, а потому, что мы этого не можем в силу недостаточного развития нашей промышленности.

Вторая потребность это—возможно поголовной телефонизации и трудящихся масс. Это конечно не ставится нами в пределах пятилетки и не ставится, как задача сегодняшнего дня, но эта задача очевидно стоит перед нами со всей решительностью. В тех показательных социалистических городах, которые мы уже начинаем строить, нужно уже показать совокупность всех форм связи во всем блеске, так как эта задача имеет большое пропагандистское значение. Наркомпочтелю и ОДР нужно где-то на одном месте показать всю пользу, которую они приносят производству, культуре, быту и т. д.

План радиофикации у нас довольно обширный. За пять лет число приемных точек должно достигнуть 14 млн. вместо 450 тыс. На общей базе совокупной системы связи получают свое полное удовлетворение и потребности политико-административные.

В абсолютных цифрах капитальных вложений во всей системе народного хозяйства хозяйство связи составляет весьма незначительную долю.

Но даже эта большая пятилетка на наш взгляд тоже является далеко не удовлетворяющей потребностей страны. Вместе с тем так называемая большая пятилетка будет иметь капиталовложений примерно около 2 млрд. руб., что в общей сумме капитального строительства во всем народном хозяйстве составляет максимум 1½%, т. е. доля совершенно незначительная.

Абсолютно говоря, цифры для масштабов и темпов народного хозяйственного роста за пять лет очень и очень скромные. По существу, по своему значению, как мы уже пытались показать выше, хозяй-

ство связи занимает место гораздо большее, чем то, которым выражаются его капитальные вложения.

Поэтому нужно прямо установить, что капитальное строительство не может обуславливаться только скрупулезным наркомпочтелевским подсчетом рентабельности, оно должно обуславливаться в первую очередь потребностью в народнохозяйственной связи в целом. Когда какая-то войсковая часть выдвигается вперед, то, как первую потребность, надо дать два провода для первоначального обслуживания связью. Так ставится вопрос и здесь: создавая новые промышленные и сельскохозяйственные районы, нужно, как минимум, как задачу первоочередной важности, обслужить их первоначальной системой связи. Так между прочим строят электрическую связь и в Германии, но там добавляют по одному-два провода по мере роста потребности, мы же, как хозяйство плановое, можем заранее учесть возможные темпы роста использования.

Когда мы будем иметь первоначальное обеспечение, тогда уже можно будет в порядке количественных увеличений строительства ставить вопрос о дальнейшем его росте по мере действительного роста обмена связи. Тут необходимо отметить тот факт, что полезный эффект телеграммы, телефонного разговора часто гораздо выше трудовой стоимости этой телеграммы или телефонного переговора, ибо трудовая стоимость этого переговора иногда исчисляется парой рублей, а во-время переданное сообщение, во-время получения директива иногда решают судьбы большого дела.

С реконструкцией связи мы сильно запаздываем. Поэтому естественно и темпы мы вынуждены увеличивать более радикально.

Говоря об очередности строительства и реконструкции, нужно отметить то обстоятельство, что к первой очереди мы должны будем отнести интересы совокупного производства, политики, обороны и культуры, относя на вторую очередь второстепенные потребности и в том числе, как ни печально это, и потребности быта, ибо потребности быта количественно грандиозные.

Задачи социалистической реконструкции в целом требуют со всей решительностью приоритета для производства, политики, обороны и культуры. Мы должны со всей отчетливостью отметить тот факт, что слабость нашей промышленности электросвязи и огромный недостаток в кадрах являются чрезвычайно «узкими» местами и поэтому, если наша промышленность заявила о своей способности решить задачи, поставленные ей по новой пятилетке связи, и если промышленность сможет в процессе выполнения плана их даже превысить, то это будет та единственная необходимая постановка, без которой мы вообще не сможем реально говорить о реконструкции связи.

В области научно-исследовательской работы по связи мы также значительно отстали: речь идет о коренной технической реконструкции в этой области. Нужно, чтобы наша научно-исследовательская работа была поставлена во всю ширь и в вопросе о кадрах был достигнут решительный сдвиг.

Мы остановились на некоторых теоретических вопросах, касающихся хозяйства связи, потому что вопрос о роли хозяйства связи в общей системе народного хозяйства до сих пор почти не освещался; потому что этот вопрос является боевым, потому что без преодоления целого ряда предрассудков по этой части мы этой задачи не решим. Было бы очень хорошо, если бы работники в области связи доработали эту проблему до конца.

Нужно также поставить вопрос о пропаганде связи в стране. Мы уже подчеркнули, что связь чувствуется тогда, когда ее нет, или тогда, когда она работает плохо. Нужно создать такое положение, при котором связь стала бы еще более нужной, когда она работает хорошо и когда обслуживает организовано и нормально потребности нашего социалистического строительства.

Индексы эффективности основного капитала¹

По вполне понятным причинам проблема измерения «эффективности капитальных вложений» в последнее время усиленно занимает внимание советской экономической мысли. Ежегодно в народное хозяйство, особенно в промышленность, вкладываются громадные суммы, а в перспективных и генеральных наших планах суммы этих вложений достигают таких грандиозных размеров, что вопрос о соизмерении эффекта с величиной затрат приобретает решающее значение.

Так как в капиталистическом хозяйстве имеется «универсальный» измеритель такой эффективности — норма прибыли, то чрезвычайно заманчивой становится задача нахождения какого-нибудь «универсального» измерителя и для советского хозяйства, причем все без исключения исследователи сходятся (да иное было бы просто нелепицей) на непригодности для этого нормы прибыли.

Однако отправляясь в поиски за критерием эффективности капитальных затрат для советского хозяйства от отрицания пригодности нормы прибыли авторы делают на наш взгляд одну очень важную ошибку. На искомый и еще не найденный ими «советский» критерий они механически и незаметно для самих себя переносят все свойства капиталистического критерия. Речь идет о том, что в капиталистическом хозяйстве высота нормы прибыли, являясь критерием эффективности вложений, регулирует распределение капиталов между отраслями производства. «Логика» названной нами ошибки приводит к тому, что и к советскому критерию эффективности, а стало быть и к конструируемому для этого понятию эффективности, также предъявляется требование быть регулятором, определяющим и направляющим поток вложений в различные отрасли производства, поскольку капиталистический критерий таким регулятором является.

Отсюда в литературу вопроса проникает «раздвоение» проблемы эффективности на проблему критерия «междотраслевой» эффективности и на проблему критерия «внутриотраслевой» эффективности, т. е. сравнительной эффективности различных предприятий внутри одной и той же отрасли².

По существу такое «раздвоение» означает не что иное как «открытие» нового «регулятора» для советского хозяйства.

¹ В порядке обсуждения. *Ред.*

² См. главным образом работы В. П. Акуленко. «Хоз. Украины», № 9, 1929 г. и раньше; его же работы в «Плановом хозяйстве» №№ 2, 4 и 12 за 1929 г. и др. авторов.

Совершенно очевидно, что эта «теория», произвольно переносящая на критерий эффективности в советских условиях регулирующие функции капиталистического критерия — нормы прибыли, ничего общего с марксизмом и марксистской теорией советского хозяйства не имеет.

Вряд ли кто-нибудь в открытой форме стал бы утверждать, что для советского хозяйства критерием пропорций в распределении общественного труда может быть какая бы то ни было «эффективность» затрат.

После разоблачения механистической концепции «закона трудовых затрат» совершенно бесспорным регулятором межотраслевых пропорций становятся для советского хозяйства задачи социалистического строительства, обусловливаемые производственными отношениями и классовой структурой нашего общества и принимающие на каждом данном этапе нашего развития конкретную форму народнохозяйственного плана¹.

Таким образом следует раз и навсегда отказаться от «проблемы» эффективности, как межотраслевого критерия направления капиталовложений.

Справедливость требует отметить, что строго говоря и в капиталистическом обществе средняя прибыль не является таким безусловным критерием.

«Когда капиталистическое производство достигает известной степени развития, приведение различных норм прибыли в отдельных сферах производства к единой общей норме прибыли отнюдь не совершается исключительно при помощи отталкивания и притяжения капитала рыночными ценами (разрядка наша. Г. Б.). После того как за известный период установились средние цены и соответствующие им рыночные цены, отдельные капиталисты начинают сознавать (разрядка Маркса. Г. Б.), что в этом процессе уравнивания уравниваются определенные различия (разрядка Маркса. Г. Б.), которые немедленно включаются капиталистами в их взаимные расчеты. В представлении капиталистов эти различия продолжают жить и учитываются ими, как основания для компенсации (разрядка наша. Г. Б.)... и далее...

На этом представлении основываются затем расчеты капиталистов. Так например, если капитал оборачивается сравнительно медленно, или потому, что товары дольше остаются в процессе производства, или потому, что они должны быть проданы на более отдаленных рынках, то прибыль, ускользающая от него

¹ Особенно четко эта мысль на наш взгляд сформулирована в рецензии тов. К. Розенталя на брошюру А. Леонтьева «Закон трудовых затрат», «Большевик» № 1, 1930 г., стр. 80 и 84 (в сноске).

благодаря этому, все-таки насчитывается, следовательно возмещается путем надбавки к цене» (разрядка наша. Г.Б.).

Из этой цитаты да и из всего цитируемого III раздела ясно, что в силу целого ряда технических и организационных причин отлив и прилив капиталов бессильны уравнивать в ряде отраслей производства норму прибыли, а так как производства эти необходимы для всего общества, то капиталисты, «работающие» в этих отраслях, получают лишь основания для компенсации путем надбавки к цене. Своего рода капиталистическая «дотация» «дефицитным» (неэффективным) отраслям.

Не ликвидируется ли этим нашим тезисом (об отказе от «межотраслевой эффективности») и самая необходимость измерения какой бы то ни было эффективности?

Как раз наоборот. Во-первых, измерение эффективности (или степени заранее известной неэффективности) обязательно с точки зрения экономического анализа для любой отрасли, так как мы отрицаем за эффективностью лишь регулиующую роль для направления потока вложений и вовсе не считаем, что плановое предпринятие направления и пропорций затрат, базирующееся на объективных потребностях, определяемых задачами социалистического строительства, освобождает кого бы то ни было от измерения эффективности этих затрат, как общей оценки результатов хозяйственной деятельности отдельных предприятий и отраслей; с этой точки зрения всегда обязательно исчисление как положительного, так и заранее отрицательного эффекта от любого хозяйственного мероприятия.

Наконец в полной силе остается за эффективностью роль критерия, определяющего направление и объекты капиталовложений уже внутри известной, планом определенной отрасли производства, так как именно анализ эффективности должен диктовать тот или иной выбор. Затрата нескольких десятков миллионов на реконструкцию старых заводов или сооружение за ту же или большую сумму новых заводов — этот вопрос прежде всего должен быть освещен с точки зрения эффективности той и другой формы затрат, и уже тогда по всей совокупности обстоятельств так или иначе разрешен. Нетрудно видеть, что с этой точки зрения критерий эффективности должен и может быть общим и единым и для первого и для второго случая.

Еще одно замечание принципиального порядка.

В капиталистическом хозяйстве норма прибыли действительно является «универсальным» критерием эффективности затрат капитала, но исключительно с точки зрения индивидуального капиталиста, так как ею определяется не действительный эффект этих затрат, а эффект, присваиваемый владельцем этих затрат, величина которого определяется целой гаммой законов перераспределения

прибавочной стоимости. Совершенно очевидно, что с народнохозяйственной точки зрения (если бы такая существовала в капиталистическом хозяйстве) высокая прибыль от данных затрат может зачастую с точки зрения всего общества представлять эффект больше действительного или меньше действительного и наконец даже эффект отрицательный.

Подсчет эффективности затрат в советском хозяйстве должен быть подсчетом реальным, и поэтому индивидуальной точке зрения здесь места быть не может; иначе говоря те или иные выводы должны базироваться исключительно на народнохозяйственной точке зрения, которая является таким образом обязательной.

Переходим к установлению понятия и видов капитальных вложений и к определению критерия их эффективности.

Всякие капитальные вложения, т. е. увеличение размеров авансированного в производстве капитала, производятся владельцем средств производства в форме производительного капитала, в результате присвоения им (после соответствующего перераспределения) части прибавочного продукта, созданного в предшествующем цикле производства и обращаемого на расширенное воспроизводство¹.

Увеличение размеров авансированного капитала может происходить двояко: 1) при неизменяющемся его составе и 2) при росте его органического состава. Первый случай означает простое экстенсивное расширение поля производства при неизменяющихся соотношениях между живым и накопленным трудом, при неизменившемся относительно количестве и качестве средств производства, противостоящих живому труду и стало быть при неизменной технике производства.

В результате таких капитальных вложений, такого увеличения авансированного капитала, может получиться один только «эффект»: пропорциональное увеличение количества продуктов, при неизменном их качестве и неизменной стоимости, и никакой особой проблемы здесь нет.

Однако экономическая действительность почти не знает такого увеличения производительного капитала на экстенсивной основе. Наоборот из теоретической экономии каждому хорошо известно, что увеличение размеров авансированного капитала всегда происходит в условиях повышения его органического состава, что расширенное воспроизводство всегда происходит на более высокой технической базе. Как и почему это происходит, вряд ли уместно здесь разяснять,

¹ Мы не останавливаемся здесь на том случае, когда капитальные вложения могут производиться еще «на основе превращения стоимости» накапливаемых и временно бездействующих амортизационных капиталов и в порядке аккумуляции капиталов через всю систему кредита и акционерную форму, так как и эти способы являются такими же путями увеличения авансированного капитала, как и приводимый нами основной способ.

так как это является элементарным марксистским объяснением процесса общественного воспроизводства.

Какой же эффект может и должен получиться при таких капитальных вложениях, которые сопровождают увеличение авансированного капитала повышением его органического состава, повышением технической базы производства?

Совершенно очевидно, что эффект от роста органического состава, эффект от применения машин заключается в изменении величины структуры стоимости единицы товара.

Маркс, исследуя структуру стоимости товара под углом зрения роли машин, приходит к следующему выводу:

«Сравнительный анализ цен товаров, производимых ремесленным или мануфактурным способом, и цен тех же товаров, как машинных продуктов, приводит в общем к тому выводу, что при машинном продукте составная часть стоимости, передаваемая средством труда, относительно увеличивается, но абсолютно уменьшается (разрядка наша. Г. Б.). Это значит, что ее абсолютная величина уменьшается, но ее величина по отношению к общей стоимости продукта, напр. одного фунта пряжи, увеличивается»¹.

Возвращаясь к этому вопросу в III томе при рассмотрении вопроса о тенденции нормы прибыли к падению, Маркс снова устанавливает то же положение:

«Так как развитие производительной силы труда и соответствующий этому более высокий состав капитала приводят в действие постоянно увеличивающееся количество средств производства при помощи постоянно уменьшающегося количества труда, то каждая пропорциональная часть всего продукта, каждая единица товара или каждое определенное количество товара, служащее единицей меры для всей массы производимых товаров, поглощает менее живого труда и кроме того содержит менее овеществленного труда как в возмещение снушенной части примененного основного капитала, так и потребленных сырых и вспомогательных материалов (разрядка наша. Г. Б.). Следовательно каждая единица товара содержит меньшую сумму труда как овеществленного в средствах производства, так и вновь присоединенного во время производства. Поэтому цена товара понижается»².

Далее в «Добавлениях» вновь настойчиво формулируется та же мысль:

«Все обстоятельства, влияющие таким образом, что применение машин удешевляет цену производимых ими товаров, не

¹ „Капитал“, т. I, гл. 13, стр. 292-293, изд. „Пролетарий“.

² „Капитал“, т. III, ч. I, ГИЗ, стр. 168.

изменно сводятся к уменьшению количества труда, поглощаемого единицей товара, а, во-вторых, они сводятся к уменьшению снашиваемой части машин, стоимость которой входит в единицу товара. Чем медленнее снашивание машин, тем на большее количество товаров распределяется снашивание, тем больше живого труда они заменяют до срока их воспроизводства»¹.

И наконец в аналогичной формулировке все та же мысль проводится Марксом в полемике с Шербулье в разделе «Машина и рабочий»:

«Все то, что способствует понижению цены товара благодаря применению машин, сводится, во-первых, к сокращению количества труда, поглощаемого отдельным товаром, а, во-вторых, к уменьшению изнашивания машин, ценность которого входит в отдельный товар. Чем медленнее происходит изнашивание машин, тем меньше труда требуется для ее воспроизводства»².

Однако этот общий результат применения машин, следствием которого является удешевление стоимости товара путем уменьшения стоимости всех трех составных частей (снашивания, сырья и живого труда), может быть обнаружен для всех товаров лишь на больших отрезках времени, когда снимаются все противодействующие тенденции. На более коротких промежутках времени уменьшение стоимости товара не всегда происходит таким путем, так как:

«Развитие производительной силы труда происходит очень неравномерно в различных отраслях промышленности, притом оно не только не одинаково по степени, но часто совершается в противоположном направлении»³.

В этом случае уменьшение стоимости товара может происходить и таким образом, что величина амортизации в единице продукта может увеличиваться, но на отдельный товар переносится:

«меньшая дополнительная часть стоимости, соответствующая снашиванию основного капитала, чем та часть стоимости, которая вычитается, сберегается вследствие уменьшения живого труда», иначе говоря, «все надбавки к стоимости должны более, чем уравновеситься уменьшением стоимости, вытекающим из уменьшения живого труда»⁴.

и наконец далее:

«Поэтому такое уменьшение общего количества труда, входящего в товар, казалось бы, должно служить существенным признаком повышения производительной силы труда, при каких бы общественных условиях ни совершалось производство. В обществе в котором производители регулируют свое производство согласно заранее состав-

¹ Ibidem, стр. 202.

² „Теории прибавочной ценности“, т. III, стр. 295.

³ „Капитал“, т. III, ч. I, ГИЗ, стр. 198.

⁴ Ibidem.

ленному плану, и даже при простом товарном производстве, производительность труда безусловно измерялась бы этим масштабом»¹.

Таким образом эффект от капитальных вложений в основной капитал, или, что то же, эффект от применения машин заключается в экономии затрат труда, во-первых, в разнице между стоимостью новой более производительной машины по сравнению со стоимостью старых машин, потребных для создания такого же количества продукта, и, во-вторых, в экономии в сокращении затрат живого труда, вооруженного этими новыми машинами по сравнению с количеством живого же труда, вооруженного старыми машинами и потребного для создания того же количества продукции.

Следующая простая схема выражает первый вариант эффективности:

Периоды	Виды затрат	Снашивание	Затрат живого труда	Количество продукции
		(в единицах)		
1-й год		100	1.000	1.000
2-й год		140	1.300	1.600
Требуется затрат во 2-м году при нормах 1-го года		160	1.600	1.600
Экономия во 2-м году		-20	-300	—
Всего экономии		-20	300	=320

и соответствует общей тенденции эффективности от применения машин, давая экономию и на амортизации, и на живом труде.

Второму варианту соответствует примерно такая простая схема, выражающая эффективность машин, как сальдо между дополнительной величиной снашивания и экономией на сокращении затрат живого труда:

Периоды	Виды затрат	Снашивание	Затраты живого труда	Количество продукции
		(в единицах)		
1-й год (база)		100	1.000	1.000
2-й год		180	1.200	1.600
Требуется затрат во 2-м году при норм. 1-го года		160	1.600	1.000
Экономия во 2-м году		+20	-400	—
Всего экономии		+20	-400	=380

Обе эти схемы можно объединить следующей общей формулой:

«Если рассматривать машину исключительно как средство удешевления продукта, то граница ее применения определяется тем, что труд, которого стоит ее производство, должен быть

¹ „Капитал“, т. III, ч. I, ГИЗ, стр. 198.

меньше того труда, который замещается ее применением. Однако для капитала эта граница очерчивается более узко»... и в примечании: «поэтому в коммунистическом обществе машины нашли бы совершенно иную арену»¹.

Таким образом задача сводится к нахождению таких математических формул, при помощи которых можно было бы уловить и считать экономию от изменения под влиянием применения машин отдельных частей стоимости продукта.

Прежде чем перейти к этим формулам, мы считаем необходимым остановиться еще на одном моменте.

В практике подсчета эффективности той или иной формы затрат может возникнуть (в особенности при экономической оценке различных вариантов сооружений при их проектировании) коллизия следующего порядка. С точки зрения выдвинутого нами критерия эффективности может оказаться, что один вариант вложений окупает себя за срок своей жизни втрое, а другой лишь вдвое, но первый вариант требует единовременных вложений в два раза больших, чем второй. Задача стало быть заключается в выборе одного из этих вариантов.

С капиталистической точки зрения вопрос решался бы очень просто: в расчет окупаемости для обоих вариантов следовало бы включить процентную ставку с обоих капиталов за весь срок их жизни и затем уже решать вопрос по совокупному расчету.

Как же следует решать этот вопрос в интересах и с точки зрения советского народного хозяйства? В литературе есть попытки идти капиталистическим путем и капитализировать будущую экономию на стоимости продукта (тов. Гольдберг); другой вид попыток сводится к «индексному» охвату двух моментов коллизии (скорости оборота капитала и экономии на стоимости товара) (тов. Ратнер).

На наш взгляд ни та, ни другая точка зрения не дают правильного решения задачи. Вторая является просто бессодержательной статистической формулой, а первая грешит тем, что процентом откупиться от такого вопроса народное хозяйство не может.

Совершенно очевидно, что в наших условиях бедности капиталами этот вопрос выбора наиболее «эффективного» варианта не лишен значения. Однако меняется ли при этом критерий эффективности, может ли народное хозяйство поступаться принципами экономии затрат труда и равняться на узкие места (недостаток капиталов)?

Мы считаем, что принципиально ответ может быть только один. Эффективным следует признать первый вариант, несмотря на трудность единовременного авансирования большего капитала. Не исключается, что в конкретном случае в порядке изъятия из общего правила допустимы и исключения, и в этом случае вопрос решается опять-таки планом по совокупности всех обстоятельств в данной конкретной обстановке. Но мы возражаем против принципиального, обязательного включения в расчет эффективности этого

¹ „Капитал“, т. I, стр. 295, изд. „Пролетарий“.

момента, полагая, что всякое иное решение означает возведение в экономический закон узких мест.

Итак и это наиболее существенное возражение, которое мы предвидели со стороны критики, не может поколебать основного марксова принципа предела применения машин в обществе плановых производителей.

Наконец нам остается установить, какие из элементов стоимости продукта должны включаться в круг анализа их изменения под влиянием применения машин.

Прежде всего при исследовании вопроса следует исключить все ценностные изменения, влияющие на стоимость товара, так как они являются либо конъюнктурными, либо следствием изменения производительности труда не в исследуемом предприятии или отрасли, а в отраслях производства, изготовляющих средства производства для изучаемого предприятия. И в том и в другом случае они подлежат элиминированию.

После этой операции калькуляцию следует разбить на три части: снашивание, материальное потребление предметов труда и затраты живого труда. Для первых двух расчет ведется в ценностном выражении, для третьей расчет следует вести обязательно в натуральном выражении (в человеко-часах например) и кроме того в целях дальнейшего суммирования совокупного эффекта натурвыражение придется также перевести в ценностное; однако здесь всегда возникает известная условность, так как перевод человеко-часов затрат труда по зарплате всегда будет преуменьшенным на величину прибавочного продукта, а учесть величину последнего для отдельного предприятия или отрасли почти невозможно, так как неизвестна норма прибавочного продукта. К этому вопросу мы еще возвратимся в конце работы при наших практических расчетах.

Особняком стоит вопрос о так называемых фиксированных издержках (накладных расходах).

Для решения его требуется предварительно установить еще одну точку зрения.

Включением в анализ изменения стоимости товара от применения машин и т. н. фиксированных издержек мы по существу охватываем уже полностью всю стоимость. Однако изменение ее в этой последней части зависит не столько от самого применения машин, сколько от типа и размеров их комбинации.

Здесь мы приходим к тому, что следует различать эффективность основного капитала (машин) и эффективность предприятия; следующий пример разъясняет эту мысль.

Два предприятия с одинакового состава капиталами по миллиону рублей очевидно дадут одинаковую эффективность по отношению к снашиванию и живому труду, а при прочих равных условиях — и к фиксированным издержкам. Соединение обоих миллионов в одном предприятии также при прочих равных условиях даст эффективность

по снашиванию и живому труду, равную сумме эффективностей каждого миллиона; однако по фиксированным издержкам от такого соединения очевидно должна получиться сверх суммы некоторая дополнительная эффективность, которая разумеется представляет собою уже не эффективность самого капитала, а эффективность от укрупнения предприятия, т. е. эффективность предприятия.

Исходя из этих рассуждений, мы и относим (правда до известной степени условно) экономию на снашивании и живом труде за счет эффективности самых затрат капитала, а экономию на фиксированных издержках за счет эффективности предприятия, рассчитывая ту и другую отдельно.

Переходим к выводу самих формул.

Общая эффективность будет равняться алгебраической сумме сбережений на каждом из элементов стоимости продукта; для каждого же отдельного элемента формула учета должна быть одинакова.

Выведем формулу эффективности для экономии на живом труде.

Если в базисный период (или на первом предприятии, если сравниваются два) на величину продукции p^0 было затрачено количество живого труда v_0 , то на единицу продукции затраты труда составят: $\frac{v_0}{p_0}$; в следующий период затраты труда на единицу продукции уже очевидно составят: $\frac{v_1}{p_1}$, а экономия в затратах труда на единицу продукта от первого периода ко второму, или от первого предприятия ко второму, составит:

$$\frac{v_0}{p_0} - \frac{v_1}{p_1},$$

а вся экономия на живом труде от первого периода ко второму будет равняться:

$$\left(\frac{v_0}{p_0} - \frac{v_1}{p_1}\right)p_1 = v_0 \frac{p_1}{p_0} - v_1 = v_0 I p_1 - v_1, \quad (1)$$

или общей сумме затрат труда в первый период, умноженной на индекс физического объема производства, минус величину затрат труда во втором периоде.

Точно таким же образом экономия на снашивании составит:

$$\left(\frac{a_0}{p_0} - \frac{a_1}{p_1}\right)p_1 = a_0 \frac{p_1}{p_0} - a_1 = a_0 I p_1 - a_1 \quad (1 \text{ bis})$$

где a есть величина снашивания в каждый из периодов, а для вновь проектируемых заводов (где эффективность исчисляется за весь будущий срок их жизни) a_1 равняется стоимости сооружения нового завода и a_0 — величине амортизации старых машин, потребных для создания такого же количества продуктов при старых условиях.

Вполне очевидно, что общий подсчет эффективности составит сумму (алгебраическую) из ряда таких формул экономии, подсчитываемых для каждого элемента калькуляции, причем, чем подробнее и расчлененнее будет вестись этот анализ, тем рельефнее будет выступать структура измеряемой эффективности.

В качестве первого приближения мы считаем достаточным ограничиться подсчетом эффективности на снашивании и живом труде там, где стоит задача измерения эффективности основного капитала, противопоставляя друг другу в чистом виде два фактора—машину и рабочего, и дополнительно на фиксированных издержках там, где поставлена задача измерения эффективности предприятия.

В случае, если подсчет эффективности требуется вести ежегодно или за большой ряд периодов, целесообразно подсчитывать эффективность не за каждый год, а пользоваться индексным методом, что практически сопряжено с меньшими усилиями и кроме того дает возможность учесть погодную динамику эффективности.

Для этого строим следующий ряд простых индексов для каждого элемента калькуляции, например для экономии на живом труде.

По формуле (1) эта экономия от базисного периода к первому периоду выразится:

$$\left(\frac{v_0}{p_0} - \frac{v_1}{p_1}\right) p_1$$

и экономия от первого периода ко второму:

$$\left(\frac{v_1}{p_1} - \frac{v_2}{p_2}\right) p_2.$$

Для простоты вычислений заменим всюду отношение $\frac{v}{p}$ через x с соответствующим значком (0, 1, 2 и т. д.).

Тогда отношение, или индекс эффективности, между вторым и первым периодами к эффективности между первым и базисным периодами выразится:

$$I_{\frac{v}{p}}^2 = \frac{(x_1 - x_2) p_2}{(x_0 - x_1) p_1} = \frac{x_1 - x_2}{x_0 - x_1} I_{p_1} \quad (2)$$

Преобразуем и выражаем выражение $\frac{x_1 - x_2}{x_0 - x_1}$ через индексы затрат труда (I_v) и индексы продукции (I_p).

Отношение $\frac{x_0}{x_1} = \frac{v_0}{p_0} : \frac{v_1}{p_1} = \frac{v_0}{v_1} \cdot \frac{p_1}{p_0} = \frac{I_{p_1}}{I_{v_1}}$ по правилу произ-

водных пропорций можно написать:

$$(A) \quad \frac{x_0 - x_1}{x_1} = \frac{I_{p_1} - I_{v_1}}{I_{v_1}}$$

и соответственно:

$$(B) \quad \frac{x_1 - x_2}{x_2} = \frac{I_{p_2} - I_{v_2}}{I_{v_2}}$$

Делим выражение (B) на выражение (A) и получаем:

$$\frac{x_1 - x_2}{x_0 - x_1} \cdot \frac{x_1}{x_2} = \frac{I_{p_2} - I_{v_2}}{I_{p_1} - I_{v_1}} \cdot \frac{I_{v_1}}{I_{v_2}},$$

$$\text{но } \frac{x_1}{x_2} = \frac{v_1}{p_1} : \frac{v_2}{p_2} = \frac{I_{p_2}}{I_{v_2}}, \text{ поэтому}$$

$$\frac{x_1 - x_2}{x_0 - x_1} = \frac{I_{p_2} - I_{v_2}}{I_{p_1} - I_{v_1}} \cdot \frac{I_{v_1}}{I_{v_2}} \cdot \frac{I_{v_2}}{I_{p_2}}$$

подставляем это, выраженное в индексах p и v , значение выражения $\frac{x_1 - x_2}{x_0 - x_1}$ в формулу 2 и получаем ее в окончательном виде:

$$I_{\frac{v}{p}}^2 = \frac{I_{p_2} - I_{v_2}}{I_{p_1} - I_{v_1}} \cdot \frac{I_{v_1}}{I_{p_1}} \cdot I_{p_2} = \frac{(I_{p_2} - I_{v_2}) I_{v_1}}{I_{p_1} - I_{v_1}} \quad (2),$$

где индекс эффективности на живом труде ($I_{\frac{v}{p}}^2$) равняется отношению из разности индексов продукции (I_{p_2}) и затрат живого труда (I_{v_2}) за тот же период, умноженной на индекс затрат живого труда за предшествующий период (I_{v_1}), к разности индексов продукции (I_{p_1}) и затрат живого труда (I_{v_1}) за предшествующий период.

Такие же индексы следует построить для каждого из исследуемых элементов калькуляции.

Остается решить вопрос о выборе базы, по отношению, к которой следует вести счет эффективности.

Для старых реконструируемых заводов следует принять за базу либо фактическую величину затрат труда (или другого элемента калькуляции) на единицу продукции в начальный период исследования, либо какую-нибудь среднюю или наименьшую величину по данной отрасли производства, либо наконец расчетную нормативную величину по наиболее высокому техническому типу производства; в последнем случае ряды эффективности будут отрицательными (а индексы меньше единицы), приближаясь к идеальной норме.

Для новых заводов исчисление эффективности следует вести при проектировании их, руководствуясь при выборе базы только что изложенными соображениями, а после сдачи их в эксплуатацию целесообразно вести анализ, приняв уже за базу расчетные величины по проекту.

Наконец имеет самостоятельную экономическую и научно-познавательную значимость исчисление эффективности параллельно по всем или нескольким базам.

Однако исчисление абсолютной величины экономии само по себе еще не является показательным. Подсчитанная экономия должна быть отнесена к какой-то величине затрат капитала.

Мы считаем наиболее правильным исчислять эффективность (для действующих предприятий) ежегодно цепным методом (по подвижной базе) и относить ее к ежегодному приросту основного капитала; одновременно такой счет можно производить суммарно за ряд лет;

такие показатели будут представлять собою показатели срока окупаемости затрат и уже в таком виде и в таком значении поддаются сравнению по ряду аналогичных предприятий.

Для проектируемых заводов исчисляемую таким способом эффективность следует относить ко всей величине затрат на сооружение завода и по этим показателям сравнивать скорость окупаемости различных вариантов.

В заключение несколько слов о «вменении» (нехорошее австрийское слово) исчисляемого эффекта.

Совершенно очевидно, что получаемая экономия, особенно на живом труде, является результатом не только одного применения машин (хотя в основном именно результатом применения машин), а и роста интенсивности труда, особенно в период разворачивания например социалистического соревнования, а также результатом рационализации, и при вменении всего эффекта одному лишь приросту капитала мы естественно преувеличиваем наши показатели.

Здесь встает задача так наз. элиминирования, или вернее расчленения экономии между факторами, ее вызывающими. Однако до настоящего времени литература не знает надлежащих и мало-мальски приемлемых приемов решения этой задачи; автору этих строк тоже не удалось сколько-нибудь удачно решить этот вопрос; поэтому остается лишь один выход — «вменять» весь эффект приросту капитала, пользуясь получаемыми показателями в порядке первого приближения.

Пользуясь разработанными нами формулами, мы сделали попытку измерения эффективности капитальных вложений (вернее прироста основных капиталов) по украинским рудоуправлениям Донугля (см. таблицы 1 и 2 на стр. 70-75).

В таблице 1, гр. 2 вычислена по формуле 1 и данные ее показывают экономию на затратах живого труда (в тысячах человеко-часов) на всей добыче 1926/27 г. по сравнению с 1925/26 г.; аналогично данные гр. 8 показывают ту же экономию между 1927/28 и 1926/27 гг., а данные гр. 13 — подобную же экономию за 2 года вместе.

Соответственно графы 5, 11 и 15 вычислены по формуле I bis и содержат данные об экономии на амортизации за соответствующие периоды с надлежащим знаком. Для того, чтобы просуммировать общий эффект, мы (имея в виду ранее изложенные соображения) перевели экономию на затратах живого труда в денежное выражение по средне-годовой ставке зарплаты за 1 человеко-час в каждом рудоуправлении.

Общие суммы сбережений за каждый период приведены в графах 6, 12 и 16 (в тыс. руб.). Таким образом эти графы выражают общую эффективность вложений в каждом рудоуправлении из сравнения себестоимости, т. е. являются соответственно преуменьшенными.

В таблицу 2 перенесены соответствующие графы таблицы 1 и рассчитаны на каждый рубль прироста основного капитала¹ отдельно в чел.-часах живого труда (графы 5, 11 и 16) и отдельно по совокупному эффекту в рублях (графы 6, 12 и 17).

Расчеты произведены за каждый год самостоятельно (цепным методом) и за 2 года вместе.

Для сравнения приведены данные о производительности труда (добыча на 1 рабочего в натуральном выражении) и полной себестоимости топлива².

Полученные результаты чрезвычайно рельефно показывают, во-первых, структуру эффективности (на материалах таблицы 1 легко обнаружить и схему 1 — большинство рудоуправлений, и схему 2 — Снежнянское рудоуправление, Рутченковское и т. д. за 1926/27 г.), т. е. долю в общей экономии сбережений на амортизации и на живом труде, и полностью подтверждают указания Маркса о путях удешевления продукта (и за счет падения величины амортизации, и за счет уменьшения доли живого труда).

Таблица 2 позволяет сделать уже конкретно-экономические выводы об эффективности затрат в различных рудоуправлениях.

Из антрацитовых рудоуправлений наибольшую эффективность показывают затраты по Должанке (по состоянию материалов расчет удалось произвести лишь по «новому» делению рудоуправлений, т. е. вместе с Ровеньками, которые своим «участием» снижают эффект по Должанке), где затраты 1926/27 г. окупаются почти за 1 год (85,5 коп. на каждый рубль); затраты 1927/28 г. дают уже меньший эффект, обна-руживая годовую окупаемость в 22,8%.

Любопытное положение по Чистяковке. Затраты 1926/27 г. (вернее прирост) дают отрицательный эффект в том же году, причем он однозначен и по живому труду, и по амортизации (см. табл. 1). Зато в следующем году и за оба года вместе эти потери окупаются с лихвой. Очевидно здесь имели место какие-то неполадки при вводе в эксплуатацию нового имущества, вероятность чего в значительной мере подтверждается бурным обновлением основного капитала этого Рудоуправления.

Угольные рудоуправления, вообще говоря, дают значительно большую эффективность, чем антрацитовые. Впереди идут: Золото-Тошковка — окупаемость за 1-й год 176%, лишь 18,3% — за второй и 92% — за оба года вместе; Буденовское (вместе с Моспино-раснянским) — окупаемость за 1926/27 г. 59,7% и 68,7% — за второй при 50,7% за оба года вместе; далее Горловка и Парижская коммуна.

Сопоставление эффективности с производительностью труда по вполне понятным причинам дает однозначную картину; сопоставление

¹ Мы исчисляли прирост основного капитала по восстановительной стоимости, так как лишь таким путем можно вычислить полную величину сданных в эксплуатацию капитальных вложений на реконструкцию. Подробно см. об этом нашу работу об основных капиталах, „Хозяйство Украины“ № 7-8, 1929 г.

² Все данные взяты из материалов ЦСУ УССР (бланк Б) и Донугля.

Детальный расчет эффективности

Показатели Рудоуправления	% обновл., произв. на 1/X 1927 г.	1926/27 г. по сравнению с 1925/26 г.				
		Эффект в ч/ч., <i>v</i>	Зарп. за ч/час.	Эффект в денежн. выраже- нии <i>v</i>	Эффект <i>a</i> (аморт.)	Всего эффект в денежн. выраже- нии
	1	2	3	4	5	6
Донуголь в целом (без Шахт. рудоуправл.)	25,6	+27.185	0,324	+8.805,4	+1.369,2	+10.174,6
Антрацит	38,0	+5.850	0,285	+1.631,5	+101,8	+1.733,3
Должанское (включ. Ровенцкое) . .	51,3	+3.500	0,280	+980,0	+7,6	+987,6
Снежинское	50,2	+2.100	0,320	+672,0	— 3,9	+668,1
Боково-хрустальское	32,7	+960	0,280	+269,0	+219,8	+488,8
Чистяковское	46,8	—350	0,290	—101,5	— 46,6	—148,1
Боковское	33,7	—360	0,330	—188,0	— 75,1	—263,1
Весь уголь	22,5	+22.135	0,325	+7.173,9	+1.267,4	+8.441,3
Золото-топковское	38,0	+3.015	0,340	+1.025,0	+146,4	+1.171,4
Буденовско (включ. Моспинское) . .	33,8	+3.400	0,330	+1.120,0	+26,1	+1.146,1
Горловское	24,1	+8.000	0,320	+2.560,0	+78,2	+2.638,2
«Парижская коммуна»	19,9	+1.180	0,320	+378,0	—40,3	+337,7
Брянское	12,8	+400	0,330	+132,0	+82,8	+214,8
Краснодонское (включ. Сорокинское)	48,0	+1.410	0,310	+437,0	+185,4	+622,4
Екатериновское	12,4	+700	0,320	+224,0	+167,0	+391,0
Первомайское (включ. Голубовское) .	52,1	+1.800	0,320	+576,0	+119,0	+695,0
Дзержинское	13,5	+640	0,330	+211,0	+56,1	+267,1
Грашинское	24,2	—	0,320	—	+155,4	+155,4
Кадиевское	22,4	+630	0,320	+201,6	+206,6	+408,2
Петровское	28,8	+140	0,290	+40,6	+96,9	+137,5
Щегловское	30,2	+170	0,320	+54,5	+55,8	+100,3
Рутченковское	27,6	+650	0,330	+214,2	+68,0	+146,2

по рудоуправлениям Донугля.

Таблица 1

% обновления фон- дов на 1/X 1928 г.	1927/28 г. по сравнению с 1926/27 г.					1927/28 г. по сравнению с 1925/26 г.			
	Эффект в ч/ч., <i>v</i>	Зарп. за ч/час.	Эффект в денежн. выраже- нии <i>v</i>	Эффект, <i>a</i> (аморт.)	Всего эффект в денежн. выраже- нии	Эффект в ч/ч <i>a</i>	Эффект в денежн. выраже- нии <i>v</i>	Эффект <i>a</i> (аморт.)	Всего эффект в денежн. выраже- нии
	8	9	10	11	12	13	14	15	16
39,8	+23.660	0,345	+8.184,4	+1.938,3	+10.122,7	+53.880	+16.990,8	+3.502,7	+20.493,5
55,6	+6.145	0,360	+2.241	+342,6	+2.583,6	+11.880	+3.496,5	+449,6	+3.946,1
73,7	+865	0,330	+285,0	+89,1	+374,1	+4.040	+1.130,0	+98,0	+1.228,0
66,4	+700	0,330	+231,0	+12,4	+243,4	+3.060	+980,0	+14,4	+994,4
54,2	+560	0,290	+162,0	+41,4	+203,4	+1.680	+470,0	+290,4	+760,4
60,0	+3.170	0,400	+1.265,0	+53,8	+1.318,8	+2.650	+768,0	—2,2	+765,8
54,9	+850	0,350	+298,0	+145,9	+443,9	+450	+148,5	+49,0	+197,5
35,3	+17.515	0,340	+5.943,4	+1.595,7	+7.539,1	+42.000	+13.494,3	+3.053,1	+16.547,4
57,2	+480	0,380	+182,0	+30,4	+212,4	+4.320	+1.470,0	+213,4	+1.683,4
53,0	+1.620	0,360	+583,0	+179,3	+762,3	+4.170	+1.325,0	+210,3	+1.535,3
35,4	+4.890	0,300	+1.470,0	+262,4	+1.732,4	+13.690	+4.370,0	+357,6	+4.727,6
32,6	+2.280	0,400	+910,0	+211,1	+1.121,1	+3.500	+1.120,0	+164,0	+1.284,0
43,5	+2.070	0,340	+703,0	+44,7	+747,7	+2.570	+849,0	+138,7	+987,7
69,5	+330	0,340	+112,2	+2,8	+115,0	+1.930	+598,0	+204,8	+802,8
27,3	+620	0,340	+211,0	—23,3	+187,7	+1.370	+438,0	+157,7	+595,7
71,6	+1.660	0,330	+547,0	+231,2	+778,2	+3.760	+1.210,0	+321,2	+1.531,2
27,3	+950	0,340	+323,0	+206,4	+529,4	+1.770	+583,0	+319,7	+902,7
40,7	+400	0,360	+144,0	+1,7	+145,7	+860	+275,0	+175,7	+450,7
31,8	—470	0,330	—155,0	+21,5	—133,5	+340	+104,8	+253,5	+358,3
40,2	+1.660	0,330	+547,0	+134,5	+681,5	+1.820	+527,0	+254,5	+781,5
52,6	+275	0,350	+96,2	+16,8	+113,0	+450	+148,5	+73,8	+222,3
40,5	+750	0,360	+270,0	+276,2	+546,2	+1.450	+476,0	+208,2	+684,2

Расчет эффективности капитальных вложений

Показатели Рудоуправления	1926/27 г. по сравнению			
	% обновления по восстановительн. стоимости на 1/X 1927 г.	Прирост основного капитала за 1926/27 г. по восстанов. стоим.	Общий эффект	
			В т. ч. жив. труда в ч/ч, в	Всего эффекта в суммовом выражении.
	1	2	3	4
Донуголь (без Шахтинского рудоуправления) . .	25,6	37.731,4	27.185	10.174,6
Антрацит	38,0	11.771,5	5.850	1.733,3
Должанское (включ. Ровенское)	51,3	1.151,9	3.500	987,6
Снежинское	50,2	3.193,3	2.100	665,1
Воково-хрустальское	32,7	2.047,2	960	488,8
Чистяковское	46,8	3.844,2	—350	—148,1
Боковское	33,7	1.534,9	—360	—263,1
Уголь	22,5	25.959,9	22.135	8.441,3
Золото-тошкское	38,0	667,0	3.015	1.171,4
Буденовское (включая Моснинское)	33,8	1.921,4	3.400	1.146,1
Горловское	24,1	4.674,1	8.000	2.638,2
«Парижская коммуна»	19,9	733,8	1.180	337,7
Брянское	12,8	544,0	400	214,8
Краснодонское (включая Сорокинское)	48,0	1.832,6	1.410	622,4
Екатериновское	12,4	1.165,0	700	391,0
Первомайское (включая Голубовское)	52,1	2.642,3	1.800	695,0
Дзержинское	13,5	1.171,5	640	257,1
Гришинское	24,2	882,9	—	155,4
Кадиевское	22,4	2.649,0	630	408,2
Петровское	28,8	2.098,4	140	137,5
Щегловское	30,2	1.606,8	170	100,3
Рутченковское	27,6	3.371,1	650	146,2

Таблица 2

по украинским рудоуправлениям Донугля

с 1925/26 г.		1927/28 г. по сравнению с 1926/27 г.					
Эффект на 1 р. прироста	В т. ч. жив. труда в ч/ч, в	Всего эффекта в суммовом выражении.	% обновления по восстановительн. стоимости на 1/X 1928 г.	Прирост основного капитала за 1927/28 г. по восстанов. стоим.	Общий эффект		Эффект на 1 р. прироста
					В т. ч. жив. труда в ч/ч, в	Всего эффекта в суммовом выражении.	
5	6	7	8	9	10	11	12
0,720	0,270	39,8	36.253,9	23.660	10.122,7	0,653	0,280
0,490	0,147	55,6	11.821,1	6.145	2.583,6	0,520	0,218
3,020	0,855	73,7	1.644,9	865	374,1	0,525	0,228
0,660	0,210	66,4	2.134,8	700	243,4	0,328	0,114
0,470	0,240	54,2	3.543,2	560	203,4	0,158	0,057
—0,090	—0,038	60,0	2.892,7	3.170	1.318,8	1,095	0,455
—0,232	—0,171	54,9	1.605,5	850	443,9	0,530	0,277
0,850	0,325	35,3	24.432,8	17.515	7.539,1	0,716	0,308
4,520	0,776	57,2	1.161,9	480	212,4	0,414	0,183
1,770	0,697	53,0	1.108,3	1.620	762,3	1,461	0,687
1,710	0,563	35,4	4.295,2	4.890	1.732,4	1,140	0,403
1,610	0,460	32,6	1.212,0	2.280	1.121,1	1,88	0,925
0,735	0,394	43,5	2.861,6	2.070	747,7	0,724	0,261
0,770	0,339	69,5	1.610,6	330	115,0	0,205	0,071
0,600	0,336	27,3	1.638,2	620	187,7	0,379	1,115
0,680	0,262	71,6	1.742,2	1.660	778,2	0,952	0,446
0,545	0,220	27,3	2.214,3	950	529,4	0,430	0,239
—	0,176	40,7	1.039,9	400	145,7	0,386	0,141
0,238	0,154	31,8	2.218,4	—470	—133,5	—0,212	—0,061
0,067	0,066	40,2	1.443,5	1.660	681,5	1,15	0,472
0,106	0,062	52,6	687,8	275	113,0	0,40	0,164
0,193	0,043	40,5	1.198,9	750	546,2	0,625	0,456

Продолжение таблицы 2

Показатели	1927/28 г. по сравнению			с 1925/26 г.		Производительность труда (выработка в натур. выраж.)			Себестоимость 1 т топлива		
	Прирост основ- ного капитала по восстанов. стоим. за 2 года	Общий эффект		Эффект на 1 р. при- роста		1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
		В т. ч. жив. труда в ч/ч, в	Всего эффекта в суммовом выражении	В т. ч. жив. труда в ч/ч, в	Всего эффекта в суммовом выражении						
Рудоуправления	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
Донуголь (без Шахтинского. рудоуправления)	73.985,3	53.880	20.493,5	0,726	0,278	63,90	71,50	79,66	911,4	1.004,9	995,2
Антрацит	23.592,6	11.880	3.946,1	0,504	0,163	63,80	70,20	76,30	938,6	1.008,4	999,5
Должанское (включая Ровенское)	2.796,8	4.040	1.228,0	1,448	0,439	58,59	70,74	74,56	965,1	1.009,3	998,9
Снежинское	5.328,1	3.060	994,4	0,575	0,187	66,15	79,22	83,96	925,4	932,8	935,5
Боково-хрустальское	5.940,4	1.680	760,4	0,302	0,136	57,88	62,27	64,31	1.017,4	1.092,4	1.009,3
Чистяковское	6.736,9	2.650	765,8	0,394	0,114	67,96	66,52	79,23	929,0	1.034,2	1.023,1
Боковское	3.140,4	450	197,5	0,143	0,064	77,40	75,23	80,13	856,7	981,0	981,0
Уголь	50.392,7	42.000	16.547,4	0,834	0,328	63,90	74,50	80,92	902,2	1.003,9	993,7
Золото-тошкское	1.828,9	4.320	1.683,4	2,33	0,920	47,39	73,48	80,70	1.103,6	1.082,5	1.034,1
Буденовское (включая Моспское)	3.029,7	4.170	1.535,3	1,375	0,507	65,24	72,42	77,86	856,4	960,6	943,8
Горловское	8.969,3	13.690	4.727,6	1,525	0,526	63,30	91,80	114,80	826,6	817,3	834,7
„Парижская коммуна“	1.945,8	3.500	1.284,0	1,80	0,660	83,54	95,17	123,39	740,2	866,7	810,3
Брянское	3.405,6	2.570	987,7	0,755	0,290	54,18	55,88	64,85	1.058,7	1.244,1	1.200,0
Краснодонское (включая Сорокинское)	3.443,2	1.930	802,8	0,56	0,233	70,27	77,94	80,19	867,7	924,1	942,4
Екатериновское	2.803,2	1.370	595,7	0,488	0,213	47,95	51,16	54,30	1.094,8	1.209,7	1.212,0
Первомайское (включая Голубовское.)	4.384,5	3.760	1.531,2	0,860	0,350	64,99	71,80	77,98	890,1	1.011,9	994,2
Дзержинское	3.385,8	1.770	902,7	0,524	0,266	83,15	86,87	92,31	813,5	885,0	933,3
Гришинское	1.922,8	860	450,7	0,447	0,234	73,52	73,68	83,78	918,4	1.083,9	1.018,4
Кадиевское	4.868,2	340	358,8	0,070	0,073	52,06	54,18	52,72	972,8	1.131,9	1.209,3
Петровское	3.541,9	1.820	781,5	0,515	0,221	63,84	64,77	73,13	935,4	1.063,1	991,7
Щегловское	2.294,6	450	222,3	0,197	0,097	62,69	64,01	67,02	1.053,8	1.154,1	1.183,1
Рутченковское	4.570,0	1.450	684,2	0,318	0,150	62,46	65,59	69,60	917,2	1.074,8	1.065,0

же с себестоимостью показывает далеко не такую однозначность, что также вполне объяснимо, если принять во внимание многочисленность различных факторов (кроме эффективности основного капитала), влияющих на себестоимость в угольной промышленности.

Чрезвычайно характерным является почти полное совпадение оценки эффективности различных рудоуправлений по нашим расчетам с общехозяйственной их оценкой, данной им в соответствующих постановлениях правления Донугля¹.

В освещении материалов нашей разработки полностью рассеивается ряд «недоумений» тов. А. Д. Ратнера, ставшего до известной степени «жертвой» своих показателей эффективности, в частности показателя «отпуск продукции на 1.000 рублей основного капитала»².

Детальный разбор сравнительной эффективности различных рудоуправлений Донугля не входит в задачу настоящей работы, тем более, что расчет эффективности для рудоуправления в целом (а для ряда рудоуправлений и в группах по два), в котором несомненно имеются шахты различной эффективности, не может быть достаточно аналитическим и исчерпывающим.

Мы имеем основания полагать, что расчленение нашего анализа и доведение его до шахты обогатило бы представляемый нами конкретный материал. Кроме того следует отметить, что каменноугольная промышленность является вообще говоря мало благодарным объектом для подобных расчетов, так как в ней громадную роль играют естественные условия, специальные капитальные вложения для поддержания производства на прежнем уровне, не имеющие места в обрабатывающей промышленности и не выделенные нами по состоянию материалов в настоящей работе, и наконец диспропорция в основном капитале (несоответствие между состоянием подготовительных работ и мощностью под'ема и откатки), сильно колеблющаяся между различными рудоуправлениями, доходя до 20—25%, в результате которой часть основного капитала не используется (амортизируется праздно).

В заключение нам хотелось бы подчеркнуть, что настоящую работу, особенно в конкретно-статистической ее части, мы не рассматриваем как бесспорное и окончательное решение этой чрезвычайно сложной проблемы и склонны ее оценить как первое приближение к решению задачи, в упор поставленной жизнью, «ее же не преидеши».

От хозяйственного плана к научному плану¹

I. Введение

План есть один из важнейших элементов социалистического строительства; одним из основных орудий построения плана хозяйственно-культурного строительства является наука и научно-техническая мысль, достижения которой иногда вызывают реконструкцию в хозяйственном развитии, вызывая изменения в его направлении и характере.

Однако сказанное о роли науки отнюдь не следует понимать в смысле признания при плановом построении хозяйства приоритета метода каузальности над целеустановочными, телеологическими моментами плана.

Эта интересная и к сожалению мало еще разработанная теоретическая проблема о месте и роли науки в построении плана, — проблема, имеющая и весьма важное практическое значение, была в свое время предметом особого разбора в обстоятельной статье С. Г. Струмилина².

В нашей же постановке вопроса нас интересует не эта сторона дела; в дальнейших наших рассуждениях мы хотели бы этот общетеоретический, принципиальный и сам по себе очень важный вопрос ограничить специальным рассмотрением роли и места науки не как решающего творца плана, не как его гегемона, а как одного из его наиболее мощных, но все же подсобных и подчиненных его орудий, применяемого не в процессе построения плана, а в момент претворения последнего в практику жизни. Мы ставим здесь перед собой более узкую задачу — задачу изучения наиболее целесообразных форм использования и применения уже добытых и могущих быть впоследствии добытыми результатов научных и научно-технических исследований, т. е. вопрос о том, как должна быть организована и спланирована сама научно-исследовательская работа для научного обслуживания плана народного хозяйства и культуры в целом. Пользуясь формулой С. Г. Струмилина, мы можем сказать, что если в компетенцию науки не входит и не может входить дача самой конечной установки плану, а определение условий и пути осуществления последнего, то зато к основным ее задачам безусловно относится дача четкой конкретизации обстановки и условий выполнения

¹ См. ряд номеров «Вестника Донугля» за 1927 и 1928 гг.

² А. Д. Ратнер, «Опыт исследования эффективности капитала рудоуправлений Донугля, «Уголь и железо». № 43 и 44 1929 г.

¹ В порядке обсуждения Ред.

² См. «Плановое хозяйство» № 11 (ноябрь), 1928 г.

намеченного плана, а также реальное обеспечение наиболее полной, наиболее целесообразной программы действий в наикратчайший срок и с наименьшими затратами сил, к чему собственно и сводится всякий исполнительный план вообще.

Отводя столь важное место науке и технике в выполнении плана, мы не можем поставить научно-исследовательскую работу и технические изыскания вне общей системы планирования, исключить их отсюда. Наука и технология должны иметь также и свой план производства научных и технических ценностей, всеми своими корнями уходящий вглубь плана хозяйственного и культурного строительства.

Если наука необходима плану, то и науке необходим план.

Планирование, как целостное понятие и единая система, свое полное завершение и законченность получит лишь тогда, когда наряду и в тесной увязке с хозяйственным планом будет создан и надлежаще организован и план науки, подчиненный первому. До тех же пор и самый хозяйственный план останется лишь полделом, не использовавшим и не развернувшим все заложенные в нашем обществе силы и ресурсы вплоть до интеллектуальных. Мозговая человеческая энергетика — это быть может наиболее эффективная (хотя и «добавочная» по удачному выражению т. Бухарина) производительная сила общества стоит хронологически как последняя, но логически по своей социальной значимости должна быть передвинута на одно из первых мест нашего социалистического строительства.

Таким образом система планирования завершила бы свой логический и естественный путь от хозплана к научплану, от развернутой системы хозяйственно-культурных мероприятий к системе научных работ и технических совершенствований и мероприятий и постановке дальнейших научных проблем для разрешения поставленных целей.

II. Что такое планирование науки

Представители нашей научной и технологической мысли не сразу стали на путь признания планового начала в области научного творчества; они не сразу приняли ту мысль, что сложная цепь планирования замыкается в самой науке. Осознала ли и сейчас огромная масса наших деятелей науки и техники эту мысль?

Мы не станем теперь извлекать из быть может многими выступающими на I с'езде плановых работников уже позабытого прошлого старые слова и формулировки. Мы позволим себе воспроизвести здесь лишь тот заключительный момент совещания на I плановом с'езде, имевшем место лет 5 тому назад, в котором произошедшие горячие споры как-будто нашли известное примирение, по крайней мере наружное. Это примирение было авторитетно сформулировано покойным акад. В. А. Стекловым, подошедшим к проблеме планирования науки с точки зрения простого здравого смысла человека,

стоящего перед разрешением совершенно практической задачи, представляемой науке государственной экономией. «Госплан, заявил он, есть планирующий орган; в Госплан представляется масса различного рода заявлений и проектов научно-исследовательских изысканий в области изучения естественных производительных сил страны в связи с хозяйственно-экономическими потребностями, а не чисто научными задачами». «Задача в том, заявил он далее, как наиболее целесообразно, разумно и планомерно привлечь научную массу работников, специалистов в различных областях так, чтобы работа их не висела в воздухе, а могла быть действительно организована планомерно и давала бы Госплану точно заверенный, согласованный материал по поводу работ, которые производятся государством в связи с хозяйственно-экономическими потребностями страны» (разрядка везде наша. К. Т.).

А тов. Г. М. Кржижановский к сказанному счел нужным прибавить еще, что Госплан интересуется не только правильная постановка в области изучения естественных ресурсов страны, но и упорядочение всего научного дела вообще (там же).

Таким образом тогдашний президент Академии пытался разрешить проблему планирования науки при помощи принудительной силы практического разума, который его устами выразил ту здоровую и глубокую истину, что сущность планирования науки, правильная постановка этого дела состоит не в навязывании науке чуждых ей методов и пр., а прежде всего и главным образом в увязке научной работы ученых с целями и задачами строительства.

Методология или «рабочая политика» плановой науки в основном определяется, если можно так выразиться, «экономической политикой» этой последней. Сохраняя в пределах своей методологии полную самостоятельность, планируемая наука высшим своим критерием имеет подчинение достигнутой научной истины или объективного изучения действительности и управляющих ею законов не только в конечном счете, но и в каждом данном случае интересам овладения человеком силами природы, а также и освобождения угнетенного человечества от рабства и эксплуатации человека человеком.

В то время как оперативная научная мысль, имеющая своей конечной целью установление научной истины в пределах своей научной методологии и компетенции, сохраняет свою полную самостоятельность и независимость от конечных целей познания, лежащих за пределами последнего (нота бене для скептиков планирования науки!), планово-научная мысль свою методологию и организацию научно-исследовательского дела целиком и полностью подчиняет именно этим, за пределами познания лежащим целям, — целям практического овладения силами природы в интересах трудящегося человечества. Целеустановка плановой науки находит

¹ См. stenографический отчет «Проблемы планирования». Итоги и перспективы. Изд. «Плановое хозяйство». 1926 г. Стр. 305.

свою базу в экономике, в практике, в то время как установка научно-оперативной мысли в своей позитивной работе этой, ей как бы немманентной, цели не ощущает, не осознает. Говоря о всем возрастающем расцвете науки и всего знания в целом в строительный период резолюции, тов. Бухарин высказал ту правильную в вышеуказанном отношении мысль, что этот расцвет неизбежно будет сопровождаться и переворотом в самой науке. «Он (этот переворот) будет идти по его мнению в разных направлениях: и по линии метода, и по линии организации самого научного труда, и по линии соотношения между различными научными дисциплинами, и по линии практической значимости науки, и наконец по линии, так сказать, самопознания науки»¹.

В несколько упрощенной формулировке акад. Стеклова мы имеем дело с неким дуализмом в науке, как бы с двумя «душами», или ориентациями ее: с одной стороны, с ориентацией на научную истину и, с другой, — на практику, на социально-экономическую значимость ее. Но эти две якобы противоположности, — этот тезис и антитезис, — находят свое примиряющее начало в том высшем синтезе, согласно которому от науки требуется давать именно ту продукцию, которая нужна хозяйственно-социальной практике. Стало быть наука не автономна в выборе своих познавательных объектов, хотя, как уже было не раз отмечено нами, абсолютно свободна и самостоятельна в выборе своих конкретных методов изучения.

Перефразируя известные слова Канта, сказанные им в совершенно другой связи, мы можем сказать: «План без науки пуст, наука без плана — слепа». Наука нуждается в указателе вех, в вожатом, указывающем ей цель и направление движения ее интересов. И методология планирования науки — это то же планирование хозяйства, осуществляемое средствами науки. Следовательно методология планирования науки состоит в изучении и систематизации задач планируемого хозяйства и отдельных его отраслей на предмет их разрешения той или иной отраслью знания. Это обратная сторона той же медали; и определяющим или «ведущим» началом здесь является не «чистая» наука, а самая простая человеческая практика. Основной метод научного планирования состоит прежде всего и главным образом в работе от дифференцирования от хозплана того, что может и должно стать объектом научного исследования и научной экспертизы, в нахождении, с одной стороны, хозяйственных, а с другой — чисто научных лимитов, которые в благоприятном сочетании делают хозплан «содержательным» и полновесным, а научплан — «зрящим» свою цель и свою дорогу.

Таков круг науки, завершающийся в ориентации на практику. Но оплодотворяемая таким образом практикой (в широком смысле слова) наука, — разве она не подвергается сама благодаря этому

¹ См. ст. Н. И. Бухарина в „Правде“ № 17 от 20/1 1929 г. „Ленин и задача науки в социалистическом строительстве“.

внутренней реконструкции, известному перевороту? В этом смысле мы считаем замечание, содержащееся в вышеприведенной цитате тов. Бухарина, глубоко правильным. Ибо расцвет научного творчества в конце концов выразится не только в количественном, но и в качественном изменении как ее целеустановок, так и ее методов.

Только в весьма ограничительном смысле можно сказать, что планирование науки ни в какой мере не затрагивает ее собственного метода как такового.

Итак наука и научное исследование, ставящие себе какие-либо практические цели, становятся по существу глубоко телеологичными, целеустремленными, жизненными. Это прежде всего выражается в элиминировании противопоставления наук теоретических наукам практическим, прикладным: с точки зрения телеологического характера познания нет и не должно быть деления наук на «чистые» и «не чистые», практические. Все науки глубоко практичны. Есть только различные стадии познания: объем круга явлений, являющихся объектом изучения, и тип организации научной работы, начиная, скажем, с фабрично-заводских лабораторий и опытных станций и кончая каким-нибудь институтом Академии наук или другого высшего научного учреждения.

Принципиальной разницы между науками теоретическими, или так называемыми «чистыми», и науками прикладными не существует. Есть только разница масштабов изучения, методов подхода и стадийность научной работы, которые все проникнуты духом практицизма и теологии (сознают это или не сознают сами носители науки — безразлично). Тем же духом проникнуто и наше хозяйственное строительство. Мостом, соединяющим хозяйство с наукой, является план. Хозяйство, наука и план — вот то триединство, тот симбиоз, на котором должны быть построены и смогут удержаться освобожденный труд и культура в строящемся в нашей советской стране новом обществе.

Перед нами теперь задача — во вполне расчлененной и уточненной форме дать ответ на вопрос о том, что представляет собой принципиально признанная идея планирования науки и каковы организационные принципы этого планирования.

III. Разграничение „сфер влияния“ науки и основные принципы построения сети научно-исследовательских учреждений

Обращение науки лицом к социализму само по себе еще не создает самого плана науки в подлинном смысле этого слова, а является лишь основной предпосылкой при составлении планов научно-исследовательских работ, без которой всякое планирование производилось бы впустую, было бы беспредметно и бесцельно. Переходя же теперь к основным условиям плановой работы, мы считаем, что первым из них является установление точного разграничения отраслей знания и правильное разделение научного труда как

между самими отраслями науки, так и между научными учреждениями и организациями и группами их, обслуживающими соответствующие отрасли производства и области культурного строительства.

Для правильного разрешения этого основного вопроса прежде и больше всего имеет значение правильное понимание взаимоотношений между так наз. «чистой» и «прикладной» науками со всеми отсюда вытекающими логическими последствиями, на которых мы и хотели бы здесь остановиться несколько подробнее.

По этому вопросу, издавна разделявшему буржуазную мысль на два противоположных лагеря: на сторонников крайнего рационализма и фетишизма «чистой» науки, с одной стороны, и на сторонников узко утилитарного, прагматического понимания роли ее — с другой, достаточно будет здесь ограничиться лишь тем замечанием общего характера, что в социалистическом и переходном к нему строе труд научный не может и не сможет не быть продолжением и завершением, а также и регулятором труда физического. Неверно теоретически, как и вредно практически, насильственное выдергивание научного труда из всей совокупности трудовых процессов и ограничение науки решением непосредственно практических вопросов и задач. «Ничто не будет так чуждо духу социалистической культуры вообще и социалистической науки в частности, как плоский эмпиризм, непосредственно ограниченный решением ряда технических задач»¹.

Наиболее удачной как по форме, так и по существу мы считаем формулировку, данную вышеозначенному вопросу проф. О. Д. Хвольсоном, которая им кратко выражена следующим образом: «Только относительно чистых наук можно сказать, что они имеют огромное, неисчерпаемое практическое приложение, которое как бы кристаллизуется в виде наук прикладных» (разрядка наша.—К. Т.). «Прикладные науки, пишет он далее, не имеют», а «суть» практические приложения наук чистых»². Вопрос о взаимоотношениях между теоретической и практической частями наук фактически всегда сводится к выбору или предпочтению того или иного вида научной работы на основе индивидуально-психологической склонности или симпатии одних к более абстрактному и других — к более конкретному мышлению. Часто бывает так, что люди, охваченные «субъективной страстью» или любовью к чистому познанию, полагают, что они служат только истине и «чистой» науке и ничему больше. Между тем это только субъективное заблуждение, несколько не умаляющее однако объективного факта неисчерпаемой и постоянной практической приложимости даже самой архи-теоретической и архи-абстрактной науки.

¹ См. ст. Н. И. Бухарина «Наука и СССР», напечатанную в «Научном работнике», 1927 г., кн. 11, стр. 11.

² Проф. О. Д. Хвольсон. Чистая и прикладная наука «Научный работник», кн. 1 (январь) 1926 г.

Таким образом «психологически совершенно очевидно, что эмпирик или систематик по натуре охотнее и продуктивнее всего будет рабствовать в области учета и систематики, теоретик — в области изучения закономерностей и установления законов, а техник — в области применения результатов исследования в интересах общества»¹.

В силу всего сказанного, разграничительные вехи в области научных дисциплин можно будет расставить по следующим трем «водоразделам»: а) научно-теоретических исследований; б) научно-описательных и учетно-собираательных работ и в) научно-технических изысканий с целью применения их на практике. Само собой разумеется, что между этими тремя категориями или видами научной деятельности существует органическая взаимосвязь и внутреннее «сцепление»; их разграничение имеет больше методологическое, чем реальное значение, и на практике они то и дело переходят одна в другую, обуславливая и дополняя, но редко взаимно исключая друг друга. При всем этом однако теоретическое знание во всех случаях сохраняет и должно по праву сохранять за собой командную роль, ведущее начало, далеко не всегда укладывающееся в ведомственные, национальные и даже государственные и иные внешние рамки. Точно так же и для других видов научной и научно-технической деятельности критерием не может служить (да и не должен служить!) этот же самый формально-правовой момент, а связь научного исследования или технического разрешения научных вопросов с характером применяемых государством мероприятий, т. е. с тем, имеют ли эти мероприятия общесоюзное, республиканское или местное значение. Отсюда и вывод, что планирование в области разграничения видов научной работы не всегда может идти рука об руку с существующими государственно-правовыми или административными институтами и формами, а в общем и целом должно ориентироваться по хозяйствующим и хозяйственно-планирующим органам, что вообще отвечает основному требованию увязки плана научных работ с планом хозяйственно-культурного строительства. Сказанное однако ничего общего не имеет с сугубым централизмом и с умалением интересов районов и мест в отношении подъема и развертывания их научной культуры; здесь речь идет только о более правильном размещении научного исследования в связи с размещением самого хозяйства и распределением предпринимаемых им практических мероприятий.

Таким образом, руководствуясь принятой выше схемой, разграничение «сфер влияния» науки и всей сети научных учреждений по главным видам научных дисциплин необходимо произвести в следующем виде: а) так наз. «чистыми» или теоретическими дисциплинами, как общее правило, должны «ведать» общегосударственные учреждения не ниже республиканского типа, которые одни пока в состоянии обеспечить такого рода научно-теоретическую работу соответ-

¹ См. об этом более подробно статью проф. Н. С. Державина «Наука и труд» в «Научном работнике», кн. 2, 1925 г. стр. 10 и след.

ствующими материальными средствами и живыми научными ресурсами, не связывая всегда при этом своих затрат с непосредственно практическими нуждами и мероприятиями в области народного хозяйства.

Указание на то, что никому не возбраняется занятие «чистой» теорией, хотя бы это занятие и не связывалось с какими-либо более или менее узкими практическими целями строительства, конечно вполне правильно и справедливо. Но именно потому, что сказанное является неотъемлемым правом и высококультурным делом всех и каждого, на государстве в целом и лежит важная общекультурная обязанность наилучшим способом обеспечить удовлетворение этой потребности в высшем знании, сделать ее социально-возможной, доступной, распространенной.

б) Все исследовательские работы учетно-описательного характера, как уже было отмечено, должны быть в плановом порядке распределены по научным учреждениям в соответствии с субъектами и содержанием мероприятия или, точнее, с теми хозяйственными учреждениями, которые в использовании результатов этих научных работ заинтересованы. Так например изучением естественных производительных сил, затрагивающим и обслуживающим огромное количество отраслей народного хозяйства, в первую очередь промышленности, могут заниматься самые разнообразные организации различных масштабов, начиная с краеведческих и кончая академиями наук. Но в этом деле необходимо соблюдать строгое разделение труда, сугубую плановость, во избежание излишнего дублирования и триплирования работ, распыления сил и средств и т. п. Идя широко навстречу местной инициативе, это дело огромнейшей важности необходимо упорядочить и сосредоточить все же в некоторых центрах исследования по соответствующим отраслям с конечной увязкой научных работ в республиканских и особенно в Союзном Госплане, — этих наиболее крупных потребителей подобного рода научной продукции.

в) Вся область хозяйственно-технического применения достижений науки, изобретений, рационализации процесса производства и т. д. и т. п. должна быть сосредоточена в производственных единицах и хозяйственно-регулирующих учреждениях или руководящих органах как в центре, так и на местах. Научным учреждениям, лабораториям, опытным полям, станциям и пр. — всему вообще научно-исследовательско-опытному делу, находящемуся в ведении различных наркоматов, предприятий и учреждений, должны быть отведены работы узко специального характера текущего дня, в то время как к первым двум видам научного исследования могут и должны быть отнесены работы более общей значимости и более длительного и основного характера, будь то стационарного или экспедиционного характера.

Таковой должна быть по-нашему «генеральная линия» планирования сети научных учреждений и организаций, на базе которой должна быть рационально построена, вернее — перестроена вся наша так наз. «сеть» научных учреждений. Действующая «сеть» — это не плано-построенная или сплетенная сеть, а нагромождение учреждений в одну бессистемную кучу со всякими историческими наслоениями и отражениями интересов разных эпох и времен, далеко не всегда отвечающих интересам и требованиям эпохи нашей великой стройки и создания новых форм, новых ценностей.

В своем современном состоянии наша научная сеть характеризуется следующими отрицательными моментами:

а) Перекрещиванием и переплетением работ общесоюзного, республиканского, ведомственного и местного значения, откуда сплошь и рядом проистекают вышеупомянутый параллелизм, не всегда оправдываемый ни с научной, ни с деловой точек зрения, и напрасная затрата сил и средств.

Избежать этого перекрещивания и взаимосплетения научных учреждений разных значимостей и различной ведомственной принадлежности можно было бы конечно легче всего, положив в основу построения сети этих учреждений функциональный признак в качестве доминирующего над всеми остальными внешними, с наукой как бы мало или вовсе не связанными моментами, как национально-территориальными и конституционно-административными нормами и требованиями. Но при всем кажущемся удобстве такого подхода последний страдал бы грубым упрощением, не говоря уже о политической ошибочности такого подхода. Прежде всего нельзя сравнивать одни дисциплины с другими; мы уже указывали на необходимость их разграничения по видам отраслей знания, а также и на принципы этого разграничения. Одни дисциплины допускают организацию их по чисто-функциональному признаку, другие — требуют их территориального и ведомственного (мероприятия!) разграничения. Валить в одну кучу и те и другие было бы величайшим вредом для всего дела планирования науки и прежде всего в отношении увязки ее с производством, с хозяйством и культурой в целом.

Итак точка зрения чистого «функционализма» не выдержала бы здесь никакой серьезной критики ни с деловой — научной, ни с национально-политической стороны, если кто-нибудь стал бы ее серьезно защищать. Мы несомненно имеем здесь дело с более сложной задачей, разрешимой не вне времени и пространства или абстрактно-логически, а в условиях сложнейшего переплета хозяйственных, политических и научных факторов и интересов, требующих к себе более гибкого диалектического подхода. Сеть далее характеризуется:

б) Отсутствием должного внимания к интересам развития научно-исследовательской деятельности в республиканских и областных (краевых) административных центрах, а также и в наиболее важных промышленных

и сельскохозяйственных районах, что видно хотя бы из того знаменательного факта, что 75 % научно-исследовательских учреждений и организаций падает исключительно на Москву и Ленинград, а остальные 25 % — на «провинцию», т. е. на весь огромный Союз со всеми его важнейшими производственными и экономическими центрами, что нельзя не признать вопиюще-ненормальным фактом.

Нашим лозунгом в области организации научно-исследовательского дела должна быть не только увязка науки с производством, но и — поближе к месту производства и непосредственным организаторам и руководителям его, т. е. к хозяевам данного производства, которым ближе всего и контроль и наблюдение за результатами производимой научной, как и всей прочей, работы, а также и забота об ее увязке с хозяйством данного места, данного предприятия и ведомства. Всякий иной централизм будет недопустимой бюрократизацией научного дела в нашей стране.

Но значит ли все это, что мы исключаем всякую научно-исследовательскую работу общесоюзного значения, что мы ее как таковую до того размельчаем по республикам, областям, краям и ведомствам, что на долю самого Союза ничего уже не остается? Конечно нет! Как работы общесоюзной значимости не исчерпывают и не поглощают всей разнообразной массы работ местного и специального масштаба и значимости, так и наоборот эти последние не должны, да и не могут по сути дела, ни поглощать, ни заменять собой центральных задач и их разрешения в особом, централизованном же порядке, на какую бы территорию они ни приходились, лишь бы эти задачи выходили по своей значимости за пределы данной территории или района. Если мы в научно-исследовательском деле допускаем комплексный метод исследования, то почему мы не можем допустить тоже своего рода комплексный метод и в организации научно-исследовательского дела? А ведь союзная наука есть не что иное, как та же комплексная наука в применении к ее формам организации.

Отсутствие внимания к научным интересам республик и районов создать далее:

в) Неравномерность в распределении самой сети, материальных средств и живых научных сил, далеко не всегда корреспондирующим ни с удельным весом данной отрасли научно-обслуживаемого хозяйства, ни с общей значимостью данной отрасли знания и техники.

Между прочим в задачи союзных органов, в части планирования научно-исследовательского дела в целом, и должно входить такое более правильное распределение сети, соответствующее всем требованиям хозяйственного и научного плана, как и выравнивание методолого-идеологической линии в деле научного исследования в духе материалистически-диалектического взгляда на природу и общество.

Итак в качестве общего вывода из всего сказанного вытекает необходимость создания, так сказать, новых научных «комбинатов» или ассоциаций научно-исследовательских учреждений и организаций или преобразования старых на более правильной основе, а то и прямое упразднение нежизнеспособных. Этот вывод подводит нас непосредственно к одному из кардинальнейших и актуальнейших вопросов организации научно-исследовательского дела в СССР. В виду его большого принципиального значения при решении вопроса о наиболее целесообразном виде объединения и кооперирования деятельности научно-исследовательских учреждений в Союзе мы должны на нем остановиться несколько подробнее, переместив его в главу, посвященную некоторым наиболее важным и принципиальным вопросам организации науки.

IV. Некоторые принципиальные вопросы организации научно-исследовательского дела

Если мы в предыдущей главе делали попытку наметить основы организации самой сети, дать, так сказать, нормальное анатомическое строение ее, то в настоящей главе мы должны остановиться на организационных формах уже самой работы всей сети в целом, на системе ее основных, так сказать, физиологических отправления. Техническая же сторона организации этого дела, т. е. порядок прохождения и увязки планов, не представляет в пределах и на основе существующей системы хозяйственного планирования каких-либо принципиально новых затруднений по сравнению с теми, которые вообще существуют и постоянно возникают и разрешаются при нашем государственном планировании хозяйства, отличаясь от последнего лишь большей сложностью в виду того, что при согласовании планов научных работ необходимо постоянно ориентироваться на само планируемое хозяйство, на этого, так сказать, главного социального «заказчика» науки.

На фоне и на базе той «экономической политики», которую должно преследовать научно-исследовательское дело, надлежит выработать, как мы уже однажды сказали, определенную «рабочую политику» научно-исследовательского дела. В этом отношении прежде всего мыслимы два пути, две системы: а) путь огосударствления науки, б) путь обобществления ее. Эту альтернативу мы в свое время пытались разрешить¹ в связи с раздававшимися голосами в пользу общественно-организационного начала², и именно в том духе, что в государственно-организуемом и планируемом хозяйстве не может и не должно иметь места планирование науки, основанное исключительно на принципе общественности. При наших кон-

¹ См. в журнале «Научный работник» статью А. Вангелгейма и Трояновского на тему «Организация науки в СССР», кн. 11 (ноябрь) 1929 г.

² См. напр., ст. акад. А. Н. Баха в «Известиях», № 143 от 26/VI 1929 г. на тему «Планирование работы научно-исследовательских учреждений».

кредитных условиях и при данном состоянии научно-исследовательского дела и умонастроения научных работников признание такой формы организации как тех, так и других, как доминирующей, явилось бы замаскированной, хотя быть может и несколько более смягченной формой предоставления науки и ученых самим себе, отрыва от жестких планов строительства и быстрых темпов развертывания последнего, необходимых для того, чтобы построить социализм в нашей стране в предоставленный нам историей наикратчайший срок.

Но означает ли наше предпочтение государственного начала общественному отказ от последнего? Ни в коем случае! Научная общественность должна существовать и развиваться и всячески быть стимулирована, но постоянно, во весь период пролетарской диктатуры, находиться под постоянным контролем и общим руководством пролетарского государства.

Отсылая интересующихся этим вопросом читателей к указанной статье, мы переходим к другим, не менее существенным вопросам, связанным с организационными формами государственного (на наш взгляд) планирования и организации науки.

Основным организационным вопросом таким образом остается для нас вопрос о создании на основе государственного принципа организации науки нечто вроде «комбинатов» научно-исследовательских учреждений, о которых мы уже говорили выше. Очень удачно сформулирована вся задача построения научно-исследовательского дела в постановлении, вынесенном недавно коллегией НКЗема СССР в связи с предложенными «Тезисами» президиума Академии с.-х. наук им. В. И. Ленина. Коллегия считает необходимым обратить особое внимание на разработку такого построения сети, которое «гарантировало бы полное единство научно-исследовательских и опытных организаций, строгую специализацию научно-исследовательских и опытных учреждений и районов, разделение труда между учреждениями и районами, а также кооперирование работы между учреждениями и районами»¹ (разрядка наша. К. Т.).

Требование единства, поставленное здесь, может быть достигнуто лишь при условии кооперирования, несколько не исключаящего ни специализации, ни разделения труда (в том числе и в районном разрезе) в области научного исследования. Кооперирование же в данной НКЗемом Союза формулировке есть не что иное как ассоциирование. Мы должны здесь с своей стороны указать еще на то, что к этому клонится и самый исторический процесс развития организационных формообразований науки, что особенно ярко сказалось на академиях наук, являющихся по существу научно-исследовательскими ассоциациями современного типа.

К сожалению ни одна академия мира не может еще и до сих пор похвалиться надлежащей организацией работы и умелой под-

готовкой и распределением коллективных начинаний. Будучи по своим внешне-организационным формам ассоциациями, они, эти академии наук, поскольку в них научная работа не ведется действительно комплексно, коллективно, представляют собой огромные соединения отделов, институтов, постоянных комиссий, кабинетов и т. п., органически между собою не увязанных ни единством целеустановок, ни единством направления высшей синтезирующей мысли и т. д.

Не только на Западе, в странах капитализма, но и у нас в стране Советов академии не сумели и вряд ли сумеют стать исходной точкой развития научной мысли в направлении собирания и интегрирования ее отдельных элементов, в направлении разрешения «узловых вопросов», или тех, по выражению акад. А. Ф. Иоффе, «пограничных областей» науки, которые кладут грань между отдельными специальными научными дисциплинами, возросшими в наше время до невероятных размеров, и отделяют их друг от друга почти что «китайской стеной». И мы на самом деле являемся теперь свидетелями того, как у нас в Союзе организационная мысль в области искания и созидания новых форм объединения пошла по иному, быть может более сложному и трудному, но зато более верному пути. Бурный рост хозяйства вызвал к жизни столь же почти бурный рост специализированных и в той или иной степени увязанных с отраслями хозяйства научных учреждений. И этот процесс обещает вполне закономерно и целесообразно развиваться еще более быстрым темпом дальше. Но наряду с этим столь же закономерно идет и другой глубокий процесс — процесс развития научных «комбинатов», возникающих в виде объединений: одни на базе единой идеологии и методологии, правда пока что больше с уклоном в сторону обществоведения (Комакадемия, недавно поглотившая ИКП, Ранион и др. научные учреждения), другие — на почве обслуживания технической реконструкции и рационализации нашей промышленности, энергетического хозяйства косвенно (отчасти и прямо) также и нашего сельского хозяйства (теперешний Научно-исслед. сектор Планового технико-экономического управления ВСНХ СССР — НИС ПТЭУ и наконец Академия с.-х. наук им. В. И. Ленина, являющаяся по существу таким же органом планового руководства и регулирования, как и упомянутый НИС).

Не являются ли и эти объединения — «комбинаты» — в значительной мере столь же внешними, как и некоторые из старых традиционных больших «комбинатов»-академий? Конечно нет, ибо, во-первых, их создает единство целеустановок, а именно цели практического и непосредственного обслуживания интересов и нужд социалистического строительства. Их далее соединяет и стремление ввести плановость в научную работу разрозненных и территориально разбросанных и оторванных друг от друга учреждений. И в этом принципиальное отличие и огромное значение современных образований от старых. Однако и эти новообразования не являются еще объединениями

¹ См. «Социалистическое земледелие» № 48 (299) от 27/II 1930 г.

на почве самой оперативной науки, а объединениями на почве планового упорядочения и организации происходящей в различных учреждениях научной работы. В лице этих «комбинатов» (нашей Академии наук в гораздо меньшей степени) мы имеем некие важные опорные пункты, на которые должно и может опираться научное планирование, но здесь нет еще организации самой оперативной науки на почве функционального объединения. Объединить органически ряд смежных дисциплин на их внутренних стыках — вот организационная задача для нашей не в меру разросшейся и дифференцировавшейся в наше время науки!

Как и где это сделать?

Нам представляется, что на ряду с учреждениями, занимающимися изучением научно-технических вопросов текущего дня, будь то в институтах, лабораториях или опытных станциях и т. п., не могут, да и не должны исчезнуть с лица нашей советской земли и учреждения, «подымающие, по словам Момзена, работников науки над уровнем специальной ремесленности», — учреждения, являющиеся экстрактом и высшей концентрацией тех подчас сугубо практических проблем, в разрешении которых мы заинтересованы, как никто в мире, и которые, если не очень часто, но зато весьма эффективно и радикально разрешаются в отвлечении от узкого практицизма и плоского эмпиризма. Нечего и оговаривать здесь после всего сказанного в начале нашей работы, что эта точка зрения ничего общего не имеет с преклонением перед «чистой» наукой, с дешевым девизом «наука для науки», «l'art pour l'art» и т. п. старые, давно отжившие свой век жупелы.

Мы не знаем и не хотим гадать, станет ли наша «бабушка-академия» этой подчиненной академией, проникнутой нашим советским духом, по своей целеустремленности действительно способной «подготавливать и распределять крупные коллективные начинания». Мы теоретически допускаем ту мысль, что при коренной реформе наша Академия пожалуй оказалась бы способна стать таким учреждением. Но вполне вероятно и то, что жизнь и тут ее опередит и что еще до этого возникнут, да они фактически уже возникают, живут и развиваются такие учреждения, которые перерастут рамки тех узких вопросов, для разрешения которых они первоначально быть может и были созданы. Таковы властные требования логики вещей, и весь вопрос только в том, чтобы этот самотек крепко осознать, чтобы также и эту стихию направить в плановое русло. Растут также и новые академии в наших республиках: Украинская, Белорусская и отчасти Среднеазиатская (СААНУ, как зародыш будущей Академии). Конечно контуры этих академий еще не так резко очерчены и самовозникновение их обязано больше национально-политическим, нежели научным и практическим мотивам и соображениям, но несомненно, что и от них со времени «отпочкуется» то, что должно

относиться к производству в узком смысле, и останутся в них наиболее общие, те же в сущности «пограничные вопросы», составляющие содержание теоретических наук. Не только объединение учреждений по однородным и однотипным дисциплинам и специальностям, но и объединение, комплексирование, если можно так выразиться, основных дисциплин вроде физики, химии и механики в одном или 2—3 учреждениях, раз'единенных лишь территориально или ведомственно, а то и этого следовало бы избежать, — вот та основная форма увязки работ между ними в широком всесоюзном масштабе, а впоследствии в форме быть может ассоциаций реорганизованных академий.

Нам кажется, что универсализм, или вернее эклектизм, свойственный, как нам кажется, всем академиям наук мира и нашей в том числе, уже отжили свой век и фактически уже вытесняются комплексным методом кооперирования. Этот метод аналогичен принципу хозяйственных комбинатов, хотя не всегда с ним корреспондирует в смысле совпадения с ними научных дисциплин. Зато эти научные «комбинаты» по своим целевым установкам, т. е. по объектам исследования или вернее по своей тематике и постановке проблем, целиком и полностью стремятся ориентироваться на научное обслуживание как возникающих больших хозяйственных комбинатов, так и отдельных актуальных проблем хозяйственного строительства. В этом залог жизненности, эффективности и плановой увязанности и этого высшего и вместе с тем более сложного типа научных образований с планом хозяйства в целом.

Аналогию с промкомбинатом можно было бы проводить и дальше: подобно тому, как комбинат хозяйственный может быть построен на базе энергетики, с одной стороны, и сырья, с другой, так и комплексное научное учреждение может быть построено на тех «узловых», так сказать «междудисциплинарных», но центральных и так сказать «хребтовых» вопросах науки, вокруг которых должно происходить и объединение технических задач и их разрешение.

Должны ли подобные комплексные институты находиться в ведении тех или иных хозяйственных наркоматов или входить в состав реорганизованной на началах комплексности (совпадающей с момзеновской «коллективизацией» в более глубоком, чем чисто-организационном смысле) и ассоциирования в союзном масштабе академий наук — мы в разрезе нашей принципиальной постановки вопроса не будем здесь касаться, но мы все же не можем не заметить, что необходимая реформа нашей Академии наук, которая давно уже стучится в ее двери, могла бы произойти именно на этой основе. Тогда она действительно стала бы подлинной всесоюзной «кузницей» науки, а быть может и даже больше, чем всесоюзной...

**

Кроме организации или вернее реорганизации сети научно-исследовательских учреждений, произведенной на вышеприведенной основе, — вопрос, безусловно подлежащий еще дальнейшему уточнению и конкретизации, — в задачи научного планирования входит, не может не входить, так сказать и текущая позитивно-плановая работа по составлению генерального, перспективного и оперативного годового планов работ научно-исследовательских учреждений и организаций. Организация такого рода планирования не представляет в условиях общеплановой системы, в которую естественно должно быть включено и планирование науки, каких-либо особенных принципиально новых затруднений, кроме тех, которые существуют и в нормальном порядке преодолеваются плановыми органами. Задача текущего планирования сводится главным образом к организации полного и своевременного осведомления о всех сводных планах и предположениях ведомств, республик и отдельных научных учреждений союзного, республиканского и иного значения и их объединений, чтобы на основании поступающих материалов составить и свой синтетический план научного исследования.

Но орган научплана не выполнил бы в сей своей ответственной задаче, которая на нем лежит, если бы он сущность своей работы видел только в этом — во взаимной увязке тех или иных планов, поступающих к нему в нормальном и обязательном порядке на рассмотрение, апробацию и утверждение. Планирование науки ни в коем случае не должно стать лишь еще одной инстанцией, правда безусловно необходимой, через которую должны пройти все ведомственные, республиканские и пр. планы раньше чем получить характер обязательной директивы. Планово-научный орган не должен ограничить свою работу этой, говоря весьма и весьма условно, пассивной ролью: не дожидаясь инициативы и предложений ведомств и мест, он должен сам взять на себя инициативу выявления и постановки перед наукой и технической мыслью самых актуальных, самых важных, по той или иной причине быть может не затрагиваемых этими последними проблем, вытекающих, с одной стороны, из задач и темпов строительства, с другой — из внутреннего состояния и возможностей самой науки и техники. В более широком понимании слова планирование означает и активное содействие ему. Помимо рассмотрения автоматически поступающих планов научплан должен выдвигать и свои, совершенно самостоятельные проблемы и проекты и выносить их на широкое обсуждение путем созыва конференций и съездов и др. еще более эффективными способами.

Настоящая трудность планирования науки начинается собственно говоря именно с момента выявления тех научных и технических проблем, которые должны наиболее эффективно разрешить все наши хозяйственные и культурные задачи в наикратчайший срок и

с наименьшей затратой сил. Метод составления плана, сводящийся к составлению единого общего плана, вполне выглаженного в отношении распыленности сил, неповторяемости работ и т. п., означал бы в значительной мере тоже известную бюрократизацию плана, лишеного всякого творческого начала, не вносящего в план ничего нового, оригинального. Сущность планирования науки прежде и больше всего состоит в том, чтобы найти те основные стержневые вопросы, вокруг которых вращаются, как вокруг своей оси, все остальные, подчиненные и часто производные моменты плана.

Эта важная и особая стоящая в общей системе планирования задача, где сконцентрированная экономика и техника встают друг перед другом во всей своей социологической родственности и глубокой внутренней взаимосвязанности, осуществляемая (задача) через образование специального органа, в виде ли Высшего совета науки и народного хозяйства, или Постоянного совещания, или еще каким-нибудь иным способом, должна занять центральное место в деле планирования науки и техники вообще. Такая самостоятельная постановка и разработка проблем постоянно нужна будет также и для критической оценки и проверки поступающих в организованном и обязательном порядке планов и для дачи нижестоящим плановым органам генеральных и частных директив и указаний. Этот орган содействия по примеру «Общества содействия немецкой науке» (Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft) должен иметь в своем распоряжении также и достаточное количество денежных средств целевого назначения для материального стимулирования и поощрения якобы внеплановых, но в сущности говоря глубоко плановых проблем, к разработке которых должны быть привлечены наиболее выдающиеся авторитеты как в области науки и техники, так и в области экономики и вопросов культуры.

Вышеуказанной специфической цели мог бы несомненно служить и специальный периодический орган, освещающий основные проблемы науки и техники в увязке их с той великой и спешной хозяйственной и культурной стройкой, которая идет в нашей стране.

Оплата труда в России

(Исторический очерк)

История труда в России стала привлекать к себе внимание исследователей только после Октябрьской революции и до сих пор не может похвастаться большими достижениями. Особенно слабо разработан древнейший период. А между тем при изучении динамики заработной платы и производительности труда ограничиться лишь вполне освещенным статистически периодом за два-три последних десятилетия совершенно невозможно. Лишь оперируя большими периодами в сотни лет, можно выявить в этом отношении закономерности исторического значения, очищенные от случайных колебаний конъюнктурного характера.

Не располагая временем для большого исторического исследования в этой области, мы все же хотели бы привлечь несколько крайне показательных фактов и цифр из нашей исторической древности для сопоставления их с показателями текущей современности. Вступая в социалистический этап хозяйственного развития, мы прежде всего должны дать себе отчет, какую эволюцию проделал уровень оплаты и производительности труда за весь период капиталистического развития России, т. е., примерно с XVII в. до Октябрьской революции. Но не худо заглянуть хотя бы мельком и в докапиталистический период «простого товарного производства», поскольку он поддается освещению дошедшими до нас весьма скудными историческими памятниками, начиная с «Русской правды» (X—XII века).

Никакого непрерывного динамического ряда за такой большой период мы к сожалению получить не можем. Но ограничиваясь даже только двумя крайними опорными пунктами в прошлом (XII и XVII в.), мы получим достаточную картину тех сдвигов в области экономики труда, какие имели место на протяжении целых эпох — докапиталистического и капиталистического развития нашей страны.

Начнем с эпохи «Русской правды».

1. Эпоха „Русской правды“

В X—XII веках на Руси господствующим был конечно натуральный уклад хозяйства. Все производилось для себя и лишь избытки поступали на продажу. Однако в городах мы уже в эти века наблюдаем широкое развитие торговли и ремесла. Некоторые виды ремесленного труда, например строителей, мы находим уже в XI веке организованными в производственные артели. В «Сказании о Борисе и Глебе» кн. Изяслав (1054—1078 гг.), желая построить церковь, при-

зывает для этого «старейшину древоделям», а старейшина, договорившись с князем, «собрав вся сущая под ним древоделя» и строит с ними заказанную церковь¹. Эти ремесленники (древянные здатели, древоделы, плотники, городники, мостники и т. п.) уже в то время работали по найму. И до нас дошли вполне определенные указания о нормах оплаты их труда.

По сохранившемуся историческому преданию, когда Ярослав Мудрый (жил до 1054 г.) решил строить Георгиевскую церковь в Киеве (около 1051 г.), то вначале не нашел достаточно строителей. Князь спросил: от чего мало делателей? Ему ответили: люди боятся, что лишены будут платы. Тогда князь приказал возить куны на телегах к месту стройки и объявить на торгу, что каждый получит за труд по ногате на день².

Этот рассказ не оставляет сомнений, что дело здесь шло о вольном поденном найме.

Известны однако тому же веку были и сдельные формы оплаты наемного труда.

В «Русской правде», открытой под 1016 г., мы находим такое место. За статьей «О покое вирном», определяющей, сколько вирнику следовало взять деньгами и натурой при исполнении своих обязанностей, следует ссылка «То ти урок Ярославль». А за ней читаем: «А сей урок мостником: аще помостивше мост, взяти от дела ногата, а от городники ногата»³.

За крайней лаконичностью этой древнейшей редакции не сразу ясно, что здесь дело идет о норме оплаты дневного урока мостника. Но в сопоставлении с вышеприведенным распоряжением того же Ярослава об оплате строителей Георгиевской церкви в Киеве по ногате в день видно, что это отнюдь не случайная для того времени норма.

В другой более пространной редакции «Русской правды» определяется и самый размер сдельного урока мостника: «Мостнику, помостившему мост, взяти ему от дела, от 10 локоть, по ногате»⁴. Таким образом за одну ногату в день нужно было замостить 10 локтей, т. е. примерно около 6,35 аршина помоста⁵. Такая часть или звено помоста называлась также повидимому городней. В связи с этим еще в одной редакции той же статьи читаем:

«А се мостнику уроци: помостивше мост, взяти от 10 локоть по ногате; аже починить моста ветхого, то колико городень починить, то взяти ему по куне от городне, а мостнику ехати самому с отроком на дву коню, взяти 10 локна овса на неделю, а ести, что м о ж е т а» (синодальный список).

¹ Н. Аристов, Промышленность древней Руси. СПб., 1866 г., стр. 87.

² Макарий. История русской церкви. СПб., 1857 г., т. I, гл. II, стр. 45.

³ См. В. Сергеевич, Русская правда в 4 редакциях. СПб., 1904 г., ст. 7, стр. 25 по археографическому списку.

⁴ Карамзинский список, ст. 109.

⁵ Старинный русский локоть = около 10²/₃ вершков, см. «Торговую книгу» (1575—1610 гг.) СПб., 1851 г., стр. 12. 2 аршина будет 3 локтя.

Если стало-быть за новый мост платили по ногате от каждой городни, то за починку старого — только по куне, т. е. по 0,4 ногаты. Очевидно за день починить можно было 2-3 городни. Здесь важно однако отметить, что на эту работу приходилось выходить конному и что сверх денежной платы мостнику и его лошади в этом случае полагался бесплатный прокорм в течение всей работы. О том, что именно входило в содержание кормовой доли ремесленника тех времен, можно судить по следующей статье «Русской правды» того же синодального списка.

«А се уроци городнику: закладаяче городья, куна взяти, а кончавши ногата; а за корм и за вологу, и за мясо, и за рыбы — 7 кун на неделю, 7 хлебов, 7 убороков пшена, 7 лукон овса на 4 кони; имати же ему донеле город срубить; а солоду дадят ему едину 10 лукон».

Городник выезжал на работу, судя по числу коней повидимому сам-четверт. За каждую городню (или звено) деньгами он получал 1 ногату и 1 куну, т. е. по 3,5 куны, а сверх того на прокорм деньгами или натурой: хлеб, мясо, рыбу, пшено и солод (на пиво или брагу). Плак — довольно обильный.

Для оценки простого сельского труда в «Русской правде» имеется только одно указание в статье «О сиротьем вырядке» по карамзинскому списку¹. Из этой статьи явствует, что батрачка в деревне получала в XII веке по гривне на лето, на хозяйских харчах и прочем содержании, разумеется.

Все эти скудные сведения не говорят нам еще ровно ничего об уровне жизни наемника той эпохи, пока нам неизвестна покупательная сила денежной единицы времен «Русской правды».

* * *

В древней Руси понятие гривна употреблялось в качестве названия единицы веса (гривна золота, гривна серебра) и в качестве денежной единицы (гривна кунами). До сих пор среди исследователей нет полного единства в определении точного значения этой единицы.

В качестве единицы веса, по Кауфману, наша гривна ведет свое начало через арабский восток от древневавилонской мины². Эта единица монетного веса, т. е. древняя мина, а затем иракский ротль определяется ныне в 409,32 г, т. е. почти в точности равняется современному русскому фунту (409,51 г). Кроме того мы знаем, что из ротля чеканилось 96 арабских золотых динаров, которые, как видно из содержания многих южнорусских кладов, хорошо были известны нашей домонгольской Руси. Вместе с тем известно, что сохранившиеся русские золотые монеты Владимира и Ярослава Мудрого (до

¹ „А жонка с дчерью, тем страды на 12 лет, по гривне за лето, 20 гривен и 4 гривны кунами“.

² И. И. Кауфман, Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейших времен, СПб., 1906 г.

1054 г.) по своему весу не отличаются от арабских динаров. От этих золотых или «златниц» очевидно и ведет свое начало наш золотник, составляющий $\frac{1}{96}$ фунта. В связи с этим Кауфман полагает, что древняя гривна в качестве весовой единицы уже в домонгольский период равнялась нынешним 96 золотникам и стало-быть является прямой родоначальницей современного русского фунта.

Однако не следует забывать, что древняя мина в 96 золотников, или динаров, употреблялась только для взвешивания золота. Для взвешивания более дешевого серебра на Востоке употреблялась более крупная мина в 128 золотников, из которой чеканилось 192 серебряных диргема в $\frac{2}{3}$ золотника каждый. К этому можно добавить, что и на Руси серебро Владимира «Святого» и Святополка Окаянного (умер в 1112 г.) чеканилось по образцу диргем в $\frac{2}{3}$ золотника¹. А значительно позже из «Торговой книги» (1575—1610 гг.) узнаем кстати, что у нас на Руси имели хождение тоже две различные единицы веса: «старый, бухарский ансырь» в $\frac{1}{3}$ фунта, или 128 золотников, и «нынешний», равный современному фунту в 96 зол., или 409,5 г.

Восточное происхождение этих единиц веса ясно уже из их названия, а весовое выражение (96 и 128 золотн.) вполне тождественно с тем, что нам известно о весе различных разновидностей древней мины. Весьма вероятно поэтому, что и в домонгольской Руси были известны одновременно две гривны: гривна серебра — в 192 серебряника (диргема) и гривна золота в 96 златниц (динаров), отнюдь не равные, несмотря на их одноименность, друг другу. А затем одна из них постепенно вышла из употребления («старый ансырь» «Торговой книги»), а другая дошла до наших дней под немецким названием фунта².

В денежном значении гривна повидимому всегда была только счетной единицей, ибо столь крупных монет ни в золоте, ни в серебре до нас не дошло. В качестве же счетной единицы домонгольская гривна кунной системы определяется нами на основе следующих фактов. В эпоху «Русской правды» фактическое обращение в роли ходячей монеты имели повидимому только ногата, куна и резана. На одну гривну кунами считалось 20 ногат, или 50 резан. Меновое значение гривны кун и в наиболее ранних и в позднейших списках «Русской правды» повидимому везде одно и то же. Во всех исправных ее списках гривна приравнивается по таксе 1 волю, или 10 телятам, или 20 баранам и т. д. Точно так же постоянной величиной по всем спискам является и стоимость ногаты («а за боран ногата»). Что же касается куны, то в более древних списках (акад. и археогр.) куна фигурирует на ряду с резаной, но расценивается вдвое выше,

¹ Там же, стр. 86: 103 серебряника Владимира весят 6.525 долей, по 63,85 долей каждый, 28 монет Святополка дают средний вес 63,5 доли, т. е. почти $\frac{2}{3}$ золотника.

² Мнение Прозоровского, Ключевского и др., которые определяют фунт XVI—XVII веков в 112 нынешних золотников, мы считаем опровергнутым позднейшей работой И. И. Кауфмана.

а в новейших (синодальный, троцкий, карамзинский, Оболенского и т. п.) куна обесценивается вдвое и повсюду замещает собою резану, которая, как известно из других источников, начиная с XIII в., вовсе выходит из употребления. Отсюда заключаем, что вначале гривна делилась на 25 кун и лишь вследствие обесценения последней вдвое стала к XIII в. равняться 50 кунам¹.

Таким образом в X-XI веках гривна-куна равнялась 20 ногатам, 25 кунам, или 50 резанам. Куны, как явствует уже из их названия, представляли повидимому первоначально шкурки куниц, выполнявшие в древности назначение ходячей монеты. Но современем слово «куна» стало употребляться в более общем смысле денежной единицы, и в качестве таковой могла выражаться и в шкурках разных зверей и в серебре. В отношении происхождения слов «ногата» и «резана» до сих пор нет общепринятого объяснения. Однако мне кажется, что достаточно оба эти термина сопоставить друг с другом, чтобы найти искомое объяснение. И ногата и резана на мой взгляд выполняли свою роль денежных единиц в качестве звериных шкурок различной ценности. Причем «резаной» называлась неполноценная шкурка с обрезанными лапками, а «ногатай» в противоположность этому — цельная шкурка со всеми ее конечностями. Один исследователь отверг последнюю догадку на том основании, что у соболей, куниц или белок конечности называются лапками, а не ногами, и предпочел на этом основании рассматривать слово «ногата» как иностранное, заимствованное с Востока. Однако наши предки были не столь уж строги в области филологических тонкостей². Лапки соболиные и прочие они с совершенно спокойной совестью называли «ногами» и обрезали их обычно, искусно сшивая из лапок и т. п. обрезков целые меха для менее притязательных покупателей³. Но именно поэтому отличать «резаную» шкуру от «ногатай» у них были все основания.

На ряду с пушниной однако уже с X века у нас появляется в денежном обороте и серебряная монета. Спрашивается, какую же из вышеназванных денежных единиц представляли дошедшие до нас серебряники Владимира и Святополка, весившие около $\frac{2}{3}$ золотника. Мы принимаем их за резану, т. е. $\frac{1}{50}$ долю гривны кун, откуда эта последняя определяется в 32 золотника, т. е. в $\frac{1}{3}$ нового, или $\frac{1}{4}$ «ста-

¹ Впрочем у Аристов («Промышл. древней Руси». СПб., 1866 г., стр. 233) есть указание, что и в XIII в. новгородские куны были вдвое меньше смоленских; таким образом возможно, что различная расценка кун в разных списках объясняется различным их географическим происхождением, а не большей или меньшей древностью.

² Так например Иван III в конце XV в. сообщал своей дочери Елене в Литву: «Приказывала ты еще, чтобы прислать тебе соболя черного с ногами передними и задними и с когтями; но смерды, которые соболей ловят, ноги у них отрезают...». С. Соловьев, История России, т. I—V, СПб. Изд. 3-е, стр. 1479.

³ Кроме лапчатых на древнерусском рынке обращались также составные меха пупковые, черевьи, хребтовые и т. д. — А. И. Никитский. История эконом. быта Вел. Новгорода, М., 1893 г., стр. 165.

рого» монетного фунта, известного еще в XVI в. под именем бухарского ансыря.

Это допущение вполне подтверждается следующим свидетельством памятников того времени. В договорах русских с греками, Олега от 911 г. (ст. 5) и Игоря от 945 г. (ст. 14), установлен тариф за побои или рану в 5 литр серебра «по закону русскому». Соответствующая статья «Русской правды» (ст. 3, акад. сп.) определяет этот штраф в русской валюте в 12 гривен. По вполне удостоверенным данным нумизматики византийская литра и соответствующая ей римская либра тех времен равны 327,4 г, или $\frac{1}{5}$ фунта, т. е. 77 наших золотников¹. Отсюда 5 литр = 385 золотникам, а 1 гривна кун X века = $385 : 12 = 32$ золотника, т. е. ровно $\frac{1}{3}$ нынешнего фунта, или $\frac{1}{4}$ старого ансыря².

Сопоставляя «Русскую правду» с мирной новгородской грамотой 1195 г. и договором г. Смоленска с немецкими городами от 1229 г., мы можем установить далее следующие факты. Виры и продажи, известные нам по «Русской правде», в договоре 1229 г. выражены в гривнах серебра, т. е. весом, а не монетою. При этом двойная вира «Русской правды» за голову в 80 гривен кунами в договоре 1229 г. выражается суммой в 20 «гривен серебра», простая вира — в 40 гривен кун приравнивается 10 гривнам серебра, штраф за побои в 3 гривны кун оценивается здесь в «три четверти серебра» или по другой редакции «без четверти гривна серебра» и т. д. Вполне понятно, что в торговых сношениях с иностранцами весовая гривна серебра была более подходящей единицей счета, чем любая монетная, ибо в связи с широко распространенной порчей монеты в международных отношениях ее все равно принимали в уплату обычно только на вес. Но для нас важно установить из этих соотношений, что гривна серебра 1229 г. равнялась ровно четырем гривнам кун «Русской правды»³. Это соотношение подтверждается и вирами мирной новгородской грамоты 1195 г. Здесь тоже двойная вира выражается суммой в 20, а простая — в 10 гривен серебра, но на ряду с этим в других статьях мы встречаемся здесь также с вирой в «40 гривен в ет х и м и кунами»⁴. Отсюда заключаем, что к концу XII в. денежный счет «Рус-

¹ И. И. Кауфман, Русский вес..., стр. 71.

² Ср. у П. Мрочек-Дроздовского, Опыт исследов. источников по вопросу о деньгах Русск. правды, след. догадку: «Найденные в 1826 г. в Киеве слитки в $\frac{1}{3}$ (почти) фунта суть киевские гривны кун». (Ученые записки моск. ун-в. М., 1881 г., вып. II, стр. 80).

³ См. М. Владимировский-Буданов, Христоматия по истории русского права, вып. I, изд. 6-е, 1908 г., стр. 97 и след.

⁴ Там же, стр. 93—96. Первые указания на появление в обороте «новых кун» относятся еще к 1137 и 1224 гг. (см. П. Мрочек-Дроздовский. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Рус. правды, — Учен. записки моск. ун-в., изд. юрид., вып. II, М., 1881 г., стр. 24. Но возможно, что эти указания отмечают лишь время перехода от более крупной куны в $\frac{1}{25}$ счетной гривны к более мелкой в $\frac{1}{50}$ той же гривны.

ской правды» хотя и выходил из употребления, но отнюдь еще не был забыт.

Таким образом можно считать, что в X—XII веках гривна кун «Русской правды» в 32 золотника составляла не $\frac{1}{3}$, а $\frac{1}{4}$ весовой гривны серебра, и стало-быть тогдашняя гривна серебра весила на нашу нынешнюю меру не 96, а 128 золотников, или 545,7 г.

В XIII в. старая гривна кун в 32 золотника повидимому уже вышла из употребления. В договоре Новгорода с немецкими городами 1270 г., дошедшем до нас только в древненемецком переводе, гривны именуются «марками» серебра и марками кун. Но из сопоставления с договорами 1195 и 1229 гг. легко установить, что весовая марка серебра 1270 г. во всех вирах и продажах, известных нам по другим памятникам древнерусского права, в точности соответствует по значению гривне серебра 1195 и 1229 гг. Что же касается денежной марки 1270 г., или гривны кун, то она, судя по договору 1270 г., уже значительно легче древнейшей гривны кун и содержит в себе вместо 50 только 30 кун¹. Из анализа разных статей этого договора можно вывести, что гривна чистого серебра в расчетах Новгорода с немцами приравнивалась в это время примерно 8 гривнам кун². Но нужно учесть, что серебро принималось при этом на вес за скидкой на лигатуру³. Достоинство тогдашних слитков было не выше 90-й пробы, и значит на гривну серебра в монете по весу шло не более 7,5 гривен кун. Именно такое определение мы и находим в одной позднейшей приписке к «Русской правде» о штрафе за бесчестие: «А за бещестную гривну золота... взять ему 50 гривен, а за гривну сребра полосмы гривны»⁴.

¹ См. напр. ст. IX договора 1270 г. и проекта, где доставка товаров от берега до немецкого двора расценивается в 15 кун, а от двора до берега в половину марки, или гривны кун. Ив. Андреевский. О договоре Новгорода с немецк. город. и Готландом, закл. в 1270 г. СПб., 1855 г., стр. 26 и 27. Ср. также одно место из «Вопросов Кирика» (1130—1156) в списке XIII в., где одна служба за упокой оценивается в 6 кун, две—в 12 кун, а 5—в целую гривну. «Памятники древнерусского кафолич. права», ч. I, изд. 2-е. СПб., 1908 г., стр. 24.

² Из ст. XXIV и XXV договора 1270 г. видно, что за рану продажа составляла 1,5 марки серебра, а за побои 3 фердинга. По договору 1229 г. штраф за синюю, или кровавую рану составлял 1,5 гривны серебра, а за побои $\frac{3}{4}$ гривны серебра. Отсюда 1 фердинг = $\frac{1}{4}$ марки серебра. Из ст. 22 и 23 «Правды немецкого двора» XIII в. («Новгородские скры») видим, что летние гости платили «дань» вдвое ниже зимних, откуда, сопоставляя ставки этой «дани», можно заключить, что один фердинг = 2 маркам кун. Значит—гривна (марка) серебра = 4 фердингам = 8 гривнам (маркам) кун. (См. Андреевский, назв. соч., стр. 34 и 53. На стр. 45 Андреевский приравнивает 1 марку серебра 16 маркам кун, но ничем этого не подтверждает).

³ В Смоленском договоре 1229 г. имелась об этом специальная оговорка: («точное серебро без 10 золотник, а взяти с веса») при весе гривны в 128 зол. 10 зол. лигатуры определяют 88,5 пробы. По анализам старых слитков серебра новгородских кладов эта проба определялась по-разному, но в средних пределах около 90-й пробы.

⁴ Новгород. летопись по синод. харат. списку, изд. Археогр. ком. СПб., 1888 г., стр. 475.

Эта приписка относится исследователями к XIII в. И стало-быть с XIII в. гривна серебра (в 128 зол.) содержала уже не 4, а 7,5 гривен кун. Вес такой гривны с лигатурой можно определить в $128 : 7,5 = 17,1$ золотника¹. Ногат, почти не изменивших своей ценности вплоть до XV в., эта гривна кун содержала в XIII в. только десять, а кун, как уже было указано выше, тридцать².

В XIV веке гривна кун терпит дальнейшее резкое снижение своего веса и значения. Под 1305 г. в Ипатьевской летописи значится: «сице лях един по гривне, се есть по десяти грошей литовских». Таким образом гривна кун к этому времени равнялась уже $\frac{1}{10}$ литовского рубля, который определяется Прозоровским в 82,5 золотника³. Откуда гривна кун весила уже только $8\frac{1}{4}$ зол. и содержала не более 5 ногат, или 15 кун.

В XV в. кунная система денежного счета уже отмирает. По летописному известию, псковитяне в 1409 г., а новгородцы в 1410 г. «куны отложиша» и перешли к счету сначала на немецкие артуги, а с 1420 г.—на серебряные деньги собственной чеканки⁴. В Москве эти деньги вошли в употребление еще раньше, примерно с 1381 г., причем новая денежная система базировалась уже и на новой единице «низовского» веса, а именно на «рублевой гривенке» в 48 золотников⁵. А соотношение между единицами той и другой системы к моменту их смены

¹ С этим выводом любопытно сопоставить следующее известие от 1652 г.: «По приказу дьяков Серебряного ряду у Ивашки Максимова выменено пречистые богородицы Казанские серебрянная чеканная гривна, что в Поместном приказе в ките за решеткою, на прикладные старые малые гривенки, а весом в старых гривенках было семнадцать золотников, да прибавлено вновь серебра к той же гривенке четыре золотника, по 2 алтына 3 деньги за золотник». «Расходные книги и столпы поместного приказа». М., 1910 г., стр. 297. Повидимому старые гривенки в 17 зол., о которых здесь идет речь, это случайно уцелевшие древние гривны кун XIII в.; по сравнению с более древними гривнами в 32 зол. они конечно «малые».

² См. А. И. Никитский История экон. быта Вел. Новгорода. М., 1893 г., стр. 103. При этом Никитский, считая в ногате по-старому 2,5 куны, насчитывает их в гривне 25, но страницей ниже (стр. 104) сам приводит ссылку на договор с немцами 1269 г., где 15 кун приравниваются $\frac{1}{2}$ гривны, откуда денежная гривна XIII в. = 30 кунам, а весовая $30 \times 7,5 = 225$ кун.

³ «Полное собр. рус. лет.», т. II, стр. 227, и Д. И. Прозоровский, Монета и вес в России до конца XVIII ст. СПб., 1865 г., стр. 291.

⁴ И. И. Кауфман, Сер. рубль, стр. 29; «ПСРЛ.», III, стр. 104; Новгород. синод., стр. 398.

⁵ И. И. Кауфман, Сер. рубль, стр. 3, 13, 14, 19, 36. На ряду с рублевой гривенкой в 48 золотников существовала повидимому уже с начала XIV в., если не раньше, и рублевая гривна в 96 золотников. О рублевой единице веса впервые упоминается уже под 1316 г. Быть может именно на этой единице низовского веса базировались и те особые «волжские» гривны, о которых упоминается в Уставе новгор. кн. Святослава (1137 г.) и которые собирались от вир и продаж в Рыбаньске (Рыбинске) и других местах Поволжья. На этой же новой базе строились повидимому с XIV в. и литовско-русские рубли в 100 грошей. Псковская летопись («ПСРЛ.», IV, стр. 199, V, стр. 20), упоминая под 1407 г. о полтине серебра в 15 гривен кун, когда гривна кун равнялась уже только 2 ногатам по 1,6 золотн., тоже предполагает рубль серебра в 96 золотников.

по «Памети» 1494 г. о том, «как торговали доселе новгородцы», определяется так: новая гривенка серебра в 48 зол. = рублю = $15\frac{3}{7}$ гривен кун = $30\frac{6}{7}$ ногат = 108 кун = 216 денег¹. Отсюда гривна кун начала XV века = 2 ногаты = 7 кун = 14 денег = 3,1 золотника серебра. Ногата в 3,5 куны, или 1,55 зол. серебра, по своему значению в переводе на серебро почти не изменилась по сравнению с X—XII вв., когда она равнялась 1,6 золотника серебра. А куна, равная 2 деньгам, сравнялась по цене с белкой, т. е. заметно понизилась в своем значении со времен «Русской правды».

**

Определив валютное значение различных денежных единиц древней Руси, перейдем теперь к установлению их покупательной силы в товарном выражении.

Обычно для учета покупательной силы денежной единицы в разное время наши историки хозяйства (Ключевский, Туган-Барановский и др.) довольствуются сопоставлением хлебных цен. К сожалению хлебные цены подвержены наибольшему колебаниям, в связи с колебаниями урожайности и целым рядом иных привходящих обстоятельств. В частности, если речь идет о больших промежутках времени, то шаткость выводов получается в этой области уже по причине неустойчивости единицы измерения хлебов во времени и пространстве. Встарину хлеба продавались не на вес, а на меру, причем эта мера (четверть) до XVII века в Москве составляла всего около 4 нынешних четвериков, а в XVII века она уже удвоилась: в Новгороде она была в полтора раза больше, чем в Москве, четверть в «приимочную меру» — 8 четвериков с верхом, а «в отдаточную меру» — 6 четвериков под гребло и т. д., — в каждой области, каждом городе своя мера или свои особенные способы измерения. Поэтому хлебными ценами вообще приходится пользоваться с большой осмотрительностью, проверяя хлебный индекс динамикой цен скота и других сродных товаров. Если же речь идет об уровне жизни, то хлебные цены в отрыве от других и подавно не могут служить сколько-нибудь точным мериллом его.

Хлебные цены в древнейших записях летописца мало показательны уже потому, что в летопись заносились по общему правилу исключительные цены о с о б о г о л о д н ы х л е т². Кроме того почти все записи этого рода относятся к Новгородской области, где обычно не хватало своего хлеба и расценивался он по ненормально высоким ценам. Наиболее умеренная из них от 1137 г. составляет 7 резан за осмину новгородскую (около 3 пудов), или около 0,47 гривны за берковец. За другие годы цены еще более исключительные. Ими мы и вовсе не могли бы воспользоваться для характеристики н о р м а л ь н о г о уровня жизни тех времен. И потому в поисках за более нор-

¹ Прозоровский, стр. 174; И. И. Кауфман, Сер. рубль, стр. 20, 25, 51.

² См. Аристов, Промышленность древней Руси, СПб., 1866 г., и Лешков. О народном продовольствии в древней Руси. М., 1854 г.

мальными ценами хлеба мы принуждены обращаться к гораздо более поздним свидетельствам.

Особенно пригодными для нашей цели получить ясное представление о н о р м а л ь н о м уровне цен на те или иные продукты являются те урочные таксы, какие содержатся в древнейшем законодательстве для определения цены гражданского иска при покупке или уплате налога натурой и т. п. случаях. Такие нормативные цены в отличие от рыночных не подвержены случайностям конъюнктуры и могут заменить собой с р е д н и е цены фактических сделок за соответствующий момент. Эти оценки, конечно, легко могут устареть, если их долго не пересматривают, но для момента издания данного закона они достаточно показательны.

Для хлеба в зерне мы могли бы, например, привести определения писцовых книг 1498—1524 гг., из которых явствует, что коробья ржи в Новгородской области стоила нормально 10 новгородских денег¹.

Новгородская коробья XV века содержала две четверти по 6,15 пуда, т. е. около 12,3 пуда, а 10 денег тогдашних весили $\frac{1}{100}$ фунта, или 1,6 зол., т. е. коробья ржи оценивалась здесь в одну древнюю ногату, а за берковец надо считать около 0,047 древней гривны, т. е. раз в десять дешевле голодной цены 1137 г. Если эту цену признать даже слишком низкой для XII века с его архипрimitивными условиями земледелия, то все же ясно, что нормальная цена ржи в X—XII в. колебалась где-то между указанными пределами (0,47 и 0,047), т. е. примерно около 0,26 древней гривны за берковец, или 5,2 ногаты (8,3 золотника серебром).

В печеном виде хлеб расценивался в голодные годы не ниже 2 кун за ковригу по летописному новгородскому известию 1129 г.² Указные же цены печеного хлеба, начиная с XIV в., не превышают даже в Новгородской области деньги за ковригу³. Исходя из соотношения цен на печеный хлеб и зерно, мы определяем средний вес ковриги хлеба XII—XIII вв. не ниже 20 фунтов⁴. Одна новгородская серебряная денга с 1447 до 1535 г. весила $\frac{1}{1000}$ фунта. Отсюда коврига хлеба в XV в. оценивалась нормально около 0,16 золотника в серебряной монете, т. е. в 0,1 ногаты. Таким образом 1 пуд печеного хлеба для времен «Русской правды» стоил повидимому от 0,2 ногаты до 4 кун, т. е. в среднем около 0,9 ногаты.

Цена пшеницы в отношении к ценам ржи в XII—XIII вв., по Аристову, стояла выше на 60—70%; цены пшена стояли выше пшеницы на 25—40%.

¹ Новгородские писцовые книги, том IV, СПб., 1905 г., стр. 227, том V, стр. 387.

² Аристов, назв. соч., приложение. Та же голодная цена отмечена для Новгорода и в 1228 г. в связи с военными сборами — „от стечения народа“.

³ Там же, XIV в. и 1455—1462 гг., ср. Уставную белозерскую грамоту 1488 г., Уставную — 1537 г. бобровникам Владимирск. у. и др., Турчинович. История сельского хозяйства России. СПб., 1854 г., стр. 11—12.

⁴ Этот вес подтверждается и прямыми данными „Указа о хлебном и калачном весе“ 1626 г., „Временник моск. о-ва истории“. М., 1849 г., кн. 4.

Для расценки животных продуктов той же эпохи у нас имеется довольно указаний в самой «Русской правде». Причем и здесь имеются двоякого рода расценки: во-первых, указные таксы или урочные нормы стоимости скота на случай его покражи и, во-вторых, в одном из списков «Правды» частнохозяйственные инвентарные оценки имущества некоего ростовского князя или боярина. Этот инвентарь карамзинского списка «Русской правды» представляет в нем явно инородное, но тем не менее чрезвычайно любопытное включение. Составлен он очевидно не позже начала XII века, так как денежный счет в нем ведется на резаны, которые позже 1137 г. в летописях уже не встречаются, заменяясь кунами. Тем не менее инвентарные оценки скота по карамзинскому списку значительно выше урочных цен того же и всех других списков. Очевидно урочные цены еще более древнего происхождения, а может быть отчасти тут причиной и качество скота. «Княжий» конь и в урочной расценке в 1,5 раза дороже «смердьего». По той же причине и боярский скот ростовского поместья может быть значительно дороже средних расценок более худосочных — «смердых» коров, свиней, баранов и прочей домашней скотины.

Сопоставляя урочные и инвентарные цены «Русской правды» на скот, имеем для вола расценки от 1 до 3 гривен, в среднем 2 гривны, для коровы — от 0,8 до 2, в среднем 1,4 гривны, для свиньи — от 0,1 до 0,5, в среднем 0,3 гривны, и для овцы — от 0,1 до 0,3 и в среднем 0,2 гривны кун. В 1913 г. вол стоил в среднем по 50 губ. Европейской России 85 руб., корова—59 руб., свинья—17 р. 90 к. и овца—6 р. 40 к. Из этих соотношений не трудно вывести средний индекс вздорожания мясного скота с X—XII века¹. Для первого приближения допускаем, что вес и качество крестьянского скота в среднем не очень заметно прогрессировали со времен Ярослава Мудрого. А в таком случае можно бы считать, что и цены на битое мясо возросли в том же отношении, как и цены живого скота.

Имеется впрочем в «Русской правде» одно прямое указание на цены битого мяса со ссылкой на «урок Ярославль», т. е. восходящее к началу XI века. Этот урок определяет цену за овна или полоть мяса в 2 ногаты (ст. 42, акад.). Однако за отсутствием весового значения этой единицы использовать его для нашей цели едва ли возможно.

Из молочных продуктов «Русская правда» дает нам только цену коровьего масла: за «горнец» — 10 резан, или 0,2 гривны-кун, и цену сыра: резина за штуку (ст. 56, карамз. сп.)². Но размер сыра нам неизвестен. А горнец, т. е. горшок масла, судя по практике XVII в., ве-

¹ Для рогатого скота он выводится нами в 42 раза, для овец — в 32, в среднем около 38 раз.

² В ст. 42 кар. списка имеется еще в расценках краденого такое место: «а за корову 40 кун... а за теля 5 кун... а за коровье млеко 6 ногат». Повидимому за дойную корову можно было взыскивать на 6 ногат или 15 кун больше, чем за яловую.

сил не менее 10 ф.¹ и, зная это, мы получаем возможность хотя бы приблизительного сопоставления с нынешними ценами. Нужно только помнить, что указанная цена масла относится к повышенным расценкам ростовского имения, где корова по той же статье 56 «метана по две гривны», в то время как урочная ее цена по ст. 42 того же списка в 2,5 раза дешевле. Очевидно и цену масла в 10 резан за горнец надо считать высшей для эпохи «Русской правды», а низшей — применительно к ценам ст. 42, была бы цена около 4 резан за 10 фунтов.

Из других пищевых продуктов мы можем еще установить расценки на мед, заменявший в старину нынешний сахар, и соль. Мед продавался в Новгороде в 1170 г. по 10 кун за пуд и в этой цене весьма устойчиво держался вплоть до XIII в. (1269 г.)². В наше время пуд меда (1913 г.) стоил бы не менее 10 руб., а сахар — не свыше 5-6 руб., а потому мы в индекс уровня жизни считаем более правильным вводить сахар. В отношении соли имеется довольно темное указание Патерика Печерского от XI в., по которому дорогой ценой в Киеве считалось, когда на куну давали 2 головажи соли, а дешевой — 10 головажей за куну³. Если вслед за Аристовым приравнять головажу ведро, то, считая в нем около 20 ф. соли, придется берковец соли оценить от 2 до 10 кун; а в среднем по 6 кун, или 1,5 ногаты за 10 пуд. соли. Но Аристов совершенно произволен в своей догадке. Из «Русской правды» известно, что вирник с отроками, сам четверт (а кони 4), получал на неделю корму: «7 ведер солоду, а хлебов 7... а соли 7 головажень» (стр. 7, карамз. сп.). Из структуры бюджетов видно, что на 100 фунтов хлеба расходуется в городах обычно не свыше 3-4 ф. соли. И если каравай хлеба весил не больше 20-30 ф., то «головажня» соли очевидно не ведро, а раз в 20 меньшая мера (кружка?). А соль — очень дорогой товар по сравнению с нынешними ценами.

Обращаясь к более поздним источникам, приведем только два указания. В 1232 г. в Новгороде и Пскове из-за войны и недостатка подвоза соль продавалась дорого. «Купляху соль по 7 гривен бърковьск» (1-я Новг. лет., стр. 240). Гривна XIII в. содержала 10 ногат, значит за пуд соли платили по 7 ногат, или 0,35 старой гривны. В 1407 г. в Пскове при дешевых ценах пуд соли продавался по гривне (1-я Псковская). Гривна кун начала XV в. содержала только 2 ногаты, или 0,1 старой гривны. В среднем стало-быть пуд соли по древнейшим летописным известиям стоил около 4,5 ногаты за пуд⁴.

¹ Расходн. книга м. Никона, 1652 г., «Временник моск. о-ва истории». М., 1852 г., стр. 11, 24 и 26, где горшок масла стоит 10 алтын при цене масла в 1 алт. за фунт.

² См. Аристов, назв. соч., стр. 39 и Новгор. лет. (1-я) под 1170 г.

³ Аристов, стр. 69 и 284.

⁴ Конечно на местах добычи соль была во много раз дешевле. Так в 1253 г. в Крыму русские платили, по Аристову, за соль тканями на сумму до полугривны за воз, т. е. по 5 ногат пудов за 25; за пуд — 0,2 ног. Подобно этому в Перми Великой в 1674 г., по Кильбургеру, соль продавалась по 1,5 коп. за пуд, в то время как в Москве она стоила тогда 20 коп. пуд.

Из предметов, пригодных для оценки одежды, мы располагаем лишь ценой овечьей шерсти. По «Русской правде» руно овечье, т. е. около 2,5 ф. грубой овечьей шерсти в ростовском имении «чтено по резане» (ст. 49, карамз. сп.). Кроме того из того же источника известна еще урочная расценка дров: за воз, т. е. пудов за 25, по зимней дороге по 2 ногаты (стр. 96, карамз. сп.).

Наиболее дешевым однако в древней Руси было жилище.

Древнейшее известие по этому вопросу относится к XIV в. В Новгородской области изба, клеть и овин оценивались в XIV-XV вв. всего в 10 бел, или 20 денег, Аристов, приводя это известие, называет такую цену «неимоверно дешевой»¹. И действительно трудно допустить, чтобы крестьянский двор стоил дешевле барана (15 бел по оценке тех же источников). Но от XVI века у нас сохранилось следующее более достоверное известие. В Пскове для приезжих торговцев содержался гостиный двор с 69 «амбарами». С амбара, в каждом из которых было по 2 избы с сениями, т. е. целая квартирка, взималось «за тепло и за стряпню, и за соль, и за капусту, и за скатерть, и за квас, и за утиральники» по 4 деньги в неделю². За 52 недели это составит 208 денег, т. е. $208/1200$ фунта серебряной монетой, или 0,52 древней гривны. А в 1910 г. годовая плата за квартиру в 1—3 комнаты в среднем по всем городам и поселкам России, в границах нынешнего СССР, составляла 208 руб. вместо прежних 208 денег³. Отношение тоже чрезвычайно высокое. Впрочем высота этого отношения объясняется не столько дешевизной строительства в древнее время, сколько высотой лесной и в особенности земельной ренты в городских поселениях капиталистической России.

Пользуясь приведенными оценками и взвешивая их по структуре рабочего бюджета XX века, мы получим такое соотношение: (см. табл. 1 на стр. 107).

Использованный здесь бюджетный набор далеко не полон и в некоторых звеньях опирается на довольно шаткие основания, но в общем дает все же вполне достаточную ориентировку в направлении и масштабах интересующих нас ценовых сдвигов.

Эти сдвиги весьма показательны, особенно, если все цены выразить не в меняющейся во времени денежной единице, а в фунтах или в денежном металле — серебра и золота. Как видим, в серебре все цены выросли раз в семь, а в золоте — только на 75%. Это означает конечно относительное удешевление серебра по сравнению с золотом и другими товарами. Иначе говоря, затраты труда на добычу серебра падали за исследуемую эпоху быстрее, чем в земледелии, животноводстве и других смежных областях производства. Наибольшее вздорожание в серебре обнаруживают продукты животноводства

¹ Аристов, назв. соч., прилож., «Ср. Акты Зап. России», I, № 2, стр. 131, А. Ю., № 7, XXII.

² Кулишер, История русской торговли, 1923 г., стр. 174.

³ С. Струмилин, Очерки советской экономики, изд. 2-е, стр. 52.

Уровень цен X—XII веков

Табл. 1

Состав набора	Единица счета	Годовая норма потребления	Цена за единицу		Годов. норма		Индекс вздорож. (X—XII вв. = 1,0)
			X—XII вв. в гривнах кун	1913 г. в руб.	X—XII вв. в гривнах кун	1913 г. в руб. и коп.	
			4	5	6	7	
1. Рожь в зерне	пуд.	10,0	0,026	0,87	0,260	8,70	33,5
2. Хлеб печеный	"	2,0	0,045	1,05	0,090	2,10	23,3
3. Пшеница в зерне	"	6,0	0,043	1,16	0,258	6,96	27,0
4. Пшено	"	2,0	0,057	1,60	0,114	3,20	28,1
Итого	"	20,0	—	—	0,722	20,96	29,1
5. Говядина	"	1,5	0,195	7,40	0,292	11,10	38,0
6. Баранина	"	1,0	0,169	6,40	0,169	6,40	38,0
Итого	"	2,5	—	—	0,461	17,50	38,0
7. Масло коровье	"	0,3	0,560	17,80	0,168	5,34	31,8
8. Мед-сахар	"	0,6	0,200	5,84	0,120	3,50	29,2
9. Соль	"	0,5	0,220	0,30	0,110	0,15	1,4
10. Шерсть овечья	"	0,2	0,320	13,20	0,064	2,64	41,38
11. Дрова	воз	3,0	0,100	3,74	0,300	11,29	37,4
12. Жилище	кв. саж.	1,2	0,023	9,10	0,027	10,92	400,0
Всего по 1—12 в валюте . .	—	—	—	—	1,972	72,23	36,6
То же в фунтах (409,5 л):							
а) серебра	фунт.	—	3	15	0,658	4,82	7,3
б) золота ¹	"	—	25	525	0,079	0,138	1,75

и лесоводства (шерсть в 5,6 раза, мясо в 5,2 раза, дрова в 5,1 раз, масло в 4,3 раза), а затем продукты растениеводства (в 4,0 раза). Отсюда заключаем, что наименьшие сдвиги в производительности труда за последние 8—10 столетий можно отметить в лесных разработках и мясном животноводстве.

Если условно допустить, что движение цен в этих отраслях шло пропорционально трудовым затратам, и прирост производительности труда в разведении мясного скота принять за отправную норму, то в производстве молочных продуктов мы можем отметить дополнительный против этой нормы прирост производительности труда, равный отношению 38 : 31,8, т. е. процентов на 20, в производстве зерновых хлебов (38 : 29,1) — на 30 % и т. д. Особенно велики эти сдвиги однако лишь в отношении серебра и соли, т. е. продуктов промышленного труда. В добыче серебра по отношению к тому же уровню

¹ Цена золота для древнейшего периода выведена из приведенного выше указания XIII в., что гривна золота = 50 гривнам кун. Считая в гривне кун XIII в. по 16 золотников чистого серебра, а в гривне золота — 96 золотников, получаем отношение 800 : 96 = 8,33.

мы должны констатировать относительный прирост производительности труда в 5,2 раза, а в добыче соли (38 : 1,4) — раз в 27. Впрочем, в отношении соли столь резкое удешевление следует объяснять не столько условиями добычи, сколько условиями перевозки соли. Железнодорожный транспорт по сравнению с гужевым дает колоссальное удешевление перевозок, а в цене соли на месте потребления издержки транспорта играют решающую роль.

В отношении уровня жизни и реальной оплаты наемного труда в эпоху Ярослава Мудрого мы можем, пользуясь исчисленным индексом, притти к следующим выводам. Гривна Ярослава, как видим, стоила в предметах первой необходимости не менее 36 рублей 1913 г. Поденная плата плотнику в 1 ногату, стало-быть, составляла около 1 р. 80 к. довоенных, а годовая за 250—300 дней — не менее 450 р. в год.

Перед началом империалистической войны, в июне 1914 года, средний поденный заработок взрослых рабочих мужского пола по всей фабрично-заводской промышленности России достигал только 1 р. 41 коп. Специально у деревообделочников, чтобы лучше сравнить их с древоделами XI в., средний поденный заработок по всем группам в июне 1914 г. составлял едва 1 р. 28 коп., а у взрослых мужчин поднимался до 1 р. 49 коп. И даже у наиболее высокооплачиваемых столичных плотников по справочным ценам Московской городской управы поденная плата в среднем за 1913 г. составляла только 1 р. 73 коп. Таким образом, в лучшем случае можно считать, что на вершине капиталистического развития в царской России наш рабочий стоял по реальной оплате своего труда едва на том же нищенском уровне, что и 900 лет тому назад на заре российской государственности при неизмеримо более низком уровне производительных сил страны и, стало-быть, при неизмеримо более низком уровне народного дохода.

На первый взгляд этот вывод может показаться довольно неожиданным. Но, тем не менее, он совершенно верен. И мы будем иметь еще не один случай подтвердить его на историческом опыте различных эпох и народов.

2. Уровень жизни XVII века

В отношении оплаты ремесленного труда при первом царе из дома Романовых у нас имеются довольно подробные данные. В самом дворцовом ведомстве Михаила Федоровича помимо обычной дворни ежедневно эксплуатировались целые сотни вольнонаемных мастеровых: портных, скорняков, сапожников, иконописцев и т. п. ремесленников¹.

¹ См. „Приходо-расходные книги казенного приказа“ за 1613 г. Русск. ист. библ., изд. Археогр. комиссии, т. IX, СПб. 1884 г. Ср. М. Довнар-Запольский, Организация московских ремесленников в XVII в., Журн. мин. народн. просвещения, 1910 г., № 9, стр. 132—133, где по описи 1681 г. подсчитано 250 дворцовых мастеровых (серебрянников, портных, пивоваров, винокуров, мельников, плотников, кузнецов, котельников, токарей и т. д.), сверх того сюда можно еще прибавить 182 иконописца и 276 оружейников разного рода.

Часть из них составляла постоянный персонал царских мастерских и называлась казенными мастерами, а часть приглашалась временно, лишь в сезонный разгар работы, из торговых рядов соответствующей специальности и называлась торговыми или рядовыми мастерами. Последние получали за свою работу только поденный «корм» или при сдельной работе задельную плату, а казенные мастера кроме поденной платы получали еще и «годовое жалованье».

Подобно этому среди иконописцев постоянные работники назывались «жалованными», получая и поденный корм, и годовое или месячное жалованье, а временные — «кормовыми». Последние получали только поденный корм.

Казенные мастера-портные получали годовой оклад по 5 руб. в год и поденного корма по 6 денег, или 3 коп. в день, а казенные скорняки только по 4 руб. годового жалованья, но зато поденный их корм поднимался до 8 денег, или 4 коп. за день. Как видно из сохранившихся записей, поденный корм выдавался и за воскресные и даже за прогульные (не по вине рабочего) дни¹.

И если считать в году кормовых дней не меньше 360, то общий годовой заработок казенного портного достигал $5 + 10,8 = 15,8$ руб., а казенного скорняка $4 + 14,4 = 18,4$ руб., т. е. в общем работа скорняков расценивалась даже несколько выше, чем портных.

Временные работники получали поденного корма обычно больше, чем постоянные той же квалификации. Например жалованные живописцы до 1643 г. получали по 6 денег, а кормовые — по 8 денег в день; казенные скорняки и портные — по 6—8 денег, а торговые — по 8 и 10 денег на день, чем и компенсировалось повидимому неполучение ими годового жалованья². Таким образом из расчета на 360 дней и «торговые» мастера на временной работе могли получить не менее 14—18 рублей заработка за год.

Большой разницы в оплате рабочих различной квалификации не наблюдалось. Например на ряду с портными «мастерами», получавшими от 4 до 5 коп. в день, к портняжной работе в горячие моменты привлекаются и стрельцы, пушкары и конюхи, и им тоже дают те же 4-5 коп. поденного корму³. Даже совсем необученные «парни» и «робята», привлекаемые в портняжные мастерские, получают там по 6—8 денег, или 3-4 коп. поденного корма⁴.

¹ „Приходо-расходные книги 1613/14 г.“ стр. 110, 125, 115, 131, 135, 138: скорняки, получая на день корму по 4 коп., за „неделю“ получали по 28 коп., т. е. из расчета на 7 дней. Ср. „Временник“, м. о. истории, М., 1850 г., кн. 7 „Материалы для истории иконописи“, стр. 47 и кн. 6 „Записная книга 1670 г.“, М., 1850 г., стр. 12, где выданный за 6 месяцев „поденный корм“ по 25 коп. на день составляет 45 р. 25 к., т. е. оплату 181 дня.

² „Материалы для истории иконописи“, стр. 62; „Приходо-расходные книги 1613/14 г.“, стр. 49-50, 64, 104.

³ „Приходо-расходные книги 1613/14 г.“, стр. 105, 124.

⁴ Там же, стр. 117, 135, 144.

4-5 коп. в день — это обычная для 1613/14 г. норма поденной оплаты ремесленника, и скорняка, и плотника, и сапожника, и шапочного мастера, и портного, и каменщика. «Подмастерье» каменщика получает 3 коп. в день, но и вовсе необученный — «ярыга», т. е. простой чернорабочий, помогающий каменщику, получает те же 3 коп. поденного корма.

Любопытно отметить, что и казенный писец наравне с казенным портным получал 5 руб. годов. жалованья и по 3 коп. поден. корма¹.

При сдельной работе ремесленники вместо поденного денежного «корма» получали деньгами же от урока «на харч, на квасы, на муку и на соль, и на сало»². Это примерное перечисление, несмотря на его лаконичность, характеризует прожиточный стандарт русского пролетария XVII века со стороны его качества. Но, не зная тогдашних цен, мы ничего не могли бы еще сказать о его количественном значении.

В общем для 1613/14 г. по многочисленным сохранившимся записям этого года можно установить следующие нормы поденной оплаты (в Москве): для квалифицированных ремесленников от 4 до 5 коп. серебром, для чернорабочих — 3 коп. и даже для подростков — «робят» — не менее 2 коп. в день.

Этот номинальный уровень, несмотря на изменения и в весе денежной единицы и в ценах, сохранялся довольно долго. Так например каменщик получал в день по 4 коп. и в 1613, и в 1626, и в 1647 гг., т. е. за все время царствования Михаила Федоровича (1613—1645 гг.) эта норма не подвергалась никаким изменениям³. Характерно лишь, что последние годы и чернорабочий (ярыжка) расценивался уже по 4 коп.

Первое заметное повышение норм оплаты труда в Москве можно отметить в отношении иконописцев. В 1642 г. кормовые иконописцы получали всего по 5 коп. корма на день, а с 1643 г. они получают уже от 7 до 10 коп. в зависимости от квалификации. Сверх того, как видно из записи 1660 г., они получали «с сытного двора по 6 чарок вина дворянского, по 4 кружки меду цыженого, по ведру браги человеку; с кормового двора по 2 ествы человеку на день, с хлебного двора по тому ж да пироги, а городовым (провинциальным) иконником против того в полы»⁴.

¹ Там же, стр. 46, 112, 136.

² Там же, стр. 46, 49 и др.

³ «Расходные книги и столпы поместного приказа» (1626—1659 гг.), М., 1910 г., кн. 1, в записи от 8/X 1626 г. читаем: «Каменщиком Якиму Олексееву с товарищами, трем человеком, да двум человеком ярыжным, всего 5 человеком, корму на 2 дни по 8 денег на день, итого 13 алтын 2 деньги», стр. 8 и далее в 1647 г.: «Каменщиком да ярыжком, 5 человек, корму поденного на 3 дни по 4 алтына человеку, а на день 8 денег», стр. 120.

⁴ «Материалы для истории иконописи», стр. 62, 36-37. Жалованные иконописцы в 1652 г. получали годовой оклад в 12—15 руб. деньгами, хлебом по 20 четей ржи и 20 четей овса, а во время работы еще по 3 коп. (с 1667 г. по 6 и по 10 коп.) поденного корму. Лучшие мастера иностранцы получали конечно гораздо больше — по 10—20 руб. в месяц кроме всяких натуральных выдач. Там же, стр. 15 и 89.

За 1658 г. мы встречаем уже запись и об оплате каменщиков вместо 4 коп. по 2 алтына, т. е. по 6 коп. в день, а рядовых «работников» — по 10 денег (5 коп.)¹. Но в 1658 г. в Москве началась известная финансовая операция по чеканке серебряной монеты из меди, приведшая к народному бунту в 1663 г. И потому указанное повышение номинала поденной оплаты труда нуждается в известных оговорках. Однако до конца 1658 г. медные деньги еще ходили в Москве по довольно высокому курсу (1 руб. серебра = 1 р. 4 к. медью), и стало быть такое обесценение денег не могло само по себе объяснить отмеченное повышение зарплаты².

Скорее в объяснение этого повышения можно привести другой факт. Дело в том, что с 1535 до 1612 г. из фунта лигатурного серебра чеканилось 6 рублей деньгами, с 1613 г. их стали чеканить 8 рублей, а с 1650-х годов — 8 р. 64 к. Правда на рыночных ценах это снижение веса денег сказывалось всегда с порядочным запозданием, но все же сказывалось. А вслед за товарными ценами раньше или позже это отражалось и на оплате труда.

В 1662 г. во время дороговизны хлеба, вызванной большими выпусками медной монеты, на совещании торговых людей отмечалось между прочим, что «в прежних летах можно было мастерскому человеку с женою быти сыту днем алтынним хлебом»³. Во второй половине века даже после ликвидации медной инфляции индекс дороговизны жизни, как будет показано ниже, заметно поднялся против прежнего уровня.

Вместе с тем мы наблюдаем и соответствующее повышение оплаты ремесленного труда. Уже в 1657 г. вместо прежних 4-5 руб. годового оклада казенных мастеровых мы встречаем новую норму в 5 руб. на год, причем по такой норме оплачивается не только портной и сапожник, но и простой сторож⁴. Поденный корм с 1658 г., как уже было отмечено выше, даже для рядовых «работников» и подмастерьев поднимается до 5-6 коп., а в 1674 г. по показанию Кильбургера каменщик зарабатывал в день уже по 8 коп.⁵ Кузнецы,

¹ «Расходная книга поместного приказа», стр. 297: «Каменных дел подмастерьи Матюшке Фомину, да двум каменщикам на 3 дни корму, по 2 алтына человеку в день да работником... по 10 денег человеку на день»...

² Медные деньги Алексея Михайловича имели хождение к началу 1659 г. по 1 р. 4 к. за серебр. рубль, к 1660 г. — по 1 р. 30 к., к 1661 г. по — 2 руб., к 1662 г. — по 4 руб., к 1663 г. — по 9 руб., а к 15 июня 1663 г. — уже по 15 руб. за рубль. После бунта их прекратили чеканить, принимая в казну по цене за 2 деньги рубль медью. В одной Москве медных денег было выпущено на 620 тыс. руб. См. Н. Костомаров, «Очерк торговли московск. государства в XVI и XVII ст.», СПб., 1862 г. Как известно мелким фальшивомонетчикам в XVII в. заливали горло кипучим оловом, а цари, предельная эту операцию в больших масштабах, пользовались почтением и уважением.

³ М. Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы XVI-XVII вв., в сборнике «Москва в ее прошлом и настоящем», ч. III, стр. 65.

⁴ «Расходные книги и столпы поместного приказа», М., 1910 г., кн. 1, стр. 251.

⁵ Б. Курц. Сочинение Кильбургера, стр. 169.

токари, сторожа и конюхи в подмосковных хозяйствах Алексея Михайловича (1645—1676 гг.) получали от 3 до 7 руб. денежного жалованья в год и сверх того от 5 до 13 четвертей ржи и овса натурой, не считая поденного корма¹.

Впрочем нужно думать, что на селе в те времена приходилось оплачивать вольнонаемный труд довольно высоко уже потому, что там его неоткуда было взять. Так например в донесении воеводы Сеитова от 1642 г. из царской экономии Яблонова (Курской губ.) читаем: «По твоему государеву указу велено, государь, мне холопу твоему в Яблонове пахать твоя государева десятинная пашня под ярь, также и под рожь... охочими наемными людьми с поденным кормом, а твоего государева жалованья, поденного корму, велено мне давать за работу пахарем и жнецом и от молотбы по 10 денег, а бороноволок, государь, по 6 денег на день человеку... а яблоновским, государь, служилым людям твоей государевы десятинной пашни в неволю пахать не велено. А в Яблонове, государь, охочих людей нет... И... я, холоп твой, в Яблонове велел пахать твою государеву десятинную пашню яблоновским стрельцам и казакам и пушкарям в неволю...»².

Как видно, хотя поденная плата сельскому батраку в 5 коп. за день равнялась высшей норме оплаты столичного мастерового-ремесленника того времени, охотников на такую оплату не легко было найти в деревне. И это понятно. Деревенская беднота к тому времени почти повсюду была основательно закабалена. Холопов или крепостных незачем было привлекать по найму, ибо их труд эксплуатировался на других основаниях. Свободных от всякого тягла «бобылей» и «сирот» было немного, да и те больше тянулись за заработком к городу или посадку. Сельского пролетариата в современном смысле этого слова не было, да и городской пролетариат находился еще только в зачаточной стадии своего становления.

Правда на окраинах государства, куда разбегались от помещиков их кабальные и всякие иные закрепощенные люди, были свободные рабочие руки. На них-то очевидно и рассчитывал царский указ воеводе Сеитову. Но при обилии никем незанятых земель на этих окраинах свободные рабочие руки находили повидимому там себе достаточное применение и помимо царских запасек.

Возвращаясь к городскому труду и подводя итоги, отметим, что если для первой половины XVII в. нормой поденной платы ремес-

ленника мы можем считать от 3 до 5 коп. за день, то для второй она поднимается до 5—8 коп., а иной раз, например у иконописцев, шапочников и закройщиков, она достигала и 10 коп. в день¹.

Таковы нормы оплаты ремесленного труда. Но начиная с XVII в., в России можно наблюдать уже некоторое «разложение ремесленного строя и рост капитализма в стране»². Правда, это только самые первые зачатки капитализма. Сведения о капиталистической эксплуатации наемного труда за это время крайне скудны и отрывочны. Тем не менее у нас имеются все же некоторые сведения об оплате труда на относительно крупных промышленных предприятиях бесспорно капиталистического типа. И таким образом мы можем поставить вопрос о реальном уровне оплаты промышленного труда уже на заре капитализма, за целых триста лет до пролетарской революции, и сравнить его с последним словом капитализма царской России.

Что же дали пролетариату царское самодержавие и вскормленный за 300 лет под сенью дома Романовых российский капитализм?

До XVII века в России мы не знаем крупной промышленности. Все производство носило характер мелкого, ремесленного. Раньше других в связи с интересами обороны страны характер крупного производства приняло у нас горное дело и в частности железодельное производство. После смутного времени при первом царе из дома Романовых Михаиле Федоровиче (1613—1645 гг.) были у нас открыты первые чугуноплавильные и железодельные заводы в Соликамске, Костроме, Владимире и Туле. Готовясь к войне с Польшей, правительство с охотой привлекало заграничных мастеров и инженеров. Нашлись в их числе и заводчики из иностранных капиталистов. Первым из них оказался голландец Андрей Винниус с товарищами, получивший в 1632 г. концессию на постройку в 15 верстах от Тулы завода для выделки чугуна и железа с обязательством поставлять в казну пушки, ядра, ружейные стволы и пр.

Таким образом Тульский оружейный завод можно считать первым значительным капиталистическим предприятием на русской земле. На нем имелись водяные механические двигатели, две домны в 11 арш. высотой с выплавкой по 100—120 пудов чугуна в день и только по добыче руды работало 50 «ровщиков». Зарабатывали они сдельно по два алтына, т. е. по 6 копеек в день (за воз в 25 пудов очищенной от земли и камней руды)³.

Эта норма оплаты повидимому была довольно типичной для данной эпохи. Имеются сведения и о другом горном (медноплавильном) заводе в Соликамском у., Пермской губ. (близ Пыскорского монастыря), действовавшем с 30-х годов XVII в. до 1657 г., где работы

¹ А. Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, 1917 г. стр. 199—207. К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, т. I, изд. 2-е, Л., 1925 г., стр. 107.

² Миклашевский. К истории хозяйственного быта московского государства. ч. I, М., 1894 г. Приложение (разрядка наша. — С. С.). За бороной могли ходить и подrostки, отсюда пониженная для них норма оплаты — 3 коп. за день, столько же получали и женщины-жницы. Там же (1640 г.), стр. 70.

¹ Пажитнов, стр. 106.

² С. Архангельский. Процесс образования промпролетариата в Нижнем Новгороде (по писцовой книге 1627—1629 гг.). „Труд в России“, 1925 г. кн. 1, стр. 49.

³ И. Гамель. Описание тульского оружейного завода. М., 1826 г., стр. 10-11. Юлий Гессен. История горнорабочих СССР, т. I, М., 1926 г., стр. 22.

«Плановое хозяйство» № 4.

производились вольнонаемными людьми и оплачивались по-разному: конные — по 12 коп. в день и пешие — по 6 коп.¹

Если учесть, что поденный корм выдавался в то время не только за будние, но и за праздничные дни, то месячный «корм» заводского рабочего придется определить в 6 коп. $\times$ 30, т. е. до 1 р. 80 к. в месяц, даже без весьма обычных в XVII в. дополнительных выдач натурой. Годовой заработок стало быть даже при 10 месяцах работы определится в 18 рублей, а за полный год его можно считать на заводской работе до 21 р. 60 к. на рядового вольнонаемного работника. Это, очевидно, была не слишком высокая норма оплаты для заводского труда на заре российского капитализма, ибо Пыскорский завод закрылся по имеющемуся свидетельству Крамаренкова из-за недостатка рабочих рук.

Таким образом в первой половине XVII века на заводской работе рядовой пролетарий оплачивался на 20% выше квалифицированного ремесленника. Объясняется эта разница в пользу заводских рабочих очевидно все тем же недостатком «свободных» рабочих рук на заре капитализма, о котором мы уже упоминали. Заводы строились на новых местах, вдали от крупных городских центров, и туда привлекать вольнонаемный труд было тем труднее, что городские ремесленники были привязаны оседлостью к своим местам и не имели особой нужды менять свою профессию и место работы.

Во второй половине XVII в. заработок заводских рабочих повышается. Из описания Тульского завода стольника А. Д. Фон-Визина от 1663 г. видно, что на этом заводе работали 300 дней в год и зарабатывали: обученные русские мастеровые по 40 коп. медью и по 30 коп., а необученные («молотом бьют вольные люди») — по 20 коп. медных за день. Причем из сопоставлений с прежними нормами видно, что 2 алтына серебром приравнялись в это время на заводе 4 алтынам медью. Значит в переводе на серебро эти заработки колебались от 10 до 20 коп. на день. Но сверх того те же работники получали натурой хлеб до 2 четвертей и соль от 20 ф. до 1 пуда в год².

По свидетельству Кильбургера (1674 г.) оплата труда на тогдашних тульских железоделательных заводах достигала таких размеров.

Молотовые мастера получали с пуда железа один алтын (3 коп.), работники—подмастерья—по 2 коп. и носильщики угля—чернорабочие — по полкопейке. При этом на одном горне можно было ежедневно вытянуть и отковать до 25 пуд. пруткового железа. Отсюда получаем заработок мастера до 75 коп. в день, подмастерья — молотобойца—50 коп. и носильщика—12,5 коп. Но вероятно это предельные нормы заработка. Пажитнов предпочитает исходить из более умеренных норм выработки уральских заводов, где каждый мастер с подмастерьем обязывались выковывать в неделю «не менее 80 пудов

¹ И. Гамель. Там же, стр. 47.

² И. Гамель, стр. 40 и след.

железа», т. е. в среднем по 13,3 пуда в день¹. Это несомненно уже минимальная норма. Имеется известие, что Петр Великий в одно из своих посещений Тульского завода, в 1696 г., собственноручно выковал на пробу за день 18 пуд. железа и потребовал себе уплаты по норме молотового мастера, т. е. по 3 коп. с пуда². А ведь царь не был профессионалом в этом деле. Поэтому правильнее будет исходить из средней нормы выковки с горна между 13 и 25 пудами, считая за таковую пудов 19. Тогда дневной заработок мастера составит около 57 коп., подмастерья—38 коп. и чернорабочего—9,5 коп.

Из подробной описи наших тульских железоделательных заводов 1690 г. получаем следующие сведения. Доменные мастера получали от 100 до 150 руб. за год, другие мастера — от 35 до 70 руб., угльный подмастерье—40 руб. в год, доменный—15 коп. в день, другие «подмастерья» и «работники» — по 25 руб. в год, или по 8—10 коп. в день, а сдельно молотовые мастера, как и в 1674 г., получали по 3 коп. и подмастерья — по 2 копейки с пуда выкованного железа. Ставку ниже 8 коп. в день получали повидимому, лишь подростки до 17 лет и дети³. Кроме того, вероятно кое-что следует к этому еще прибавить за счет натуральных доплат хлебом и солью.

Конечно заводских «мастеров» XVII в. за исключением разве доменного мастера, а тем более подмастерьев, следует относить к рядовым рабочим, а не к административно-техническому персоналу, как это можно было думать, исходя из современной нам практики. Тогдашние «мастера» сами ковали молотом, а «подмастерья» выполняли роль молотобойцев и прочих подручных. Учитывая это при выводе средней нормы оплаты труда заводского рабочего по 3 описанным Фон-Визиным заводам, мы определили ее для второй половины XVII в. в среднем для всех рабочих, включая сюда и подростков, в 10—12 коп. за день, или в 25—30 руб. в год.

Номинальный уровень оплаты труда в XVII веке определяется с достаточной точностью. Но рубль XVII века как мерило валютного значения этого уровня весьма далек от того рубля, какой нам столь хорошо известен из опыта XX века. В сущности реального рубля XVII век вовсе не знал. Ходячей монетой в этом веке была лишь денга. А рубль вплоть до XVIII в. был только счетной единицей в 200 денег московских, или в 100 новгородок, известных также под именем «копейных» денег. Однако эволюция серебряного рубля в России гораздо лучше изучена, чем история домонгольской киевской гривны. И мы можем все основные моменты этой эволюции выразить в одной сжатой табличке.

¹ Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле. Киев, 1915 г., стр. 169 и К. Пажитнов, стр. 110.

² Гамель, стр. 24.

³ В. Ю. Гессен. Труд детей и подростков в России, т. I, 1927 г., стр. 168 и след.

Табл. 2

Эволюция серебряного рубля в России

Г о д ы	Стопа: число единиц из 1 ф. лигатурного веса			Проба	Территория
	рублей	гривен	денег		
1316	1,00	—	—	—	Тверское кн.
1385—1425	2,00	30,8	432	900	Московск. "
1420	2,00	30,8	432		Новгород
1425	(2,7)	?	(540)		Москва
1447—1535	2,78	42,8	600		Новгород
1451	(4,20)	(42)	(840)	около 900	Москва
1462—1533	5,20	52	1040		"
1535—1612	6,00	60	1200	92,5	"
1613	8,0	80	1600	(85)	Россия
1656—1680	8,64	86,4	1728	(85)	"
1682—1698	10,08	100,8	2016	(85)	"
1699—1711	14,40	144	2880	(82)	"
1711—1730	14,40	144	2880	70	"
1731—1763	15,84	158,4	—	77	"
1764—1796	17,06	170,6	—	72	"
1797—1914	19,74	197,4	—	83,3	"

Как видно из этой таблички, составленной главным образом на основе известного исследования И. И. Кауфмана, и наш рубль, как и древняя гривна, пережил довольно длинную и скорбную историю. Из века в век, из царствования в царствование он, оставаясь все тем же по имени и по числу составляющих его денег, становился реально все более тощим и легковесным. И если древняя гривна кун с X до XV века, за пять столетий, уменьшилась только в 10 раз, то рубль примерно за такой же период своей истории успел сократиться по содержанию в нем чистого серебра по меньшей мере раз в двадцать.

Систематическая порча монеты была и у нас, как и на Западе, одним из наиболее неотразимых соблазнов для властителей всех стран и эпох. Цари всех времен и народов тем более беспощадно преследовали у себя мелких фальшивомонетчиков, что считали это дело своей наиболее священной и прибыльной царственной привилегией.

В нашу задачу, однако, не входит углубляться в экономические причины столь существенной порчи монеты. Мы должны были отметить здесь только самый факт этой порчи, чтобы надлежащим образом учесть его при переходе от номинального к реальному уровню зарплаты XVII века. Но и порча монеты и все другие моменты, определяющие этот уровень, отражаются прежде всего в товарных ценах, а потому и нам надлежит прежде всего обратиться к сопоставлению товарных цен XVII и XX веков.

В отношении цен на хлеб в зерне за XVII в. мы можем отметить огромный диапазон колебаний от 10 коп. до 9 руб. за четверть. Но если отбросить сверхголодные цены смутного времени, войн, осадных лет и т. п. чрезвычайных обстоятельств, а также не считаться с чрезвычайно дешевыми ценами таких провинциальных хлебных районов как

Казанский и Нижегородский, где рожь даже к концу XVII в. продавалась по 25 коп. за четверть, то нормальными ценами для первой его половины (1620—1631 гг.) можно считать от 25 до 39, в среднем 32 коп., а для второй (1674 г.) — 65 коп. за четверть¹. За 1913 г., считая на четверть 8,7 пуда, мы должны московскую цену четверти ржи определить в 7 р. 50 к.² Таким образом индекс вздорожания ржи к XX в. с первой половины XVII в. достигает 23,5, а второй—11,5. Ключевский в начале 80-х годов XIX в. определял этот индекс по всем хлебам и районам для первой половины века в 12—14, для второй—в 17³.

Для определения уровня жизни рабочего гораздо более показательными однако будут цены на муку, мясо и прочие предметы первой необходимости. Исходя из структуры потребления, зафиксированной в современном бюджетном наборе, и пользуясь ценами всех продуктов, имевших значение в рабочем бюджете уже в XVII столетии, мы получили следующее сопоставление (см. табл. 3).

За XVII век до нас дошел довольно обильный материал по ценам. Но это относительное обилие по сравнению с более древней эпохой не следует преувеличивать. Лишь в редких случаях вошедшие в приведенную таблицу расценки опираются на довольно значительное число сравнимых показаний за ряд лет. Гораздо чаще приходится опираться на два-три показания за целое столетие. Особенно много цен дают такие первоисточники как «Торговая книга» (до 1610 г.), «Приходо-расходные книги казенного приказа» (1613/14 г.), «Расходные книги поместного приказа» (1626—1659 гг.), «Расходная книга Никона» (1651/52 г.), «Донесения де-Родеса» (1650—1655 гг.) и известное сочинение Кильбургера о русской торговле (1674 г.). За остальные годы мы располагаем гораздо более скудными и по общему правилу весьма случайными данными различных исторических и юридических актов XVII в. или вообще не располагаем ничем.

Большая часть собранных нами в результате весьма кропотливой работы по памятникам XVII в. цен относится к московскому рынку. А потому и за 1913 г. во всех соответствующих случаях мы пользовались столичными ценами⁴. Провинциальные цены XVII в. сопоставлялись по возможности с аналогичными провинциальными ценами 1913 г. Тем не менее полной сравнимости сопоставляемых данных мы конечно не могли достигнуть. В отдельных случаях мы вынуждены

¹ В. Ключевский. Русский рубль XVI—XVIII вв., М., 1884 г., стр. 52 и 54 и Б. Г. Курп. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, Киев, 1915 г., стр. 177.

² Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве, № 1—12, 1913 г.

³ В. Ключевский. Назв. соч., стр. 51, 55 и 61. Низкий индекс для первой половины XVII в. Ключевский получил путем удвоения фактических цен того времени, исходя из ошибочного мнения, что четверть тех лет вплоть до 50-х годов XVII в. составляла все еще 4 меры, а не 8; на самом деле удвоение четверти произошло гораздо раньше, до 1701 г.

⁴ Для 1913 г. мы пользовались помимо «Свода товарных цен» и других спец. статистических изданий («Справочник цен довоенного времени», ВСНХ, вып. I и II. М., 1922 г.; «Средние общероссийские цены 1912 г.», ЦСУ, М., 1924 г.; «Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве» за 1913 и 1914 гг.) и неопубликованными розничными ценами бюджетного индекса Статистики труда за 1913 г.

Уровень дороговизны в XVII веке

Табл. 3

Бюджетный набор	Единица счета	Норма потребления	Цены за 1 единицу			Стоимость набора (годовая норма)			Индекс вздорожания	
			1600—	1650—	1913 г.	в 1600—	в 1650—	в 1913 г.	с 1600—	с 1650—
			49 гг.	99 гг.	в руб. и коп.	49 гг.	99 гг.	руб. и коп.	гр. 7	гр. 6
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
А. Продукты питания										
1. Мука ржаная . . .	пуды	10	5,0	10,6	1,20	50,0	106,0	12,00	24,0	11,3
2. Хлеб черный . . .	"	2	5,8	10,7	1,05	11,6	21,4	2,10	18,1	9,8
3. Мука пшеничная . . .	"	4	10,0	14,0	2,40	40,0	56,0	9,60	24,0	17,5
4. Хлеб белый . . .	"	2	12,0	16,4	2,35	24,0	32,8	4,70	19,6	14,3
5. Крупа гречневая . . .	"	2	12,0	14,0	1,84	24,0	28,0	3,68	15,3	13,1
Итого по 1—5 . . .	"	20	—	—	—	149,6	244,2	32,08	21,4	13,1
6. Капуста свежая . . .	пуды	2,5	0,8	1,1	0,36	2,0	2,7	0,90	45,0	33,3
7. Огурцы . . .	сотня	1,2	1,8	2,3	0,75	2,4	2,8	0,90	40,9	32,7
8. Лук репчатый . . .	пуды	0,5	6,7	11,3	1,52	3,3	5,7	0,76	23,0	13,3
Итого по 6—8 . . .	—	—	—	—	—	7,5	11,2	2,56	34,1	22,9
9. Говядина (2-го сорта) . . .	пуды	1,5	22,4	28,0	7,40	33,6	42,0	11,10	33,0	26,4
10. Баранина . . .	"	1,0	20,0	30,0	6,40	20,0	30,0	6,40	32,0	21,3
Итого . . .	"	2,5	—	—	—	53,6	72,0	17,50	32,6	24,3
11. Масло коровье . . .	"	0,3	74,0	100,0	17,80	22,2	03,0	5,34	24,1	17,8
12. Молоко цельное . . .	ведро	3,3	5,5	8,0	1,50	18,2	26,4	4,95	27,2	18,7
13. Яйца . . .	сотня	1,0	11,0	16,0	3,00	11,0	16,0	3,00	27,3	18,7
14. Рыба (сельдь сол.) . . .	пуды	0,9	9,9	15,4	4,00	8,9	13,9	3,60	40,4	25,9
15. Масло растит.	"	0,4	71,0	123,0	5,48	28,4	49,2	2,19	7,7	4,5
16. Мед—сахар	"	0,6	65,0	91,0	5,84	39,0	54,6	3,50	9,0	6,4
17. Соль	"	0,5	20,0	20,0	0,30	10,0	10,0	0,15	1,5	1,5
Итого прод. пит.	—	—	—	—	—	348,4	527,5	74,87	21,5	14,2
Б. Предметы одежды										
18. Крашенина—ситец . . .	арш.	24	3,0	3,0	0,15	72,0	72,0	3,60	5,0	5,0
19. Холст—полотно . . .	"	7	2,0	2,5	0,14	14,0	17,5	0,98	7,0	5,6
20. Сукно русское . . .	"	2	5,0	5,0	1,60	10,0	11,0	3,20	32,0	29,1
21. Сапоги простые . . .	пара	0,8	17,0	24,0	5,44	13,6	19,2	4,35	32,0	22,7
22. Овчина деланая . . .	штука	1	9,0	12,4	1,78	9,0	12,4	1,78	19,8	14,4
Итого по 18—22 . . .	—	—	—	—	—	118,6	132,1	13,91	11,7	10,5
В. Жилище и пр.										
23. Дрова	воз	3	8,4	9,4	3,74	25,2	28,2	11,22	44,5	39,8
24. Топор	штука	1	20,0	20,0	0,90	20,0	20,0	0,90	4,5	4,5
25. Жилище	кв. с.	1,2	11,7	12,3	9,10	14,0	14,0	10,92	78,0	73,8
Итого по 23—25 . . .	—	—	—	—	—	59,2	63,0	23,04	38,9	36,6
Всего по набору в руб. и коп.	—	—	—	—	—	526,2	722,6	111,82	21,2	15,5
То же в фунтах:	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
а) серебра	фунт	—	6,40	8,40	15,00	0,822	0,810	7,45	9,06	8,66
б) золота	"	—	64,00	84,00	525,00	0,082	0,082	0,23	2,60	2,48

были пользоваться и довольно искусственными приемами исчисления недостающих данных. Например цены баранины XVII в. определялись у нас по индексу цен живых баранов, цены рыбы (соленая сельдь по

1913 г.) мы исчислили для XVII в. по индексу вздорожания трески и семги, квартирная плата XVII в. определена, исходя из индекса вздорожания строительства.

В случае с рыбой мы предпочли индексный расчет даже при наличии определенной цены на интересующую нас по бытовым условиям XX в. селедку. Имеется известие, что митрополит Никон купил в 1651 г. в Валдае 3.600 сельдей за 1 р. 8 к., а по донесениям де-Родеса тонна (бочка) сельдей на московском рынке в 1652 г. стоила 4 р. 15 к.¹ Оптовые цены 1913/14 г. на сельдь по «Своду товарных цен» стояли за 1.000 штук не ниже 40 руб. (Царицын), а за бочку (около 9 пуд.)—не выше 40 рублей. Таким образом цена сельдей за 1.000 штук выросла по этим данным в 133 раза, а за бочку—только раз в 10. Сведения явно противоречивые. Но вес тонны де-Родеса, как и размер штуки Валдайской сельди, нам неизвестен. И потому мы предпочли исходить из индекса цен для тех видов рыбы, какие расценивались на вес.

В отношении квартирной платы нам известно, что громадное большинство ремесленников XVII века жило в собственных избах и лишь около 1/7 из них жило в наемных избах или даже в качестве угловых жильцов. По одной сохранившейся московской записи конца XVII в. портной-мастер Соколов снимал в доме старицы Ульяны квартиру—подклет с сеньми—с платой по полугодиям и общей суммой годовой (?) аренды 48 алтын 4 деньги, т. е. 1 р. 46 к.² По московской переписи 1912 г. годовая плата за самую маленькую квартиру в 1 комнату составляла в среднем по всему городу с пригородами, без отопления, 170 руб., т. е. в 116 раз дороже приведенной записи XVII в. Столь высокий индекс при одном только показании было бы рискованно принять за доказанный, и мы обратились к ценам строительства.

Стоимость рядового городского двора XVII века от 3 до 5 руб. зафиксирована в ряде источников. Между прочим такие суммы «на дворовое строение» выдавались кузнецам, стрельцам и пушкарям при посылке их на службу в окраинные города. В некоторых случаях городские дворы оцениваются всего в 2 рубля, одна ветхая изба с кирпичной печью (а «в той избе ночуют работники») оценена еще ниже—всего в 90 коп., другая «избенка»—в 87 коп., но, с другой стороны, попадаются и более дорогие дворы—в 5 р. 50 к. и даже в 9 р. 30 к.³ В общем мы приняли для первой половины XVII века за нормальную

¹ «Расходная книга митрополита Никона 1651/52 г.», «Временник московского общества истории», кн. 13, М., 1852 г., стр. 2 и Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914 г., стр. 120.

² М. В. Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы XVI-XVII вв., М., 1910 г., стр. 79.

³ «Акты юридического быта», т. II: «Купчие на дома и дворовые места 1612 и 1613 гг. (в Новгороде)», стр. 386, 388, 390 и т. III: «Ценовая книга Владимирского кружевного двора 1672 г.», стр. 463—465; Миклашевский. К истории хозяйственного быта московского государства, М., 1894 г. (данные 1640 г.), стр. 149; Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве 1658/59 г.; «Вестник Европы», 1871 г., кн. 1 и 2; «Записная книга 1670 г.», «Временник московского общества истории», М., 1850 г., кн. 6, стр. 11.

расценку 4 р. 50 к., для второй—4 р. 70 к. за двор. Дворы эти небольшие конечно, но даже более мелкие из них, например новгородский «дворишко» ценою в 2 рубля (1612 г.) включал: «горницу, сени, подсенье, повалушку, сенницу, баню, избушечку-ветчану, ворота, гордобу, да в огороде печь». Закключаем отсюда, что они не меньше современных крестьянских дворов начала XX века ценою в среднем около 350 руб. с учетом износа. Отсюда получаем индекс вздорожания жилищ за исследуемый период.

Все такого рода расчеты, взятые в отдельности, несомненно далеки от точности, но тотальный индекс дороговизны жизни, полученный по всем 25 статьям, конечно гораздо точнее и достовернее, чем это возможно было бы сделать по хлебным ценам или какому-либо иному товару.

В виду изменения веса рубля большой интерес представляет выражение стоимости бюджетного набора не в номинальной денежной единице, а весом денежного металла, т. е. в фунтах чистого серебра или золота. Но и здесь правильнее будет исходить не из веса серебряного рубля в разное время, а из рыночной расценки серебра в слитках. Дело в том, что при отсутствии свободной чеканки денег цена серебра, выраженная в серебряном рубле, далеко не всегда в точности соответствует весу этой денежной единицы.

«Торговая книга» (1575—1610 гг.) дает в этом отношении такое указание: «А чистое серебро себе гривну считай и емли без дву гривен за 3 рубля; а те 2 гривны на угар и на всякую протарь клади и от денежного дела давати»¹. Из фунта лигатурного серебра тогда чеканили 6 рублей денег, из гривенки в 48 золотников—3 рубля, а платили за $\frac{1}{2}$ фунта чистого серебра в слитках, как видно из «Торговой книги» только 2 р. 70 к., т. е. 90% соответствующего веса в деньгах. Близкое к этому соотношение между ценой серебра в деньгах и в слитках можно отметить и значительно позже. После 1613 г. фунт серебра в деньгах повысился до 8 рублей, а в слитках—до 7 р. 20 к. (90%)². С 1699 до 1711 г. фунт серебра в деньгах стоил уже 14 р. 40 к., а в слитках—13 рублей, т. е. опять-таки ровно 90% цены фунта денег³. А вот в 1913 г. мы имеем уже другое соотношение: из фунта серебра 83,3⁰ чеканят 19 р. 74 к. полноценной монеты, а фунт чистого серебра в слитках стоил только 15 руб., т. е. едва 76% названной суммы⁴. Это объясняется конечно тем, что с введением в России золотой валюты покупательное значение серебряного рубля определяется не его собственным товарным содержанием, а ценою товара-золота и уста-

¹ «Торговая книга», ред. Сахарова, СПб., 1851 г., стр. 14.

² В 1643 г.: «Ковш серебрян бел, весу 3 гривенки, по 2 алт. по 3 деньги золотник, от дела 20 алтын». «Материалы для истории иконописи», «Временник», М., 1850 г., кн. 7, стр. 10. Ср. еще такие же расценки в «Расходных книгах и столпах поместных приказов» (1626—1652 гг.). М., 1910 г., стр. 13, 16, 23, 29, 38.

³ Кауфман. Серебряный рубль, стр. 135.

⁴ «Средние общероссийские цены». ЦСУ, М., 1924 г., стр. 7, 12—золото 525 руб., а серебро-прокат 15 руб. за 1 фунт.

новленным в законе соотношением между серебром и золотом в монетной системе. Но так или иначе при переводе стоимости бюджетного набора на серебро мы должны исходить из рыночного значения этого товара.

Как видим из нашей таблицы, стоимость бюджетного набора, выраженная в серебре, выросла за триста лет раз в девять, а в золоте—только в 2-3 раза¹. Это значит, что серебро за это время сильно дешеvelo в отношении других товаров. Но это наблюдение можно отнести не только к серебру, а и ко всем другим продуктам промышленного производства. Сельскохозяйственные товары наоборот показывают наибольшее вздорожание по сравнению со всеми другими. Конечно объяснение этому факту следует искать в различных темпах роста производительности труда в разных областях хозяйства.

Общий рост производительных сил страны за капиталистический период ее развития, судя по приведенным сдвигам цен, в различных производствах был немалый. Сколько-нибудь точное определение масштабов этого роста представляет слишком сложную задачу, для разрешения которой мы еще не располагаем достаточными данными. Но некоторое представление об этом можно получить уже из сопоставления ценовых сдвигов, выявленных в таблице. Если допустить, что в какой-либо наиболее отсталой области хозяйства, например в разведении мясного скота, за последние 300 лет не было никакого прогресса, что конечно неверно, то в других областях труда пришлось бы все же, исходя из относительного удешевления цен, исчислять достигнутое повышение уровня производительных сил в 5-6 и более раз. Особенно велики эти сдвиги в области промышленной продукции, наиболее полно охваченной за это время процессом капиталистического развития России. Как же однако отразился этот прогресс на уровне жизни пролетариата, мозолистыми руками которого он осуществлялся?

Теперь мы уже подошли вплотную к разрешению этой проблемы. Мы уже видели выше, чему равнялся номинальный уровень зарплаты на заре капитализма в России. Теперь, зная индексы вздорожания стоимости жизни рабочего, мы можем определить и реальный уровень жизни индустриального рабочего на заре и закате капиталистического развития дореволюционной России. Вот несколько достаточно показательных в этом отношении цифр.

Годовой заработок русского фабрично-заводского пролетария, включая сюда и горнорабочих, в 1913 г. достигал по имеющимся официальным данным около 293 рублей, в том числе у текстилей он падал

¹ Золото к началу XVII в. расценивалось в Москве по «Торговой книге» (стр. 14) в 10 раз дороже серебра, в XVIII в. оно расценивается уже в 12,9 раза дороже (Кауфман. Серебряный рубль, стр. 135, 147; цены 1711 и 1723 гг.). Но мы условно за весь XVII в. принимаем соотношение «Торговой книги».

до 215 руб. (по обработке хлопка), а у горнорабочих возростал до 408 руб. за год. Сопоставляя эти цифры с данными XVII века, получаем:

Уровень жизни рабочих в России в рублях за год

	Номинал зарплаты	Значение рубля	Реальный уровень в руб.	в %
В XVII веке:				
1-я половина от	18,0	21,2	382	130
до	21,6	21,2	458	156
в среднем	19,8	21,2	420	143
2-я половина от	25	15,5	375	128
до	30	15,5	465	158
в среднем	27,5	15,5	420	143
В 1913 г.:				
текстилей	215	1,0	215	73
горняков	408	1,0	408	140
всех	293	1,0	293	100

Несмотря на всю приблизительность использованных расчетов, мы видим, что за целые 300 лет развития капитализма под сению дома Романовых никакого прогресса в уровне жизни русского рабочего отметить невозможно. Правда отмеченное снижение среднего уровня зарплаты к 1913 г. в значительной мере объясняется вовлечением в XX веке на работу огромных кадров наиболее «дешевого» женского и детского труда. Но даже если брать такие отряды современного пролетариата как горняки и металлисты, где и ныне занят почти исключительно полноценный мужской труд, то и здесь мы лишь приближаемся к тем нормам оплаты труда, которые были обычными уже в начале XVII века.

3. Некоторые выводы

Приведенные нами факты из истории капиталистической России не лишены и теоретического интереса. Конечно можно признать эти факты сами по себе слишком недостаточными для широких теоретических обобщений. Можно к тому же ограничить их значение целым рядом оговорок. Так например уровень реальной оплаты труда, о котором до сих пор шла у нас речь, еще не определяет полностью реального уровня жизни рабочих, которым мы особенно здесь интересовались. Примененные нами индексы для соизмеримости уровней дореговизны различных эпох весьма несовершенны. Мы вовсе не отразили в них действия изменяющейся структуры рабочего бюджета и нарастания новых потребностей. Мы сознательно ограничили поле своих наблюдений оплатой вольнонаемного труда, хотя в XVII веке можно было наблюдать и целый ряд промежуточных полуфеодалных форм найма с пониженным уровнем жизни вроде оплаты рабочих на т. н. будных станах — из числа «приписанных» к поташным заводам казенных или помещичьих крестьян. Мы не проследили динамики зарплаты из века в век, из десятилетия в десятилетие, а потому не отразили может быть весьма существенного падения оплаты труда

XVIII и первой половины XIX вв. и соответствующего под'ема ее после ликвидации крепостного права. Все эти оговорки не меняют однако сути дела.

Марксистская теория заработной платы, как цены рабочей силы, уровень которой определяется стоимостью ее воспроизводства, или, иначе говоря, стоимостью средств существования рабочих, находит на наш взгляд в вышеприведенных фактах достаточно красочное историческое подтверждение. На протяжении целых девяти столетий от Ярослава Мудрого до конца дней весьма немудрящего Николая, несмотря на катастрофическое обесценение денежной единицы и геологические сдвиги в производительности труда, наемный рабочий, следуя объективным законам товарного производства, отчуждал свой единственный товар — рабочую силу — примерно за одну и ту же массу средств существования в потребительном их выражении.

Из этой относительной стабильности уровня оплаты труда рабочего не следует однако заключать о такой же стационарности условий его существования. Наоборот огромный прогресс техники и науки меняет эти условия весьма радикальным образом. Каждое крупное изобретение, создавая новые возможности удовлетворения потребностей человека, вызывает в нем к жизни и новые потребности. Гутенбергу, Эдиссону, Маркони и прочим волшебникам мы обязаны целой серией наших новых потребностей — в книге, газете, авио, кино, радио и других столь же чудесных методах расширения и облегчения социальных связей человечества. Невозможное стало сначала только возможным, а затем уж и необходимым. Спящие потребности пробуждаются и властно пред'являют свои требования. И если рабочий не повышает своих фондов потребления в соответствии с нарастанием этих новых культурных потребностей, то он очевидно не может их удовлетворять иначе, как за счет соответствующего сжатия в удовлетворении своих старых, более примитивных потребностей. Таким образом совершенно понятно, что стабильная или даже медленно возрастающая сумма средств существования при обгоняющей ее в темпе роста сумме новых потребностей означает собою относительно падающий уровень жизни. А приведенные нами факты показывают, что капитализм не всегда обеспечивает рабочему даже стабильный уровень оплаты труда.

Факты подобного рода можно извлечь из прошлого не только одной дореволюционной России. В известном исследовании Т. Роджерса мы находим полную аналогию в истории Англии¹.

Реальная оплата труда, выраженная в квартарах пшеницы, в Англии не росла с развитием капитализма, а скорее довольно заметно падала. Роджерс дает динамику оплаты рядового поденщика-батрака и ремесленника, начиная с XIII века. Он устанавливает при этом, что в XIII—XV вв. ремесленник зарабатывал раза в 1,5 больше батрака при довольно умеренном рабочем дне и годе. Рабочий год ремеслен-

¹ Т. Роджерс. История труда и заработная плата в Англии с XIII по XIX век. СПб., 1899 г.

ника колебался от 235 до 312 дней при восьмичасовой работе, за лишние — сверхурочные — часы полагалась повышенная добавочная плата. Иногда работнику выплачивали, как и у нас в Москве, поденную плату и за праздничные дни, хотя он конечно не работал по воскресеньям. Так в 1408 г. в Виндзоре плотники при поденной плате в 5 и 6 пенсов за день получили эту плату за 365 дней в году (стр. 141 и 268). И конечно в денежном выражении благодаря жестокой порче монеты, которой промышляли английские короли не хуже царей московских, а также техническому прогрессу в области добычи драгоценных металлов, оплата труда в Англии с тех пор показывает огромные темпы роста. Что же касается реального ее значения, то судить о нем предоставляем по следующей составленной нами по данным Роджерса табличке (ср. у Роджерса, стр. 270, 353 и др.):

Табл. 4

Оплата рядового поденщика за неделю в Англии

В е к а	Номинал в шиллингах	Реальное значение				Цена пшеницы и зерне		
		в серебре		пшеницею		в шилл. за кварт.	на серебро	
		в ш	в %	в кг	в %		в ш за 100 кг	в %
XIII	1	18,7	100	33,8	100	5,9	53,4	100
XVI	3	13,5	72	32,5	96	18,4	45,3	85
XVII	5	28,3	153	22,1	65	45,0	124	233
XVIII	7	39,6	212	27,9	83	49,9	138	257
XIX ¹	10	59,6	302	25,5	75	78,5	215	400

Как видим, хотя номинал вырос в 10 раз, по весу чистого серебра, заключенного в монете, этот рост не превышает 3 раз, а в пшенице мы имеем даже заметное падение. Конечно желательно было бы проверить эту динамику и другими ценами. Промышленные товары несомненно вздорожали в меньшей степени, чем пшеница, но зато квартира росла еще быстрее, чем хлеб, в бюджете рабочего. К сожалению Роджерс не приводит на этот счет достаточных данных. Среднее вздорожание жизни с 1260 до 1760-х годов, т. е. за 500 лет, Роджерс определяет для Англии в 12 раз; тот же индекс он принимает и для времени с 1450 до 1883 г. — «если оставить в стороне квартирную плату, самую страшную статью расхода в наше и самую пустую в прошлое время», когда сельский рабочий платил за свой домик и землю при нем всего 2 шиллинга в год, зарабатывая 2 шиллинга в неделю².

Приведенным данным о зарплате простого поденщика соответствует и динамика оплаты труда обученного ремесленника в Англии.

¹ Первая половина.² Роджерс, стр. 135, 446-447: 2 шилл. XV в. содержали около 22 г серебра.

В XIII-XIV веках ремесленник получал около 3 пенсов в день, или 1,5 шилл. в неделю, в XV в. — 3 шилл., в XVI в. — 4—5 шилл., в XVII в. — 7,5 шилл., в XVIII в. — 10 шилл. и с XIX в. — 18 шилл. и выше. И все же реальное значение этого заработка не росло, а падало, ибо 3 шиллинга XV в. превышают по своему значению 36 шилл. XIX в.

В Англии капитализм начал свое победное шествие значительно раньше, чем в России. Роджерс уже в XV веке отмечает на ряду с чумой, черной оспой и страшной эпидемией этого века, известной под именем «потной болезни», еще одно «крупное событие: появились капиталисты-ремесленники» (стр. 277). Это крупнейшее событие знаменовало собой не только громадное ускорение темпов роста производительных сил страны, но на ряду с этим соответствующее им и даже обгоняющее эти темпы повышение норм эксплуатации труда. На место весьма редкостной «потной болезни» докапиталистической эры в хозяйственную практику вошло совершенно нормальное и систематическое выжимание трудового пота из всех пор современного пролетария. Уже в XVI в. по известному закону Елизаветы на место 8-часового рабочего дня установлен 9,5-часовой (включая перерывы — 12-часовой), а затем капиталистическая практика раздвигает его еще дальше, вплоть до последних пределов сопротивляемости рабочего класса. Притягиваются к станкам архи-«дешевые» руки женщин и ручонки детишек. Создаются этой ценою мощные резервы рабочей силы — целые армии безработных. И если при особо выгодной конъюнктуре нехватает даже этих резервов, то временно за счет эксплуатации каких-нибудь новых колониальных рынков оплата труда поднимается, чтобы затем, когда эти рынки расхватываются конкурентами, еще резче снизить нормы оплаты работающих, еще более расширить кадры безработных.

Старая, знакомая картина. Но благодаря хроническому снижению покупательной силы денежной единицы не только у врагов, но даже у более близоруких друзей пролетариата создаются иллюзии почти непрерывного роста зарплаты и благосостояния трудящихся в странах процветающего капитализма.

Ту же картину, какую перед нами раскрывает работа Роджерса в отношении Англии, мы можем благодаря кропотливой архивной работе Д'Авенеля, собравшего огромный материал о ценах и зарплате с 1200 по 1800 г., воспроизвести и в отношении Франции.

Д'Авенель перевел все цены и ставки зарплаты по их покупательной силе в современные франки начала XX века. И в этих единицах в отношении поденной оплаты труда ремесленников мы получаем следующую динамику:

Реальная поденная плата во Франции

XIII век	3,8 франка	100%
XIV	3,8	100%
XV	4,6	121%
XVI	3,5	92%
XVII	2,6	68%
XVIII	2,5	66%

Ко времени Великой французской революции эта плата была еще ниже: 2,2 франка, а к XX веку она по свидетельству П. Бризона снова повысилась до 3,55 в крупной и 3,28 в мелкой промышленности¹.

Период падения, начиная с XV в., можно иллюстрировать еще следующими товарными эквивалентами по Авенелю:

Табл. 5
Поденная плата чернорабочего во Франции

Периоды	в кг		в л		вина в л	в среднем в год
	пшеницы	ржи	говядины	сви-нины		
1451—1500	16,45	22,5	3,75	2,63	6,0	100
1501—1550	12,30	17,75	2,70	1,64	5,7	76
1551—1600	5,07	6,65	2,17	1,20	5,1	50
1601—1650	3,55	6,55	1,85	1,48	3,9	44
1651—1700	5,45	9,20	1,80	1,69	6,0	57
1701—1725	4,50	7,70	1,62	1,57	3,0	40

Как видим, по основным продовольственным товарам заработная плата снизилась с XV века еще значительно, чем это принято выше. В среднем по пяти перечисленным товарам реальное значение поденной платы чернорабочего в эпоху первоначального капиталистического накопления почти все время падало и к XVIII веку не достигало и 40 % нормы XV в. Особенно высокий уровень дороговизны жизни во Франции отмечается историками к концу XVIII века, то есть к моменту Великой французской революции. Гражданская война и инфляция, как это показал и опыт нашей революции, не могли не оказать самого тяжелого влияния на уровень жизни трудящихся масс. В эти годы он упал очевидно до самых крайних своих пределов, и уже поэтому должен был раньше или позже в последующий период бурного капиталистического развития и высокой конъюнктуры заметно подняться.

В цифровых показателях этот подъем за целую сотню лет рисуется в следующих процентах:

Годы	Номин. плата	Индекс дороговизны	Реальная плата
1810	100	100	100
1820	105	108	97
1830	110	113	97
1840	117	114	103
1850	125	116	108
1860	146	129	112
1870	171	139	123
1880	200	149	134
1890	225	139	162
1900	244	135	180
1910	268	141	190

¹ Пьер Бризон. История труда и трудящихся, ПБГ, 1921 г., стр. 164.

Если положиться на приведенный расчет, основанный на довольно сомнительном индексе Л. Марша, то сколько-нибудь значительный подъем реальной заработной платы во Франции имел место только начиная с 60-х годов прошлого века¹. Но и этот большой подъем не ликвидировал полностью прежних падений, начиная с XV века. А за последние десятилетия мы можем привести следующее свидетельство П. Бризона: «вот уже целую четверть столетия как повышение заработной платы почти приостановилось... в настоящее время она уменьшается, в особенности в текстильной промышленности», и притом «понижается уже лет двадцать»².

В «Коммунистическом манифесте» зафиксировано между прочим следующее наблюдение: «современный рабочий вместо того, чтобы возвышаться с прогрессом промышленности, все более опускается ниже уровня существования своего собственного класса». Этот тезис, выдвинутый Марксом и Энгельсом еще до революции 1848 г., открывшей собою новый подъем европейского капитализма, эру широкой его экспансии на колониальных и полуколониальных рынках и значительного подъема оплаты труда, выявляет однако такие глубокие исторические тенденции, которые далеко выходят за пределы случайных колебаний конъюнктуры рабочего рынка на протяжении нескольких десятилетий.

Фридрих Энгельс в 90-х годах прошлого века, критикуя в проекте Эрфуртской программы положение — «число пролетариев и их нищета постоянно увеличиваются», как известно утверждал: «В этой абсолютной форме это положение неверно. Организация рабочих и их постоянно растущее сопротивление могут в известной мере предохранить их от дальнейшего роста нищеты. Но что несомненно растет, так это необеспеченность их существования». Ревизионисты всех мастей очень охотно приводят это место из Энгельса в доказательство его отказа от вышеуказанного тезиса «теории обнищания», выдвинутой им вместе с К. Марксом в «Коммунистическом манифесте». Однако такое толкование слов Энгельса совершенно произвольно. Он отвергал здесь лишь слишком абсолютную форму утверждения в проекте Эрфуртской программы, а не его содержание.

И действительно утверждать «постоянное» увеличение нищеты пролетариата, как показывает исторический опыт, нет основания. Уровень жизни рабочих подвержен не только кратковременным колебаниям рыночной конъюнктуры, но и более длительным сдвигам в ту и другую сторону. Но если отвлечься от этих временных сдвигов и колебаний уровня жизни рабочих, то за весь период капиталистического развития этот уровень обнаруживает весьма недвусмысленную тенденцию к падению, и организации рабочих своим сопротивле-

¹ С. Н. Прокопович. Народный доход западно-европейских стран, М.—Л., 1930 г., стр. 175.

² П. Бризон. История труда. ПБГ, 1921 г., стр. 344, 349.

нием в лучшем случае лишь замедляют этот процесс, предохраняя себя на время от дальнейшего роста нищеты.

Здесь вполне естественно будет поставить такой вопрос: В какой мере вышеуказанные колебания и перекрывающая их общая тенденция к падению уровня жизни наемных рабочих в капиталистическом обществе гармонируют с тем основным определением К. Маркса, по которому «стоимость рабочей силы есть стоимость средств существования, необходимых для поддержания жизни ее владельца?»¹. Не следует ли рассматривать эту величину средств существования рабочего если не в ценностном, то в потребительном их значении как величину постоянную или во всяком случае физиологически предельную, т. е. не поддающуюся дальнейшим снижениям?

В таком именно значении твердого предела чаще всего истолковываются не всегда удачные формулировки «железного закона» заработной платы Ф. Лассалья. Но Маркс никогда не давал повода к подобным недоразумениям. Включая в понятие средств существования рабочих и стоимость содержания их семей, и «издержки обучения», и «издержки снашивания» рабочей силы, меняющиеся весьма существенно в зависимости от изменения условий производства, уровня техники, уровня культуры и др. обстоятельств времени, Маркс никогда не предполагал и не мог предполагать уровня жизни рабочих неподвижным². По его определению «размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют продукт истории и зависят по большей части от культурного уровня страны, между прочим и от того, при каких условиях, а следовательно с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих»³.

Еще в меньшей мере можно приписать Марксу отождествление нормальных средств существования, «необходимых для поддержания жизни» рабочих с физиологическим минимумом этих средств. «Низшую или минимальную границу стоимости рабочей силы — говорит Маркс — образует стоимость товарной массы, без ежедневного притока которой носитель рабочей силы, человек, не был бы в состоянии возобновлять свой жизненный процесс, т. е. стоимость физически необходимых средств существования. Если цена рабочей силы падает до этого минимума, то она падает ниже стоимости, так как при таких условиях рабочая сила может поддерживаться и проявляться лишь в хиреющем виде. Между тем стоимость товара определяется тем рабочим временем, которое требуется для производства товара нормальной доброты»⁴. Таким образом нормальный уровень жизни, соответствующий ценности рабо-

¹ Е. Маркс. Капитал, т. I, изд. 1923 г., стр. 141.

² Там же, стр. 142, 238.

³ Там же, стр. 141 (разрядка наша.—С. С.).

⁴ Там же, стр. 143 (разрядка наша.—С. С.).

чей силы, всегда выше физиологического минимума. А заработная плата, т. е. цена рабочей силы, колеблясь вокруг уровня ценности, может достигать в своем падении и этого физиологического предела. Но конечно цена рабочей силы может подняться и выше ценности. Причем эти отклонения цены от ценности обычно определяются соотношением сил борющихся общественных классов, или, говоря словами Маркса, зависят «от удельного веса, который имеет давление капитала, с одной стороны, сопротивление рабочих—с другой»¹.

Не трудно понять, что даже растущий уровень оплаты труда не всегда обеспечивает рабочего от роста его неудовлетворенности. Заработная плата в условиях растущей производительной силы труда может расти не только в денежной, но и в товарной форме. Но если доля ее в общей стоимости создаваемого рабочим продукта при этом падает, то мы уже в этом имеем достаточные основания для нарастания глубокой неудовлетворенности рабочего, ибо, говоря словами Маркса, «при этом относительно, т. е. по сравнению с прибавочной стоимостью, стоимость рабочей силы все уменьшалась бы и следовательно все глубже становилась бы пропасть между жизненными уровнями рабочего и капиталиста»². Однако этот случай в капиталистической практике по видимому далеко не самый частый. Гораздо чаще и глубже цена рабочей силы в капиталистическом обществе отклоняется не вверх, а вниз от нормальной стоимости этого товара. И вот почему. Во-первых, этому содействует нарастание новых потребностей, которые не входят в привычный уровень жизни рабочего вчерашнего дня и потому требуют дополнительных усилий пролетариата в классовой борьбе за их признание. А во-вторых, соотношение сил в этой борьбе — до тех пор, пока капиталисты являются господствующим классом — очевидно по общему правилу складывается не в пользу рабочих.

Именно поэтому даже при устойчивом уровне ценности рабочей силы цена этого товара, а вместе с ней и уровень жизни рабочего в условиях капитализма, в особенности за большие периоды наблюдения, выявляют определенную тенденцию к снижению. И вот почему совсем не случайной обмолвкой в «Коммунистическом манифесте» являются приведенные выше слова о падении уровня жизни современного рабочего. Кстати сказать, эту мысль мы находим не только в «Коммунистическом манифесте», но и в гораздо более позднем и зрелом произведении Карла Маркса «Капитале», где, устанавливая исторические тенденции зреющего капитализма к концентрации производства и централизации капиталов, он заключает: «На ряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, кото-

¹ Там же, стр. 503; Туган-Барановский, Солнцев и др. сторонники т. н. социальной теории распределения упускают из виду однако, что этим соотношением классов сил можно объяснить лишь те или иные отклонения от уровня стоимости рабочей силы, но не самый уровень.

² Там же, стр. 503.

рые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса переворота, растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самим механизмом капиталистического производства... Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»¹.

Ревизионисты марксизма, оспаривая в свое время т. н. «теорию обнищания», сформулированную в подчеркнутых нами недвусмысленных выражениях Маркса, пытались тем самым ослабить и вытекающий из нее вещий прогноз социального переворота («Zusammenbruchstheorie»). Но в настоящее время, после великой Октябрьской революции в России, надо думать, даже в среде самых завзятых апологетов капитализма, немногие осмелятся оспаривать глубину этого гениального прогноза, ныне осуществленного уже на целой шестой части земного шара.

В Институте Экономических Исследований Госплана СССР

Методологические проблемы теории советского хозяйства¹

Краткие тезисы доклада Л. М. Гатовского²

1. Процесс воспроизводства в СССР в основном проходит (при правильной политике) в соответствии с народнохозяйственным планом. Безраздельное господство плана немислимо в переходный период. Наличие мелкотоварного и капиталистического секторов, а следовательно стихийных тенденций, создает необходимость в учете этих стихийных тенденций планом (этот же учет вместе с тем означает подчинение стихии) и вызывает «поправки» со стороны стихии к нашим планам.

Однако социально-экономическая структура СССР такова, что этот «учет» и поправки (имея существенное значение особенно на отдельных участках) не означают (при правильной политике) отхода от основной линии движения — построения социализма.

2. Единство процесса воспроизводства СССР и движение к социализму (возможность построения социализма) основываются на плановом руководстве народным хозяйством; вне последнего при «наличии более прочной базы для капитализма, чем для социализма, в условиях нашей мелкокрестьянской страны» (Ленин) невозможно построение социализма, неизбежно стихийное движение хозяйства к капитализму.

3. Народнохозяйственное планирование, т. е. организованное воздействие пролетарской диктатуры, социалистического сектора на все народное хозяйство представляет собой основную экономическую категорию в СССР. Это народнохозяйственное планирование неотделимо от основного производственного отношения в СССР и от основного закона его развития. Движение к социализму в СССР не является стихийным; процесс движения к социализму в СССР в основном совпадает с процессом планового построения социализма, законы движения к социализму в основном совпадают с законами построения социализма, лежащими в основе народнохозяйственного планирования.

Необходимо при этом подчеркнуть всю обусловленность плана состоянием производительных сил, социальной структурой, однако имея в виду, что план не приспособляется к ним пассивно.

4. Во всякой общественной формации «регулятор хозяйства» (термин употреблен условно) закономерности господствующего производственного отношения и основной закон движения экономики составляют неразрывное единство. Без этой предпосылки «регулятор» (каждая экономическая статья имеет свою систему, свой способ вос-

¹ Дискуссия, происходившая в заседаниях Института экономических исследований.

² В виду того, что доклад т. Гатовского в значительной мере воспроизводит содержание его статьи, помещенной в журнале «Проблемы экономики» № 1 за 1930 г., мы отсылаем читателя к этой статье, а вместо стенограммы доклада печатаем лишь данные тезисы докладчика, в известной степени развивающие и дополняющие положение его статьи. *Ред.*

производства, т. е. свой «регулятор») сводится к «механизму», оторванному от производственных отношений, от их движения, следовательно он рассматривается с формально-внеклассовой точки зрения, рассматривается как «механизм равновесия». Пропорции в распределении общественного труда отрываются тогда от основного направления движения хозяйства (и обратно). Форма осуществления процесса воспроизводства отрывается от его содержания.

Способ производства и тем самым способ распределения общественного труда — то, что обычно называют термином «регулятор», не отделим от закономерностей воспроизводства господствующего производственного отношения, причем это воспроизводство естественно включает и трансформацию этого производственного отношения. Поскольку производственные отношения не существуют вне их воспроизводства, данный «регулятор» неотделим от соответствующего производственного отношения.

5. Установка диалектического материализма требует, чтобы в основе плана как экономической категории, как объективного производственного отношения лежал материально-трудовой процесс с тем или иным социально-историческим содержанием и формой.

Содержанием плана (планирования) как основной экономической категории советского хозяйства является общественный труд в особой его плановой организации, придающей специфический характер социально-экономической структуре СССР. (Руководящая роль плана, борьба его со стихией, процесс социалистической индустриализации при наличии частного сектора и т. д.).

6. Этот общественный труд имеет качественную и количественную определенность. Качественная его определенность отличает его от общественного труда как содержания плана в социалистическом обществе, так и от абстрактного труда как содержания стоимости.

Особый качественный характер общественного труда как содержания плана пролетарской диктатуры в СССР определяет характер количественных пропорций в распределении общественного труда (процесс индустриализации, обобществления, распределение народного дохода), а тем самым и направление движения экономики (процесс построения социализма).

7. Это содержание плана составляет неразрывное единство с его формой (вернее с формами), т. е. тем самым со всей системой так называемых «плановых рычагов».

Неразрывность этого единства (подобно неразрывности абстрактного труда и меновой стоимости, т. е. содержания и формы стоимости) выявляется в невозможности например процесса социалистической индустриализации вне директивного пролетарского планирования народного хозяйства и обратно — в невозможности этого планирования вне обобществления, без которого хозяйство неизбежно будет регулироваться законом стоимости.

8. Подобно тому как в политической экономии для двух уклонов — механистического и идеалистического — характерен разрыв в стоимости единства труда и стихийной меновой формы, причем первый упускал из виду историческую стихийную меновую форму, а второй труд — материальный процесс производства, так и в теории советского хозяйства необходима борьба как с непониманием материалистичности нашего планирования, его трудового содержания, его зависимости от производительных сил (уклон в сторону идеализма), так и с недооценкой роли особой исторической плановой формы,

вне которой упускается из виду специфический исторический характер общественного труда в СССР (механистический уклон).

Эти два уклона в теории не могут не вести к определенным извращениям и на практике.

9. Для механистического уклона характерно в связи с вышесказанным сведение особенностей нашей экономики к «внеисторическим законам» материально-технического процесса. Поскольку содержание нашего планирования отрывается от исторической формы, в нем неизбежно затухают социальные особенности и выдвигается на первый план «внеисторическое» материально-трудовое содержание, а форма вне социального содержания приобретает чисто внешний внеисторический, «организационный» характер («закон трудовых затрат» т. Бухарина); отсюда формальная, внеклассовая трактовка плана (план-прогноз), его якобы пассивная роль в отношении «внеисторических» законов.

10. Такие экономические категории как «рынок», «цена», «деньги», «кредит» в основном у нас являются формами народнохозяйственного планирования. Планирование рыночных отношений (купли-продажи), плановая (в основном) система цен. Планирование покупательной силы денег, планирование кредита являются определяющим моментом однако поскольку план «учитывает» и стихийные тенденции, поскольку производственные отношения в СССР включают стихийные тенденции, эти категории конечно отражают и стихийные тенденции, что выражается в соответствующем распределении ресурсов в стране, но что не меняет (при правильной политике) основного направления развития хозяйства.

11. Цена в основном у нас является плановой (учитывая роль обобществленного сектора), поскольку в основном исчезли автоматические колебания цен вокруг средней оси, поскольку система цен в основном устанавливается планом, поскольку цена включена в систему других плановых рычагов (плановое снабжение, плановый сбыт, финансирование, кредит, налог, производственное обслуживание и т. д.). Однако складывающаяся система цен не может автоматически соответствовать материальным планам и не может не отражать еще пока стихийных тенденций, поэтому факт наличия цены как формы плана переходного периода отличает последний от социалистического плана.

12. Деньги уже не являются выражением стоимости (отсутствие золотого всеобщего эквивалента, отсутствие связи между золотом и покупательной силой, номинальность курса, планирование в основном покупательной силы денег в отношениях между обобществленным и частным секторами, трудности в превращении денег в «капитал», различная эффективность рубля для различных групп населения, роль натурального снабжения). Однако движение денег не идет подобно движению расчетных знаков, а тем более трудовых талонов или ордеров социалистического общества, строго параллельно движению материальных благ. Деньги (и на новом этапе) — еще «всеобщее покупательное средство» (хотя и с ограничениями), движение которого может отрываться от планового распределения материальных ресурсов и играть активную роль в их перераспределении; отсюда и возможность «инфляции».

Кредит поэтому (будучи в корне иным по сравнению с товарно-капиталистическими условиями) еще имеет место в переходный период в форме мобилизации этого «всеобщего покупательного средства».

Все эти моменты (наличие нашего рынка, цены, денег, кредита) имеют своей причиной наличие частных секторов (частного хозяйствования), т. е. переходный характер экономики.

13. Таким образом общее отличие плана переходного периода от плана социалистического общества выражается:

а) в невозможности непосредственного управления хозяйством (необходимость в значительной мере косвенного регулирования);

б) в невозможности установления таких пропорций, которые полностью выражали бы при данном состоянии производительных сил экономический оптимум (хотя в СССР по сравнению с товарно-капиталистической системой мы имеем гигантские преимущества) в связи с наличием «учета» стихии и поправок с ее стороны;

в) в наличии классового антагонизма, в необходимости постоянной борьбы за план со стихийной капиталистической тенденцией;

г) в наличии рыночной, ценовой, денежно-кредитной форм, которые постепенно трансформируются (следует отличать эти категории, могущие являться формами плана, от стихийного «регулятора»).

14. Грубейшей ошибкой является предположение о неизменности содержания и формы плана в переходный период, затушевывание процесса трансформации плана переходного периода в план социалистического общества; необходимо четко различать этапы социалистического строительства, различия в роли стихии (постепенно ослабевающей, в то время как противоречия плана и стихии заостряются). Процесс трансформации выражается в том, что в плане моменты косвенного регулирования отступают все больше перед моментами непосредственного управления, т. е. элементы натурализации растут, плановое распределение материальных ресурсов все более превращается рыночную, ценовую, денежную, кредитную формы (в этом выражается трансформация последних) в непосредственную форму материального плана, пока денежные потоки и поток материальных ресурсов не сольются в одно. При социализме же движение ордеров, чеков, расчетных знаков, а затем и трудталонов будет непосредственно следовать за материальным планом, тогда постановка вопроса о мобилизации «ордеров» и «трудталонов» (аналогично мобилизации денежных ресурсов в форме кредита) окажется абсурдной. Когда наличие «финплана» (неизбежно не совпадающего полностью с материальным планом) окажется невозможным и ненужным, тогда будет иметь место единый план в «натуральном» виде (выраженный между прочим и в трудовых единицах).

Наличие качественных сдвигов в природе плана на различных этапах нэпа не означает правильности «теории этапов», считающей для восстановительного периода верными установки, отвергающие наличие планового руководства (теория стоимостного регулятора, двух регуляторов, «двуединого регулятора», «закона трудовых затрат» т. Бухарина).

15. Отрицание единого планового руководства хозяйством в наших условиях приводит к механистическим концепциям стоимостного «регулятора» либо «двух регуляторов», или к «теории равновесия секторов» и теории «самотека» в социалистическом строительстве в деревне.

Диалектическое единство противоположностей в процессе построения социализма немыслимо вне планового руководства хозяйством.

16. Недооценка директивной роли плана лежит в основе механистической концепции т. Бухарина («закон трудовых затрат», план-

прогноз, равнение по узким местам, роль «рыночного баланса») и в основе механистической концепции т. Преображенского (абстракция от экономической политики, наличие в СССР экономических законов, действующих вне экономической политики, два «регулятора»); характерны общие черты в концепции тт. Преображенского и Базарова-Громана («генетический» подход, абстракция от экономической политики, а отсюда и роль планирования сельского хозяйства и в известной мере перспективы развития последнего).

17. Основными методологическими установками при изучении советской экономики являются ленинские положения:

а) о специфичности экономики СССР (революционный «скачок», отделяющий ее от товарнокапиталистической системы, невозможность стихийного «врастания» в социализм ни до, ни после пролетарского переворота, социалистический характер Октябрьского переворота);

б) о гегемонии пролетариата (что выражается в плановом руководстве хозяйством);

в) о возможности построения социализма в СССР (процесс построения социализма как основа движения экономики, особая динамичность экономики СССР);

г) о единстве (единстве противоположностей) хозяйства СССР, несмотря на многоукладность, единстве, основанном на гегемонии пролетариата и возможности построения социализма в СССР (отрицание двух кругов воспроизводства, возможность снятия внутренних противоречий, соответствующая оценка роли капиталистического класса, основное производственное отношение между пролетариатом и середняцко-бедняцкой деревней);

д) об особой роли пролетарского государства (роль экономической политики, планирования), об особой роли «надстройки», ее обратного воздействия на экономический базис, на производственные отношения (критика сухановского меньшевистского «технизма»);

е) о классовой непримиримости, о классовом содержании, классовых истоках и классовых тенденциях плана и стихии в СССР (против формальной, внеклассовой трактовки плана и стихии), роли классовой борьбы («кто кого?»);

ж) о капиталистическом характере стихии (более прочная база для капитализма в СССР при мелкокрестьянском характере страны, ошибочность теории «самотека», «равновесия секторов» и т. д.);

з) о революционном характере всего переходного периода (необходимость глубоких социальных и технических сдвигов, а не «организационной» перестановки элементов прежней экономической структуры).

18. Механистический уклон в теории советского хозяйства выражается в попытках сведения экономической структуры к технике (затушевывания своеобразия социально-экономической структуры СССР), в оценке производственных отношений как пассивно приспосаблиющихся к уровню производительных сил, в затушевывании активной роли «надстройки», в различных вариациях теории равновесия («закон трудовых затрат», «теория равновесия секторов» и т. д.), в механистическом объединении секторов (фактическое отрицание диалектического единства противоположностей, «два регулятора», «двуединый регулятор», «два круга воспроизводства», «теория равнодействующей»), в перенесении категорий товарнокапиталистического хозяйства в СССР.

Идеалистический уклон (часто переплетающийся с первым) выражается в индетерминизме, телеологии (произвольность в планировании), в недооценке зависимости производственных отношений от раз-

вития производительных сил, в «субъективном методе», приводящем к дуализму, а отсюда и к «теории равновесия», в переоценке роли обращения (к последнему приводит и механистический уклон его теории «равновесия секторов», «организационной точкой зрения» и т. д.). Отрицание экономических законов в СССР питает оба эти уклона.

19. Методологическими предпосылками при изучении советского хозяйства являются необходимости исходить из:

а) наличия в СССР экономических законов (против «технизма», сведения экономики к технике, против «телеологизма»);

б) своеобразия экономических законов в СССР (слияние экономической политики с основным производственным отношением);

в) оценки планового руководства как господствующей формы производственной связи, народнохозяйственного плана и экономической категории, отражающей основное производственное отношение (отказ от формальной трактовки плана только как сформулированной плановой намечки, выраженной в определенных цифровых данных);

г) особой роли субъективного момента (при производности и обусловленности его), т. е. организационного планового воздействия на производственные отношения и производительные силы в условиях СССР;

д) особой специфической активной роли производственных отношений в СССР (с особенной четкостью вскрывается порочность механистических концепций, рассматривающих производственные отношения как «пассивный рефлекс» производительных сил);

е) особой динамичности советской экономики, из явной недопустимости отделения изучения закономерностей воспроизводства, закономерностей в пропорциях распределения общественного труда от процесса построения социализма (специфическая динамичность советской экономики с особой четкостью вскрывает порочность механистической «теории равновесия»);

ж) монистического анализа производственных отношений в СССР (единство экономики; отрицание единства несовместимо с ленинской «теорией построения социализма в СССР»);

з) недопустимости разрыва («субъективный метод» с характерным для него дуализмом, ведущим как к фатализму, так и индетерминизму) экономической деятельности на субъективные факторы («должное», экономическая политика) и объективное («сущее», экономические законы).

(Ошибочность этой концепции особенно ярко вскрывается в особых условиях экономики СССР).

20. В «теории советского хозяйства» должно быть строго выдержано диалектическое единство анализа и синтеза; задача ее заключается в применении правильных методологических установок к богатейшему конкретному материалу по экономике СССР, к практике социалистического строительства; при этом изучение конкретики проводится под углом зрения выявления основных тенденций развития советской экономики, а не описания всего многообразия ее явлений.

21. В применении абстрактного метода в теории советского хозяйства следует исходить:

а) из недопустимости абстракции ни на каком этапе и следования от экономической политики (от планирования пролетарской диктатуры);

б) из того, что пределом абстракции (для выявления законов движения советского хозяйства) является трехсекторная модель (со-

циалистический, мелкотоварный и капиталистический секторы), исходя при этом из того, что двумя основными классами являются пролетариат и некапиталистическое крестьянство;

в) из недопустимости абстракции от особенностей экономики СССР (технично-экономическая отсталость, мировое капиталистическое окружение), вызывающих особые условия в характере воспроизводства; естественно, что эта абстракция необходима, когда мы хотим выявить общие принципы переходного периода (находящие свое выражение в оценке нэпа как универсальной экономической политики переходного периода); «теория советского хозяйства» не является наукой, изучающей «трансформационный процесс вообще», а процесс построения социализма в конкретных условиях СССР;

г) из недопустимости абстракции от этапов нэпа, так как задачей «теории советского хозяйства» является не столько выявление общих закономерностей всего переходного периода в СССР, сколько изучение трансформации экономики по этапам; абстракция от особенностей этапов необходима нам лишь для выявления общих основных закономерностей социалистического строительства в СССР;

д) из необходимости абстрагироваться от условий непосредственно военной ситуации (но роль подготовки к обороне, являясь неотъемлемым моментом проблемы «кто кого?», составляет необходимый объект анализа);

е) из необходимости абстрагирования от «чисто конъюнктурных колебаний», влияющих метеорологических условий и т. д., являющихся (относительно) «случайными» для общего хода развития экономики СССР.

22. На основе вышесказанного классификация дисциплин о советском хозяйстве должна исходить из следующих положений:

а) необходимости слияния «теории советского хозяйства», «основ экономической политики» и «общей теории планирования» в единую дисциплину — «теорию народнохозяйственного планирования», изучающую трансформацию производственных отношений в СССР и тем самым трансформацию системы «плановых рычагов»;

б) необходимости выделения специальной плановой (более конкретной) дисциплины об организации и систематике планирования (включающей технику построения планов, технику наблюдения за ходом их выполнения);

в) необходимости слияния соответствующих отраслевых дисциплин по советской экономике в «теорию планирования», или «социалистической реконструкции» соответствующей отрасли;

г) необходимости отграничения «теории народнохозяйственного планирования» от науки о «динамике народного хозяйства СССР».

Прения по докладу Л. М. Гатовского

С. Д. СЛУЦКИНА. В докладе тов. Гатовского много правильного и ценного. Правильно то, что в нашем хозяйстве нет и не было системы двух регуляторов. Правильно и то, что нельзя говорить о процессе трансформации закона стоимости в так называемый «универсальный закон трудовых затрат». Правильно также и то, что мы не можем говорить о трансформационном процессе вообще без выявления классовой природы последнего. Тов. Гатовский говорит следующее: «Затушевывание классовой природы плана и стихии приводит к рассмотрению переходного периода, как трансформационного периода «вообще», к переоценке организационно-формальных моментов, к иллюзии о возможности чисто «организационного» охвата стихии, а не подавления ее путем выкорчевывания ее классовых корней».

Этот момент, как правильно замечает т. Гатовский, является одним из центральных в замечаниях Ленина на полях «Экономики переходного периода». Но именно этот момент не совсем понят тов. Гатовским.

Желая конкретизировать правильную мысль Ленина о том, что нельзя затушевывать классовую природу плана и стихии, Гатовский исходит из трансформационного процесса «классового плана» в план и тем самым отбрасывает трансформационный процесс капитализма в социализм.

Как надо анализировать трансформационный процесс капитализма в социализм?

Его надо брать в его качественных изменениях, в смене форм его движения, в его стадиях, звеньях. При анализе этого процесса надо исходить из двух моментов: из момента исторической перспективы и из момента связи с прошлым.

Нэп не есть однородный процесс. Каждый период нэпа внутри себя противоречив и сам развивается путем снятия внутренних противоречий. Исходя из этих принципов, мы считаем, что характерной особенностью нашего советского хозяйства является единство системы и в то же время противоположность различных секторов — в основном: социалистического, просто товарного и капиталистического. Мы имеем в этом единстве борьбу противоположностей, борьбу за перевод просто товарного хозяйства на путь социалистического развития. Наша плановая политика качественно отлична на разных этапах нэпа. Процесс происходит все время посредством переломных моментов, узлов и звеньев. Задача теоретика дать качественно отличную характеристику каждого этапа и каждого переломного момента.

Этого не сделал т. Гатовский. «Скачок от товарнокапиталистической системы к нашей, — говорит т. Гатовский, — произошел не при переходе от восстановительного периода к реконструктивному, а в октябре 1917 г.»

Верно конечно, что в октябре произошел решающий скачок от товарнокапиталистической системы к нашей. Но можно ли считать, что на фоне революции после октября 1917 г. мы имеем однородный процесс. Верно ли, что при переходе от восстановительного периода к реконструктивному мы не имеем скачка? Конечно неверно. Такое понимание «скачка» неправильно, так как весь трансформационный процесс от капитализма в социализм происходит путем диалектически развивающихся противоречий, путем «снятия» этих противоречий, путем качественных изменений. В природе диктатуры пролетариата не заложены с необходимостью предпосылки «третьей» революции. И при правильной классовой политике пролетариата самая ожесточенная классовая борьба при выкорчевывании корней капитализма на фоне революции не есть новая революция, а есть новый этап в революции, дающий новые качественные узлы, новую качественную характеристику. Для т. Гатовского существует в октябре единовременный скачок от товарно-денежной системы, а дальше происходит «трансформация нашего планового регулятора, начиная с 1921 г.» (Гатовский). Значит у нас с самого начала нэпа существует плановый регулятор, «классовый план», который трансформируется в план социалистического общества. Я считаю, что лучше всего критиковать этот взгляд под углом зрения 1924 г. Вы все вероятно помните, что Троцкий в 1923 г. тоже говорил о плане. Он считал, что при правильной политике партии возможно было бы стопроцентное планирование в то время. Он говорил: «если в кадке клепки разной длины, то воду можно наливать до уровня самой короткой клепки; дальше — сколько не лей, вода будет выливаться». Нужен жесткий план и вода не будет выливаться.

Мы приводим это положение Троцкого не для того, чтобы вскрыть его противоречивость в общей экономической концепции троцкизма, и не для того, чтобы показать его бессодержательность по существу. Это в свое время было исчерпывающим образом сделано партией.

Мы приводим это положение Троцкого для того, чтобы показать, как партия в ответ на этот тезис в тот период оценивала возможности планового руководства у нас. Партия критиковала «план» Троцкого, как бюрократический план. И XIII партконференция в январе 1924 г. сказала по этому вопросу следующее: «В корне неправильно было бы полагать, что при преобладании мелкого крестьянского хозяйства, при возрастающем значении в нашем хозяйстве мирового рынка и его цен государственное плановое руководство могло бы исключить возможность кризисов в обстановке нэпа. В гораздо большей мере, чем до сих пор, партия должна научиться согласовывать элементы государственного хозяйства в их взаимодействии как между собой, так и с рынком».

Эта задача облегчается тем, что ныне мы достигли значительных успехов в создании основных предпосылок планового руководства, без которых планирование легко могло бы превратиться в бюрократическую утопию. Эти предпосылки успешного планирования заключаются: 1) в создании твердой валюты, 2) в организации кредита, 3) в накоплении материальных фондов, допускающих маневрирование, или 4) в осуществлении и укреплении определенных форм организации хозяйства (тресты и т. д.), 5) в наличии ряда отдельных построенных на основе опыта планов, в первую очередь реальных бюджетных планов, и т. д.

Ближайшей обязанностью Госплана должно быть систематическое изучение текущей рыночной конъюнктуры и выработка основных мероприятий в целях воздействия на складывающиеся рыночные отношения».

В этой резолюции, как видите, говорится о том, что только созданы «основные предпосылки планового руководства и что нужно выработать основные мероприятия в целях воздействия на складывающиеся рыночные отношения». Эта резолюция правильна для своего времени. С тех пор мы имели последующие этапы и другого содержания резолюции. Но эта резолюция явно говорит, что мы не только в 1921 г., но и в 1924 г. еще не имели планового «регулятора», как «регулятора» системы.

Мы все знаем конечно, что только сейчас мы могли подойти к реформе кредита. Мог ли быть с самого начала нэпа ликвидирован коммерческий кредит? Конечно нет. Только сейчас полностью снимается противоречие между планированием кредитования и «стихийной» перекачкой кредитов. А это значит, что совсем недавно ценностные отношения еще лежали, как «материнские пятна» старого строя, в самой сердцевине нашего планирования.

Говоря о том, что основное производственное отношение являлось все время нэпа регулятором, т. Гатовский не берет этого основного производственного отношения в его связи и «опосредствовании». Это основное производственное отношение являлось и является во время нэпа внутренним моментом трансформационного процесса всех производственных отношений системы. Это производственное отношение является внутренним моментом в «опосредствовании» производственных отношений пяти укладов.

«При капитализме деревня шла стихийно за городом, потому что капиталистическое хозяйство города и мелкотоварное хозяйство крестьянина являются в своей основе одноклассным хозяйством» (Сталин). В экономике переходного периода основное производственное отношение действует в «опосредствовании» неоднотипных производственных отношений. И на данном этапе это производственное отношение действует в обстановке, когда вопрос — кто кого? еще не снят. Конечно в данный момент мы гораздо ближе к завершению трансформационного процесса от капитализма в социализм, чем когда бы то ни было раньше.

Мы думаем, что в постановке вопроса т. Гатовского, что «регулятором» за весь период нэпа был план, что «регулятором» может являться только основное производственное отношение, лежит положение, что общие рамки развития в нашей стране заранее даны строем пролетарской диктатуры. Но именно из положения, что общие рамки развития в нашей стране заранее даны строем пролетарской диктатуры, т. Бухарин делает дальнейший вывод: кулаку и кулацким кооперативам все равно некуда будет податься, и кулак будет неизбежно втиснут в определенные границы.

Поэтому я считаю, что, несмотря на богатство мыслей в докладе, все же следует пересмотреть данный тезис доклада, так как из него можно сделать неправильные выводы.

И. А. КАН. Я имею в виду выступить не по существу содержания доклада, а по специальному вопросу: в какой мере докладчик в своем анализе закономерно и плодотворно пользуется терминологией. Если основываться на тезисах и сообщении, то доминирующим понятием и выражавшим его термином был «регулятор». Я поднимаю вопрос о том, в какой мере этот термин применим в нашем

хозяйстве? Чтобы на это ответить, целесообразно будет уделить известное внимание самому генезису этого термина.

Мы знаем, что регулятор — орудие, имеющее отношение к современной технике; это приспособление имеется почти при всех современных типах двигателей. Задумаемся над тем, в чем его основная функция. Вы знаете, что она заключается в том, чтобы «уравновесивать» две взаимно-противоположные силы. Какие именно? Это, с одной стороны, мощность двигателя и нагрузка, которую ему приходится преодолевать, — с другой. Если на каком-нибудь предприятии имеется например паровая машина в 100 лш. сил и она приводит в движение 100 станков и если нагрузка каждого равна 1 лш. силе, то вы имеете случай идеального равновесия. 100 сил мощности преодолевают сопротивление такой же величины. Представьте себе, что почему-либо 20 станков выведено из цепи, тогда 100 лш. силам противостоит только 80 сил нагрузки. Что получится? — Разрыв, несоответствие между нагрузкой и мощностью. Совершенно ясно, что если бы не было приспособления, которое уравнивает возникшую разность, машина и приводимые в движение станки получили бы большую скорость, чем та, на которую они рассчитаны, и дело могло бы закончиться разрывом маховика или других частей машины, порчей станков. Для того, чтобы этого не случилось, вы знаете, требуется вмешательство регулятора. Чуть в известных пределах равновесие нарушено, регулятор раньше или позже приходит в движение, откликаясь с большей или меньшей чувствительностью на противоречие; так или иначе он активно и автоматически уравнивает обе нагрузки системой особых приспособлений. Регулятор вмешивается в механизм поступления пара, так что в конечном счете равновесие вновь восстанавливается.

Если вникнуть в это дело и попытаться сделать некоторое обобщение, то придется сказать так: задача регулятора в том и заключается, чтобы привести в определенное соответствие — гармонию отдельные элементы единого целого друг по отношению к другу. Это единое целое в данном случае комплекс, состоящий из двигателя и приводимых им в движение станков. Задача регулятора в том и заключается, что если внутри этой системы возникают на ходу противоречия — противоречия эти устранять. В этом его основная функция. Во всяком случае не дело регулятора направлять целое: его задача — приводить в гармонию расхождение отдельных звеньев единого целого.

Мы знаем, что в условиях капиталистического хозяйства существуют свои социальные регуляторы. Тот регулятор, о котором говорил т. Гатовский и который считается общепризнанным, — это закон стоимости, ценности, или в его измененном виде закон цен производства. Он действительно для капиталистического хозяйства является настоящим регулятором — правда «слепым».

Если бы я стремился провести аналогию дальше, я мог бы сказать, что этот регулятор — закон ценности — действует таким же образом, как и регуляторы в механизмах. Его действие заключается в том, что, когда равновесие уже нарушено, он начинает вмешиваться и реагирует с известным опозданием. Это не значит, что на отдельных участках капиталистического хозяйства плановое начало совершенно отсутствует. Возьмите например предприятие. Оно как самостоятельная производственная единица может быть насквозь насыщено планомерностью: все в нем может протекать на основе глубоких закономерностей и работа в целом может напоминать точно работающий механизм.

И даже большая совокупность предприятий может функционировать на основе строжайшего плана; таковы например все предприятия Форда, где все производственные потоки, охватывающие громадную совокупность предприятий, так скомбинированы, что мы имеем «плановое хозяйство», но только на небольшом участке.

Если же говорить о плановом хозяйстве в его наиболее развернутом виде, то тогда говорить о регулировании не приходится. Если в нашем хозяйстве еще осталось много элементов регулировочного порядка, то по сути дела эта функция уже является подсобной, не характерной, для планового хозяйства не типичной. Если мы планируем недостаточно эффективно, то это приводит к необходимости регулировать на ходу. Но всякое плановое хозяйство отличается тем, что в принципе оно отрицает собой понятие регулятора. (Голос: Равновесие здесь не нужно?). Равновесие совершенно необходимо, но оно достигается не регулированием, а планированием. Быть может для этого более пригодным может оказаться термин — «мотор». Мотор — движущая, ведущая сила всего хозяйства. Регулятор — это приспособление, задача которого привести в гармонию элементы целого друг по отношению к другу, сопоставить, сочленив, соподчинить одного с другим. Задача планового хозяйства не только в этом; функция регулирования для него подсобная — основное в другом, в заранее предусмотренном ходе всего хозяйства, в его целом, таком, при котором в принципе заранее исключалась бы дисгармония, диспропорция частей.

Машина, точнее механизм, — лучшее техническое выражение плана: в ней реализуется глубочайшая закономерность как в целом, так и связность его отдельных элементов друг по отношению к другу. Если задано например движение ползуна паровой машины, то остальные звенья — кривошип и шатун и все другие части механизма движутся в глубоко «плановом» порядке. Тут «своеволия», нарушения предусмотренных закономерностей уже не может быть; все движения строго предопределены самой конструкцией и соразмерностью частей механизма. Все движется с предначертанной закономерностью, с такой же методичностью, как вращаются отдельные колесики в хронометре, как движутся планеты вокруг солнца. Тут закономерность глубочайшая и опять-таки с этой точки зрения, мне кажется, термин «плановый регулятор» внутренне противоречив и неприемлем.

Я могу навлечь на себя несправедливый упрек в механистичности: но ведь не в этом дело. Какую цель я преследую в своем выступлении: я хотел бы внести большую терминологическую ясность и точность. (Голос: А как вы предлагаете называть?). Я бы скорее склонился к термину «мотор», потому что он является движущей, направляющей силой для всей совокупности элементов. (Голос: Но он — мертвая сила). Почему? Если это паровая машина или турбина, то она ведь является движущей силой по отношению к сложной совокупности орудий.

Но так или иначе «плановый регулятор» — термин, не выдерживающий критики. Одно из двух: или необходимо сказать, что термин регулятор принимается не в том смысле, как это подразумевается в технике, и тогда надо указать в чем отличие и показать, что все же целесообразно им пользоваться, хотя неясно, зачем его применять, если это расходится с привычными техническими ассоциациями.

Мне кажется, внести определенность, ясность в терминологию — это исходная предпосылка для того, чтобы можно было вести работу

обсуждения плодотворно. За нашими словами, терминами должны скрываться совершенно определенные понятия.

Если необходимо термин регулятор сохранить, мы должны строго обосновать, почему мы им пользуемся в условиях планового хозяйства, и установить, в чем его отличие от того понятия, которое является общепризнанным в технике. Или же нужно решительно заменить этот термин другим.

Каждый из нас вносит свое понимание в этот решающий термин — регулятор, у каждого из нас имеется как бы свой собственный измеритель. Надо условиться относительно самого термина, в противном случае дискуссия будет протекать с недостаточно высоким коэффициентом полезного действия.

В. И. РАТНЕР. Речь т. Кана вынудила меня взять слово. Дело не в том, что мы должны уложиться обязательно в точную терминологию, в терминологию, употребляемую в области техники. Плановый мотор или плановый регулятор, т. е. то, на чем сосредоточил свое внимание т. Кан, мало продвигает нас в изучении советского хозяйства. Но именно в вопросе о регуляторе заключается ошибочный путь искания у т. Гатовского.

Его исходное положение заключается в следующем: регулятор хозяйства, закон движения и воспроизводство производственных отношений — это одно и то же. От этого он отправляется и это есть то новое, что он привносит в методологию изучения переходного периода. Эта логическая конструкция т. Гатовского с моей точки зрения страдает определенной погрешностью.

Вопрос — не в термине «регулятор», а в содержании этой категории. Следует ли эту категорию «регулятор» применять при анализе хозяйства переходного периода? В связи с этим в первую очередь нужно выяснить — есть ли регулятор и закон движения одно и то же? Для т. Гатовского — это одно и то же. Я с этим не согласен. Регулятор «показывает», как система воспроизводится, а не как система уничтожается или отрицается, как система. Уже отсюда ясно, что регулятор и закон движения не совпадают. Возьмите Рикардо. Включает ли теория Рикардо в качестве категории регулятор капиталистического хозяйства? Я считаю, что да. Закон стоимости, сформулированный Рикардо, в его понимании есть регулятор капиталистического хозяйства. Для Рикардо это есть закон движения капиталистического хозяйства, ибо для него буржуазная форма производства «не специфически определенный способ производства, а способ производства вообще» (Маркс). Объясняется это механическим мышлением Рикардо, который знал «единство», но не знал «единства противоположностей». Таким образом у Рикардо мы находим полное совпадение регулятора и закона движения системы.

Далее поставим следующий вопрос: почему в работе т. Бухарина по теории советского хозяйства центральное место отводится «регулятору»? Именно потому, что акцент исследовательского (и не только «исследовательского») интереса т. Бухарина был на вопросе равновесия хозяйства. Понимая движение как динамическое равновесие, процесс воспроизводства как процесс постоянного нарушения и восстановления равновесия между обществом и природой, т. Бухарин совершенно логично с точки зрения своей методологии приходит к регулятору, к закону трудовых затрат, как закону движения экономики переходного периода?

Какую службу сослужили поиски регулятора, которыми усиленно занимались экономисты в деле действительного познания закономер-

ностей нашей экономики? «Подпирали» ли они (эти поиски) наше планирование, «освещали ли они путь практике»? Ясно, что нет, ясно, что этот путь лежит в значительной степени в плоскости тех же талмудических исканий, абстракций, как и недавние споры в политэкономии.

С моей точки зрения т. Гатовский очень «скупое» определяет характерные особенности плана переходного периода, его отличие от плана социалистического хозяйства, сводя их к тому, что первый действует в обстановке классовой борьбы. Это разумеется правильно, но разве это достаточный ответ на вопрос о закономерностях советской экономики? Я думаю, что нет. Я думаю, что мало плодотворным с научной точки зрения является вопрос об отыскании регулятора советского хозяйства. Следовало т. Гатовскому главным образом говорить о закономерностях воспроизводственного процесса, накопления, производстве, потреблении и распределении, как различиях внутри единства экономики переходного периода. Вот на чем следует сосредоточить внимание.

Я считаю правильной заключительную часть тезисов доклада т. Гатовского, где он производит классификацию, понятно условную, отдельных наших наук, переходного периода и экономическую политику. Я лично поддерживаю его тезисы, что теория советского хозяйства и теория планирования народного хозяйства — это по сути одни и те же науки. Его борьбу против формулировок т. Сегалы и других в этом вопросе я считаю опять-таки правильной.

М. Н. РАГОЛЬСКИЙ. Мы не можем принять тот тезис, что на всем протяжении переходного периода регулятором, независимо от того, какую стадию проходит социалистическое строительство, является план и на этом ставится точка. Ленин считал основной специфической чертой переходного периода то, что в нашей экономике есть элементы и коммунизма, и капитализма. Переходный период по его словам «соединяет в себе свойства и капитализма и коммунизма», период борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом. Таким образом и элементы коммунизма и элементы капитализма и борьба между ними являются специфически характерной частью экономической структуры переходного периода. Поэтому, Ленин в другом месте говорит о борьбе между социалистической тенденцией пролетариата и товарно-капиталистической тенденцией крестьянства. Этой специфичности переходной экономики нельзя забывать, говоря о регуляторе.

Тов. Гатовский в одном месте правильно подвергает критике самое понятие «регулятор», указывая, что эту категорию необходимо объединить с категорией закона движения, с понятием «воспроизводства» данной системы. На этот тезис следует обратить особое внимание.

Мне представляется, что до сих пор слишком много говорили о регуляторе и слишком мало говорили о законе движения нашей системы. Действительно, когда мы говорим о регуляторе, то больше всего мы говорим о моменте в движении, который по существу никогда не достигается. Таким образом правильнее нужно было бы говорить о законе движения данной экономической системы. Маркс так и делает.

Тов. Ратнер совершенно правильно заметил, что методологическая ошибка т. Бухарина в том, что он везде ищет разрешения вопроса о том, как существует данная система, и не ставит вопроса о том, как изменяется данная система. Эта крупная ошибка сказывается и в теории «организованного капитализма» т. Бухарина.

Итак следует говорить не о регуляторе, а о законе движения нашей системы. Само собой понятно, что закон движения нашей системы складывается на каждом данном этапе как результат борьбы этих двух начал, о которых говорит Ленин. Можно говорить, что план в нашей системе действует, но действует, считаясь с законом стоимости и используя его. Отсюда ясно, что закон стоимости в нашей системе лишь действует в известной мере, будучи урезанным и ограниченным планом пролетарского государства. Конкретные результаты этого движения складываются таким образом, что при правильной политике эти результаты все больше приближаются к тому, к чему стремится пролетариат, к осуществлению планового социалистического хозяйства, где частный труд будет непосредственно и трудом общественным, где включение конкретного труда в систему общественного труда производится планомерно.

Таким образом мы не можем принять тезис о полном господстве планового регулятора, о полном господстве плана; мы должны считаться с тем, что план добивается своего господства в борьбе с враждебными ему тенденциями и этому имеется достаточно доказательств.

Далее я хочу выразить такое пожелание: нам не следует так много говорить о предмете и методе науки, а нужно больше говорить о конкретных закономерностях нашей системы. Конечно, мы должны принять какой-то исходный пункт, мы должны придерживаться метода диалектического материализма и опираться на то, что нам дает теория Маркса и Ленина. Но центр тяжести мы должны направить на конкретный анализ закона движения нашей экономики, исходя из всего своеобразия ее структуры. И тогда вопрос о предмете будет решен попутно. Этим я не хочу сказать, что не нужна методологическая работа. Она нужна, но она выясняется в процессе выявления закономерностей советской системы.

Тут я хотел подчеркнуть момент известного единства в нашей системе. Его нельзя отбрасывать. Это единство существует. Правда это единство есть единство противоположных и противоречивых моментов. Ленин отметил в связи с работой Бухарина «Экономика переходного периода», что необходима известная пропорциональность и для экономики СССР. Он недоволен мыслью Бухарина, что для нас не обязательно никакое равновесие. Ленин говорит: «А три года существования советской власти, вдумайтесь в это». Ленин ставит вопрос так, что известная пропорциональность необходима. Он тут же подчеркивает, что это равновесие всегда бывает относительным. Оно всегда относительно, но если продумать этот тезис Ленина, то несомненно из него вытекает, что какое-то единство, какая-то известная пропорциональность должна существовать. Эта пропорциональность должна складываться все больше в пользу пролетариата и должна быть такой, которая осуществляет рост удельного веса социалистических элементов в нашей экономике.

Если закон движения складывается в результате такого действия плана, при котором ему приходится считаться с известной стихийностью, то все же здесь налицо единство. Единство не сплошное — это единство различных противоположных моментов.

Если взять единство таких отдельных моментов как производство, распределение, обмен и потребление, то в нашей экономике оно несомненно имеется. Возьмите вопрос о решающем значении строя производства. Возьмите такой вопрос как определение социальной природы кооперации, исходя из той роли, которую играет в нашей экономике государственная промышленность последовательно социа-

листического типа; с этой точки зрения в 1923 г. Ленин ставит так вопрос, что кооперация в своем развитии есть уже не форма госкапитализма, а форма, которая сплошь и рядом совпадает с социализмом. Я тут указываю на методологическую сторону этого вопроса — на то, что Ленин исходит из примата производственных отношений.

Возьмите вопрос об отношениях распределения. Ленин подчеркивает в своих замечаниях на книгу Бухарина, что в нашей экономике можно говорить не о зарплате, а о пайке, который получает рабочий. В нашей экономике можно говорить о доле продукта, непосредственно получаемой рабочим. Эта распределительная категория является конечно и категорией производственной. Я хочу указать, что, исходя из последовательно социалистического характера нашей промышленности, мы находим путь и к пониманию такой категории как зарплата в нашей государственной промышленности. При изучении вопросов потребления несомненно также придется держаться примата производства. Совершенно очевидно, что если для потребления широких масс при капитализме были характерными хлопок, водка и картофель, то потребление рабочего в наших условиях будет совершенно другим. Поскольку потребление рабочих есть момент производства, постольку это потребление рабочего в условиях капиталистической системы не могло выйти за рамки того, что необходимо для самого капиталистического производства. В наших условиях тут есть другая закономерность и в силу новых условий эта граница отпадает. Или другой вопрос — вопрос о роли обмена. Когда т. Бухарин утверждал, что кооперативный план Ленина предусматривает не колхозы, а кооперацию, тут мы видели методологическое сползание. Тов. Бухарин забывает про примат производства.

Говоря о своеобразных закономерностях нашей экономики, я хотел остановиться на своеобразии условий воспроизводства в нашей советской экономике.

Пример своеобразия нашей экономики — это особое отношение I и II подразделений. Ленин не говорит о равенстве $IV + Im = PC$, а об их отношении. Это соотношение в нашей экономике в силу своеобразия классовых отношений является совсем другим и оно может и должно быть таким, чтобы удельный вес I подразделения был выше, чем в условиях капитализма.

Действительно в условиях капитализма в I подразделении накопление было равно $I m$ минус потребление буржуазии. На всю сумму своего потребления буржуазия I должна была продавать средства производства II подразделению. Теперь, поскольку потребление буржуазии в громадной своей части выпало, во-первых, больше средств производства может оставаться в I подразделении и, во-вторых, за счет индивидуально потребляемой буржуазией части II m может быть расширено индивидуальное потребление рабочих или обеспечено потребление дополнительного числа рабочих в тяжелой индустрии. До революции значительная часть прибавочной стоимости потреблялась буржуазией и помещиками таким образом, что она либо экспортировалась за границу и обменивалась на импортируемые предметы потребления и роскоши, либо просто прокучивалась за границей. Вся эта часть народнохозяйственной продукции может быть обращена на цели индустриализации.

Вопрос о соотношении I и II подразделений имеет весьма актуальное значение, ибо, во-первых, рост производительности труда выражается в большем росте I подразделения по сравнению со II, во-вторых, увеличение темпа накопления (например с 10 до 20%) требует такого перераспределения производительных сил, при котором

удельный вес I подразделения увеличивается, и наконец, в-третьих, индустриализация означает огромное увеличение производства средств производства и прежде всего металла, топлива и машин.

Но дело не только в этом. Своеобразие нашей экономики заключается и в особых способах возмещения общественного продукта.

Возьмем нашу государственную промышленность. Здесь единый хозяин — пролетариат.

В наших условиях возможно передвинуть односторонне значительную часть прибавочного продукта легкой индустрии для потребления дополнительных рабочих тяжелой индустрии без того, чтобы тяжелая индустрия направляла такой же по стоимости поток средств производства в легкую индустрию. В этом смысле передвижение между подразделениями I и II возможно без встречных потоков в общественном продукте.

В условиях капитализма нельзя купить, не продавши. В наших условиях дополнительные рабочие тяжелой индустрии могут купить средства потребления без того, чтобы тяжелая индустрия продала бы на эту сумму средств производства легкой. (В известной мере такое одностороннее движение имеется и при капитализме — перенос капитала из II в I через долгосрочный кредит; в нашей системе мы имеем однако не просто количественное, а качественное отличие). Конечно тяжелая индустрия должна давать легкой машины, уголь и т. п. не только для целей простого, но и расширенного воспроизводства. Но сколько давать — это определяется планом. Через систему изъятия значительной части прибылей, займов и налогов наша легкая индустрия отдает тяжелой индустрии (и строительству) гораздо больше средств потребления, чем получает средств производства (по стоимости).

Наконец такой вопрос: каким образом создать обеспечение весьма относительного, но необходимого равновесия в условиях длительного капитального строительства? Маркс дает следующий ответ на этот вопрос. Он говорит, что при коммунизме придется рассчитывать, каков прибавочный продукт и в каком размере можно проводить такое строительство, которое требует известного числа лет. Здесь наше плановое хозяйство дает ряд возможностей маневрирования. Здесь неизбежны в наших условиях трудности, но мы можем их преодолевать. Увеличение производительности и интенсивности труда (соцсоревнование) увеличивает прибавочный продукт и облегчает капитальное строительство. Сокращение госаппарата сокращает часть этого прибавочного продукта от непроизводительного или малопродуктивного потребления. Заем индустриализации позволяет мобилизовать известную массу средств потребления за счет прибавочного продукта крестьянства, буржуазии или за счет известной части фонда заработной платы рабочих и служащих и т. д. Наконец нормирование потребления отдельных продуктов.

Одним словом мы тут вовсе не обречены на пассивное восприятие каких-то предустановленных пропорций, а можем на них активно воздействовать и активно их формировать.

Все это — лишь некоторые иллюстрации своеобразия советского хозяйства, на изучение которого нужно перенести центр тяжести.

А. И. ПОДГОРНЫЙ. Тезис тов. Гатовского о тождественности регулятора хозяйства, господствующего производственного отношения и основного закона движения народного хозяйства, — о чем только вскользь упоминали товарищи, — заслуживает более серьезного внимания потому, что если вы возьмете регулятор капиталистического хозяйства — модифицированную стоимость, т. е. цену про-

изводства, и основное производственное отношение, или иначе говоря отношение класса капиталистов к рабочему классу, выражаемое категорией прибавочной ценности, то мы уже здесь не имеем тождественности.

Дальше необходимо отметить, что исследование только закона равновесия, как это имеет место у некоторых теоретиков, является недиалектической постановкой вопроса. Экспроприация средств производства, уничтожение капиталистических элементов и преобразование мелкого товарного производства, обобществление средств производства, включение их в процесс расширенного воспроизводства и не путем уничтожения, а путем переделки, — этот поток и должен быть предметом изучения закономерностей переходного периода в наших условиях.

Маркс, Энгельс и Ленин говорили обстоятельно не только о капиталистической экономике, не только в общих чертах об основных началах добуржуазной теоретической экономики, но о том, что мы должны осуществлять в переходный период, что представляет из себя коммунистическое общество. Все разграничения между предметами общественных наук, какие сейчас делаются, игнорируют указание о политэкономии в широком смысле слова, теперь подкрепленное авторитетом Ильича. Создание политической экономики в широком смысле слова по-моему является сейчас актуальной задачей. Анализ закономерностей переходной экономики, предмет переходной экономики и будет одним из отделов этой политэкономии, которая будет исследовать закономерности движения мирового человечества на протяжении всей его истории.

Г. А. ЧЕРНЫЙ. Надо прежде всего признать, что в докладе имеется ряд интересных и оригинальных мыслей, в частности дана совершенно правильная критика имевших место установок в теории советского хозяйства. Однако в положительной части доклада не чувствуется достаточной связи между абстрактной постановкой и запросами нашей действительности.

Автор исходит из того, что экономические законы свойственны всем хозяйственным формациям, что экономические законы действуют и в условиях переходного периода, и будут действовать также в условиях социалистического хозяйства, и, поскольку таким образом экономические законы свойственны всем и всяким хозяйственным формациям, постольку разумеется и теоретико-экономическая наука свойственна им.

Но у тов. Гатовского нет достаточной конкретизации экономических законов нашего хозяйства, а между тем весь период существования советской власти дает богатейший конкретный материал в отношении планирования хозяйства для обобщений.

Можно ли однако признать, что систематизация и обобщение опыта строительства позволят выявить закономерности, типичные и для дальнейшего периода. Об этом сейчас трудно сказать до тех пор, пока не проделана необходимая научно-исследовательская работа. Я совершенно согласен, что потребность в основных исходных положениях для построения генплана чрезвычайно велика, но для этого нужно основательно обобщить и систематизировать опыт. И вместе с тем нужно подойти ближе к уяснению проблем самого планирования. План, как категория, различные виды плана — генеральный, перспективный, оперативный и контрольные цифры, различные разрезы его — горизонтальный и вертикальный — вот те основные элементы науки планирования.

О. М. ТАРГУЛЬЯН. Не следует забывать отрицательных сторон дискуссии по проблемам теоретической экономики, чтобы то же самое не повторить при изучении вопросов переходной экономики и теории советского хозяйства. Обогащать теоретические положения конкретным материалом, выводить закономерности путем обобщения этого конкретного материала — такова центральная задача теории советской экономики.

Дефектом сегодняшних прений является недостаточная их конкретность. Тов. Кан здесь много говорил по поводу регулятора советского хозяйства и особо остановился на свойствах мотора, приписывая последнему право на присвоение способностей регулятора советского хозяйства. Однако он не понял сути причин сегодняшней дискуссии. Прежде всего почему мы сейчас ставим вопрос о плане, о регуляторе? Мы бы такой дискуссии не имели и не ставили бы этого вопроса и этой проблемы, если бы уже имели социалистическое коммунистическое общество. Это бесспорно, но этого не понял тов. Кан. Я решительно не согласен с ним, когда он регулятор советского хозяйства уподобляет мотору, совершенно отмахиваясь от классовой борьбы.

Тов. Гатовский совершенно правильно ставит вопрос, указывая на то, что плановый регулятор у нас является единственным регулятором. И более того, этот регулятор на различных этапах нашего развития принимает различные формы. Тов. Слуцкина этого не поняла и неправильно приписала тов. Гатовскому отсутствие этого положения. Она не согласна с положением, что с начала Октябрьской революции регулятором советского хозяйства является план, а между тем тов. Ленин никогда не сомневался, что при наличии командных высот мы имеем все шансы на победу.

Каким же образом нужно понять указание на наличие этих шансов? Ясно — только при наличии плана как характерной особенности диктатуры пролетариата возможно реконструировать производительные силы и производственные отношения. Неужели тов. Слуцкина думает, что массу мелких товаропроизводителей можно переделать без наличия плана, как регулятора.

Тов. Гатовский совершенно правильно ставит вопрос о невозможности двух совершенно различных регуляторов на протяжении восстановительного и реконструктивного периодов и о том, что по мере перехода от одного этапа к другому с изменением соц.-экономических отношений и расстановки классовых сил изменяются и формы планового регулятора, и система его рычагов.

С. Л. РОЗЕНТУЛ. Одной из центральных идей доклада т. Гатовского является положение о том, что закон движения любого хозяйства совершенно идентичен с регулятором этого движения.

Для капиталистического хозяйства таким регулятором является закон стоимости. В наших условиях таким регулятором является план. Вот основная мысль т. Гатовского.

Я считаю эту мысль неправильной и вот по каким соображениям. То, что мы движемся к социализму — это факт. Но движение к социализму определяет только конечную цель, к которой мы движемся, но не определяет того пути и того закона, посредством которого мы движемся к этой цели. Мы можем двигаться к социализму разнообразными путями.

Я хочу этим сказать, что если мы двигаемся в настоящее время к социализму, то это еще не предопределяет, что все движение должно быть планомерным.

В самом деле, какие моменты определяют наше движение к социализму? Я считаю, что имеются три таких основных и главных момента, из которых решающее значение имеет последний. Первый — непрерывное расширенное воспроизводство общественного продукта, второй — непрерывное расширенное воспроизводство социалистических отношений при суженном воспроизводстве капиталистических отношений и третий — диктатура пролетариата, которая позволяет воспроизводить эти социалистические соотношения.

Что касается первого момента расширенного воспроизводства производственных отношений, расширенного воспроизводства общественного продукта, то оно происходит и при капиталистическом хозяйстве, несмотря на стихийный характер последнего. При этом развиваются одновременно такие силы, которые противодействуют этому процессу.

В наших условиях в период военного коммунизма мы имели максимум развития социалистических отношений и социалистического регулирования. Но в связи с недостаточным развитием производительных сил, мы вынуждены были временно отказаться от универсального регулирования, укрепившись на некоторых опорных высотах — как монополия внешней торговли, наличие в наших руках крупной промышленности, транспорта и т. д.

Мы предполагали, что стихийные силы в тот момент могут содействовать развитию производства гораздо скорее, чем бюрократическое регулирование. В тот момент план не мог дать того, что дала стихия. Бюрократическое регулирование могло привести к деградации.

Что дала стихия? Мы создали такие условия, при которых каждый отдельный работник был заинтересован в результатах своего труда. На этом этапе нэпа этот момент как раз создал благоприятные условия для расширенного воспроизводства. Но ясное дело, что наряду с этим мелкотоварное хозяйство ежегодно, ежечасно еще рождало капиталистические отношения. Это — факт. Но мы боролись с этими капиталистическими тенденциями не столько в процессе регулирования производства, сколько и в большей степени в процессе распределения, когда мы отрезали тот жирок, который накоплялся у кулака и у спекулянта. Этим самым мы ограничивали расширенное воспроизводство капиталистических отношений в городе, одновременно представляя стихии содействовать расширенному воспроизводству общественного продукта. Только потом, когда мы постепенно укрепились, мы могли уже дальше, все более и более расширенно воспроизводить и социалистические отношения и могли пойти в дальнейшее наступление на капиталистические остатки как в городе, так и в деревне. Таким образом мы в начале нэпа шли скорее стихийным путем, а не плановым. Если же считать регулятором на этом этапе то, о чем говорит т. Гатовский, то это будет диктатура пролетариата потому, что именно диктатуру пролетариата, а не план мы противопоставили стихийному движению и развитию капиталистических элементов. Только по мере того, как мы крепили и научились лучше планировать, план приобрел такое значение, что он стал фактическим регулятором или движущей силой нашего народного хозяйства. Я считаю, что и в этой части т. Гатовский неправ. В остальном доклад т. Гатовского содержит ряд интересных идей и мыслей, с которыми нельзя не согласиться.

Еще несколько слов о соотношении между планированием и регулированием. Планировать — это значит наметить правильную расстановку производственных сил и конфигурацию общественных отношений в их динамическом развитии, в пространстве и во времени на дан-

ный о п р е д е л е н н ы й п е р и о д. Регулировать — это значит изменять пропорции в распределении производственных сил и общественных отношений н а х о д у.

Если будем рассматривать процесс планирования (план в действии) за ряд лет, например за весь период движения к социализму, и учтем то, что в течение этого периода ежемесячные, квартальные и годовые планы непрерывно изменяли скорость и направление этого движения, то положение — «план является регулятором нашего движения на новом этапе нэпа» можно считать вполне правильным. На первом этапе нэпа таким регулятором является еще не столько план, сколько оперативное воздействие партии и правительства на те стихийные центробежные силы товарного хозяйства, которые стремились повернуть наше развитие от социалистического пути, замедлить скорость этого движения. При этом одновременно этот регулятор давал возможность свободно развиваться стихийным восстановительным силам.

Качественное отличие нового этапа нэпа заключается в том, что роль плана стала доминирующей, в то время как стихийные силы мелкого товарного хозяйства не могут уже дать развертыванию продукции то ускорение, которого мы достигли в управляемом планом обобществленном секторе нашего народного хозяйства. Все это обусловило необходимость в полной замене действия стихийных сил рынка планирующим воздействием государства (обобществление производства в деревне).

А. В. ВАЙСБРОД. Идея «единого регулятора хозяйства СССР» и сведение этого регулятора к плану представляются методологически неправильными, поскольку тем самым: а) затушевывается диалектический характер хозяйственного развития СССР в условиях непрерывного развертывания противоречий; б) игнорируется своеобразие различных этапов переходного периода и совершенно различные роль и значение планового начала на этих этапах; в) конечная цель движения — построение планово-социалистического хозяйства — неправильно отождествляется с движущей силой; г) недоучитывается конкретный историко-экономический материал.

Признание плана в качестве единственного регулятора (закона движения) экономики СССР требует в качестве основной предпосылки наличия общехозяйственных планов на всем протяжении переходного периода. На самом деле такие планы до последних лет отсутствуют за исключением плана ГОЭЛРО, не имевшего, несмотря на его огромное историческое и методологическое значение, характера конкретной оперативной директивы, определившей развитие советского хозяйства на ближайшие после его составления годы. Лишь с появлением в 1925 г. и укреплением в последующие годы системы контрольных цифр с приданием им оперативно-директивной роли можно говорить об общехозяйственном плане, развернутом в дальнейшем в пятилетку.

Период военного коммунизма лишен был необходимых для развертывания плановой работы материальных предпосылок, в частности твердой учетной единицы и элементарного хозяйственного учета. Равным образом отсутствовали необходимые организационные предпосылки и навыки и хотя бы минимальные кадры плановых работников. Хозяйство эпохи военного коммунизма строилось фактически не на основе планов, а в порядке текущего маневрирования наличными запасами, их распределения и использования. Столь много дискутировавшаяся как раз накануне нэпа идея «единого хозяйственного пла-

на» являлась для того времени утопической, что справедливо было тогда же отмечено Лениным (собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 81—89).

Период нэпа характеризуется отказом в первые годы от планирования не только народного хозяйства в целом, не только отдельных его отраслей, но и работы единичных предприятий и трестов. Принцип хозрасчета, возникшего первоначально в форме коммерческого расчета (задача извлечения прибыли), явился по существу на первых порах отрицанием планового начала. Хозрасчет по мере развертывания нэпа и последующего изживания нэпа не отмирал подобно ряду других категорий и орудий нэпа, а напротив расширился и углублялся в сфере своего применения, испытывая лишь известные модификации. Хозрасчет в условиях нэпа и восстановительного периода явился подлинным регулятором советского хозяйства, как совокупности хозяйственных единиц, находившихся во взаимодействии на основе рыночных отношений. Хозрасчет как движущая сила в развертывании советского хозяйства сохраняет полную свою значимость и в реконструктивный период на новом этапе, в условиях отмирания рыночных отношений. Все это приводит к необходимости при построении теории советского хозяйства самого пристального изучения модификации, трансформации и организационно-экономических форм осуществления хозрасчета.

В первые годы нэпа хозрасчет внутри обобществленного сектора, хозрасчет каждого отдельного предприятия, а затем треста, боровшегося на рынке с другими предприятиями и трестами (с применением зачастую методов жесточайшей конкуренции и пр.), явился по существу своеобразной формой использования рыночной «стихии» для воссоздания основных хозяйственных предпосылок, для восстановления промышленности и отбора наиболее приспособленных, наиболее жизнеспособных хозяйственных единиц. В этих условиях хозрасчет осуществлялся ценой отказа от общехозяйственного плана и в противоречии с задачами и методами этого последнего.

Кризис 1923 г. явился не случайным, временным вторжением «стихии», быстро затем побежденной. Кризис 1923 г. явился совершенно закономерным и необходимым результатом безудержного господства хозрасчета отдельных предприятий и трестов в условиях советского хозяйства. Кризис 1923 г. явился проявлением первого действительного столкновения на экономической арене хозрасчета единичного предприятия с плановыми элементами и задачами народного хозяйства в целом. Кризис 1923 г. привел к росту плано-регулирующих элементов в советском хозяйстве (в том числе и к укреплению синдикатов — проводников планового начала рыночными методами). Одновременно рассасывание кризиса осуществлялось в значительной мере на основе рыночных методов.

В дальнейшем план и хозрасчет являются основными движущими силами развития советского хозяйства. Движение это осуществляется в условиях развертывающихся диалектических противоречий между планом и хозрасчетом на основе постепенного взаимопроникновения этих двух противоположностей. Плановое начало, противостоявшее в начале нэпа хозрасчету отдельного предприятия, начинает все больше и больше проникать и внедряться в работу отдельного предприятия (треста), становясь необходимой предпосылкой осуществления хозрасчета в условиях советского хозяйства. Хозрасчет, явившийся в начале нэпа отрицанием планового начала, выходит постепенно — через систему трестификации, затем через синдикаты, через промфинпланы — за пределы отдельного предприятия и становится в дальнейшем

через посредство кредитной системы, через систему контрольных цифр как народнохозяйственного баланса, основой для построения общехозяйственных планов. Теория советского хозяйства должна уделить самое пристальное внимание плану и хозрасчету как движущим силам в условиях переходного периода, их развертыванию, первоначально на основе взаимного отрицания и противоречий, в дальнейшем на основе взаимопроникновения как двух противоположных начал в советском хозяйстве, с последующим синтезом (пока еще далеко не полностью осуществленным) на более высокой ступени хозяйственного развития.

Идея «единого хозяйственного плана», лежавшая в основе системы военного коммунизма, не находила в последней необходимых материальных и организационных предпосылок для своего осуществления. Нэп с хозрасчетом, с арсеналом капиталистических форм хозяйствования, с господством рыночных методов, с временным отказом от планового регулирования хозяйства создал необходимые материальные и организационные предпосылки для внедрения и последующего торжества планового начала. Внедрение планового начала в значительной мере проходит первоначально на основе рыночных форм (синдицирования, гендоговора и пр.). Перерастая в контрактацию, перерастая в предварительные заказы, охватывая постепенно весь процесс сбыта промышленной продукции и заготовки с.-х. продуктов, генеральные договоры готовят почву для изживания рыночных отношений как внутри обобществленного сектора, так и во взаимоотношениях последнего с необобществленным. Так рыночными методами нэпа подготовлялось отмирание рыночно-сбытовых функций синдикатов и превращение последних в производственные объединения, а равно и создавалась почва и организационно-экономические предпосылки для развертывания коллективизации в сельском хозяйстве.

Реорганизация промышленности, реформа кредита, осуществляемая реконструкция финансовой системы, решительная перестройка хозяйственных наркоматов (на основе объединения регулирующих и оперативно-хозрасчетных функций, разделенных в начале нэпа) на ряду с переходом от рыночных форм, связи к нормированному снабжению и распределению при одновременном мощном росте коллективизации сельского хозяйства — все это и целый ряд других моментов свидетельствуют о том, что капиталистически-рыночные формы организации советского хозяйства и методов его управления, сыгравшие положительную стимулирующую роль в начале нэпа, превратились в настоящее время в тормоз дальнейшего хозяйственного роста. Вместе с тем трансформация и ломка этих форм, происходящая зачастую в условиях ожесточенного сопротивления аппарата, фетишизирующего капиталистические формы и зараженного своеобразной «хозяйственной устряловщиной», сигнализируют рост планового начала и постепенное изживание нэпа, осуществленное в значительной степени рыночными методами нэпа. Реконструкция хозяйственных форм и методов хозяйственной работы и управления должна быть предметом специального изучения теории советской экономики в качестве одной из составных ее частей. Огромное практическое значение такого изучения для прогноза и разработки плана организационно-хозяйственной реконструкции в соответствии с реконструируемой производственно-технической базой едва ли может быть переоценено.

Нэп явился отрицанием системы военного коммунизма. Развертывание нэпа на базе рыночных методов привело в условиях советского хозяйства к такой концентрации производства, снабжения и распре-

ления, которое по существу делает излишним и вредным для дальнейшего развития преобладание рыночных методов. Количественные изменения перешли в качественные: рыночные отношения еще на ряде участков сохраняются (как сохранялись они впрочем вопреки господствующему мнению и во время военного коммунизма), но не они являются в настоящее время определяющими в экономике СССР. Поэтому не о новом этапе нэпа приходится сейчас говорить, а о новом этапе переходного периода, в котором мы сейчас находимся. Новый этап представляет собой диалектический синтез военного коммунизма и нэпа, синтетический характер носит и структура хозяйственных форм и методов хозяйственного управления. Поэтому не возвратом к «военному коммунизму» является происходящее изживание нэпа, а переходом на более высокую ступень экономического развития на основе синтетического объединения и взаимопроникновения двух предшествующих взаимно антагонистических этапов советского хозяйства. Нэп, пришедший как отрицание системы военного коммунизма, подготовил почву методами рыночного воздействия и хозрасчета для своего изживания, для синтетического объединения плана с хозрасчетом, системы «военного коммунизма» с нэпом, для создания материальных и организационных предпосылок к решению тех задач плана реконструкции (план ГОЭЛРО) и единого хозяйственного плана, которые ставил перед собой этап «военного коммунизма» и которых он не мог решить на тогдашней ступени хозяйственного развития.

Только на базе такого диалектического подхода к истории советского хозяйства (включая и изучение трансформации хозяйственной надстройки — организационно-структурных форм и методов хозяйственного управления — на основе конкретного материала) может быть построена теория экономики переходного периода.

И. Г. КОНОВАЛОВ. Я хотел бы возразить против той критики, которая здесь раздавалась по вопросу о регуляторе для советского хозяйства. Целый ряд товарищей подвергает сомнению закономерность постановки этого вопроса, исходя из той трактовки регулятора, которую дал тов. Кан. Если считать, что регулятор только поддерживает равновесие, т. е. является лишь частным моментом движения, тогда нужно сказать, что постановка вопроса о регуляторе для сельского хозяйства является незаконной. Нельзя однако так механически приравнять действие регулятора в технике с действием его в условиях общественной жизни. Если возьмете капиталистическое хозяйство, то там регулятор действует не только тогда, когда требуется насильственно восстановить нарушенное равновесие, но и тогда, когда накапливаются эти элементы нарушения равновесия.

В самом деле, нельзя же утверждать, что закон стоимости вступает в действие лишь в период кризиса, т. е. насильственного восстановления нарушенного равновесия, а до наступления кризиса действуют какие-то иные регуляторы. Стихийный характер регулятора как раз в том и заключается, что он действует посредством самоотрицания. Правильно конечно, что равновесие есть лишь частный случай движения, но нельзя же на этом основании утверждать, что при всякой попытке анализа регулятор данной системы направляется на поиски равновесия, и этим забывается более важное движение. Регулятор товарнокапиталистической системы является составным элементом более общего закона развития и упадка данной системы, но именно поэтому он не отделен от закона движения. Попытка же некоторых

тт. разорвать закон движения и регулятор, противопоставить их друг другу, говорят о том, что они диалектическое единство противоречия подменяют механистическим отделением одного от другого.

Возможно конечно, что термин — «регулятор» — неудачен, но ведь спор идет не о терминах, а об основных законах, определяющих распределение средств производства и потребления между различными классами в условиях СССР, а следовательно определяющих процесс воспроизводства производственных отношений.

В отличие от товарнокапиталистической экономики, регулятор которой действует через головы людей как слепой закон природы, в условиях перехода от капитализма к социализму этот регулятор и является конкретным проявлением закона движения к социализму, следовательно его также нельзя противопоставлять последнему. Поэтому в этом вопросе я считаю позицию тов. Гатовского, не отрывающего регулятор от закона движения, правильной, хотя он допускает ошибку, отождествляя их. Но нельзя однако ограничиваться общим утверждением, что имманентно присущим переходной экономике регулятором является план. Надо показать также, как этот регулятор рождается и укрепляется в борьбе со стихией, в каких формах он воплощается на разных этапах переходной экономики, в какой степени он регулирует и т. д. Как раз этого и не сделал тов. Гатовский, не конкретизировал этого тезиса о том, что регулятором является план применительно к разным этапам (хотя в своем докладе ряд проблем поставил по-новому). Не случайно поэтому, что на основе концепции тов. Гатовского нельзя объяснить кризис сбыта 1923 г. Ведь приходят к такому нелепому выводу, что он возник в результате действия планового регулятора тогда, когда всем нам известно, что именно 1923 г. во всю ширь поставил вопрос о том, как дальше вести производство: на основе ли обычных и нормальных рыночных способов или же на каких-то иных основаниях?

Когда тов. Гатовский прокламирует господство планового регулятора на всех этапах переходного периода, то у него получается удивительное исключение для 1923 г. И понятно почему. Если бы он не допустил этого исключения, то противоречие было бы кричащим. Поэтому он и допускает это исключение. Но надо же связать это исключение с общей концепцией.

Правильно тов. Гатовский критикует тех товарищей, которые утверждают, что план рождается из закона стоимости. Но вместе с тем он впадает в другую крайность, утверждая, что план господствует на протяжении всего переходного периода. Все дело в том, что реальная жизнь сложнее серой теории, и если бы он внимательно изучал первый этап нэпа, то он понял бы, что для того периода нельзя говорить о господстве плана. Поэтому нельзя ограничиваться голой формулой о господстве плана, а необходимо на конкретном материале проследить, при каких условиях и на каком этапе развития план становится регулятором народного хозяйства.

С. Г. СТРУМИЛИН. Само собой разумеется, что в интересном докладе т. Гатовского не могло не быть целого ряда дискуссионных моментов. Трудно себе представить, чтобы кто-то вышел с теоретическим докладом в наименее разработанной области в наше время и у него сразу можно было бы целиком все принять без спора. Особенно diskutabelным представляется мне в этом докладе отождествление регулятора с законом движения и производственным отношением. Закон ценности был регулятором не только в капиталистическом, но и докапиталистическом простом товарном обществе. А закон

движения того и другого общества разве был одинаковым, а производственные отношения были одинаковы в простом товарном обществе?

Мы видим, что тут вывести из закона стоимости условия производства нельзя. Они выводятся не просто из закона ценности, а из чего-то другого. Например предпосылкой капитализма была экспроприация средств производства, которая произошла на границе одного и другого периода, появление пролетариата, первоначальное накопление и целый ряд других моментов, которые определяют собой дополнительные условия при которых закон ценности, оставаясь регулятором на рынке, является базисом эксплуатации и превращает в полную противоположность то равенство производителей на рынке, которое лежало в его основе.

Или возьмем такую вещь. Один из товарищей отметил уже, что для Рикардо или для Адама Смита — буржуазных экономистов — закон ценности как регулятор может быть и сливался с понятием закона движения, а для Маркса он вовсе не сливался. Установив закон ценности, который показывает, как осуществляется тенденция к равновесию капиталистической системы, он дал и закон движения к социализму, т. е. показал, как изменяется и исчезает эта система. Этот закон движения можно и должно опирать и на закон ценности, но опять-таки не на один этот закон. Таким образом, поскольку закон ценности отвечает на вопрос, как существует, как поддерживается система, а закон движения говорит о том, как она меняется, совершенно ясно, что нельзя отождествлять.

Второй дискуссионный момент — относительно регулятора нашего планового хозяйства. Следует ли «план» подводить термином «регулятор» под общую категорию с регуляторами досоциалистического, дореволюционного общества. Я — не по тем соображениям, по которым здесь развил это тов. Кан, — думаю, что не следовало бы их называть одинаковыми терминами. Это может быть терминологический вопрос, но он мне кажется вполне законным. Регулятор капиталистического или простого товарного общества действует автоматически, стихийно тогда, когда план есть полная противоположность такому стихийному «регулированию».

Вообще если считать основной движущей силой в нашем хозяйстве план, то чему надо его противопоставить? Можно ли его противопоставить закону ценности? Мне кажется — нет. План скорее надо противопоставить стихии, т. е. тому полю, на котором закон ценности себя проявляет, но не самому закону ценности.

Большое сомнение также вызывает тезис о том, что в переходном периоде регулятором следует считать только план, отвергая в этом отношении значение рыночной стихии. Понимаю его мысль. Он говорит — надо брать основное. Но так как основная сила в нашем обществе характеризуется планом, то нужно его принять за этот единственно регулирующий принцип, а все остальные достаточно оценивать в те моменты, когда они проявляют свое господство, когда они перевешивают план, как например в кризис 1923 г. Я должен сказать, что построение т. Гатовского с внешней стороны очень стройно. Оно хорошо продумано, логично построено. Но, несмотря на эту внешнюю стройность, тут есть целый ряд сомнительных моментов. Правильно ли что это будет эклектикой, если наряду с планом мы будем признавать, что действующей силой, определяющей наше хозяйство в переходный период, также как и план, в разные моменты является стихия. Едва ли?

Нэп определялся двумя словами: «рынок плюс план». Когда мы шли на нэп и восстанавливали рынок, мы ограничивали его планом. Но оба эти начала, т. е. стихия в виде рынка и план, признавались действующими рядом. Как они действовали? Они действовали в большинстве случаев в порядке борьбы. Но эта борьба — жизненный факт, а не эклектическая теория. В этой борьбе двух начал есть диалектическое единство противоположностей. При чем же здесь эклектика?

Дальше еще один спорный момент. На разных этапах у нас и рынок и стихия пользовались очень разным весом — это здесь уже указывали. Можно отметить целый ряд моментов, когда хозяйственный план был в минимуме. Если взять например период до 1926 г., тогда план был в минимуме, а стихия была в весьма достаточном количестве. Мы боролись с ней, но не в порядке плана, а в порядке хозяйственного регулирования отдельных наркоматов и т. д. Мы обуздали эту стихию, но однако она нас все же била.

Плановое хозяйство растет диалектически, и трудно указать момент, когда именно начинается плановое хозяйство. Можно условно принять это начало например с первой пятилетки. Но такое определение конечно всегда будет искусственно.

В какой момент переходит количество в качество и мы переходим от непланового хозяйства к плановому хозяйству, этого нельзя определить какой-то точной датой, скажем Октябрьской революцией, или моментом диктатуры пролетариата, или завоеванием командных высот. Эти моменты не совпадают. В октябре у нас была социалистическая революция, экспроприация средств производства произошла уже в 1918 г. А гражданская война например, она надолго затормозила осуществление наших плановых возможностей, которые у нас были теоретически налицо. Это дело гораздо сложнее, чем оно формулировано в докладе т. Гатовского.

Можем ли мы использовать закон стоимости в наших целях?

Возьмем наши контрольные цифры в 1925 г. Мы уже тогда констатировали наши победы в области обобществления торговли. Потом мы немного надавили в плановом порядке на торговца. Но до этого момента мы вовсе на него не давили какими-нибудь специальными мерами внеэкономического воздействия. Закон ценности как будто бы проявлял себя в этой сфере довольно свободно. Что же получилось? Благодаря тому, что у нас были командные высоты, что государственная и кооперативная торговля обладали гораздо большими средствами, были более крупной единицей, были менее обложены налогами, мы имели совершенно естественное на основе законов рынка вытеснение частного торговца с рынка. Тут этот закон стоимости был обращен против нашего классового врага и отнюдь не отказал нам в действии. И в дальнейшем политика являлась не рычагом нашего планового воздействия на частный сектор. Может ли это отрицать т. Гатовский?

Таковы мои критические замечания по докладу т. Гатовского.

Заключительное слово Л. М. Гатовского

Товарищи! Я должен решительно подчеркнуть, что данный доклад не претендовал на разработку конкретных проблем советской экономики. В нем лишь сделана попытка постановки (разумеется, на основе обобщения реальных фактов) некоторых общеметодологических проблем советского хозяйства.

Прежде чем перейти к ответу оппонентам я попытаюсь развить некоторые тезисы своего доклада. Начну с «экономических законов».

Для методологии изучения советской экономики, для понимания экономической политики СССР большое значение имеет вопрос о том, исчезают ли «экономические законы» с исчезновением неорганизованного общества, исчезает ли теоретическая экономия с исчезновением товарно-капиталистического хозяйства. Как известно значительное распространение имели у нас взгляды, разрешавшие этот вопрос в положительном смысле. Точка зрения Гильфердинга о замене в организованном обществе политической экономии, «учением о богатстве» (см., например, «Бем-Баверк как критик Маркса», стр. 69), т. е. по существу технической дисциплиной и сходная точка зрения т. Бухарина, являлись у нас долгое время господствующими. Между тем Энгельс в «Анти-Дюринге», развивая положение о производстве и обмене продуктов, о производственных отношениях, подчеркивал неизбежность специфических закономерностей их движения не только в товарно-капиталистическом обществе. Он подчеркивал необходимость особой теоретической экономии для изучения этих закономерностей.

Ленин, полемизируя с Бухариным (в соответствии с позицией, развитой Энгельсом), в противовес замечанию Бухарина («Экономика переходного периода») о том, что «конец капиталистического общества будет концом и политической экономии» написал в своих заметках на полях «Экономики переходного периода»: «Неверно — даже в чистом коммунизме, хотя бы отношение $I v + m$ к $II c$ и накопление, далее против фразы Бухарина «политическая экономия изучает товарное хозяйство» он пишет: «не только». Таким образом и по Ленину политическая экономия («в широком смысле») изучает и производственные отношения даже «чистого» коммунистического общества, экономика которого является соответствующим объектом (наличие особых экономических законов) для особой теоретической экономической дисциплины. Все это имеет непосредственное отношение к нашим условиям, когда план является руководящим началом в экономике. Согласно т. Бухарину наука о закономерностях организованного общества не может быть теоретической экономией, она должна быть технико-экономической дисциплиной. Утверждая, что «с сокращением, а затем с исчезновением обмена товаров ...исчезает общественное разделение труда, сменяясь его техническим разделе-

нием», т. Бухарин выдвигает в своей статье в газете «За индустриализацию» от 20/III 1930 г. следующее положение: «В капиталистическом обществе... технико-экономический учет проводится в пределах предприятия и именно отсюда выросла особая дисциплина. «Betriebslehre»... У нас эта «Betriebslehre» должна вырасти в общественную науку, вернее в науку, имеющую своим объектом все общество... (разрядка т. Бухарина). Она-то и должна заменить политическую экономию.

В этой науке согласно т. Бухарину: «техника срастается (разрядка т. Бухарина) с «экономикой» в одно неразрывное и нераздельное целое». Итак вопрос поставлен достаточно ясно. Вопреки теории диалектического материализма, техника и экономика «срастаются».

Производственные отношения смешиваются даже не только с производительными силами, но просто с техникой. Вопреки Марксу, Энгельсу, Ленину, подчеркивавшим необходимость изучения специфичности социальной формы, производственных отношений, экономического базиса, а не сведения его к технике, не сведения теоретической экономии к «учению о богатстве», где производственные отношения выступают в натурализованном виде, т. Бухарин для организованного общества в огромной степени допускает такую возможность.

Как далека эта «Betriebslehre», о которой говорит т. Бухарин, от той теоретической экономии, о которой писал т. Ленин, полемизируя с т. Бухариным.

Разве наука, ставящая своей существенной задачей отыскание «технических коэффициентов» и осуществление их «экономического взвешивания» (см. цитированную статью т. Бухарина), может одновременно при этом методологически правильно и плодотворно изучать природу процесса воспроизводства, процесс развития производственных отношений в условиях организованного общества. Ведь закономерности социальной формы не выводятся из этих технических коэффициентов. Конечно любой конкретный народнохозяйственный план исходит и из технических коэффициентов, но это отнюдь не означает, что характер процесса воспроизводства, специфические особенности имущественных отношений, создающие возможность особых темпов роста (при тех же технических коэффициентах), т. е. природа производственных отношений, должны быть свалены в единой теоретической дисциплине «в одну кучу» с техническими выкладками (имеющими конечно огромный теоретический и практический интерес, но требующими особого анализа). Азбукой теории диалектики развития общества (исторический материализм) является выявление историчности развивающейся социальной формы производства, производственных отношений, их движения, зависящего от движения производительных сил, но имеющего свои законы и требующего особой дисциплины для их изучения. Эта историчность производственных отношений не должна быть затуманена всеобщими «организационными принципами», конкретными техническими коэффициентами, конкретными нормами рациональной организации рабочей силы, проблемами рационализации технического разделения труда и т. д. (хотя теоретическая экономия конечно не может не учитывать и этих моментов). Те же технические отношения дают совершенно иной экономический эффект, иной темп развития в зависимости от того, каков основной характер производственных отношений, каково отношение людей к средствам производства.

Разве мы не имеем порой сходства, совпадения в технических коэффициентах, в формах технического разделения труда по сравнению с капиталистическими странами при коренном отличии в производственных отношениях, определяющих иной темп развития.

Далее, разве та теоретическая экономия (экономика, а не Betriebslehre), которая изучает производственные отношения в переходный период, может быть превращена в свод «контрольных цифр» с конкретными планами размещения производительных сил в таком-то году, в таких-то районах? (а эта точка зрения проскальзывала у некоторых из выступавших по моему докладу).

Разве специфические закономерности процесса воспроизводства в организованном обществе, определяющие темпы развития, могут быть отождествлены с нормами технических коэффициентов? Отрицать экономические законы в организованном обществе (а следовательно в огромной степени и в СССР, означает по существу — отрицать и развитие экономического базиса, производственных отношений. Ведь без законов движения (в данном случае экономических законов) нет и самого движения. Мало того, у сторонников этой точки зрения исчезает и самый экономический базис, производственные отношения (вне движения, развития производственные отношения не существуют). Поэтому неудивительно, что некоторые товарищи отрицают наличие производственных отношений в организованном обществе (такую точку зрения не редкость встретить и сейчас). Другие же толкуют производственные отношения в организованном обществе исключительно в смысле технического разделения труда.

Как известно у т. Бухарина мы находим сведение производственных отношений к размещению людей в пространстве (см. например «Теорию исторического материализма», стр. 160).

Отрицание специфических экономических законов в организованном обществе означает по существу отрицание имманентного движения производственных отношений, их движения на основе внутренних противоречий. В организованном обществе согласно этому неправильному взгляду остается лишь противоречие общества с природой. Таким образом теория исторического материализма, изучающая диалектику развития общества, а следовательно и производственных отношений, оказывается неприменимой к коммунизму. Движение общества тогда должно осуществляться не на основе внутренних противоречий (в коммунистическом обществе не будет антагонизма, но останутся противоречия; см. Ленин, XI Лен. сборник), а якобы на основе механического столкновения «среды» — природы и общества — «системы» (Бухарин).

Отвергая «экономические законы» для СССР, мы тем самым затушевываем одну из основных качественных особенностей СССР (выражающуюся в специфичности экономики, классовой структуры). Стирая грань между техникой и экономикой, мы неизбежно приходим к недооценке этого своеобразия СССР (ведь не в особой же технике ее своеобразие), т. е. тем самым и источника соответствующих темпов роста, а также к затушевыванию классовых противоречий в СССР. Все это неизбежно отходит на задний план даже лишь при недостаточном внимании к закономерностям движения экономики СССР, тем более при искусственном (крайне неплодотворном для исследований и приводящем к неверным политическим установкам) «сращивании» их с «техническими» закономерностями. Таков уклон в «технизм», механистический уклон, вытекающий из недооценки «экономических законов» для СССР.

«Технизм», связанный с отрицанием экономических законов в плановом хозяйстве, находится в теснейшем родстве с известной концепцией «закона трудовых затрат» т. Бухарина, составлявшей основу его взглядов на советскую экономику.

Родство двух схем прямо бросается в глаза.

В самом деле, с одной стороны: «закон трудовых затрат» с внеисторическим «материально-трудовым» содержанием, «надевающий» на себя, «как платье», ценностную иррациональную форму или оболочку в неорганизованном обществе, и «сбрасывающий» эту форму, выступая в «голом виде» в организованном обществе.

С другой стороны, материально-технический процесс (аналогия с внеисторическим «материально-трудовым» содержанием «закона трудовых затрат»), имеющий в неорганизованном обществе «стихийную» социальную форму в виде экономических законов (аналогия с ценностной оболочкой), затем сбрасывающий эту форму, выступая в «голом» виде (аналогия с «голым» «законом трудовых затрат»). Оставим сейчас методологическую критику этих концепций (в отношении механистического отрыва формы и содержания, «голых» «безформенных» законов и т. д., и т. д.).

Сейчас нас интересует несомненное родство этих двух концепций т. Бухарина. Здесь не чисто формальное сходство, а в значительной мере единство в их сущности, именно в затушевывании роли социальной формы производства, составляющей экономический базис общества. Эта историческая социальная форма является у т. Бухарина настолько пассивным «внешним» моментом для материально-технического процесса, что она может сбрасываться; в результате материально-трудовое содержание мыслится как внеисторическое и «универсальный закон равновесия» празднует победу.

Оппортунистичность этого технизма, в частности концепции «закона трудовых затрат», в применении к советской экономике заключается в основном в сведении процесса воспроизводства в СССР к вечному внеисторическому железному, универсальному закону равновесия. Благодаря этому, во-первых, изменение социальной формы, «перерастание стихии в план», трактуется лишь как смена поверхностных «внешних» форм, как «организационный процесс», «организационный» охват «носителей» «стихийных» тенденций. Этот организационный процесс является таким образом мирным, а не революционным. В стихийной форме затушевывается классовое содержание капиталистических тенденций, а потому трансформация рыночной формы мыслится вне обостренной классовой борьбы, вне глубоких структурных сдвигов, вне выкорчевывания корней капитализма, вне ломки капиталистических тенденций, вне радикальных сдвигов в пропорциях. Во-вторых, поскольку социальная форма по существу оказывается вне действительного механизма процесса воспроизводства, вне «закона трудовых затрат», составляющего материально-трудовое содержание закона ценности¹, постольку содержание процесса воспроизводства в товарном хозяйстве объявляется «железным» законом равновесия для СССР. Отсюда и роль плана, якобы осуществляющего на основе «железного» закона равновесия пропорции в распределении труда, возникающие автоматически гетерогенным путем, путем автоматического взаимоприспособления различных элементов нашего хо-

¹ Согласно т. Бухарину, мы якобы боремся лишь со «стихийной» формой закона ценности, а не с этим содержанием. Мы знаем однако, что если сохраняется это содержание, то наш план превращается лишь в ширму для закона стоимости, в план-прогноз, «предвосхищающий» «стоимостные» пропорции.

зяйства. Отсюда конечно и «качество» пропорций и переоценка роли рыночного баланса.

Универсальный «закон равновесия» приводит логически к теории «узких мест», отсюда и теория «самотека», автоматического вращения в социализм, теория «равновесия секторов» (все это конечно связано с соответствующей трактовкой нэп, кооперативного плана, новых форм смычки, индустриализации, коллективизации, политики в отношении капиталистических элементов).

Эта теория «равновесия» внутри хозяйства СССР, равновесия, производного от «равновесия между обществом и природой», т. е. материального «баланса между обществом и природой» приводит к выхолащиванию классового содержания нашего плана, отсюда шаг к лозунгу «развития производительных сил» вне зависимости от социальной формы.

Оценка производственных отношений в СССР, как автоматически приспособляющихся к материально-техническому процессу, к «уровню производительных сил», нашла свою особенно резкую критику в статье т. Ленина о книге Суханова. Для возникновения соответственных производственных отношений в СССР соответствующей «надстройке» требовался соответствующий уровень производительных сил, который сделал бы возможным процесс построения социализма. Ленин писал на полях «Экономики переходного периода» (XI Ленинский сборник, стр. 397): «без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло». Однако переход к социализму не начинается автоматически в странах с наиболее высоким уровнем производительных сил.

Меньшевистская установка по вопросу о характере революции в СССР и о невозможности построения социализма в СССР — именно исходит из непонимания активного обратного воздействия производственных отношений на производительные силы в условиях СССР (особая роль обратного влияния «надстройки» на экономический базис и через него на производительные силы).

В чем корень этих ошибочных установок? В недооценке специфических особенностей социально-экономической структуры СССР. (Затушевывание директивной роли плана пролетарской диктатуры, его ведущей роли). Характер пропорциональности, который имел место в товарнокапиталистическом обществе, в наших условиях уже иной. (Не автоматически устанавливающийся баланс, а плановое движение в условиях активного установления иных пропорций, иного темпа, иная роль «рыночного баланса», иные возможности и потребности, наличие плановых рычагов, порождающих конечно не «произвольно» свои пропорции вопреки стихии, обезвреживающих отсутствие «рыночного баланса», создающих возможность быстрого темпа расширенного воспроизводства в условиях «напряженностей» и т. д.).

План, осуществляющий эти пропорции, не представляет собой пассивного рефлекса материально-технического процесса, его «вечных» материально-трудовых пропорций, как это логически вытекает из отрицания специфических экономических законов в СССР.

Недооценка экономических законов в СССР, утверждение, что по мере роста планового начала экономика сливается с техникой, ведет к отрыву пропорций в распределении труда от специфического движения советского хозяйства, от процесса построения социализма. Таким образом в основе этих пропорций оказывается внеисториче-

ский «закон равновесия», пассивное приспособление к наличным производительным силам. Таковы некоторые основные черты «механистического» уклона в применении к теории советского хозяйства.

Борьба на два «фронта» — и против механистического «технизма» и против идеалистического уклона — требует сосредоточения внимания и на втором.

Недооценка экономических законов в СССР, составляя основу механистического уклона (сведение экономики к технике, затушевывание специфичности экономики СССР), вместе с тем, может явиться предпосылкой и для идеалистического.

Если для первого характерен отрыв пропорций от движения системы, подчинение этих пропорций «внеисторическим» законам материально-технического равновесия, т. е. придание экономической необходимости СССР «фаталистического» (для условий СССР) характера, то для второго характерен отрыв движения хозяйства от определенных экономических пропорций, затушевывание экономической необходимости в СССР (индетерминизм, голая телеология).

Нужно отвергнуть как недооценку специфической динамичности хозяйства СССР (движение к социализму), так и отрицание наличия в переходный период в СССР специфической экономической формации со своей системой законов. Известно, что в споре с т. Преображенским кое-кто договорился до отрицания причинности в хозяйстве СССР.

Некоторые утверждают, что так как экономические законы якобы отсутствуют у нас, то незаконно ставить вопрос о балансе, о пропорциональности. Здесь смешивается пропорциональность хозяйственного развития с ее специфической капиталистической формой — отпадение последней не лишает процесса воспроизводства в СССР особых закономерностей. Построение социализма немыслимо вне определенных пропорций в отношении обобществления, индустриализации, народного дохода. Эти пропорции неотделимы от движения всей системы. Они выражают определенную закономерность этого движения.

Если для механистического уклона характерно забвение диалектики развития производственных отношений, их активной (хотя и производной) роли в отношении производительных сил, то для идеалистического — характерно забвение материалистичности производственных отношений и их зависимости от производительных сил. Социальная форма, процесс обобществления рассматриваются вне зависимости от развития производительных сил. Упускается из виду ведущая роль индустриализации, «получающей» быстрые темпы от развивающейся социальной формы, но являющейся ведущим началом, непременным условием ее победы и закрепления.

Идеалистический уклон в теории советского хозяйства (привнося моменты голой «телеологии», произвольности в планировании, индетерминизма) упускает из виду роль индустриализации, в частности особую роль электрификации в построении социализма (немыслимого без электрификации), роль энергетического звена, роль комбинатов, как пути проникновения обобществления в технику.

Не смешивая технику и экономику, не сводя производственных отношений к производительным силам, помня об активной роли первых, не следует упускать производности их от последних и единства тех и других в процессе воспроизводства, что не мешает при помощи абстрактного метода раздельно изучать обе стороны этого единства, однако не упуская при этом из виду взаимосвязи.

Отрыв обмена от производства в условиях СССР есть также проявление этого идеалистического уклона. Переоценка роли обращения в капиталистических условиях связана с гильфердинговско-реннеровскими оппортунистическими построениями (социализация через кредит, через обращение и т. д.). Логические выводы из ошибочных положений И. И. Рубина о роли обмена приводят в условиях СССР к иллюзиям о построении социализма через охват обращения (концепция правого уклона, питающегося и механистическими установками), о возможности социалистического продуктообмена без социалистической реконструкции производства и т. д.

Движение социальной формы (обобществление) мыслится вне достаточной связи с социалистической реконструкцией производства и вне необходимой для этого технической его реконструкции.

Своеобразие экономических законов в СССР заключается в том, что, являясь законами движения экономики к социализму, они в основном одновременно являются и законами построения социализма.

Со смертью товарнокапиталистической системы экономические законы не умирают, меняется характер их, меняется содержание и форма: они не носят уже «стихийного характера».

«Стихийные» экономические законы являются «внешними», неосознанными для производителей товарного хозяйства, поскольку эти законы не могут быть познаны коллективным сознанием, коллективом производителей как организованным коллективом.

Действенность познания экономических законов (т. е. устранение товарного фетишизма, объективной зависимости производителей от «слепых» экономических законов) достигается лишь при соответствующей организованности производителей.

Эта организованность означает коренной переворот в характере экономических законов. Дело следовательно не в том, что одни и те же экономические законы фигурируют при капитализме и в плановом хозяйстве, и что вся разница лишь в том, что в первом случае они не могут быть познанными, а во втором случае — эти же самые законы познаются. Познание является действенным. Следовательно здесь требуется наличие планового регулирования хозяйства, т. е. устранение закона стоимости как «регулятора», т. е. революционный сдвиг в классовых отношениях, в экономической структуре, замена «абстрактного труда» планомерно организованным трудом. Таким образом в плановом хозяйстве уже качественно иные экономические законы (но все же экономические законы).

В СССР в условиях планового руководства хозяйством экономические законы «стихийного» характера уже не регулируют движения народного хозяйства; возникают «познанные» (под познанием понимается действенное познание) — экономические законы.

Народнохозяйственный план пролетарской диктатуры (речь идет не только о плановой форме, о плановом механизме, но и о содержании плана в действии) и является основным экономическим законом этого движения.

Народнохозяйственный план не произволен. Свобода есть как известно лишь «познанная необходимость». Сама возможность планового регулирования обусловлена соответствующей социально-экономической структурой. Само плановое руководство немислимо без соответствующего темпа обобществления и индустриализации. В этом проявляется экономическая необходимость. Необходи-

мость определенной (особой) пропорциональности лежит в основе народнохозяйственного плана. Маркс в известном письме к Анненкову писал... «производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия ограничена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существующей раньше...».

Пролетарская диктатура исходит в своем планировании из состояния производительных сил и из социально-экономической структуры. Но план пролетарской диктатуры не пассивно приспосабливается к данному уровню производительных сил, к данной социальной структуре. Познавая законы движения их (как законы их последующего изменения), пролетариат, как господствующий класс, добивается (в процессе борьбы) «свободы», планомерно распределяя производительные силы, планируя социальные процессы. Законы движения совпадают в основном с законами построения социализма. Таким образом в условиях СССР речь идет не только об осознании имевших место закономерностей (это также необходимо), но и о прогнозе необходимых условий для достижения определенных результатов (в этом заключается закономерность, научность построения социализма). На этом прогнозе (прогнозе не для пассивного приспособления к стихийным тенденциям, а прогнозе эффективности плановых маневров) основывается конструктивное, директивное планирование. Ошибочность огромного большинства нелевых концепций в отношении советской экономики заключается именно в непонимании этой специфичности экономических законов в СССР.

Признавая наличие экономических законов, таким образом, мы отрицаем голую «телеологию» в планировании, признаем его причинную обусловленность.

Марксистско-ленинская установка в нашем планировании не может отрицать причинной зависимости в планировании, обусловленность нашей целеустремленности в плане объективными обстоятельствами. Однако в противоположность буржуазным экономистам эта установка исходит из революционной, активной роли организованного в господствующий класс пролетариата — этой важнейшей производительной силы (что открывает величайшие возможности для плана) и рассматривает план не как пассивное приспособление к стихийным тенденциям, а как план построения социализма вопреки стихии.

Мы подчеркивали, что у тов. Преображенского экономические законы в СССР оторваны от экономической политики, а потому они по существу являются «стихийными».

Итак в условиях СССР в основном мы имеем уже «познание экономической необходимости» (плановое руководство хозяйством). Однако здесь следует отметить значительные отличия качества и эффективности этого «познания» в условиях СССР по сравнению с социалистическим обществом. При социализме «познание» охватывает весь трудовой коллектив, а в СССР — пролетариат, как господствующий класс; в СССР это «познание» является неполным, т. к. непознанная необходимость в виде «стихийных» прорывов дает еще себя чувствовать. Наконец в самом плане имеет место «учет» стихийных тенденций, означающий подчинение их, но не уничтожение. Последнее говорит еще о том, что действительное познание (как плановое руководство хозяйственным процессом) еще не охватывает всех процессов народного хозяйства в противоположность социализму (хотя лежит уже в основе движения общества). Поэтому-то можно утвер-

ждать в наших условиях о познании экономической необходимости лишь «в основном», помня при этом об относительно низком еще качестве этого познания.

Специфичность экономических законов в СССР выражается в том, что они, являясь объективно обусловленными, вместе с тем выражают организованную волю пролетарской диктатуры. Оба эти момента естественно составляют единство, в котором эта «воля» является производным моментом.

Отрицание обусловленности организованной воли пролетариата экономическим базисом означает отрицание применимости теории исторического материализма к условиям планового хозяйства. Однако одна лишь констатация этой обусловленности недостаточна. Необходимо подчеркнуть специфичность роли субъективного момента в СССР в его обратном воздействии на экономический базис, его организующей роли, а отсюда — новых специфических потребностей и возможностей для развития экономического базиса в СССР. Как отмечалось выше, для ряда антиленинских установок характерно отрицание в той или иной степени этой специфичности экономических законов в СССР и механистическое перенесение категорий товарно-капиталистического хозяйства в условиях СССР. Эта роль «общественного сознания» при примате общественного бытия возможна лишь потому, что субъект производства, пролетариат, как ведущее начало, как господствующий класс является основной производительной силой.

Таким образом двойственность (в единстве) народнохозяйственного плана как экономического закона движения СССР заключается в том, что он представляет собой и сущность основного производственного отношения и вместе с тем организованную волю пролетарской диктатуры.

Я хотел бы резко подчеркнуть, что, говоря о плановом руководстве хозяйством, я имею в виду не план в виде зафиксированной в книжке плановой наметки, а планирование, организованное воздействие пролетарской диктатуры на народное хозяйство в определенном социальном направлении. Следовательно как особая форма производственной связи народнохозяйственный план в условиях СССР является экономической категорией с определенным социальным содержанием и с определенной формой (вернее, со множественностью форм, «рычагов»). Об этом я подробно говорил в докладе, ссылаясь на тезисы. Народнохозяйственный план — объективная категория, неотделимая от развития производственных отношений в СССР. Если в основном обеспечивается движение хозяйства СССР в определенном направлении в соответствии с планом — план становится производственным отношением. План тогда не представляет чего-то внешнего для якобы саморазвивающихся вне плана производственных отношений. Он не является чем-то привходящим и приносящим свои поправки к экономическим законам, действующим в основном помимо него и вне его. Экономические законы коренным образом меняются, превращаясь из «стихийных» в «познанные», производственные отношения принимают характер организованности, а плановое руководство становится неотделимым от производственных отношений.

Поэтому мы категорически отвергаем «формальную» концепцию плана, трактовку плана не как объективного производственного отношения, а только как сформулированную сверстанную наметку планирующего органа.

Не следует смешивать плана в действии, как особого производственного отношения, с зафиксированным («в виде книжки») тем или иным конкретным планом. Из того факта, что тот или иной написанный план (например «контрольные цифры» определенного года) будет недовыполнен или перевыполнен, отнюдь не следует, что исчезнет то специфическое качество производственного отношения в СССР, заключающееся в активном воздействии пролетариата на все народное хозяйство (процесс переделки мелкотоварного сектора, вытеснения, а затем и ликвидации капитализма и т. д.).

Поэтому-то и не следует характер производственных отношений в СССР ставить в зависимость от года выхода «контрольных цифр».

Если в отличие от монополистического капитализма с господством закона стоимости, когда частнохозяйственный принцип пронизывает хозяйственную жизнь — в условиях СССР даже в восстановительный период при отсутствии сводного единого хозяйственного плана народнохозяйственная концепция объективно лежала в основе распределения ресурсов (хотя бы она осуществлялась через индивидуальные стимулы), если принцип хозяйственного развития деревни, особая государственная помощь кооперации и развертывание планового строительства, электрификации, развитие нерентабельных с коммерческой точки зрения, но важных с народнохозяйственной — отраслей имела место, то мы не можем говорить о «стихийности» хозяйственного развития, о неорганизованности производственных отношений в СССР, о том, что планы вносят лишь известные коррективы в хозяйство, воспроизводящееся автоматическим путем.

В плане следует различать два момента:

1. Теоретический анализ, намечающий цель предпосылки, условия планирования; выработку конкретных директив на основе этого анализа, на основе прогноза эффективности плановых маневров, установление закономерностей этих директив.

2. Осуществление этих директив, заключающееся в их передаче, передвижке денежных и материальных ресурсов, в использовании системы рычагов воздействия на народное хозяйство (здесь план — есть форма производственной связи, производственное отношение).

Обычно термин «план» употребляют в первом смысле; с этим термином ассоциируется именно такое представление. Говоря о плане, имеют обычно в виду конкретно сформулированную плановую наметку на определенный отрезок времени, выраженную в определенных цифровых величинах. Количественные показатели конкретного плана (плановые наметки) иногда затушевывают качество плана, как производственного отношения (конечно выражающегося в определенных количественных пропорциях). Активная социальная роль плана в действии, как определенного типа производственных отношений (в частности организующая его роль в отношении необобщенного сектора), остается при этом в тени.

* * *

Переходя к прениям, должен с сожалением констатировать, что почти все оппоненты обошли ряд центральных вопросов доклада, иногда просто ограничиваясь голой констатацией своего согласия с докладчиком. К этим вопросам относятся: попытка моистический критики различных теорий советского хозяйства, проблема плана как производственного отношения, основы методологии изучения советского хозяйства, вопросы систематизации плановых дисциплин.

Прения заставляют меня уделить большее внимание проблеме плана в восстановительный период нэпа, так как на этот вопрос обратили особое внимание почти все выступавшие. Дать исчерпывающий ответ на этот вопрос может лишь работа коллектива после тщательного анализа процесса воспроизводства на прошлых этапах нэпа. Такой работы до сих пор нет.

Вопрос о наличии или отсутствии планового «регулятора» в восстановительный период нэпа отнюдь не является для меня центральным ни в докладе, ни в статье. (Поставленные методологические проблемы особенно ведь актуальны на нынешнем этапе).

Могло ли иметь место, спрашивают некоторые оппоненты, плановое руководство хозяйством в начале нэпа, в то время как «контрольные цифры» появились лишь в 1925 г. Разве не наивностью было бы определять характер наших производственных отношений годом выхода контрольных цифр?

Если же говорить о писанных, формулированных планах действия, то разве пролетарская диктатура вовсе не располагала им. Разве «Коммунистический манифест», разве экономическая программа партии не являются планом преобразования социальных отношений, планом пролетарского руководства хозяйством? Разве кооперативный план Ленина не является таким планом?

Еще в 1920 г. Ленин писал: «Мы, говоря о восстановлении земледелия, промышленности и транспорта, об их гармоничном соединении, не можем не говорить о широком хозяйственном плане». Этот план «каждый день в каждой мастерской, в каждой волости будет улучшаться, разрабатываться, совершенствоваться и видоизменяться». Таким образом принципы общехозяйственного плана по Ленину проникают во всю работу по восстановлению хозяйства¹.

Ленин еще в 1922 г. пишет, что «политической власти (в руках пролетариата.—Л. Г.)... совершенно достаточно... экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму» (т. XVIII, ч. 2-я).

В статье «О кооперации», говоря о власти пролетарского государства «на все крупные средства производства», о наличии руководства пролетариата в союзе с крестьянством, он подчеркивает наличие «всего необходимого для построения полного социалистического общества».

Вместе с тем т. Ленин писал: «пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить»².

Тов. Сталин неоднократно подчеркивал эту мысль Ленина (на ноябрьском пленуме ЦК в 1928 г., в речи на конференции аграрников), отмечая, что стихийно мелкотоварное хозяйство вне планового воздействия пролетариата не сможет идти к социализму. Критикуя теорию «самотека» «врастания» в социализм, т. Сталин подчеркивает необходимость планового развития социалистических форм, планового руководства движением частного сектора.

Если, с одной стороны, мы исходим из того, что при движении «самотеком» по теории «равновесия секторов» частный сектор пошел бы по капиталистическому пути, а между тем восстановительный период дал социалистическую индустриализацию, процесс обобществления, укрепление социализма, дал в основном некапиталистический

путь деревне, то как это могло произойти без планового руководства хозяйством, как это «более прочная база» для капитализма не стала превращаться в реальность?

Ленин подчеркивал: «Свобода торговли значит — назад к капитализму», поэтому он воздвигает лозунг свободы торговли «до известной степени».

Задача в том, чтобы «двинуть весь наш аппарат (разрядка наша.—Л. Г.), все наши теоретические силы, весь наш практический опыт» и добиться победы.

Как формулировал Ленин задачу разрешения проблемы «кто кого»? — «организуем ли мы мелкое крестьянство». Здесь проблема активного планового воздействия, организации!

Разве кооперация не осуществляла этой организующей роли, разве не в этом же смысле действовали плановые рычаги пролетарской диктатуры?

Ленин подчеркивает специфические условия пролетарского государства, при которых «простой рост кооперации означал рост социализма». Разве это не свидетельство о плановом руководстве хозяйством. «Мы имеем в своих руках все командные высоты, мы имеем в своих руках землю... Это очень важно». Он подчеркивал, как при помощи целой системы мер поддерживается кооперация, «новый принцип организации населения». Он подчеркивает наличие специальной, планомерно оказываемой помощи тяжелой индустрии.

При отсутствии писаного сводного народнохозяйственного плана осуществлялась на разных участках хозяйства социалистическая индустриализация, осуществлялось социалистическое накопление. Восстановительный период дал в своем итоге продвижение всего хозяйства по пути к социализму. Это продвижение осуществлялось под руководством пролетариата (пролетарская гегемония в рабоче-крестьянском блоке), причем авангардом пролетариата выступала марксистско-ленинская партия, вооруженная научным планом построения социализма. XV конференция ВКП(б), подводя итог восстановительному периоду, могла сформулировать: «под руководством ВКП(б) (разрядка наша.—Л. Г.) завершена в общем и целом огромная работа по восстановлению народного хозяйства». Все это говорит за то, что и в восстановительный период мы имеем плановое руководство хозяйством, а не «равновесие секторов», которые подобно ящикам «лежат на различных рельсах» и катятся параллельно друг другу (Сталин), не стихийное врастание в социализм.

Тов. Сталин подчеркивает, что «нэп вовсе не означает полной свободы торговли, свободной игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в известных пределах, в известных рамках при обеспечении регулирующей роли государства и его роли на рынке»...

«Теория «самотека» в социалистическом строительстве есть теория антимакистская», говорит т. Сталин: «социалистический город должен вести за собой мелкокрестьянскую деревню».

Какие предпосылки, какие моменты обуславливали, отображали плановое руководство хозяйством в восстановительный период? Наличие пролетарской диктатуры, требующей планового руководства в строительстве социализма, наличие «командных высот» в руках пролетариата, особая роль «монополии внешней торговли», осуществление рабоче-крестьянского блока под руководством пролетариата (специфическое положение основных масс деревни в условиях пролетарской диктатуры), система мер, ограничивающих частный капитал.

¹ Собр. сочинений, т. XVII. Доклад на VIII Съезде советов.

² Там же.

В восстановительный период мы имели народнохозяйственное планирование крупного строительства. Роль осуществления плана ГОЭЛРО в народном хозяйстве, его влияние на разные отраслевые планы у нас безусловно недооценивают, между тем как анализ документов, относящихся к началу нэпа, говорит о громадной роли плана ГОЭЛРО, которая часто не выступала на поверхности явлений.

Разве работа по выполнению «плана ГОЭЛРО» в восстановительный период не является одним из показателей «народнохозяйственного принципа»? В восстановительный период быстро развертывался (непрерывность значительного роста) процесс индустриализации, которая не могла бы осуществляться при существовавшей рыночной конъюнктуре без планового руководства хозяйством; «аграризация» была бы тогда неизбежной. Быстрый подъем тяжелой индустрии, носивший плановый характер, развертывание убыточных отраслей и предприятий являются показателем роли планирования.

Уже в восстановительный период быстрым темпом проходил процесс обобществления (социалистическое наступление); быстрым темпом осуществлялся «кооперативный план Ленина»; широко развертывалась особая государственная помощь кооперации.

Восстановительный период дал в основном некапиталистический путь развития деревни. Разве это было мы мыслимо без организующей роли пролетарского плана?

В восстановительный период мы имели разрешительную систему организации предприятий, отсутствие свободы перелива капиталов, изъятие крайне существенных объектов из оборота, мы имели существенные ограничения «свободы торговли», планирование цен (особенно после денежной реформы, когда осуществлялось плановое снижение цен), планирование распределения промтоваров.

Немалую сдерживающую в отношении активизации капиталистических элементов роль сыграл тот факт, что ряд оставшихся от периода «военного коммунизма» препятствий к развертыванию торгового оборота в деревне был снят лишь к концу восстановительного периода (1925 г.) незадолго до перехода к форсированному социалистическому наступлению в деревне (1926/27 г.). Хлебная кампания 1926/27 г. проходила в условиях значительного ограничения частного торгово-посреднического хлебного оборота.

Политика финансовых изъятий и ассигнований, особая роль бюджета и кредита, политика распределения народного дохода, накопления, динамика заработной платы свидетельствуют о соответствующей значительной роли плана в распределении ресурсов в восстановительный период.

Все вышесказанное говорит в пользу того, что и при отсутствии на протяжении почти всего восстановительного периода писанного единого хозяйственного плана все же осуществлялся пролетарским государством народнохозяйственный, а не частнохозяйственный принцип в распределении ресурсов. Следует далее помнить, что в начале восстановительного периода действовали, выполнялись и перевыполнялись отраслевые планы. Восстановительный период нэпа разумеется дал восстановление заглушенных «военным коммунизмом» стихийных тенденций, игравших огромную роль в то время (и играющих значительную, правда уже заметную меньшую роль и сейчас), но вопрос заключается не в этом, а в соответствии, с чем (пролетарским планом или капиталистической стихией) в основном развивалось народное хозяйство? За кем была гегемония? За планом или за стихией? Иными словами, регулировалось ли движение хозяйства

СССР в восстановительный период законом стоимости, хотя бы в модифицированном виде? На этот вопрос следует ответить отрицательно.

Тов. Слуцкина да и некоторые другие товарищи этим не удовлетворены. Они не могут согласиться с фактом планового руководства хозяйством уже в восстановительный период. Тогда позволительно спросить их, на основе какого «регулятора» происходило это развитие? Тов. Слуцкина согласна с тем, что решающий скачок произошел в процессе октябрьского переворота. Но разве это не означает, что возникла новая система воспроизводства. Она правильно утверждает далее, что системы двух регуляторов в восстановительный период также не могло быть, равно как и внеисторического «закона трудовых затрат», как регулятора хозяйства. Но признание наличия «решающего скачка» означает отрицание и старого «стоимостного регулятора».

Стихийные капиталистические тенденции отнюдь не исчезают в переходный период, но они даже в восстановительный период не определили путей развития народного хозяйства или хотя бы частного сектора. Тенденции не переросли благодаря политике пролетарской диктатуры в «регулятор».

Единство процесса воспроизводства существовало (не было двух регуляторов, двух самостоятельных кругов воспроизводства) и оно (дававшее движение к социализму) могло быть осуществлено плановым руководством. «Регулятор» процесса воспроизводства не может быть «лоскутным», «мозаичным». Монизм здесь является азбукой марксистской методологии.

Попробуйте отбросить директивную роль плана пролетарской диктатуры, и у вас неизбежно получится «равновесие секторов», либо движение всего частного сектора к капитализму либо его стихийное «врастание» в социализм.

Если тов. Слуцкина, как и большинство оппонентов, согласна с тем, что непримиримая классовая враждебность плана и стихии лежит в основе советской экономики, то можно ли и план и стихию «гармонически» объединить под одним колпаком? Одно начало должно господствовать, подчинить другое, в противном случае приходится либо стать на позицию «двух регуляторов», либо признать стоимость регулятором, либо наконец отрицать основное ленинское положение о непримиримой враждебности этих двух начал.

Есть конечно еще один выход в эклектике, которой некоторые оппоненты не избежали.

Эклектики отбрасывают основное звено, основную тенденцию, заменяя их механистическим (а не диалектическим) объединением разных «факторов», «сторон» и т. д.

Такой попыткой механического объединения была столь решительно отвергнутая теория «двуединого регулятора», по существу являвшаяся стыдливо прикрытой теорией двух регуляторов.

Монизм процесса воспроизводства там отбрасывался, заменяясь борьбой различных товаропроизводителей. План выступал не как народнохозяйственный, а как одна из «воль», образующих равнодействующую.

Необходимо твердо усвоить следующее:

1. Что план (план в действии, плановое воздействие пролетарской диктатуры, социалистического сектора на все народное хозяйство) — это особый тип производственного отношения.

2. Что этот план осуществляется путем борьбы с враждебной тенденцией, постоянно включая, подавляя и подчиняя ее. Эти тенденции вносят соответствующие поправки, не срывая основного пути (при правильной политике).

3. Что, говоря о главном движении, о господствующем отношении, мы можем исходить из планового руководства всем хозяйством, так как «регулятор» (как общественная категория) определяет основной путь движения всего хозяйства или важнейшей отрасли.

4. Что не следует смешивать «интересов» мелких товаропроизводителей в условиях СССР с господством закона стоимости в частном секторе, которое означало бы наличие капиталистического пути развития деревни.

5. Не следует смешивать план, как объективное производственное отношение с субъективной оценкой своих стимулов к производству со стороны производителей.

6. «Рынок», «цена», «деньги» являются в СССР в основном не моментами, противостоящими плану как выражение «стихийного регулятора», а представляют собой рычаги народнохозяйственного плана, переживая трансформацию одновременно с трансформацией плана.

7. Что следует отказаться от механической постановки вопроса: либо отсутствие единого планового руководства, либо «чистый» безраздельно господствующий план. Наш план еще включает стихийные тенденции, однако определяя движение хозяйства к социализму. Это движение неотделимо от трансформации самого плана.

8. Господство закона стоимости, стоимостных пропорций в условиях СССР означает срыв политики индустриализации и обобществления и капиталистическую деградацию.

9. У нас стоимость (в отличие от монополистического капитализма) и в модифицированном виде не может регулировать хозяйство. Всякая модификация стоимости оставляет еще стихийную систему (количество не переходит в качество).

10. Отрицая господство планового начала в СССР — мы в виду наличия двух противоположных тенденций в СССР — плановой и стихийной — должны будем стать на позиции механистической «теории равновесия».

Вместо единства противоположностей (на основе планового руководства) получится наличие двух авторитарных сил, либо находящихся в резкой «враждебной» друг к другу («два регулятора» Преображенского) либо мирно уживающихся («теория равновесия секторов», установки правых).

В связи со всем вышесказанным я бы хотел остановиться на одной ошибке тов. Слуцкиной, обнаруживающей, как мне кажется, противоречивость ее позиции.

Она утверждает, что в основе моей позиции лежит положение, что общие рамки развития в нашей стране заранее даны строем пролетарской диктатуры (что по ее мнению может привести к Бухаринской теории «врастания»).

Поэтому у меня «регулятором» может быть только основное производственное отношение.

Прежде всего, как мыслит тов. Слуцкина «регулятор» вне основного производственного отношения, т. е. вне основного движения хозяйства?

Не придем ли мы тогда к концепции регулятора, как равновесия (опять Бухарин, тов. Слуцкина!), и к формальной внеклассовой трактовке «регулятора» (снова Бухарин).

Если под строем пролетарской диктатуры понимать и экономический строй, и командные высоты и притом исходить из наличия правильной, ленинской экономической политики, то разве у нас не дано развитие к социализму, разве эти «общие рамки» не даны? А как же теория построения социализма? Как же быть с ленинским положением: «все необходимое для построения его». Как быть с установками XIV съезда и XV конференции в борьбе с троцкизмом? Конечно, если мы отбросим закономерность построения социализма как закон движения хозяйства, тогда у нас немыслимо «единое плановое руководство», но ведь мы с вами, тов. Слуцкина, это не считаем и мы как-будто не должны отрывать «регулятора» от движения хозяйства. Не следует смешивать двух моментов: теории построения социализма в СССР (при условии правильной классовой политики постоянного преодоления стихии) и теории о возможности построить социализм при помощи кулачества. Ведь это элементарно, тов. Слуцкина, что социализм не придет фаталистически при любой политике, но, с другой стороны, трактовка проблемы «кто кого»? троцкистами была неправильной, так как гегемония и победа социализма из нее не вытекали.

План утверждает свое господство в борьбе со стихийными тенденциями. Эти тенденции могут перерасти при соответствующих условиях в «регулятор», регулировать по своему процесс воспроизводства¹. Был момент, когда это произошло.

«Кризис» 1923 г., вызванный и субъективными моментами, был ярким примером того, что план не «фатально» руководит хозяйством.

Решительный нажим плана (денежная реформа, товарная интервенция, снижение цен и т. д.), действовавшего не по частнохозяйственным, а по народнохозяйственному принципу, быстро восстановил положение.

Или возьмем наше денежное обращение. При «инфляционной» политике мы можем вызвать такие пертурбации в распределении денег в стране в системе цен, в распределении дохода, ресурсов, что «стихия» может, «срегульнув», сорвать наши темпы индустриализации и обобществления.

Означает ли эта возможность тот факт, что план не является в наших условиях господствующим началом. Конечно нет, она означает, что наш план не план социалистического общества, где движение трудящихся и чеков непосредственно прикреплено к натуральным благам и не может вызвать стихийного перераспределения ресурсов. Наш план действует в переходном хозяйстве при наличии частного сектора и отсутствии повсеместного непосредственного управления хозяйством (причем роль частного сектора, роль непосредственного управления и косвенного регулирования конечно значительно меняются на различных этапах). Отсюда наличие «всеобщего покупательного средства», движение которого не прикреплено к движению материальных ресурсов — отсюда возможность инфляции (это достаточно сознают некоторые товарищи, переоценивающие роль плана на нынешнем этапе и придающие ему несколько фаталистический характер).

¹ Смешением стихийного «регулятора» и стихийных тенденций, не переросших в «регулятор», отчасти грешит тов. Рагольский.

Весь переходный период от капитализма к социализму есть период «революционного скачка», который длится десятки лет. Однако в пределах этого «скачка» имеются в свою очередь качественные сдвиги, «скачки». Решающим, основным скачком является однако, самый переход к советской системе, кладущий начало новой системе воспроизводства. Этот «скачок» означает революционный переворот. Далее от начала нэпа в процессе развертывания этой революции вплоть до социализма (переход к социализму есть также скачок, но не носящий конечно характера классового революционного переворота) мы имеем ряд качественных сдвигов — скачков не только при переходе к нэпу, но и в пределах самого нэпа, но эти «скачки» в пределах нэпа означают сдвиги в границах той же «хозяйственной системы» пролетарской диктатуры, действующей при наличии мелко товарного и капиталистического сектора. Затухивание этих сдвигов лежит в основе оппортунистических теорий.

В своем докладе и статье я резко подчеркивал, что характер плана, система рычагов, формы взаимоотношения со стихией, роль стихии меняются на различных этапах, что здесь — качественные сдвиги. Реконструктивный период отличается от восстановительного глубокими социально-классовыми сдвигами. Резкий поворот мы имеем на «новом этапе». Обвинение тов. Слуцкиной в том, что у меня получается однородный процесс, начиная с 1921 г., кажется мне направленным не по адресу.

Итак должны ли мы стать на позиции «теории этапов», утверждающей, что пожалуй установки Преображенского, Смильги, Юровского по вопросу о регуляторе были правильны для восстановительного периода. Безусловно нет. Мы знаем, что в восстановительный период нэпа уже резко выявились концепции, исходившие из своеобразной трактовки нэпа, природы советского хозяйства, с определенными политическими выводами. Разве мыслимо ставить в отношении к этим теориям «китайскую стену» между восстановительным и реконструктивным периодом?

В этом отношении мне кажется ошибочной позиция тов. Козлова (см. его интересную содержательную статью в «Плановом хозяйстве» № 8 за 1929 г.).

Тов. Козлов утверждает, что «старую формулу о том, как из стоимости рождается капитал, история дополняет другой — как из стоимости рождается план».

Согласно тов. Козлову в восстановительный период в начале его господствовал закон стоимости непосредственно, а затем к концу восстановительного периода план в основном лишь предвосхищал стоимостные закономерности.

Как утверждает т. Козлов «раньше не было антагонизма между планом и стоимостью», а сейчас в частном секторе: «просто стоимостные закономерности начинают заменяться все в большей мере капиталистическими».

Эти положения неверны (механистическая трактовка закона стоимости, постольку стоимость выступает здесь как «регулятор» не в товарно-капиталистической системе. Вспомним утверждения т. Смильги о том, что в восстановительный период закон стоимости подобен пулемету, обслуживающему того, к кому он повернут казенной частью?). Здесь и неверная трактовка плана пролетарской диктатуры («врастание» стоимости в социалистический план, план, вне классовой борьбы со стихией, план, лишь предвосхищающий стоимостные закономерности), здесь недооценка классовой противоречивости плана и стихии

в восстановительный период (вспомним ленинские статьи и речи в 1921—1923 гг. на тему «кто кого?»), здесь отрыв стоимости от капиталистических тенденций и т. д.

Эти ошибки логически ведут к неверной трактовке нэпа в восстановительный период, к затухиванию момента социалистического наступления, к теории «равновесия секторов» (последнее явно проглядывает в «теории этапов» в отношении восстановительного периода).

Механистичность этой концепции проявляется в том, что в ней по существу исчезает процесс трансформации закономерностей советского хозяйства. Здесь «регулятор» одного этапа резко отгорожен от «регулятора» другого. План «нового этапа» — социалистическое накопление — не вытекает из предыдущего развития. Для каждого из этих этапов своя система воспроизводства. Если сторонники теории двух регуляторов (переоценивая роль стихии) фактически отрицают единство хозяйства СССР и тем самым неизбежно и соответствующий закон его движения (построение социализма), их «регуляторы» были независимы от закона построения социализма, то у т. Козлова ошибка заключается в том, что, переоценивая роль стихии в периоды до «нового этапа», он также становится на позицию «двух самостоятельных кругов» процесса воспроизводства. Но если у первых эти круги располагались по горизонтали («отраслевое» размежевание «регуляторов»), то у т. Козлова круги расположены вертикально (по периодам).

В основе же обеих установок лежит один исходный порок — отрыв системы воспроизводства в СССР от движения к социализму, т. е. от планового построения социализма. У т. Козлова это и имеет место в отношении периодов до «нового этапа».

Характерно, что неверная трактовка роли плана в восстановительный период (недооценка его роли) часто совпадает (тому множество примеров) с переоценкой роли плана на нынешнем новом этапе, т. к. план мыслится не диалектически, не в развитии, в смене форм, в различных взаимоотношениях с «включаемой» в подчиненном виде стихией, а господство плана мыслится лишь безраздельным, как результат полного уничтожения корней стихии по формуле: «Либо «чистый» план, либо отсутствие планового регулятора». Среди оппонентов можно упрекнуть т. Вайсброда в том, что, не допуская при нэпе господства плана, он вынужден был признать, что на «новом этапе» мы имеем «синтез военного коммунизма и нэпа». Это конечно не ленинская трактовка нэпа и неверное понимание нового этапа.

Следует еще отметить, что «теория этапов», отдающая восстановительный период в распоряжение закона стоимости, приводит неизбежно к затухиванию специфичности экономики СССР и может привести к теории о постепенном «перерастании» регулятора товарнокапиталистической системы в социалистический. Между тем как следует резко различать наличие остатков капитализма в условиях пролетарской диктатуры и наличие хотя бы модифицированной товарнокапиталистической системы, «врастающей в социализм». У нас происходит трансформация советской системы (как резко отличной от капиталистической) в социалистическую.

Именно этот процесс заполняет переходный от капитализма к социализму период. Но это-то и затухивается «теориями этапов».

Нужно решительно подчеркнуть резкое отличие в возникновении и развитии плана пролетарской диктатуры от возникновения и развития стоимости.

Меновые отношения стихийно возникали в недрах натурального хозяйства, сосуществуя с натуральными, отсюда и переход от простой формы стоимости к денежной — к капиталу. Совершенно иной характер возникновения и развития производственных отношений в переходный период. Социализм строится, а не вырастает в пределах капитализма (там создаются предпосылки для социалистической революции, заполняющей переходный период), поэтому план не может «стихийно» развиваться из стоимости. Напрасны попытки «дополнить» Маркса формулой «из стоимости рождается (это рождение из стоимости может быть только стихийным) план». А где же революционный скачок? Как быть с социалистическим характером Октябрьской революции? Как быть с теорией «самотека»? «Стихийно» рождающийся план имеет такой же смысл как «сухая вода». Все эти замечания приходится в известной мере направить и по адресу т. Слуцкиной.

Остановлюсь на утверждении т. Слуцкиной о том, что в свое время для троцкизма была характерна переоценка плана и недооценка стихии. Полагаю, что т. Слуцкина совершает здесь ошибку. Для троцкизма были характерны: бюрократические, авантюристические, основанные на администрировании планы именно в силу переоценки роли стихии в СССР, в силу оценки пути деревни, как неизбежного пути к капитализму, в силу неверия в наличие экономических корней для планирования социальных процессов в деревне (кооперативный план), в возможность смычки с середняком (как базы социалистического плана). Разве можно обвинять в переоценке роли ленинского директивного социалистического планирования течение, которое исходило из «невозможности построения социализма в СССР», из оценки нэпа, как отступления, нашего хозяйства, как госкапитализма, из отрицания кооперативного плана Ленина, из неизбежности капиталистического пути развития советской деревни. Троцкизм исходил или из единого стоимостного, а не планового регулятора в СССР (тому огромное количество примеров), либо из известной концепции двух регуляторов, отрицающей господство плана, колоссально преувеличивающей внутренние противоречия СССР.

У Преображенского как известно закон стоимости в СССР играет колоссальную роль, руководя движением частного сектора и все более усиленно действуя через внешние связи.

Троцкий предлагал даже строить наши планы на сроки, соответствующие капиталистическим циклам.

Социал-демократические черты троцкизма, выражающиеся в соответствующей оценке технико-экономической отсталости СССР, говорят о родстве троцкизма с раскритикованной Лениным концепцией Суханова и К^о (производственные отношения в СССР автоматически подгоняются к низкому уровню производительных сил) и отнюдь не свидетельствуют о «переоценке плана».

Переоценка троцкизмом роли капиталистических элементов в СССР, этих активных носителей стихийных тенденций, говорит об обратном.

Характерно определение нэпа Троцким (например на XII съезде): «нэп есть использование рабочим государством методов, приемов и учреждений капиталистического общества». Противопоставление им рыночных способов плановым (доклад на XII съезде, стр. 282 стенографич. отчета) говорит о том же.

Таким образом тов. Слуцкина подошла к вопросу о бюрократизации плана троцкизмом формально, смешав понятие «единого

планового регулятора» народнохозяйственного плана пролетарской диктатуры, основанного на союзе с основными массами деревни, с троцкистским планом, выступающим как один из элементов в борьбе с другим могущественным стихийным капиталистическим регулятором. (Разумеется партия боролась и сейчас борется с бюрократизацией плана).

Я отмечал уже родство концепции Преображенского, отрицавшего ведущую роль экономической политики (абстракция от экономической политики) с точкой зрения Базарова и Громана («генетический» подход).

В связи с этим необходимо отметить и другую ошибку т. Слуцкиной (и некоторых других оппонентов), заключающуюся в смешении «рынка» и «стихийного регулятора»; если последний противостоит плану как непримиримое начало, то первый может служить формой проявления плана в СССР. Разве через наш рынок, через снабжение, заготовки, политику цен план не регулирует (косвенно) хозяйства не-обобществленного сектора, не осуществляет руководство?

Поэтому цитаты тов. Слуцкиной из резолюции XIII конференции о плане и рынке отнюдь не говорят о стихийном регуляторе на том этапе, а лишь о значении рынка.

Противопоставление рынка плану имеет место у Троцкого (выше-приведенная ссылка), у Юровского, утверждающего, что, пока существует рынок, неизбежен стихийный регулятор.

Ряд товарищей указывал на неудовлетворительность термина «регулятор хозяйства» в применении к советской экономике, к закономерностям процесса воспроизводства в СССР. Жаль, что столько времени в прениях было уделено терминологическим изысканиям.

Я вполне присоединяюсь к тому, что термин «регулятор» невольно ассоциируется в нашем сознании с «автоматизмом» и плохо увязывается с директивной ролью плана.

Вопрос о применимости этого термина спорный; я стою за «изгнание» этого термина из теории советского хозяйства. В своей статье и в докладе я резко подчеркнул, что этот термин неудачен. Но разве у нас все термины соответствуют природе нашего хозяйства? Разве у нас не говорят «капиталовложения в государственную промышленность» или «товарность» колхозов? Между тем разве у нас в социалистическом секторе имеется «капитал», «товар» в том смысле, как употреблял эти термины Маркс в «Капитале»?

Мы знаем всю условность этой терминологии. Употребляя эти общепринятые в нашем обиходе термины, мы вкладываем в них иное содержание.

В статье и докладе я употреблял термин «регулятор», поскольку я пытался подвергнуть критике различные «теории регулятора», объекты своей критики я называл тем именем, которое они носили. Я оставался на ошибочности сведения этого «регулятора» к закону равновесия и выдвинул тезис о том, что то, что обычно называли «регулятором» (закон распределения общественного труда), не может быть отделено от движения хозяйства. Если можно заменить термин «регулятор» другим (только не «мотором», как предлагал т. Кан или «турбогенератором»), а более подходящим термином (может быть «законом движения»), то это следует, разумеется, лишь приветствовать.

На выступлении тов. Ратнера я должен остановиться подробнее в виду того, что в той или иной степени ряд товарищей его поддерживал.

Тов. Ратнер, несколько увлекшись, объявляет талмудизмом и ненужным делом все попытки изучения «регулятора» советской экономики, все споры, бывшие по этой линии — все это по его мнению никакого отношения к практике не имело. Совершенно ясно, что это неверно. Несомненно, что все эти построения были слишком абстрактны, что большинство из них грешило крупнейшими пороками, но ведь в них-то отражалась соответствующая экономико-политическая концепция того или иного автора.

Разве тов. Ратнер станет отрицать непосредственную теснейшую связь между концепцией «двух регуляторов» т. Преображенского и его политическими выводами? Разве та критическая работа, которая была проделана в отношении его теоретической концепции, была оторвана от критики политики троцкизма? Разве при критике троцкизма можно было обойти молчанием его теоретические корни в его оценке природы хозяйства СССР? А разве дискуссия с троцкизмом не имела отношения к политике, к социалистическому строительству? Поэтому совершенно не напрасно партия обратила такое внимание на «теорию двух регуляторов».

Далее, разве нет связи между концепцией т. Бухарина о «законе трудовых затрат» и высказанными им ошибочными установками в области политики?

Ведь связь здесь сразу бросается в глаза.

Разве проблема «закона трудовых затрат» и споры, которые развернулись здесь, оторваны от экономической политики («узкие места», «рыночный баланс», «темпы» и т. д.).

Поэтому-то партия обратила такое внимание на широкую пропаганду ошибочности этой теоретической концепции.

Далее, разве буржуазные экономисты, подвергавшие критике наши темпы, не имели своей «теории советского хозяйства», теории «регулятора»? Разве критика теоретической концепции Юровского не имеет отношения к политике?

Ведь у огромного большинства серьезных экономистов, выступавших у нас в печати, их экономико-политические взгляды опираются и увязываются с соответствующими теоретическими построениями, да иначе и быть не могло! Критика их теорий регулятора и вся работа, с этим связанная, сыграла и еще сыграет свою роль, поскольку вопрос о «регуляторе» — это вопрос об оценке производственных отношений в СССР и о путях их развития.

На связи различных теоретических концепций с политическими установками я, мне кажется, достаточно подробно останавливался в статье и докладе, причем эти положения не вызвали возражений.

Далее. Может ли быть выявлена природа цены, природа денег, природа кредита в СССР без изучения роли плана, роли стихии в наших условиях, их лимитов, их классовых тенденций и т. д.? А разве проблема природы цены не связана с политикой цен, да и не только цен, а с применением всех плановых рычагов? Разве проблема природы денег не связана со всей финансовой и в частности с эмиссионной политикой? Известно, с какой жадностью наши работники Госбанка хватаются за всякую статью о природе денег в СССР, но почти все авторы, пишущие о природе денег, выводят свою точку зрения в этой области из общей концепции о так называемом «регуляторе» (роль закона стоимости в СССР, роль всеобщего эквивалента, а отсюда связь с золотом, роль плана, один или два «регулятора» и природа денег в разных секторах, характер рынка и эмиссионные возможности и т. д.). То же относится и ко всем проблемам воспроизводства, распределения и т. д.

Наконец несомненно ощущается сильная потребность в работе по осознанию тех сдвигов в характере процесса воспроизводства (роль плана, характер системы его рычагов, роль и формы стихии и т. д.) на нынешнем новом этапе.

Сам т. Ратнер говорит, что «регулятор» показывает, как система существует, живет, воспроизводится. (О неверной трактовке регулятора т. Ратнером я скажу ниже). Тогда спрашивается, почему же мы должны изгнать работу над изучением «регулятора» (дело не в термине!) из нашего обихода? Или советская система воспроизводится без всяких законов («беззаконно»)? Ведь этого т. Ратнер не думает? Тогда почему не следует изучать эти законы воспроизводства?

Тов. Ратнер, возражая против тезиса о единстве «регулятора» и «закона движения», опасается, что мы забудем о движении и будем рассматривать наше хозяйство в статике... Но ведь этот упрек нужно бросить именно т. Ратнеру. Ведь он-то и отрывает «регулятор» от движения. Ведь именно он протестует против объединения регулятора и закона движения и к стати при этом предостерегает нас от методологических ошибок т. Бухарина, который, упуская из виду движение хозяйства, становился на точку зрения равновесия. По истине т. Ратнер «шел в комнату, попал в другую»...

Мы утверждали (в статье, докладе, тезисах), что отделение регулятора от закона движения означает формальную, механическую внеклассовую трактовку «регулятора» только как механизма, как внешнюю форму, оторванную (в условиях СССР) от классового содержания, от производственных отношений, от их динамики, от процесса построения социализма, что этот отрыв приводит к концепции «закона трудовых затрат». Тов. Ратнер именно разрывает эти моменты и у него регулятор превращается в некий механизм равновесия (т. Коновалов правильно заострил внимание на этой ошибке т. Ратнера и других). Тов. Ратнер не пытается в своем выступлении делать выводы из этой своей позиции, но я полагаю, что он в своих выводах значительно бы приблизился к той неверной трактовке «регулятора» в период нэпа, которая была дана тт. Вайсбродом и Розентулом.

В чем корень ошибки тов. Ратнера (и некоторых других товарищей, также считавших нужным отделять «регулятор» от закона движения)? В том, что он отделяет «воспроизводство системы от ее самоденегации и движения». Он говорит, «регулятор показывает, как система воспроизводится, а не как она отрицается». Разве эти диалектика? Как может система существовать и одновременно не отрицаться? Ведь «закон отрицания отрицания» — основной закон диалектики. Разве возможно (в отношении любой хозяйственной системы отрывать ее воспроизводство от ее движения, трансформации, а тем более в отношении советской экономики с ее специфической динамичностью) совершать такой грубо механический разрыв? Разве это не ведет к «закону трудовых затрат», как закону равновесия? На эту тему уже достаточно говорилось и писалось...

Тов. Ратнер утверждает, что для Рикардо, который не видел движения капитализма, регулятор (стоимость) совпадал с законом движения, а для Маркса закон стоимости не был законом движения товарнокапиталистического хозяйства. Некоторые товарищи поддерживали в этом вопросе т. Ратнера. Это мне кажется совершенно неверной трактовкой марксовой концепции. Разве развитие стоимости, ее форм у Маркса только логическое построение? Разве категории политической экономии у Маркса не являются отражением реальных производственных отношений? Стоимость у Маркса не застывшее поня-

тие, а развивающаяся категория, отражающая движение, развитие товарнокапиталистического общества.

В борьбе с идеалистическим уклоном в политической экономии было заострено внимание на имеющемся у некоторых экономистов (в частности у И. И. Рубина) отрыве логического развития категорий от реального исторического развития. Неужели тов. Ратнер считает, что развитие стоимости, превращение товара в деньги и денег в капитал, модификация стоимости в цены производства — это лишь «логические построения» Маркса? Неужели категория «цены производства» не отражает фактического развития стоимостных отношений или разве «цена производства» отгорожена стеной от стоимости? Разве капитал не есть особое движение развивающейся стоимости («самовозрастающая стоимость»)? Разве стоимость в своих различных модификациях не является регулятором и в условиях простого товарного хозяйства, и в условиях промышленного капитализма, и в условиях монополистического капитализма? Разве мыслимо оторвать стоимость, как регулятор, от развивающихся производственных классовых отношений?

Развитие, модификация стоимости у Маркса отражает возникновение новых отношений. Здесь регулятор неразрывно связан с движением. На основе закона стоимости совершается развитие капитализма. Этого т. Ратнер не станет отрицать? Ведь не мыслимо же оторвать от стоимости, как регулятора, превращение стоимости в капитал, модификации стоимости от модификации самого стоимостного регулятора? Разве движение «регулятора» можно отделить от движения хозяйственной системы, производственных отношений? «Регулятор» — это не есть «механизм», находящийся вне развивающейся системы производственных отношений и дающий им «толчок извне».

Известно положение Маркса, что лишь в своем конечном развитии выявляется с полнотой та или иная категория, когда развертываются заложенные в ней противоречия. Закон стоимости (в модифицированном виде) развертывается именно в развитом капиталистическом обществе.

Деньги (см. «К критике политической экономии») выступают как действительные деньги лишь в условиях буржуазного государства и т. д. В общем тов. Ратнер должен был сказать наоборот, что у Рикардо, как у «недиалектика», стоимость не была законом движения, а у Маркса стоимость неотделима от движения. Тов. Ратнер оторвал развитие форм стоимости в капитале Маркса от развития товарнокапиталистического хозяйства и дал повод к обвинению его в трактовке стоимости как закона равновесия, а не закона движения товарнокапиталистического общества. Как известно именно в этих двух грехах обвиняли И. И. Рубина. Эта ошибка т. Ратнера нашла свое отражение в его трактовке некоторых вопросов методологии изучения советского хозяйства, что мы и отметили. Тов. Ратнер очевидно не отрицает, что распределение ресурсов дохода в стране в основном происходит в согласии с хозяйственным планом пролетарской диктатуры. (О содержании этого плана мы сейчас говорить не будем). Что это распределение ресурсов регулируется, определяется в основном планом. Это, с одной стороны. С другой стороны — движение нашего хозяйства к социализму происходит не путем «врастания» в социализм, а путем планового построения социализма. Это построение социализма совершается на основе определенных законов (законы движения) и эти закономерности неотделимы от характера тех пропорций в распределении ресурсов, которые определяются планом (темпы индустриализации, обобществления,

характер распределения дохода). Мы не можем отделить вопрос о субъекте регулирования от содержания этого регулирования. В закономерностях регулирования процесса воспроизводства форма и содержание неотделимы (плановая форма неотделима от процесса индустриализации и обобществления, без последних немислимо директивное планирование: так например аграризация и победа капиталистических тенденций подрывают плановое руководство и наоборот стихийно процесс обобществления и индустриализации совершаются не может). А разве можно отделить классовое содержание процесса воспроизводства в СССР от движения системы? Как можно понять пропорции воспроизводства вне процесса обобществления? Разве они не составляют лишь момента в этом движении к социализму? Если т. Ратнер с этим согласен, тогда у нас только терминологический спор (применимость термина «регулятор» к нашим условиям). Если же он не согласен, то следовательно он сделал соответствующие выводы из своей неверной предпосылки. Куда ведет такой разрыв «регулятора» и «движения» показал т. Розентул. Он не согласен, что у нас план регулировал движение к социализму потому, что «движение к социализму определяет только конечную цель, к которой мы движемся, но не определяет того пути и того закона, посредством которого мы движемся к этой цели».

Итак для т. Розентула не существует определенного пути (генеральная линия) для движения к социализму. Законы советской экономики у него существуют вне этого движения. Отсюда и формальная, внеклассовая трактовка проблем «расширенного воспроизводства», хозяйственных стимулов в восстановительный период. Такой же формальный подход в трактовке хозрасчета (как регулятора противопоставляемого плану) и рынка обнаружил и т. Вайсброд. Его утверждение «о капиталистически-рыночной форме организации хозяйства» (хозрасчет при нэпе) гармонирует с его выводом о новом этапе.

Еще одно замечание к выступлению т. Ратнера. Мне кажется, что он проявил в своей борьбе с «теоретизированием» чрезмерное усердие. Совершенно правильно резкое порицание тем товарищам-экономистам, которые убили огромное количество труда и времени на споры в политэкономии, не применяя своих выводов к современному империализму и советскому хозяйству. Неправильно же делать вывод (а некоторые товарищи это делают, принимая свои субъективные желания за объективную необходимость) о том, что нужно отодвинуть на задний план политэкономия (т. е. величайшее орудие пролетариата в борьбе за коммунизм).

Общеметодологическая работа в теоретической экономии, как один из этапов работы, необходима, следует помнить, какое значение придавал Ленин общеметодологическим вопросам. А ведь он был величайшим революционным практиком! Не для схоластических упражнений он усиленно занимался философией, написав «Материализм и эмпириокритицизм», а для выправления революционной практики; углубленная разработка общеполитических проблем Лениным (в тесной связи с революционной практикой) нашла свое отражение в IX и XII Ленинских сборниках (системы Гегеля, Канта, Аристотеля и т. д. — все это подверглось детальному изучению). А критика «Экономики переходного периода» Бухарина — критика, в которой Ленин дал блестящий методологический философский анализ корней бухаринских ошибок.

А обращение Ильича к партийной молодежи даже в тяжелый 1920/21 г. с предложением изучать философию Плеханова.

А его использование диалектического метода в споре с т. Бухариным во время профсоюзной дискуссии?

Общеметодологическая работа в теории советского хозяйства нужна, но она конечно является не самоцелью, а составляет лишь этап в исследовании конкретного материала.

* * *

Из вышеизложенного следуют определенные выводы по вопросу о классификации наук, изучающих советское хозяйство. В виду актуальности этого вопроса, в частности в связи с организацией Планового вуза, я останавлиюсь на нем несколько подробнее. Спешу оговориться, что предлагаемая схема разумеется должна осуществляться в меру сил и возможностей.

Поскольку экономическая политика, планирование в СССР являются не только системой писанных норм, а реальным процессом (об этом подробно сказано было выше), то изучение движения советского хозяйства немыслимо вне изучения экономической политики, — именно через экономическую политику, и осуществляется это перерастание советской экономики в социалистическую; таким образом «теория советского хозяйства» не может, изучая производственные отношения в СССР, одновременно не быть учением «об основных принципах, путях, методах построения социализма в СССР», а курс «основ экономической политики СССР» не может не быть наукой об этих же производственных отношениях.

Поскольку осуществление экономической политики в СССР неотделимо от народнохозяйственного плана в действии, поскольку советское хозяйство является плановым и тем самым экономической политика и план в действии неотделимы от основного производственного отношения, постольку такие дисциплины как «теория советского хозяйства» и «основы экономической политики СССР» не могут быть отделены от «общей теории планирования», сливаясь в единую дисциплину, которую следовало бы назвать примерно так: «Теория народнохозяйственного планирования в СССР».

Разумеется лишь сейчас, когда четко выявились контуры народнохозяйственного плана, когда синтетическое планирование приобрело прочную базу, когда более четко открылись производственные проблемы, лишь сейчас назрел вопрос о такой постановке этой дисциплины. Сейчас уж прямо немыслимо отрывать «теорию народнохозяйственного планирования» от «теории советского хозяйства», выделяя некую «философию плана вообще» (казуистическое, формальное, внеклассовое «философствование») в отрыве от конкретного социального содержания плана, т. е. производственного отношения. Немыслимо и изучение любой проблемы «теории советского хозяйства» вне изучения плановых рычагов, вне конкретного содержания плана в действии. Это привело бы к «талмудизму» и к оценке наших экономических категорий как «саморазвивающихся» вне пролетарского плана. Необходимо решительно отвергнуть установку, согласно которой курс «экономической политики в СССР» является нормативной наукой, изучающей «то, что должно быть», а «теория советского хозяйства» является теоретической («номографической») наукой, изучающей «то, что есть» (Сегаль). Порочность такого разрыва «сущего» и «должного» особенно четко вскрывается в применении к трансформирующемуся через посредство экономической политики советскому хозяйству. Мы уже подчеркивали, что такой дуализм (отрывающий нашу экономическую политику от экономических законо-

мерностей и тем самым придающий нашим законам «стихийный» характер) ведет к неправильным установкам в области экономической политики.

Вообще разделение наук в «кантианском духе» на науки «теоретические» («номографические») и «нормативные» естественно отвергается марксизмом.

Всякая наука должна служить практике. Не существует специальных наук о «должном», в отличие от наук о «сущем», т. к. «должное» есть лишь познанное «сущее». Абсурдность же этого разрыва о «должном» в применении к экономике СССР ясна и для невооруженного глаза.

Однако науки должны различаться по степени их конкретности в зависимости от их объекта: так одни науки, занимаясь более «общим», дают метод для наук, занимающихся более «частным». Большая конкретность придает той или иной науке относительно более «прикладной» характер.

Таким образом то, что неправильно называют «нормативной» наукой, по существу представляет собой относительно (по сравнению с соответствующей более «теоретической» дисциплиной) конкретную дисциплину. Так например терапия изучает лишь относительно частные случаи (в данном случае «аномалии») из тех закономерностей, которые изучают физиология и анатомия. «Экономическая политика» (как наука) в условиях буржуазных государств (строго говоря, там нет места для науки — там речь может идти об отдельных элементах науки) изучает лишь определенную часть тех экономических отношений, которые имеют место в товарнокапиталистическом обществе.

Закономерно ли рассматривать «экономическую политику» в СССР или «теорию планирования» как более конкретную, более «прикладную» дисциплину по сравнению с «теорией советского хозяйства», носящей якобы более абстрактный характер, охватывающей относительно более общие проблемы.

Из вышесказанного следует, что благодаря своеобразию экономической политики в СССР это было бы неверно. Поскольку народнохозяйственный план в наших условиях, регулируя производственный процесс, охватывает основное производственное отношение, включая в свою сферу и стихийные тенденции (в подчиненном виде), возмещает соответственно на производительные силы, тем самым «экономическая политика, имеющая своим объектом изучение действия народнохозяйственного плана, его борьбу и развитие, не может быть как и «теория планирования» сведена к науке более конкретной, чем «теория советского хозяйства», не может быть отделена от последней.

Выше мы останавливались на вопросе о том, почему наука, изучающая производственные отношения в СССР, должна быть теоретической экономической дисциплиной. Имея своим объектом процесс построения социализма в особых условиях СССР, она изучает развитие производственных отношений в специфических условиях переходного хозяйства СССР (технично-экономическая отсталость, капиталистическое окружение). Поэтому входя в состав политической экономии «в широком смысле», т. е. дисциплины, изучающей производственные отношения всякого общества, о которой говорили Энгельс («Анти-Дюринг») и Ленин (заметки на полях бухаринской «экономики переходного периода», опубликованные в XI Ленинском сборнике), «теория советского хозяйства» резко отграничивается от политической экономии «в узком смысле», изучающей производственные отношения товарнокапиталистического общества.

Различный объект исследования у этих последних дисциплин (категории политической экономии товарнокапиталистического общества неприменимы к условиям экономики СССР) вызывает и иные методы исследования, как например иные пределы абстракции.

Подчеркивая то, что «теория советского хозяйства» является теоретической экономической дисциплиной, следует постоянно иметь в виду необходимость соответствующей ее конкретизации, что выражается: 1) в изучении производственных отношений в условиях определенной страны, именно СССР; 2) в том, что «теория советского хозяйства», исследуя быстро трансформирующееся хозяйство, должна в значительной степени конкретизировать изучение динамики процесса воспроизводства; 3) в том, что «теория советского хозяйства», изучая единый процесс воспроизводства в СССР, в то же время не может не анализировать его своеобразие на отдельных участках, поскольку пределы абстракции при изучении советского хозяйства иные, чем при изучении товарнокапиталистического (трехсекторная модель), и наконец 4) теория советского хозяйства, изучая плановое хозяйство, не может не быть непосредственно связана с практикой социалистического строительства. Теория советского хозяйства не только не изучает «трансформационного процесса вообще» (как смену «организационных» форм), но и процесса построения социализма вообще, а процесса построения социализма в конкретных условиях СССР. Имея своим объектом специфические производственные отношения СССР, теория советского хозяйства изучает имманентные законы их движения, специфические законы обобществления хозяйства СССР. Естественно, что этот процесс обобществления немислим вне процесса индустриализации.

Процесс обобществления в СССР «осуществляется через механизм планового руководства хозяйством. На разных этапах и разных участках народного хозяйства оно принимает различные формы, меняется механизм его осуществления».

Единство процесса воспроизводства в СССР, включающего все народное хозяйство в сферу планового руководства, отнюдь не исключает различий в роли и формах плана в тех или иных звеньях единой цепи воспроизводства. Точно так же специфичность, качественная определенность советской экономики, ограничивающая ее от других хозяйственных форм, отнюдь не исключает существенных различий в пределах того же качества на различных этапах. Все эти различия и должны изучаться теорией советского хозяйства с особой тщательностью.

Таким образом для теории советского хозяйства необходим тщательный анализ на основе марксистско-ленинской методологии богатейшего конкретного материала динамики хозяйства СССР, поскольку «задачей» теории советского хозяйства является не столько выявление общих закономерностей всего переходного периода, сколько изучение трансформации экономики по этапам.

Эта концентрация внимания на особенностях того или иного этапа не должна однако приводить к отрицанию «общих закономерностей» хозяйства СССР. Разумеется, что эти «общие закономерности», или вернее общие черты, не существовали «вообще» вне тех модификаций, которые планирование претерпевало на различных этапах.

Отметив необходимость соответствующей конкретности для «теории народнохозяйственного планирования СССР» и опасность

чрезмерной абстрактности, злоупотребляющей поисками «общих закономерностей», следует однако не упускать из виду и другой опасности.

Та степень конкретизации, в «теории народнохозяйственного планирования», о которой шла речь, не должна затуманивать грань между этой дисциплиной и более конкретными дисциплинами по советской экономике. Это привело бы к некоторой вульгаризации теоретического изучения хозяйства СССР, к уклону в чрезмерный эмпиризм. Следует подчеркнуть, что «теория народнохозяйственного планирования» должна быть центральной теоретической дисциплиной о советском хозяйстве, являющейся основным методологическим источником для остальных дисциплин о советском хозяйстве.

Основные принципы экономической политики реально имеют место лишь в их конкретизации в отдельных отраслях хозяйства (промышленность, сельское хозяйство, обращение и т. д.). Естественно, что курс «теории народнохозяйственного планирования» должен дополняться соответствующими более конкретными дисциплинами, изучающими под тем же углом зрения отдельные отрасли хозяйства. Подобно тому, как неизбежно слияние курса «основ экономической политики», «теории советского хозяйства» и «общей теорией планирования хозяйства СССР», точно так же неизбежно и слияние соответствующих отраслевых дисциплин в «теорию планирования» той или иной отрасли (или «теорию социалистической реконструкции» этой отрасли).

Так например курс «промышленной политики СССР» неотделим от курса «экономики промышленности в СССР» и от курса «методологии планирования промышленности в СССР» — курс «аграрной политики в СССР» неотделим от «экономики сельского хозяйства в СССР», курс «финансовой политики в СССР» от «теории денег, кредита, бюджета в СССР» и от «теории финансового плана» и т. д.

Каждая экономическая проблема в СССР должна изучаться под углом зрения планирования, выявления объекта планирования, целевой установки, метода планирования.

Дисциплины, изучающие экономическую политику (и тем самым экономику) отдельных отраслей, конкретизируют те положения, те закономерности, которые устанавливает «теория советского хозяйства». Последняя изучает «народнохозяйственные проблемы», например она не изучает специально проблемы себестоимости в промышленности, а процесс ценообразования в СССР, хотя, естественно, что материал о ценообразовании в промышленности (как и в сельском хозяйстве, как и на транспорте, и в сфере обращения, и т. д.) ею привлекаются; она не изучает специально вопросов банковской практики, но изучает природу кредита в СССР, увязывая это изучение с изучением всей системы категорий советской экономики (процесс «обращения», цена, деньги, система воспроизводства, распределения и т. д.). Она не изучает специально вопросов организации торгового аппарата, но изучает процесс трансформации товарооборота в плановый продуктообмен в связи с трансформацией всех категорий, в связи с процессом индустриализации и обобществления. Необходимо далее провести грань между «теорией планирования» и историей советского хозяйства.

То, что «теория планирования» должна с особой тщательностью изучать процесс трансформации советской экономики, еще отнюдь не снимает необходимости в особой динамике экономики СССР». Если для первой «историческая точка зрения» вытекает из необходимости познать природу, сущность трансформирующихся

ся хозяйственных категорий СССР, то наука о «динамике народного хозяйства СССР» имеет своей важнейшей задачей систематизацию огромного исторического материала, основанную на подробном описании и детальном анализе всех основных моментов хозяйственного процесса независимо от того, в какой степени имеют те или иные моменты значение для выявления природы хозяйственного механизма СССР.

Для «теории советского хозяйства» конкретно-описательный материал является средством к познанию категорий советской экономики и их трансформации.

Курс «Динамики народного хозяйства СССР» должен включить и изучение перспектив развития хозяйства (например пятилетки, генплана). Естественно, что курс динамики промышленности, финансов, сельского хозяйства, транспорта и т. д. является дополнением для соответствующей плановой отраслевой дисциплины (о них речь шла выше). Выделение специального курса «динамики хозяйства СССР» в вузах еще очевидно преждевременно.

Признавая, что нет ни чисто «теоретических» дисциплин, ни чисто «описательных» наук (деление на чисто «идеографические» описательные и чисто «номографические» — теоретические науки), признавая, что систематизация материала требует определенных теоретических предпосылок, мы, однако, не можем «валить в одну кучу» дисциплины, носящие более абстрактный и более конкретный характер.

Удельный вес, роль собирания и систематизации фактов для разных дисциплин различна. Марксизм решительно выступил против попыток придать политической экономии более описательный характер и тем самым лишить ее возможности выявлять основные тенденции развития капитализма. Эти тенденции развития политическая экономия изучает, применяя абстрактный метод к конкретному материалу, собираемому и систематизируемому помимо нее.

Не следует «топить» «теорию народнохозяйственного планирования» в море исторических фактов, в цифровом материале, в описании организационных форм и юридических актов. Невольно вспоминается бесплодность существовавшей до сих пор дисциплины «экономическая политика СССР», преподававшейся в вузах. Эта дисциплина представляла собой «универмаг», где было изложение огромного статистического материала, декретов, постановлений, юридических актов, истории хозяйственных форм в СССР, основ политграмоты и т. д.

Следует подчеркнуть, что опасность «описательно-формально-юридического уклона» в «теории планирования» чрезвычайно актуальна. Вспомним установки ряда школ и авторов в политической экономии, обвинявших Маркса, широко пользовавшегося мощным орудием познания основных тенденций капитализма — абстрактным методом, обвинявших его в «схоластике», «абстрактности» и т. д. Вспомним роль исторической школы с ее разветвлениями, вульгарных экономистов, заменявших анализ основных тенденций капитализма описанием поверхностных явлений и составлением «экономических рецептов» для «деловых кругов». Вспомним уж к стати и тех наших «советских экономистов», которые пытались заменить теоретическое изучение природы советского хозяйства поисками «эмпирических закономерностей». Разве эти «эмпирические закономерности» имеют что-нибудь общее с анализом специфических качественных отличий социально-экономической структуры СССР, определяющих ее своеобразные «возможности» и «потребности», и разве мыслимо вскрыть эти качественные черты таким эмпирическим путем? Разве для

этого теоретического изучения советской экономики пригодна наука, занимающаяся и подбором и систематизацией исторического материала, и изучением организационных форм планирования, и рационализацией системы показателей, изучением механизма процесса воспроизводства? Это будет чем-то вроде «всеобщей организационной науки о СССР».

Даже прения по моему докладу выявили, что этот уклон в «эмпиризм» в применении к теории советского хозяйства очень силен. Я усиленно подчеркиваю, что отнюдь не следует ослаблять, а наоборот нужно во много раз усилить изучение богатейшего интереснейшего конкретного материала по экономике СССР. «Теория планирования» не сможет развиваться без постоянного притока этого сырья (для нее), составляющего продукт этого изучения. Но весь вопрос, как и где изучать этот материал, — и это не пустой спор. Это вопрос о предмете и методе «теории народнохозяйственного планирования», т. е. это наиболее жизненный для нее вопрос. Маркс, разумеется, не возражал против систематизации огромного материала по истории капитализма, но он решительно боролся против того, чтобы политическая экономия потонула в этой систематизации, и его «Капитал» построен как известно на иных началах. Так не строилась и не строится марксистская политическая экономия. Некоторые товарищи (одни более затушеванно, другие — более открыто) выступали против самостоятельной теории советского хозяйства.

Один из выступающих дошел до того, что отрицал возможность теории советского хозяйства как самостоятельной дисциплины.

Кое-кто в прениях отрицал возможность предвидения развития закономерностей экономики СССР на законный вопрос, «как строить социализм без «теории советского хозяйства», следовал невнятный ответ насчет «учета опыта масс». Что означало бы для ленинизма, для советской власти — для социалистического планирования, если бы дело обстояло именно так. Кого повторяли эти товарищи, объективно стоящие за «самотек» в планировании. Прежде всего проф. Кондратьева с его теорией, отрицающей возможность предвидения закономерностей развития общества. Разве это марксистское понимание закономерностей общественного развития? Разве это марксизм, вскрывающий основные тенденции развития, или это плоский «эмпиризм», плывущий по поверхности явлений и вырабатывающий патентованные средства «эмпирических» закономерностей для «деловых кругов». Некоторые товарищи смешивают два момента: бесплодность, недиалектичность, схоластичность абстрактного метода, не опирающегося на богатый конкретный материал, не примененного к анализу конкретики, с одной стороны, и опасность ухода от теории, от абстрактного метода — с другой.

Совершенно правильно, что одни лишь «методологические изыскания» в отношении советской экономики вырождаются в схоластику.

Неправильно, что не следует на известном этапе исследования заниматься общими методологическими проблемами советского хозяйства, неправильно, что не следует строить «теорию народнохозяйственного планирования» как теоретическую экономическую дисциплину, изучающую категории советского хозяйства.

Одно дело — теоретическое изучение особых закономерностей планового хозяйства СССР, специфичности производственных отношений, а другое дело — проблема рационализации техники построения конкретных планов, техники их оформления, орга-

низации планового воздействия. Если в первом случае в основе изучения лежит прежде всего содержание плана (направление распределения, качественные и количественные сдвиги в распределении), то во втором случае — техника его оформления. Одно дело познать природу процесса индустриализации в СССР, а другое дело — построить совершенную систему показателей, наиболее полно отражающих этот процесс.

Совершенно бесспорно, что изучение природы плана, как особого по форме и содержанию производственного отношения, и изучение техники оформления планов, — две хотя и связанные между собой, но достаточно четко различающиеся дисциплины. Вторая из них носит более «конкретный», более «прикладной» характер. В связи с этим следует различать теорию народнохозяйственного планирования от более конкретной дисциплины «организации и систематики планирования» или «техники планирования».

Наука «об организации и систематике планирования» имеет чрезвычайно широкий объект для изучения. Сюда относятся: 1) организация системы плановых органов, организация работ по составлению и осуществлению плана, по учету, по наблюдению за ходом его выполнения; 2) детальная классификация видов планирования, определение взаимосвязи между ними; места различных видов плана в системе планирования: роль генплана, пятилетки, контрольных цифр, квартальных планов, месячных, декадных планов и т. д., роль отраслевого, территориального и синтетического планирования оперативного, текущего, перспективного планирования (эти проблемы в общей постановке входят и в предмет «теории планирования»); 3) проблема планового комплекса приемов планирования, техники построения планов; 4) система показателей при составлении планов; методы исчисления и установления коэффициентов; 5) методы наблюдения за ходом выполнения плана (наблюдение за «конъюнктурой» хозяйства в условиях СССР)¹.

Совершенно бесспорно, что относительно «прикладной» характер этой дисциплины отнюдь не исключает теоретического анализа; с другой стороны, так же бесспорно, что упомянутые проблемы не могут быть обойдены «теорией народнохозяйственного планирования», но «угол зрения» при их изучении там иной.

Курс «теории народнохозяйственного планирования», изучая производственные отношения в СССР в их своеобразии, не может углубленно изучать проблему рациональной организации аппарата плановой системы. Изучая процесс воспроизводства в СССР, он не может обойти элементы народнохозяйственного баланса, но это отнюдь не совпадает с углубленным анализом проблемы рационализации системы показателей, хотя эта проблема не может быть разрешена без определения характера процесса воспроизводства в СССР, своеобразной постановки проблемы «народнохозяйственного баланса» в СССР. Точно так же следует отличать изучение природы «конъюнктурных колебаний» и «конъюнктуры» в СССР от изучения проблемы рационализации способов улавливания «конъюнктурных колебаний», способов наблюдения за ходом выполнения планов, хотя эта работа по рационализации немислима без соответствующих методологических предпосылок, даваемых «теорией планирова-

¹ Этот курс, в котором делается ударение на приемах составления планов, на детальном изучении системы плановых органов, системы коэффициентов, желательно проходить путем практических занятий (задачи по монтировке конкретных планов).

ния» Естественно, что курс «организации и систематики планирования» не может не изучать своих проблем в историческом разрезе, напр. развитие методов планирования, техники построения планов, различных видов планирования. Под этим углом зрения необходим анализ плана ГОЭЛРО, отраслевых планов, бюджетов, промфинпланов, контрольных цифр, пятилетки, наметок генплана.

Эта работа не отделена китайской стеной от работы над этими же планами со стороны «теории народнохозяйственного планирования» (об этом мы скажем ниже), но «угол зрения» там иной (изучение производственных отношений, а не техники построения конкретных планов).

В дальнейшем возможно выделение специальной дисциплины — «История планирования» (пока об этом говорить еще рано), которая сосредоточит свое внимание на систематизации огромного исторического материала по планированию, займется детальным анализом проблемы методов построения планов на разных этапах. Работа созданного при нашем Институте экономических исследований так называемого «Истплана» уже выявляет известную потребность в этой дисциплине.

Конкретизацией «теории народнохозяйственного планирования» является наука «о районной организации хозяйства», являющаяся по типу близкой к экономической географии СССР (объектом которой является анализ хозяйственной структуры СССР и производительных сил в районном разрезе).

Наука о районной организации хозяйства трактует о проблеме районирования, оптимального планового размещения хозяйства в специфических условиях СССР, давая конкретный анализ проблемы организации районных комплексов.

Каков же предмет «теории народнохозяйственного планирования», этой центральной теоретической дисциплины, изучающей советское хозяйство?

Ее предметом является, как мы уже отметили, изучение производственных отношений «переходного периода» в условиях СССР, в их возникновении, развитии, завершении. Специфические условия СССР, не лишая экономику СССР характера переходной к социализму, вместе с тем создают такие своеобразия, такие модификации в экономических закономерностях, которые требуют специального изучения (техничко-экономическая отсталость, капиталистическое окружение, роль стихии в крестьянской стране, наличие рабочего государства с «бюрократическим извращением», имеющим огромное социальное значение, коренящимся в социальных причинах, влияние всех этих моментов на характер процесса воспроизводства, на проблему темпа, пропорциональности, на систему распределения и т. д.). Таким образом, эта дисциплина исследует следующие проблемы:

1. Общие методологические установки для изучения советской экономики, народнохозяйственного планирования в СССР.

2. Основной закон движения хозяйства (классовые отношения, формы борьбы плана и стихии, процесс индустриализации и обобществления, механизм процесса воспроизводства). Общий анализ производственных отношений, взаимосвязи секторов, проблема так называемого «регулятора» хозяйства (неотделимая от анализа производственных отношений в их динамике). Общая характеристика отдельных этапов развития хозяйства СССР.

3. Система рычагов планового руководства народным хозяй-

ством в их трансформации на отдельных этапах (формы проявления народнохозяйственного плана, роль рыночных форм, процесс натурализации хозяйства, плановое производство через систему управления и через посредство косвенного регулирования, процесс преодоления рыночных отношений, рычаги народнохозяйственного плана и развитие классовой борьбы, роль процесса обобществления и индустриализации в трансформации плана, финансовый и «материальный» план, проблема оптимума в сочетании рычагов планирования).

4. Природа цены, цена как форма народнохозяйственного плана, процесс ценообразования в СССР (политика цен, производственные и рыночные условия и цена, роль социальных, классовых взаимоотношений; влияние денежного обращения, финансовой системы и мирохозяйственных связей; цена как рычаг планирования и как форма проявления стихийных тенденций, ее влияние на процесс производства, на рыночные условия, на денежное обращение, на финансовую систему, на внешнеторговые связи. Анализ системы цен. Роль цены в системе плановых рычагов и трансформация цены на отдельных этапах. Цена как качественный показатель. Цена как способ учета. Методология социалистического учета и система цен. Процесс натурализации и цена.

5. Основы финансовой политики, природа денежно-кредитной и финансовой систем, как орудий планирования и как выражений стихийных тенденций. Деньги как форма проявления народнохозяйственного плана. Трансформация денег в СССР, функции денег, проблема курса и покупательной силы, роль золота, проблема инфляции. Процесс натурализации и деньги. Природа кредита в условиях СССР, его роль в процессе воспроизводства; кредит как форма распределения. Природа бюджета в СССР. Взаимосвязь системы денежного обращения, кредита и бюджета в условиях СССР. Проблема единого финансового плана.

6. Основные проблемы процесса воспроизводства в СССР. Проблема пропорциональности развития и народнохозяйственного баланса в условиях планового руководства хозяйством, проблема бескризисности развития, природа диспропорций и хозяйственных трудностей, проблема пропорциональности в связи с трансформацией классовых отношений; особенности процесса индустриализации в СССР, реконструкция производительных сил и формы индустриализации в СССР, роль электрификации, проблема планового районирования и штандорта в специфических условиях СССР, тип индустриализации, проблема темпа и особенности хозяйства СССР, проблема лимитов и резервов, проблема накопления и потребления.

7. Проблема трансформации классовых отношений и распределений. Проблема планирования социальных отношений. Плановое обобществление, его формы, взаимосвязь индустриализации и обобществления. Трансформация мелкого товарного производства в крупное социалистическое. Проблема ликвидации капиталистического сектора. Капиталистическое накопление в условиях народнохозяйственного плана пролетарской диктатуры. Проблема хозяйственных стимулов. Система распределения народного дохода в СССР. Категория «заработной платы», «прибавочной стоимости», «прибыли», «земельной ренты» и производственные отношения в СССР.

8. Борьба двух систем.

Проблема влияния мирового капитализма на хозяйство СССР. Природа хозяйственной связи СССР и мирового капитализма. Перспективы развития СССР. Проблема «догнать и перегнать».

Изучение всех этих проблем проводится, естественно, и в историческом разрезе.

Каждая категория советской экономики изучается в своем развитии по этапам. Период «от Октября до военного коммунизма», «от начала военного коммунизма до нэпа», «восстановительный период до осуществления денежной реформы», «от денежной реформы до реконструктивного периода», «начальный этап реконструктивного периода» (1926—1929 гг.), «новый этап» (1929 г. и далее), — все это означает различные этапы в развитии этих категорий. Естественно, что период «военного коммунизма» изучается лишь «постольку», «поскольку» это требуется для понимания развития категорий в условиях нэпа, в частности «нового этапа». В связи с изучением природы советского хозяйства на отдельных этапах его развития (что неотделимо от выявления роли планирования на этих этапах), необходимо уделить соответствующее внимание таким проблемам, как проблема плана «ГОЭЛРО», «контрольных цифр», «пятилетки», «генплана». Нечего добавлять, что их изучение должно вестись лишь по линии раскрытия их основного классового содержания основных установок и системы рычагов для их осуществления. Здесь не следует вдаваться в детальный анализ элементов этих планов, техники их построения.

«Теория народнохозяйственного планирования» изучает эти планы при изучении производственных отношений в СССР главным образом как способ познания последних.

Естественно, что «теория народнохозяйственного планирования», изучая природу плана и его рычагов, должна уделить внимание таким проблемам, как «генетики» и «телеологии» в планировании, цепной связи в плане, взаимосвязи и роли различных видов планирования, «количества и качества» в плане, организационных проблем плана. Критика буржуазных и мелкобуржуазных установок в планировании должна в известной степени охватить и их приемы планирования.

Так мыслятся нам контуры системы основных плановых дисциплин.

Резюме председательствующего С. Г. Струмилина.

В докладе есть целый ряд дискуссионных моментов. Но все же я нахожу, что точка зрения, которую защищал и отстаивал здесь т. Гатовский, является стройной, последовательно выдержанной и ее вполне правильно можно выставить, как ту рабочую гипотезу, от которой можно отправляться в наших дальнейших исследованиях. И лишь дальнейший анализ данных нашей конкретной экономики позволит внести в эту гипотезу необходимые поправки и уточнения.

Отдел II

Проблемы мирового хозяйства

С. А. Фалькнер

Народный доход современной Германии и его социально-экономическая структура¹

Одиннадцать лет, истекших со времени окончания мировой войны, отчетливо размежевываются для капиталистической Европы на два почти равновеликих отрезка времени по 5½ лет каждый. Рубежами, которые их отграничивают, являются две схемы так наз. «ликвидации» некоторой части наследия мировой войны, которые по имени американских суперарбитров в европейских распрях получили исторические наименования плана Дауэса и плана Юнга.

Однако эти две капиталистические пятилетки отмежевываются не только формальными моментами указанных международных соглашений, но и являются в действительности этапами в послевоенной эволюции Европы и всего мирового хозяйства.

Материалы, опубликованные в ряде стран в течение последнего времени, позволяют подвести некоторые итоги истекшей эволюции и найти обобщающие коэффициенты для их выражения.

С самого начала однако приходится поставить вопрос о критериях, с которыми мы подойдем к анализу и оценке хозяйственных процессов этого времени.

Говоря наиболее обще, можно утверждать, что если для первого пятилетия таким критерием универсального значения был довоенный уровень капиталистического хозяйства², то для второй только что закончившейся пятилетки им может быть лишь темп экономического развития.

С другой стороны, если в первое пятилетие социальные и экономические сдвиги имели относительно преходящее значение и в известной степени непосредственно вызывались разрушениями мировой войны, то показатели социально-экономической структуры народного дохода и богатства второго пятилетия имеют уже более или менее устойчивое значение для характеристики общих динамических сдвигов в системе капиталистического хозяйства, являющихся длительным наследием эпохи мировой войны.

¹ Печатаю интересную работу С. А. Фалькнера, насыщенную большим фактическим материалом, редакция считает необходимым отметить отсутствие в ней марксистской трактовки вопроса и особенно критики анализируемых в статье работ разных авторов.

² Итоги первой пятилетки подведены нами в статье «Народный доход Англии, Франции и Германии» в «Плановом хозяйстве» № 12 за 1925 и № 2 за 1926 гг.

Именно поэтому вопросы народного дохода и богатства приобретают ныне особый интерес и привлекают к себе всеобщее внимание во всех важнейших странах капиталистического Запада¹.

1. Предвоенный объем народного дохода

В виду отсутствия в довоенной Германии достаточно развитой статистики производства (промышленного и сельскохозяйственного) дела с исчислением народного дохода обстояли достаточно скверно.

Единственным пригодным материалом являлись данные подоходного обложения, которые и были использованы для этой цели К. Гельфферихом в его работе о благосостоянии Германии, которая приобрела мировую известность².

Согласно общей методике исчислений по так наз. субъективному методу, или «по получателям дохода», к данным подоходного налога о доходах всех обложенных им лиц приходится делать ряд поправок и добавлений, а именно:

а) за счет преуменьшенных показаний о доходах и уклонения части цензитов от декларирования их;

б) за счет включения доходов лиц, освобожденных по закону от налога, и в частности среди них особенно важной и обширной группы лиц, чей доход ниже так наз. налогового минимума;

в) за счет доходов предприятий, не распределенных между отдельными соучастниками или совладельцами их;

г) за счет доходов публично-правовых корпораций, которые по самой природе своей не подлежат распределению между отдельными лицами, а непосредственно затрачиваются на те или иные нужды.

В итоге ряда расчетов К. Гельфферих определяет сумму народного дохода Германии в 1913 г. в размере около 43 млрд. марок.

Непосредственным материалом для него однако служили данные лишь по одной Пруссии, среднюю душевую норму которой он распространяет на всю Германию, увеличивая полученный итог на 63%.

При этом и по Пруссии материалами подоходного налога в 1913 г. были учтены доходы лишь 25.26 тыс. чел. при населении в 40.752 тыс.³, т. е. лишь 62%.

Процент учтенного дохода конечно выше, ибо неучтены доходы наиболее бедных слоев населения, лежащие ниже налогового минимума в 900 марок в год. При общем исчисленном доходе физических лиц в 22.939 млн. марок доход, учтенный налоговыми материалами, составляет 16.262 млн.⁴, т. е. около 71% итога.

¹ Теоретических вопросов, связанных с этими категориями, мы в дальнейшем касаться не будем, ибо им мы недавно посвятили две специальные работы, помещенные в «Социалистическом хозяйстве» за 1929 г.: «Понятие народного дохода и его элементы» (в № 4) и «Понятие народного богатства и его элементы» (в № 5), к которым и отсылаем читателей.

² К. Helfferich. Deutschlands Volkswohlstand 1888—1913. Berlin, 1913—1917 (7 изданий).—Русское изд.: К. Гельфферих. Развитие народного хозяйства Германии с 1888 по 1913 г. Перевод под редакцией и с предисловием С. А. Фалькнера. Москва, 1920 г.

³ К. Гельфферих, русское изд., стр. 77.

⁴ Там же, стр. 81.

«Плановое хозяйство» № 4.

Вместе с тем К. Гельфферих с самого начала делает ошибку в дате, к которой относится его исчисление. Пользуясь материалами обложения на 1913/14 г., он фактически оперирует данными 1912 г., хотя относит их к 1913 г. Если произвести пересчет его цифр по данным этого последнего, то итог повышается с 43 до 45 млрд. марок.

Хотя итоговые цифры К. Гельффериха за отсутствием других исчислений в течение ряда лет почти не оспаривались, после войны, в период тяжелого хозяйственного кризиса и затяжных переговоров с Антантой о репарациях 1919—1924 гг., в Германии проявлялась тенденция еще понижать эту базисную оценку для того, чтобы показать ограниченность ресурсов страны.

Так напр. Мориц Эльзас в конце 1923 г. в статье, помещенной в английской печати, говорит о предвоенном доходе Германии в 40-41 млрд.¹ Сам К. Гельфферих в 1924 г. в статье, помещенной в лондонском „Statist'e“ и лишь годом позже воспроизведенной в Германии, начинает с предвоенной цифры в 43 млрд., а кончает снижением ее до 42 млрд.² Наконец германский рейхсканцлер Лютер весной 1924 г. говорит уже только о 37½ млрд., как о «цифре, которая обычно принимается статистиками»³.

Политические мотивы таких понижений предвоенных цифр совершенно ясны.

С другой стороны, у иностранцев была некоторая тенденция повышать довоенную цифру К. Гельффериха. Так напр. Г. Фиск, сопоставляя данные о народном доходе и богатстве всех важнейших стран, принимает по Германии 1913 г. цифру в 44 млрд.⁴

В конце 1926 г. в английской и французской печати циркулирует для 1914 г. цифра в 11,9 млрд. долл.⁵, что составляет 49.980 млн., или кругло 50 млрд. марок.

После войны предвоенный доход Германии подвергся двукратному пересчету в работах Э. Роговского и Э. Вагеманна.

Первый, следуя в общем по путям К. Гельффериха и строя все исследование народного дохода по персональному методу, привлеч весьма значительное количество вспомогательных материалов и показателей, стремясь всячески уточнить каждый элемент расчета. Один только переход от данных 1912 г., которыми пользовался К. Гельфферих, к данным 1913 г. повысил общий итог с 43 до 45 млрд. Исчисляя затем ряд элементов в двух предельных вариантах—минимальном и максимальном,—Э. Роговский определил в результате для 1913 г. народный доход Германии в 45.090—50.180 млн. марок с вероятной средней около 48 млрд.⁶

При этом, производя детальный расчет только по Пруссии, он прибавляет за счет остальных частей страны лишь 60% вместо 63% у Гельффериха.

¹ Moritz Elsas. The economic position.—„Economist Monthly Supplement“ 22 December 1923, № 7.

² K. Helfferich. Volksvermögen, Volkseinkommen und Steuerlastelast und jetzt.—„Weltpolitik und Weltwirtschaft“ № 1, Januar 1925, S. 14. См. также „Statistik“, London, 1924.

³ „The Economist“, London, 5 April 1924.

⁴ Harvey Fisk. The interallied debts. New York, 1924.

⁵ Edmond Bouchery. Fardeau comparé des charges fiscales dans quelques-uns des grands pays du monde.—Economie Européenne № 26, Des. 1926.

⁶ Erich Rogowski. Das deutsche Volkseinkommen. Berlin, 1926, S. 78

Сопоставление исчислений Э. Роговского и К. Гельффериха, пересчитанных на 1913 г., по отдельным элементам дает картину, представленную в таблице 1.

Народный доход Германии в 1913 г.
(в млн. марок)

Таблица 1

Источники народного дохода	Исчисление К. Гельффе- риха в пере- счете на 1913 г.	Исчисление Э. Роговского	
		минималь- ное	максималь- ное
А. Народный доход Пруссии			
1. Доходы свыше 3.000 марок	} 17.430	7.670	7.670
2. Доходы от 900 до 3.000 марок		9.760	9.760
3. Доходы ниже 900 марок	5.990	5.500	6.500
4. Освобожденные от налога и имеющие льготы	580	1.090	1.410
5. Нераспределенные прибыли предприятий	280	500	610
6. Преуменьшение доходов в декларациях	1.740	1.920	3.460
7. Премия по страхованию жизни	—	340	380
8. Взносы больничных касс	1	310	340
9. Сальдо доходов социального страхования	1	190	200
10. Чистый доход общественных предприятий	1	1.210	1.340
Народный доход Пруссии	26.020 ²	28.490	31.670
Вычет чистого дохода железных дорог ³	—	820	820
А. Остается доход Пруссии	—	27.670	30.850
В. Доход других частей Германии равен 60% дохода Пруссии	—	16.600	18.510
Доход публичных предприятий и учреждений	2.500	—	—
С. Народный доход Германии	45.000	45.090	50.180

Э. Роговский производит также и некоторые приближенные расчеты для определения довоенного дохода на нынешней территории Германии и приходит к итогу в 40.080—44.490 млн. марок с вероятной средней в 42½ млрд.⁴

Это на 11—11½% меньше итога по старой территории.

В виду существенности вопроса с этим интересно сопоставить некоторые более ранние оценки потерь Германии по Версальскому миру.

К. Гельфферих в цитированной выше статье принимает сокращение дохода «в силу территориальных потерь на контингенте

¹ Включено в предпоследнюю строку: доход публичных предприятий и учреждений.

² Только индивидуальные доходы в Пруссии.

³ Доход прусских железных дорог вычитается Э. Роговским с той мотивировкой, что для всей Германии нельзя ожидать такой же высоты доходов. Однако даже если бы это было правильно, вычет дохода железных дорог из суммы доходов по Пруссии является безусловно недопустимым, ибо без него итог, который именуется в таблице „народным доходом Пруссии“, оказывается неправомерным.

⁴ E. Rogowski. Цит. соч., стр. 100-101.

и за океаном» в 20%¹. Последняя прибавка «за океаном» имеет повидимому чисто декоративное значение, ибо народный доход колонии никогда не включался в народный доход Германии или какой-либо другой метрополии. Доход же от инвестиций в колониях, поступающий в метрополию, уже вычтен К. Гельфферихом по другой рубрике. Вообще же он совершенно незначителен по сравнению с доходом от инвестиций в других странах, ибо доля инвестиций в собственных колониях составляет по нашим подсчетам около 2,2% всех внешних помещений германских капиталов².

Дж. М. Кейнс оценивал влияние территориальных потерь на народный доход в Германии в 15% последнего³.

Автор этих строк, сопоставляя ряд наиболее существенных показателей, как-то: сокращение территории на 13½% с Саарской областью и на 13% без нее, населения на 11 и 10%, численности промышленного пролетариата на 8,5 и 7,3%, сельскохозяйственного населения на 14 и 13%, — оценивал понижение народного дохода и богатства Германии в силу территориальных потерь нормой не свыше 12% с Саарой и 11% без нее⁴.

Нынешнее исчисление Э. Роговского, несмотря на его большую приближенность, как мы видим, чрезвычайно близко подходит к нашей оценке.

II. Социально-экономическая структура предвоенного дохода

Однако работа Э. Роговского, базируясь преимущественно на данных налогового обложения, не дает и не может дать никакого представления ни об экономической, ни о социальной структуре народного дохода. Задачу выявления их ставит новое исчисление нынешнего руководителя германского статистического ведомства и конъюнктурного института Эрнста Вагеманна. Опубликованное пока лишь в виде предварительной схемы в качестве выдержки из большой специальной работы, оно дает лишь весьма округленные итоги и не содержит никаких методологических указаний о материалах и принципах расчета⁵.

Несмотря на то, что в схеме расчленения суммы на отдельные элементы очень много спорного и сомнительного, она представляет большой интерес именно потому, что дает скрещивающееся сочетание основных экономических и социальных рубрик (см. таблицу 2).

Среди «приобретательских» отраслей („Erwerbszweige“) народного хозяйства Э. Вагеманн различает: 1) созидательные («конструктивные»); 2) распределительные («дистрибутивные») и 3) служебные («министративные»).

К первым он относит сельское хозяйство, промышленность и доход, получаемый из-за границы.

Во вторую группу попадают транспорт, торговля и домовладение, которое Э. Вагеманн именует «жилищным промыслом» („Wohn-gewerbe“) и уподобляет по своей экономической природе торговле.

¹ К. Helfferich. Volkvermögen, Volkseinkommen und Steuerlast einst und jetzt. — „Weltpolitik und Weltwirtschaft“ № 1, Januar 1925.

² Работа пока не опубликована. — Оценка Е. Sternberg. Der Imperialismus. Berlin, 1926, S. 494. — определяющего ее в 1%, явно преуменьшена.

³ J. M. Keynes. Die Revision des Friedensvertrags. Berlin, 1923.

⁴ С. А. Фалькнер. Народное имущество и доход современной Германии. „Внешняя торговля“ № 9 и 10 от 5 и 12 марта 1923 г. — Его же. Экономические основы плана Дауза. „Плановое хозяйство“ № 1 за 1925 г.

⁵ Исчисление приведено у E. Wagemann. Konjunkturlehre. Berlin, 1928, S. 28—31.

К третьей группе относятся домашняя прислуга, военная служба, общественная служба и свободные профессии.

К этой классификации нужно сделать по крайней мере три существенных замечания:

а) прежде всего отнесение к числу созидательных отраслей хозяйства дохода, получаемого из-за границы оптом без всякого расчленения, имеет явно условный характер и по существу неверно, ибо большая часть внешних инвестиций капитала размещается не в производстве, а в транспорте, товарообмене и пр.¹ Вообще гораздо целесообразнее было бы не включать дохода из-за границы ни в одну из 3 основных групп, а выделить в самостоятельную рубрику, противопоставив сумме остальных, как «внешний» доход «внутреннему»;

б) далее методологически неприемлемо включение доходов домовладения, даже если считать и именовать его особым «промыслом», в исчисление народного дохода в том виде, как это проводится у Вагеманна, т. е. в сумме одних только оплачиваемых деньгами пользований жилыми и прочими строениями. В результате специального исследования этого нелегкого вопроса² мы пришли к выводу, что если рассматривать народный доход как универсальный показатель народного благосостояния, или, иначе, как суррогат народнохозяйственного баланса, то в него нужно включить оценку всех пользований долговременными объектами, в том числе и всех оплачиваемых или неоплачиваемых пользований домами. Если же рассматривать народный доход как коррелят текущих поступлений или сумму вновь создаваемых ценностей, то доход от пользований нельзя включать совсем, поскольку он не оплачивает никакой хозяйственной деятельности. Но во всяком случае возможно что-либо одно: или включение или невключение в подсчет оценки всех пользований домами как оплачиваемых, так неоплачиваемых деньгами. Ибо момент денежной оплаты является совершенно гетерогенным существу хозяйственной деятельности и не может быть критерием ее отграничения;

с) наконец нельзя признать правильным отношение к сумме народного дохода и оплаты военной службы. В этом случае одна только мобилизация может значительно повысить такое исчисление народного дохода, ибо она в несколько раз увеличивает численность людей, получающих жалованье от государства за несение военной службы. В действительности же акт мобилизации сразу понижает реальный народный доход страны, ибо отрывает значительные массы людей от производительного труда, оплачивая их за счет повышения налогов, заключения займов. Далее: при сравнении двух стран с равным объемом продукции и пр. одна может оказаться богаче другой только потому, что у нее гораздо более высокий процент населения призван под ружье.

Нужно сказать, что внесение этих поправок, отчасти нейтрализующих друг друга, имеет существенное значение для анализа структуры народного дохода, но мало изменило бы общий итог, исчисленный Э. Вагеманном.

Еще более своеобразным является его социальное деление дохода. Здесь Э. Вагеманн различает два основных вида — доход от труда и доход от имущества. Первая категория («Arbeitseinkommen») делится на два подвида: во-первых, заработную плату рабочих

¹ Этот вопрос детально исследован нами в работе: „Экономическое назначение внешних инвестиций“, печатающейся в № 3 „Социалистического хозяйства“ за 1930 г.

² С. А. Фалькнер. Понятие народного дохода и его элементы в № 4 „Социалистического хозяйства“ за 1929 г.

и служащих и, во-вторых, так назыв. „Leistungseinkommen“, т. е. буквально «доход от деятельности», куда попадет весь доход от труда и предприимчивости всех предпринимателей как крупных, так и мелких (крестьяне, ремесленники и пр.).

Доход от имущества он также пытается разбить на две части: с одной стороны, доход, «конкретно проявляющийся в виде процентов на капитал, к которым мы относим также и дивиденды», и с другой — «излишки, которые счетно должны быть причислены как выручка от собственного капитала, работающего в предприятии». Первый Э. Вагеманн именует «вещным», а второй — «рентным доходом».

Все это деление, изложенное столь обрывочно, представляется не только чрезвычайно расплывчатым, но и весьма искусственным по своей природе, ибо оно лишь затуманивает социальные взаимоотношения основных классовых группировок.

С этой точки зрения гораздо ценнее и плодотворнее было бы оставить во второй рубрике только доход самостоятельных мелких производителей, совсем или почти не пользующихся наемным трудом, а доход крупных предпринимателей выделить отсюда и объединить с четвертой рубрикой — так наз. «рентным доходом» от имущества, который очевидно может быть противопоставлен «вещному до-

Таблица 2

Структура народного дохода Германии в 1913 г.
(по исчислению Э. Вагеманна; в млрд. марок)

Отрасли хозяйства	Трудовой доход		Имуществен. доход		Всего
	Зарплата рабочих и служащих *	Доход от деятельн. предпринимателя	вещный	рентный	
I. Совидательные („конструктивные“) отрасли					
1. Сельское хозяйство	4,4	2,0	1,04	1,6	9,0
2. Промышленность	14,0	3,0	1,0	2,0	20,0
3. Иностранные вложения.	—	0,3	0,5	0,5	1,3
Итого	18,4	5,3	2,5	4,1	30,3
II. Распределительные („дистрибутивные“) отрасли					
1. Транспорт	2,8	0,2	1,3	0,2	4,0
2. Торговля	2,3	2,2	1,5	0,5	5,5
3. Домовое хозяйство	0,1	0,4	1,0	2,5	4,0
Итого	4,7	2,8	2,8	3,2	13,5
III. Служебные („министративные“) отрасли					
1. Домашняя прислуга	0,5	—	—	—	0,5
2. Военная служба	1,0	—	—	—	1,0
3. Общественная служба и свободные профессии	3,5	—	—	—	3,5
Итого	5,0	—	—	—	5,0
Всего	28,1	8,1	5,3	7,3	48,8

ходу» лишь по признаку активного участия собственника в капиталистическом использовании его имущества в отличие от пассивного предоставления его за проценты активному предпринимателю.

Если же считать существенным и интересным выделение «рентного дохода» на ряду с предпринимательской прибылью в узком смысле, то последнюю во всяком случае нужно поставить рядом с ним как категорию, наиболее близкую и родственную, а не соединять ее в одну рубрику с совершенно отличным по его экономической природе доходом самостоятельного мелкого производителя. В составе такого дохода элемент вознаграждения за предприимчивость совершенно ничтожен, трудовой же доход явно играет решающую роль. В целом ряде случаев даже больше: весь доход таких мелких производителей, особенно крестьян, бывает ни же средней зарплаты наемного рабочего, так что «предпринимательская прибыль» здесь превращается в «перманентный дефицит». Иными словами в этих случаях таким группам приходится оплачивать из своего трудового дохода право на самостоятельность и «предприимчивость»!

С другой стороны, доходы свободных профессий правильнее было бы объединить не с зарплатой, а с доходами мелких производителей, с которыми они наиболее сходны.

При этой явно искаженной группировке материала нам приходится для его анализа лишь суммировать оба вида дохода от имущества и противопоставить сумму этих произвольно расчлененных рубрик первой — сумме зарплат рабочих и служащих и заработка лиц свободных профессий. Анализируя в таком аспекте таблицу 2, мы можем выделить следующие наиболее важные моменты.

А. 1. В общей сумме народного дохода Германии, полученного из источников, находящихся в самой стране (т. е. без дохода, поступающего из-за границы), на долю производственного дохода, т. е. сельского хозяйства и промышленности, приходится 29,0 из 47,5 млрд. марок, или 61 % общего итога.

Это больше, чем в Соединенных Штатах, где, судя по исчислению «Национального бюро экономических исследований», эта доля равна кругло 50 % ¹.

В новом исчислении того же института доля производственных отраслей даже снижается для 1913 г. до 42 % ².

Если не считать некоторых различий в объеме и методике исчисления, то более высокая доля производственных отраслей в народном доходе Германии является повидимому следствием ее более низкого уровня благосостояния. Ибо одна из основоположных закономерностей экономического развития заключается не в пропорциональном, а прогрессивном росте доли нематериальной деятельности в общей сумме народного труда и потребления, а значит и в понижении доли производственного труда при росте народного дохода.

То же измерение может быть выражено в форме соотношения дохода от производственных и непроизводственных отраслей 29,0 : 18,5 = 1,59, которые можно назвать нормой или коэффициентом материализации народного дохода.

¹ National Bureau of Economic Research. Income in the United States. 1909—1918. Vol. I. New York, 1921, а также С. А. Фалькнер. Соединенные Штаты в мировом хозяйстве. Москва, 1926 г., стр. 64.

² M. A. Copeland. The National Income and its Distribution.—„Recent Economic Changes in the United States“. Report of the Committee... of the Presidents Conference on Unemployment. Vol. II. New York, 1929, p. 775.

2. В пределах производственного комплекса на долю сельского хозяйства приходится 9 млрд. марок, или 31%, тогда как промышленность, горная и обрабатывающая, дает 29 млрд., или 69% общего итога. Это соотношение, 9 : 20, или 69 : 31 = 2,23, можно считать лучшим показателем уровня индустриализации предвоенной Германии, который заслуживает быть названным нормой или «коэффициентом индустриализации страны».

Вычисляя такой же коэффициент для Соединенных Штатов по первому исчислению указанного Бюро (в 1921 г.), мы найдем, что при доходе в 1913 г. сельского хозяйства в 5.877 млн. долл., а горной и обрабатывающей промышленности — в 11.688 млн. доля первого в совокупном производственном доходе равна 33,4%, а второй — 66,6%, или почти точно $\frac{2}{3}$.

При таком соотношении наш коэффициент индустриализации для Соединенных Штатов 1913 г. будет равен $66,6 : 33,4 = 1,99$.

По новому исчислению 1929 г. доход как от сельского хозяйства, так и от промышленности определяется для 1913 г. более низкими цифрами в 5.243 и 10.000 млн. долл.¹, но соотношение между ними меняется лишь незначительно, так что коэффициент индустриализации равен 1,91. Это значит, что уровень индустриализации Германии накануне войны был выше, чем в Америке. Это покажется совершенно естественным, если вспомнить, что Соединенные Штаты не только были в то время, но остаются и теперь одной из важнейших стран аграрного экспорта, тогда как Германия была и осталась одним из важнейших импортеров сельскохозяйственных продуктов. При таких условиях можно удивляться лишь тому, что разница в пользу Германии между полученными нами коэффициентами 2,23 и 1,91 оказывается столь незначительной.

3. Доля «распределяющих» отраслей хозяйства в общем итоге внутреннего дохода равна 9,9%, а доля «служебных отраслей» — 10,5%, из коих на армию и флот приходится ровно $\frac{1}{5}$, или 2,1% всего внутреннего дохода.

4. Наконец, доход из-за границы дает прибавку к внутреннему доходу в 2,74%, или составляет 2,63% всего народного дохода.

Б. Переходя к анализу социальной структуры народного дохода, мы видим:

1. В промышленности доля зарплаты рабочих и служащих равна 14 млрд. из 20, т. е. составляет 70%. В доходе сельского хозяйства она равна 4,4 из 9,0 млрд., или 49%. Довольно значительная сумма дохода от предпринимательской деятельности в 2,0 млрд., или 22,2%, является здесь не чем иным как доходом крестьянства, который почти целиком заполняет собою эту рубрику.

В транспорте доля зарплаты составляет 57,5%, в торговле — 40,8%. Предельные соотношения мы находим, с одной стороны, в домохозяйстве, где на зарплату падет лишь 2,5%, и с другой — в так называемых служебных отраслях, где она поглощает все 100%.

2. Доля дохода от самостоятельной деятельности «предпринимательского дохода» по классификации Э. Вагеманна наиболее высока в торговле — 40,0%, что явно объясняется значительным объемом мелкой розничной и мельчайшей торговли (торговля

¹ Цифру по сельскому хозяйству мы получаем, прибавляя к 5,0 млрд., значащимся в цитируемой работе М. Сопеланд (таблица 7, стр. 775), 243 млн. доходов от городских садов, птицы и нефермерских коров, которые включены в группу «разных» (там же, стр. 812). Цифра по промышленности включает горную и обрабатывающую промышленность и строительство.

в разнос и пр.), за ней идет сельское хозяйство с 22,2% и промышленность (ремесленники, кустари) — с 15%. В домовом хозяйстве она понижается до 10%, в транспорте — до 5% (извозчики, шоферы-собственники и пр.) и наконец в доходах из-за границы исчисляется в 23,1%.

Простое сопоставление этих цифр ясно показывает, что в эту рубрику включается не столько предпринимательская прибыль в обычном смысле, сколько трудовой заработок мелких самостоятельных производителей и торговцев.

3. Наконец доля имущественного дохода, которую мы берем как сумму последних рубрик, наиболее высока в домохозяйстве — 78,8%, затем идет транспорт — 37,5%, в сельском хозяйстве — 28,9%, в торговле — 18,2% и в промышленности — 15%. В доходе из-за границы она составляет 76,9%.

В общих итогах доля первого социального раздела, который можно назвать чисто трудовыми доходами (зарплата плюс заработок свободных профессий), составляет 59,2% - всего внутреннего народного дохода. Доля второго раздела, который приходится назвать предпринимательско-трудовым, составит 16,4%, а третьего — дохода от имущества — 23,7%.

При расчете в отношении ко всему доходу, включая поступления из-за границы, доля первого раздела несколько понизится — до 57,6%, тогда как доля второго и третьего разделов повышается до 16,6 и 25,8%.

Чрезвычайно интересно сравнить эти показатели с соответствующими данными по Соединенным Штатам.

В первом из цитированных исследований «Национального бюро» доля наемного труда в общей сумме народного дохода определяется для 1913 г. в 55,6%. Колебания по отраслям однако чрезвычайно велики — от 13,4% в сельском хозяйстве до 73,4% в горной и 74,5% в обрабатывающей фабрично-заводской промышленности¹.

В новом исчислении даются доли трех основных рубрик: наемного труда — 53%, предпринимательской прибыли (куда также включается доход всех мелких самостоятельных производителей) — 22% и имущества — 25%².

Как мы видим, доля имущественного дохода почти точно совпадает с германской (25 и 23,7%). Лишь доля предпринимательско-трудового дохода здесь выше, чем в Германии — 22% против 16,4%, а доля чисто трудового дохода наоборот ниже — 53% против 59,2%.

Эти различия целиком объясняются, во-первых, более низким уровнем индустриализации и значит. более высокой ролью сельского хозяйства в Америке и, во-вторых, тем, что в Германии в число чисто трудовых доходов попадают и доходы свободных профессий, тогда как в Соединенных Штатах в этой группе находятся лишь доходы наемного труда, а свободные профессии по видимому относятся по аналогии с мелкими самостоятельными производителями в группу предпринимательско-трудовую.

Но замечательно, что если мы возьмем данные 1925 г., то мы увидим дальнейшее сближение американ-

¹ „Income in the United States, Its Amount and Distribution 1909–1918“, Vol. I, p. 92.

² М. Сопеланд, loco cit., p. 767.

ских коэффициентов с германскими. В результате наше сопоставление дает такую картину:

Таблица 3

Социальная структура народного дохода Германии и САСШ
(в процентах к итогу)

Группы доходов	Германия	САСШ	
	1913 г.	1913	1925
1. Чисто трудовые	59,2	53	57
2. Предпринимательно-трудовые	16,4	22	20
3. Имущественные	24,4	25	23
Все доходы	100,0	100,0	100,0

III. Предвоенные темпы роста народного дохода

Таковы данные, которыми, несмотря на их приближенность и методологические дефекты, можно охарактеризовать объем и структуру народного дохода предвоенной Германии.

Но как развивался и рос этот доход? Какие темпы экономического прогресса можно принять за базу для измерения нынешних послевоенных темпов?

В отличие от ряда других стран Германия не может похвастаться изобилием не только каких-либо детальных исчислений, но и хотя бы наиболее суммарных оценок народного дохода в предвоенное время.

Если не считать некоторых расчетов М. Мэлькола, то единственными цифрами, заслуживающими внимания для всей Германии в целом, являются следующие ¹:

Таблица 4

Оценка народного дохода Германии

Годы	Авторы оценки	Сумма в млн. марок
1895	G. Schmoller	25.000
1895	M. May	25.387
1895	K. Helfferich	23.500
1900	M. May	31.165
1908	A. Steinmann-Bucher	35.000
1913	K. Helfferich	43.000
1913	E. Rogowski	48.000
1913	E. Wagemann	48.800

О последних трех цифрах мы уже говорили. Из предшествующих исчислениями являются только цифры Р. Мая. Все же и цифры Г. Шмоллера, и Р. Мая на 1895 г. в 25 млрд. марок, и оценка

¹ Кроме цитированных работ см. G. Schmoller. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, Bd. II, Leipzig, 1904, S. 426 etc. R. E. May. Das deutsche Volkseinkommen im Jahre 1900. „Jahrbücher für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im D. R.“, 1903, S. 195. A. Steinmann-Bucher. 350 Milliarden deutsches Volkseinkommen, Berlin, 1909. Его же. Das reiche Deutschland. Berlin, 1914. Его же. Deutschlands Volkseinkommen im Kriege. Stuttgart, 1916.

А. Штейнман-Бухера на 1908 г. в 35 млрд. довольно хорошо соответствуют исчислению К. Гельффериха в 43 млрд. для 1913 г. Сам К. Гельфферих, применяя свой метод расчета для 1896 г., получает сумму в 23,5 млрд. марок.

Аналогичный расчет по довольно простой в общем схеме К. Гельффериха был недавно произведен под руководством В. Винклера для ряда других довоенных лет и дал следующий динамический ряд ¹:

Таблица 5

Динамика народного дохода Германии
(исчисленного по методу К. Гельффериха)

Годы	Численность населения	Сумма народного дохода	
		всё (в млрд. марок)	на душу населения (в марках)
1896	52.279.901	23,5	450
1901	56.367.178	28,4	503
1906	61.475.000	32,5	530
1911	65.731.000	40,2	613
1912	66.546.000	41,5	625
1913	67.372.000	43,5	645

Гораздо более основательным и ценным является исчисление народного дохода Саксонии, произведенное Э. Фурманном в год начала мировой войны ². Благодаря большому богатству саксонской статистики ³ Э. Фурманн имел возможность исчислить сплошные динамические ряды за время с 1880 по 1911 г. (до 1900 г. через год, а позже за каждый год в отдельности) благодаря чему его работа является единственной в своем роде на всем континенте Европы.

При рассмотрении исчислений Э. Фурманна нужно, однако, иметь в виду, что соотношение фундированного, т. е. имущественного, и нефундированного, т. е. трудового, дохода, исчисляется Э. Фурманном в некоторых существенных элементах в достаточной мере условно на основании ориентировочных и притом постоянных коэффициентов. Поэтому длительная тенденция падения доли имущественного дохода, проявляющаяся здесь, отражает собою не изменение долей в классовом распределении, а только процесс индустриализации страны с его ростом удельного веса наемного промышленного труда и падением веса сельскохозяйственного и мелкособственнического труда и дохода.

Но что значат эти или предшествующие ряды цифр? Каково реальное экономическое значение этих номинальных показателей в эпоху быстрого роста мирового уровня цен?

¹ W. Winkler. Volkseinkommen. „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, 4 Aufl., Bd. VIII, Jena, 1928, S. 749.

² E. Fuhrmann. Das Volksvermögen und Volkseinkommen des Königreichs Sachsen. Leipzig, 1914.

³ Его уже ранее пользовался для тех же целей ряд авторов. См. в особенности S. Schott. Der Volkswohlstand im Königreich Sachsen. Leipzig, 1890. Würzburger. Die sächsische Einkommensteuerstatistik als Masstab für die Beurteilung der Einkommensverhältnisse. „Zeitschrift des sächsischen statistischen Landesamtes“, 1904, S. 1 ff., и особенно не упоминаемую Э. Фурманном работу его прямого предшественника H. Tarnke. Die Entwicklung des Gesamteinkommens im Sachsen von 1878—1898. „Zeitschrift für Sozialwissenschaft. B. III. 1900, S. 205.

Сам К. Гельфферих относится к этому вопросу настолько поверхностно, что невольно возникает вопрос о сознательном желании преувеличить хозяйственный рост Германии и тем порадовать обожаемого монарха Вильгельма II, к 25-летию юбилею царствования коего написана его работа, а заодно и привести в трепет грядущих врагов. Он прямо утверждает, что «следовательно за последние 17 лет увеличение общего дохода достигает 83%, а увеличение среднего дохода на душу населения — почти 44%»¹, и склонен повидимому принять эти коэффициенты за реальные.

Даже будучи вынужденным в конце все же мимоходом заявить, что «остаётся открытым вопрос, не понизилась ли ценность денег в течение времени, которое мы рассматриваем», и, указывая, что «в пользу последнего предположения особенно часто аргументируют ссылкой на всеобщее понижение цен», К. Гельфферих по существу отвечает на этот вопрос отрицательно. «Это дало бы, — пишет он, — некоторую поправку к приведенным выше цифрам, величину которой однако нельзя было точно установить. Но эта поправка была бы во всяком случае весьма скромной и не смогла бы затушевать существенные черты описанного развития»².

Проходит мимо этого вопроса также и Э. Фурманн, который полагает, что исчисленная им доля народного дохода, идущая на потребление, даёт «точное выражение для развития жизненного уровня и народного благосостояния»³.

Рост этого жизненного уровня исчисляется им для периода с 1880 по 1911 г. в 75%, «причем однако нужно еще учесть понизившуюся за это время ценность денег»⁴.

Никаких попыток определить меру этого понижения и он не делает.

Между тем как известно период с 1895 по 1913 г. характеризуется бурным ростом мирового уровня цен. По существующим оптовым индексам это повышение составляет:

в Соединенных Штатах	+49,5%
в Англии	+40,0%
во Франции	+41,5%
в Германии	+41,0%

Иными словами это как-будто означает, что рост цен сводит почти на-нет все экономическое развитие Германии в течение последних 17 лет перед войной. Ибо если по расчету К. Гельффериха с 1896 по 1913 г. народный доход на душу населения возрос на 44%, а цены повысились на 41%, то весь реальный рост за период сведется к 3,2%, или совершенно микроскопической величине в среднем за год.

Такой вывод со всей возможной категоричностью и делает напр. С. Н. Прокопович в своей новой книге⁵. Раньше тот же автор исчислял душевой рост за все 17 лет даже только в 2,1%⁶.

¹ К. Гельфферих. Цит. соч. стр. 73.

² Там же, стр. 97.

³ E. Fühmann. Цит. соч., стр. 37.

⁴ Там же, стр. 29. «Повышение жизненного уровня, — поясняет он в другом месте, — не следует понимать так, что население теперь живет в 1 3/4 раза счастливее, чем в 1880 г... Вследствие понижения ценности денег за ту же самую сумму нельзя приобрести ровно (!) столько же, сколько 30 лет тому назад» (стр. 37-38).

⁵ С. Н. Прокопович. Народный доход западно-европейских государств. Москва. 1930 г., стр. 45.

⁶ С. Н. Прокопович. О народном богатстве. «Русский экономический сборник». Вып. I. Прага. 1925 г., стр. 40.

В действительности этот вывод нужно признать столь же ошибочным, как и вывод К. Гельффериха о росте в 44%, с возможной небольшой поправкой на изменение ценности денег.

Таблица 6

Динамика народного дохода Саксонии
(по исчислению Э. Фурманна)

Годы	Доход в млрд. марок		Доля фондированного дохода в %	Динамика дохода		Весь народный доход в млрд. марок
	фондированный	нефондированный		фондированного	нефондированного	
1880	0,48	0,50	49,4	100,0	100,0	0,98
1882	0,51	0,57	48,4	105,8	109,7	1,06
1884	0,54	0,60	47,7	112,3	119,8	1,14
1886	0,58	0,66	46,6	118,9	132,6	1,24
1888	0,61	0,73	45,3	125,0	147,1	1,34
1890	0,67	0,83	44,5	137,4	166,9	1,50
1892	0,70	0,89	44,1	144,1	178,1	1,58
1894	0,72	0,95	43,2	149,3	190,3	1,67
1896	0,75	1,04	42,2	155,7	208,6	1,79
1898	0,82	1,18	41,0	169,7	237,2	2,00
1900	0,88	1,33	39,9	182,2	267,6	2,21
1901	0,89	1,38	39,2	183,2	276,3	2,26
1902	0,90	1,39	39,2	184,9	279,7	2,29
1903	0,91	1,42	39,0	187,1	283,9	2,33
1904	0,90	1,47	37,9	185,1	295,2	2,37
1905	0,91	1,52	37,4	187,0	306,2	2,43
1906	0,94	1,58	37,1	193,2	318,4	2,52
1907	0,97	1,67	36,7	200,8	336,6	2,65
1908	1,01	1,79	36,2	207,5	358,9	2,80
1909	1,05	1,86	36,2	211,7	373,5	2,91
1910	1,09	1,94	36,1	215,7	389,0	3,03
1911	1,14	2,04	36,0	236,2	409,2	3,18

Как мы показали уже в другом месте при анализе экономического развития Соединенных Штатов, Англии и Франции за 65—75 лет, индексы оптовых цен не могут применяться для пересчета и соизмерения народного дохода разных периодов¹. Структура цен народного дохода совершенно иная, чем структура индексов оптовых цен, и применение их для этой цели ничего кроме ошибок, дать не может. Имеющиеся индексы оптовых цен включают почти исключительно сельскохозяйственное и промышленное сырье, которое обладает максимальной колеблемостью среди всех группировок цен.

Но как же определить тогда реальный темп роста дохода Германии в предвоенный период?

Лишь один немецкий автор попытался дать ответ на этот вопрос. Но его работа, появившаяся в самый момент объявления мировой войны, оказалась погибшей не только для всей мировой, но даже и для немецкой литературы вопроса, где ныне нельзя найти ни единого ука-

¹ С. А. Фалькнер. Темп роста народного дохода важнейших стран. «Социалистическое хозяйство» № 1 за 1928 г.

зания на нее. Между тем она представляет большую ценность и потому на ней нужно остановиться несколько подробнее.

Работа А. Фридманна¹ имеет целью сравнить уровень благосостояния населения Пруссии только в два момента времени, разделенные 20-летним промежутком — в 1891 и 1911 гг.

Проделанная со скрупулезной тщательностью всюду, где имеются хоть какие-либо числовые основания для определения искомым величин, она включает все же и ряд оценок для тех элементов расчета, которые не поддаются чисто статистическому определению. Вместе с тем стремление к наивозможной точности часто загромождает работу детальными исчислениями, утомительными для восприятия, которые в конечном итоге дают лишь микроскопические результаты.

Основной порядок расчетов А. Фридманна сводится к следующему. Как и ряд его предшественников, он пользуется данными налоговой статистики для определения суммы доходов у цензитов с доходом свыше 900 марок. Для определения среднего дохода лишь с низшим доходом он пользуется материалами гораздо более богатой налоговой статистики Саксонии и исчисляет его по Пруссии для 1892 г. в 520 марок, а для 1912 г. — в 585 марок (стр. 6-7).

Общая сумма доходов всего населения тогда оказывается равной (стр. 11):

	1892 г.	1912 г.
Численность населения (в тыс.)	30.337	40.740
Сумма доходов (в млн. марок)	10.281	21.140
На душу населения (в марках)	338,9	518,9

Средний доход на душу населения возрастает таким образом на 53,1%.

Однако данные налогового обложения безусловно неточны в силу преуменьшения показаний цензитов об их доходах. Наиболее вероятные поправки (с учетом повышающейся точности обложения) доводят средний доход до 407,0 марок в 1892 г. и 588,4 марок в 1912 г., что дает рост в 44,6% (стр. 15).

Дальнейшую поправку А. Фридманн вводит за счет вычета государственных и коммунальных налогов (прямых), которые составляют 11,4 и 22,8 марки на душу населения, так что условно чистый доход составляет 395,6 и 565,6 марки в 1891 и 1911 гг.², что дает рост на 43%.

За этим следует детальнейшее исчисление изменений стоимости жизни, причем в расчет кроме продовольствия включается также стоимость квартиры, освещения, отопления, одежды, мебели, домашней утвари, прислуги и пр.³. Повышение стоимости жизни определяется автором за весь период в 15,7% (стр. 34).

Наибольший интерес с методологической точки зрения представляют однако две дальнейшие поправки, которые вводит автор в целях максимального уточнения своих расчетов. Его целью является определение роста за исследуемый период не народного дохода (о нем он даже не упоминает на протяжении всей работы), а личного

благосостояния населения. Для этого очевидно нужно элиминировать из полученных цифр все элементы, которые, отражая известные объективные сдвиги в системе народного хозяйства и в частности рост суммы вырабатываемых ею ценностей, не ощущаются отдельным индивидом как рост его благополучия. С другой стороны, нужно включить в итог все показатели роста такого благополучия, хотя бы они и вызывались не объективным ростом суммы хозяйственных ценностей, а субъективно лучшим использованием меняющихся элементов внешней обстановки, лучшим приспособлением к ней.

Конкретно в работе А. Фридманна имеется попытка учесть влияние на уровень благосостояния, с одной стороны — перелива населения из деревни в город, а с другой — изменения структуры бюджета в условиях неравномерного роста цен на разные предметы потребления.

В процессе урбанизации населения его благосостояние очевидно меняется не на всю сумму роста его дохода, ибо возрастают также и его расходы: «стоимость жизни» в городе выше, чем в деревне. А. Фридманн определяет эту разность в 30% (стр. 36). А так как за время с 1891 по 1911 г. в города переселилось примерно 12% населения, то в конце этого периода требовалось 2,4% всей суммы доходов всего населения только для того, чтобы покрыть эту разницу (стр. 37).

«Поэтому, — пишет он, — все потребление 1891 г. было в 1911 г. дороже не на 15,7%, как мы раньше вычисляли, а на 18,5%» (стр. 38).

При росте номинального дохода на 43,0% это означает, что реальный доход возрос лишь на 21,0%.

Однако вздорожание отдельных элементов расходного бюджета населения было весьма неравномерным. Хлеб вздорожал на 8—11% (ржаной и пшеничный), свинина — на 13%, говядина — на 29%, молоко и масло — на 20%, водка — на 30%, квартирная плата — на 16%, одежда и белье — на 20—30%, мебель и утварь — на 10—15%, прислуга — на 35%. С другой стороны, сахар подешевел на 25%, а кофе — на 8% (стр. 34 и 38). Неравномерность вздорожания вызывает изменения в структуре потребления с тенденцией заместить более дорогие продукты более дешевыми. Однако более детальный расчет убеждает автора, что в целом это может дать увеличение реального дохода лишь еще на 1% за весь период.

Рост реального благосостояния за 20 лет составит в этом случае 22%, а среднее вздорожание жизни (обратным расчетом от 43%-ного роста номинального дохода) — 17,2% (стр. 39).

Наконец, поскольку А. Фридманн вначале вычел из дохода сумму прямого обложения, он хочет в конце учесть и стоимость бесплатных услуг населению со стороны общественных учреждений и организаций (народное образование, здравоохранение, пути сообщения, благотворительность и т. д.). Он исчисляет их на душу населения в 35 марок в начале и в 73 марки в конце периода (стр. 51).

Но по какому индексу пересчитывать их реальное возрастание? Этот вопрос автор оставляет открытым, указывая лишь, что жалование чиновников повысилось с 1891 по 1911 г. примерно на 20% (стр. 50).

По поводу методологии А. Фридманна можно было бы сделать ряд замечаний.

Так например с точки зрения исследования народного дохода можно было не вычитать из общей суммы прямых налогов и не прибавлять бесплатных услуг. Не следовало бы также вычитать 2,4% за счет вздорожания жизни в процессе перемещения части населения

¹ A. Fridmann. Die Wohlstandsentwicklung in Preussen von 1891 — 1911. „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“. III Folge, Bd. 48, Juli 1914.

² В действительности речь идет именно о 1891 и 1911 гг., а не о 1892 и 1912 гг., ибо ставки налогового обложения определяются по данным о доходах предшествующего года.

³ Для элиминирования специфических условий 1891 г. (неурожай) цены на хлеб берутся средние за трехлетие 1890—1892 гг.

из деревни в город. Экономическая природа этого «вздорожания» совершенно иная, чем при обычном росте цен. Урбанизация населения как известно является показателем роста благосостояния, а не понижения его, а рост расходов для перемещающейся части населения означает рост заработков для другой стационарной части его, ибо он разлагается на увеличение работы транспорта, торговли, строительства и пр. — с одной стороны, и увеличение городской ренты — с другой.

Но все такие поправки имеют лишь второстепенное значение и не могут существенно изменить основных коэффициентов. Норма прироста народного благосостояния, исчисленная А. Фридманом для двадцатилетия 1891—1911 гг. в размере около 1% на душу населения в год, остается весьма близкой к истине и может считаться наилучшим из всех существующих показателей роста и народного дохода.

Пожалуй наиболее существенным нужно считать лишь следующее. Эпоха 1891—1911 гг. включает два экономически совершенно различных периода мирового капиталистического развития — период падения мирового уровня цен до 1896 г. и роста мирового уровня цен в последующее время.

Как показывает опыт других стран, первый период совпадает с периодом быстрого роста благосостояния и реального дохода во всех передовых капиталистических странах, второй — с резким замедлением его.

Поэтому и по отношению к Германии можно думать, что если бы был взят период не с 1891 по 1911 г., а с 1895/96 по 1913 г., то норма прироста была бы несколько ниже исчисленного, — примерно около 0,8% в год.

Сопоставляя ту норму с исчисленными нами в другом месте коэффициентами по Соединенным Штатам, Англии и Франции¹, мы получим следующую картину темпов роста народного дохода важнейших стран в последнем периоде перед мировой войной:

1. Соединенные Штаты	1900—1910 гг.	+ 1,05%	на душу
2. Англия	1895—1903 „	+ 0,57%	„ „
3. „	1903—1913 „	+ 0,67%	„ „
3. Франция	1895—1911 „	— 0,05%	„ „
4. Германия	1895—1913 „	+ 0,80%	„ „

Эти соотношения и были в конечном счете основной причиной быстрого перемещения разрезом и направлений международной борьбы, которые неудержимо влекли капиталистическое хозяйство к мировой войне: стагнация экономического развития старых капиталистических лидеров Англии и Франции перед лицом все более опережавших их Германии и Соединенных Штатов.

(Окончание следует)

¹ Цит. статья в № 1 „Социалистического хозяйства“ за 1928 г.

Кризис сельского хозяйства Франции

Послевоенная Франция, присоединившая к себе по Версальскому договору Лотарингию с железными рудниками, Саарскую область с каменноугольными копями, Эльзас с калийными рудниками, переоборудовавшая и расширившая свою промышленность за счет германских репараций, — быстро индустриализируется и трансформируется из аграрно-промышленной страны в страну промышленно-аграрную.

Чтобы получить представление о том, насколько быстро совершается этот процесс трансформации Франции, достаточно указать на значительное падение численности сельского населения страны и на большую недовосстановленность и даже сокращение в отдельные годы посевных площадей по ряду культур при большом росте промышленного производства в стране.

По переписи населения 1921 г. удельный вес сельского населения Франции составлял 53,6%, а по последней переписи 1926 г. он составил лишь 50,9%, при этом сельское население уменьшилось не только относительно, но и абсолютно: в 1921 г. оно равнялось 21.004 тыс. чел. (из 39.209 тыс. всего населения), а в 1926 г. оно равнялось лишь 20.759 тыс. (из 40.743 тыс. всего населения). За период 1921—1926 гг. сельское население Франции уменьшилось на 245 тыс. чел., в то время как городское население Франции увеличилось за этот период на 1.779 тыс. чел. Нет сомнений, что в настоящее время сельское население Франции составляет уже меньше половины всего населения страны.

Продукция крупной промышленности Франции достигла в 1929 г. (в среднем за год) 140% от довоенной (включая для сопоставимости в данные 1913 г. продукцию Эльзаса и Лотарингии), а посевные площади, как указывалось выше, не только недовосстановлены, но даже по некоторым культурам в последние годы показывали сокращение.

Годы	Пшеница		Ячмень		Овес	
	Тыс. га	%	Тыс. га	%	Тыс. га	%
1913	6.328,5	100,0	760,2	100,0	3.979,2	100,0
1924	5.511,9	87,1	714,3	94,0	3.494,8	87,8
1925	5.613,8	88,7	698,7	91,9	3.479,6	87,5
1926	5.249,3	82,9	690,5	90,8	3.511,5	88,2
1927	5.287,1	83,5	706,9	93,0	3.457,6	86,9
1928	5.243,3	82,9	710,5	93,5	3.503,3	88,0
1929	5.159,5	81,5	750,0	98,7	3.506,6	88,1

Выше (стр. 209) мы приводим данные о динамике посевных площадей по главнейшим хлебам ¹.

Как видим в 1929 г. площадь под пшеницей составляет лишь 81,5% довоенной, под ячменем—98,7% и под овсом—88,1%. В действительности недовосстановленность посевных площадей несколько выше, так как статистика сельского хозяйства Франции не включает в 1913 г. данных по Эльзасу и Лотарингии, присоединение которых увеличило территорию Франции на 2,7%.

Площадь под основным, главнейшим продуктом — пшеницей, занимающей наибольшую сельскохозяйственную территорию, начиная с 1925 г. с колебаниями, но все же показывает тенденцию к сокращению, в 1929 г. она сократилась особенно заметно: с 5.243,3 тыс. га в 1928 г. до 5.159,5 тыс. га в 1929 г., т. е. на 83,9 тыс. га, или 1,5%.

Отметим также состояние площадей и по другим более или менее важным культурам. Площадь под кукурузой составила в 1928 г. лишь 74,5% от довоенной и при этом сократилась в 1928 г.; она равнялась 341,3 тыс. га в 1928 г., 348,6 тыс. га—в 1927 г. и 458,4 тыс. га—в 1913 г. Площадь под картофелем также не только недовосстановлена, но и показала сокращение в 1928 г.: в 1913 г. она составила 1.548 тыс. га, в 1927 г.—1.497 тыс. га, а в 1928 г.—лишь 1.464 тыс. га. Таким образом площадь под картофелем равнялась в 1927 г. 96,7% от довоенной, а в 1928 г.—лишь 94,6% довоенной. Площадь под сахарной свеклой составила в 1928 г. лишь 95,3% довоенной (237,9 тыс. га в 1928 г., 238,7 тыс. га в 1927 г. и 249,4 тыс. га в 1913 г.).

Площадь под виноградом достигла довоенных размеров лишь в 1927 г. Она равнялась 1.550,3 тыс. га в 1913 г., 1.576,7 тыс. га—в 1927 г. и 1.589,0 тыс. га—в 1928 г. Таким образом площадь под виноградом превышает в 1928 г. довоенную лишь на 0,8%; в действительности превышение не имеет места, так как в площадь 1913 г. не включены, как уже говорилось выше, данные по Эльзасу и Лотарингии.

Что касается скотоводства, то и оно в целом еще недовосстановлено. Только стадо крупного рогатого скота достигло в 1927 г. довоенных размеров (14,7 млн. голов в 1913 г., 14,4 млн. голов в 1926 г. и 14,9 млн. голов в 1927 г.). Количество лошадей составило в 1927 г. лишь 90,8% от довоенного (2,9 млн. голов в 1927 г. против 3,2 млн. голов в 1913 г.). Стадо овец составило в 1927 г. лишь 66,2% от довоенного (10,7 млн. голов в 1927 г. против 16,1 млн. голов в 1913 г.). Стадо свиней составило в 1927 г. лишь 91,5% от довоенного (6,0 млн. голов в 1927 г. против 7,0 млн. голов в 1913 г.).

Перечисляя все эти отрицательные показатели состояния сельского хозяйства в послевоенной Франции, следует отметить, что со стороны урожайности в то же время наблюдаются довольно значительные прогрессивные явления. Приведем сопоставление сборов последних лет по важнейшим культурам со сборами 1913 г., как это делает французская статистика сельского хозяйства, оговорив при этом, что урожай 1913 г. был несколько выше среднего.

¹ „Bulletins de l'Office de Renseignements Agricoles“.

С б о р ы

Г о д ы	Пшеница		Ячмень		О в е с	
	Тыс. квинт.	%	Тыс. квинт.	%	Тыс. квинт.	%
1913	86.919,0	100,0	10.437,6	100,0	51.826,0	100
1924	76.525,1	88,0	10.471,7	100,2	44.348,6	85,6
1925	89.904,8	103,4	10.267,8	98,4	47.558,0	91,8
1926	63.077,4	72,6	9.983,7	95,7	52.852,3	102,0
1927	75.150,4	86,5	10.957,5	105,0	49.827,3	96,1
1928	76.554,0	88,1	11.072,6	106,1	49.387,9	95,3
1929	87.053,3	100,2	12.850,4	123,1	57.443,8	110,8

Как видим, сборы 1929 г. превышают сборы 1913 г.: по пшенице—на 0,2%, по ячменю—на 23,1% и по овсу—на 10,8%. Но надо сказать, что урожай 1929 г. исключительно высокий и является рекордным за последние четыре года.

Приведем данные о динамике урожайности с гектара по этим же культурам:

У р о ж а й н о с т ь (в квинталах)

Г о д ы	Пшеница	Ячмень	Овес
1913	13,7	13,7	13,0
1924	13,9	14,7	12,7
1925	16,0	14,7	13,7
1926	12,0	14,5	15,1
1927	14,2	15,5	14,4
1928	14,6	15,6	14,1
1929	16,9	17,1	16,4

Урожайность последнего—1929 г. (правда, как уже отмечалось, выдающегося года) превышает урожайность 1913 г. (несколько превышающую среднюю довоенную) на 23,4% по пшенице, на 24,8% по ячменю и на 26,2% — по овсу.

Повышение урожайности объясняется главным образом большим ростом потребления во Франции химических удобрений, о чем свидетельствует следующая таблица (в тыс. т) ²:

Г о д ы	Сульфат-аммоний (азотное удобр.)	Суперфосфат	Калийные соли
1913	96,3	1.900,0	130,0
1927	354,0	1.954,2	491,1
1928	374,0	2.110,0	634,3

Особенный рост показало потребление калийных солей, возросшее против довоенного почти в 5 раз. Затем по росту потребления следует сульфат-аммоний (увеличение почти в 4 раза). Потребление суперфосфата дало незначительный рост. Здесь сказывается, следует думать, разница в изменениях послевоенных цен. В то время как цена в золоте на хлористый калий (калийная соль) и в особенности цена на сульфат-аммоний значительно ниже довоенной, стоимость суперфосфата превышает довоенную. Это видно из сравнения следующих

² Annuaire Lambert. Statistique des Engrais et Produits Chimiques. Paris, 1929

индексов оптовых цен во Франции на эти удобрения в декабре 1929 г. (при базе—1913 г.=100):

	Оптовый индекс
Сульфат-аммоний	338
Хлористый калий	400
Суперфосфат	580

Так как современный франк содержит золота в 5 раз меньше, чем довоенный, то цена сульфат-аммония составляет в золоте лишь 67,6% довоенной, цена хлористого калия—лишь 80%, а цена суперфосфата—116% довоенной.

Вернемся теперь к отрицательным, кризисным явлениям во французском сельском хозяйстве. Каковы причины недовосстановленности посевных площадей и скотоводства и даже падения посевных площадей по некоторым культурам в последние годы? Основной причиной кризисного состояния сельского хозяйства послевоенной Франции является быстрая индустриализация страны в условиях специфического для Франции крайне медленного естественного роста населения. Далее следует указать на конкуренцию заокеанских стран, импортирующих во Францию довольно значительные количества хлеба, и наконец наличие «ножниц».

Для иллюстрации степени индустриализации Франции укажем, что она занимает второе (после Германии) место в Европе по производству чугуна, что в 1928 г. она опередила Англию по производству стали и заняла здесь второе (после Германии) место в Европе, что по производству автомобилей она оспаривает первое место в Европе у Англии и повидимому скоро займет его. Промышленный экспорт Франции сильно возрос—он превышает довоенный на 131% (в 1929 г. экспорт промышл. изделий составил 5,3 млн. т против 2,3 млн. в 1913 г.); при этом экспорт двигателей, машин и вообще орудий производства возрос против довоенного более, чем в 4 раза (с 313 тыс. кв в 1913 г. до 1,3 млн. кв. в 1929 г.). Экспорт металлов возрос также более, чем в 4 раза (с 1,0 млн. т в 1913 г. до 4,1 млн. т в 1929 г.).

Франция не знает более или менее значительной безработицы. В последние годы, в связи с большим расширением промышленного производства, безработица вообще отсутствует. Количество безработных, зарегистрированных при получении пособий, составило на декабрь 1929 г. лишь 817 чел. Во Франции работает свыше 2 млн. иностранных рабочих (итальянцев, поляков, испанцев, венгров, бельгийцев и др.). Благодаря большому спросу на рабочие руки и сравнительной легкости нахождения заработков в городах и промышленных районах сельское население Франции оставляет мало доходный крестьянский труд и уходит в города. Как выше упоминалось, отрицательное влияние на состояние сельского хозяйства Франции оказывает и конкуренция заокеанских стран. В 1929 г. импорт зерновых хлебов во Францию из заокеанских стран составил: из Аргентины—10,1 млн. кв, из Канады—4,7 млн. кв, из САСШ—1,4 млн. кв. Эта конкуренция имела особенно сильное значение до середины 1927 г., когда таможенная политика Франции под влиянием Комите де Форж (объединение металлургов) слабо защищала сельское хозяйство, ввозные пошлины были низки и даже существовали вывозные пошлины и прямые запрещения по вывозу некоторых продуктов сельского хозяйства. Только широкие размеры, которые принял «исход» из деревень (знаменитый во Франции «экспорт юралья») и резкое усиление недовольства среди крестьянства выну-

дили правительство изменить свою таможенную политику, отменить с середины 1927 г. стеснения в вывозе и вывозные пошлины и довольно значительно повысить (особенно в марте 1928 г.) ввозные пошлины на продукты сельского хозяйства.

Что касается «ножниц», то установить величину их раствора по индексам французской статистики нельзя. Суть в том, что во Франции отсутствуют такие сводные индексы цен на продукты сельского хозяйства и продукты промышленности, которые можно было бы противопоставить друг другу для выявления раствора ножниц. Существующие же сводные индексы продовольственных товаров (данре акимантер) и промышленных материалов и сырья (матьер эндюстриель) нельзя противопоставлять друг другу в интересующем нас смысле, так как индекс прод. товаров содержит промышленные фабрики (сахар, кофе и др.), а индекс пром. материалов и сырья содержит сельскохозяйственные товары (шерсть, лен и др.). Для получения все же представления о положении дел с ножницами приведем французские оптовые индексы по отдельным важнейшим товарам (средние за 1928 г., при базе—1913 г.=100).

Оптовые индексы сельскохозяйственных и промышленных товаров

С.-х. товары	Оптов. индексы	Пром. товары	Оптов. индексы ¹
Пшеница	583	Железо сортовое	439
Ячмень	635	Жесть	496
Овес	593	Ткани хлопчатобум.	723
Кукуруза	738	Сульфат-аммоний	358
Вино общепит. стол.	632	Хлористый калий	400
Говядина	477	Суперфосфат	517
Телятина	641	Нефть	621
Молоко	586	Известь	534
Кор. масло	609	Кирпич обыкновенный	724
Яйца	714	„ пустотелый	552
		Стекло оконное	675
		Кофе	590
		Сахар	700

Напомним, что современный франк содержит золота в 5 раз меньше, чем довоенный. Большинство сел.-хоз. товаров продается выше индекса 500, то есть в золоте по ценам выше довоенных, а ряд промтоваров продается даже по индексам ниже 500, то есть по ценам ниже довоенных, но в то же время такие промтовары исключительного широкого и повседневного потребления как хлопчатобумажные ткани и сахар отличаются особенно высокими индексами (723 и 700). Примем во внимание также, что крестьянин продает свои товары по оптовым ценам, но покупает промтовары по более высоким розничным ценам, это меняет картину еще больше в ущерб крестьянину. Отметим также, что цены на сел.-хоз. товары подвергаются более резким колебаниям в сторону снижения, чем цены промтоваров, что ухудшает в соответствующие периоды положение крестьян и усиливает раствор ножниц. В частности описанный выше прекрасный урожай 1929 г. вызвал резкое снижение цен на французском рынке сел.-хоз. товаров. По сравнению с индексами июля 1929 г. индексы цен декабря 1929 г. упали: по пшенице—с 578 до 503, или на 13%, по овсу—с 546 до 411, или на 25%, по ячменю—с 560 до 425, или на 24%, по картофелю—с 496 до 345, или на 30,4%, по вину—с 508 до 380, или на 25%. Это резкое снижение оптовых цен на про-

¹ «Bulletins de la Statistique generale France et du Service d'observation des Prix».

дукты сельского хозяйства во второй половине 1929 г., резко увеличившее раствор ножиц, не дало однако благодаря спекулятивной организации торговли во Франции снижения розничных цен, и розничный индекс, в котором главную роль играют как раз продовольственные продукты, показал даже повышение в течение второго полугодия 1929 г.: с 606 в июле 1929 г. он поднялся до 614 в декабре 1929 г. Несомненно, что последнее большое снижение цен на продукты сельского хозяйства еще больше обострит кризисное состояние сельского хозяйства Франции.

Французское правительство, обеспокоенное в последнее время быстрым ослаблением крестьянской базы в стране, стремится всячески удержать население на земле и в этих целях принимает ряд мер и в частности привлекает в порядке контрактации ежегодно десятки тысяч дешевых сел.-хоз. рабочих (особенно из Польши и Италии). В последнее время сильно облегчаются условия натурализации и приобретения земельных участков для тех иностранцев, которые оседают на земле в качестве колонистов. Но конечно все такие мероприятия не могут поддержать численность сельскохозяйственного населения Франции и приостановить процесс «исхода» в города и промышленные районы. Суть в том, что чуть ли не половина сельских хозяйств во Франции — это крестьяне, не пользующиеся наемным трудом, т. е. особенно страдающие в силу финансовой слабости от падения цен и пут финансового и торгового капитала и дающие как раз основную массу уходящих из деревни.

По последним имеющимся статистическим данным (перепись населения 1921 г.) во Франции насчитывалось сельских хозяйств 2.609.477. Из них:

не применявших наемн. раб. силы	1.234.871 или 47,3%
применявших 1—5 раб.	1.330.848 „ 51,0%
„ 6—10 „	34.916 „ 1,3%
„ 11—20 „	6.613 „ 0,3%
„ 21—50 „	1.992 „ 0,08%
„ 51—100 „	210 „ 0,008%
„ 101—200 „	25 хоз-в —
„ 201—500 „	2 хоз-ва —

Как видим, контингент, поставляющий выходцев из деревни, весьма велик — 1,2 млн. хозяйства, не пользующихся наемным трудом. Именно за счет уменьшения этого массива и происходит относительное и абсолютное падение сельского населения Франции и увеличение ее промышленного пролетариата. В ближайшие же годы во Франции должен с особенной силой сказаться дефицит рабочего населения, так как наступил уже период, когда должны притти на смену поколения, рожденные в период войны, то есть в период большого падения рождаемости. Это обстоятельство должно еще больше усилить привлечение сельского населения в города и промышленные пункты, и Франция продвинется в ближайшие годы еще дальше по пути ослабления аграрных черт и трансформации из аграрно-промышленной в промышленно-аграрную страну, то есть по пути усиления в ней роли промышленного пролетариата и усиления базы для пролетарской диктатуры.

Отдел III

Экономика и техника

Е. Лебедев.

Электрификация пригородного пассажирского движения гор. Москвы

С завершением электрификации пригородных участков Северных жел. дор. (Москва—Пушкино и Мытищи—Щелково в 1930 г. и участка Пушкино—Софрино в 1931 г.) встает вопрос о переводе на электрическую тягу пригородного пассажирского движения отдельных наиболее «пассажиронапряженных» участков других железных дорог Московского узла.

В связи с указанным является вполне своевременным поставить уже сейчас ряд вопросов, связанных с дальнейшей электрификацией пригородного пассажирского движения.

I.

Развитие пригородного пассажирского движения г. Москвы в последние годы перед мировой войной шло очень быстрым темпом. Число пригородных поездов по всему Московскому жел.-дор. узлу в летнее время превысило в 1913 г. двести пар в сутки, а на таких дорогах, как Северные, Казанская, Курская и Нижегородская, достигало тридцати поездов в сутки. Район пригородного движения значительно расширился, расстояния между основными пунктами уменьшились вследствие увеличения числа ж.-д. поселков и роста их. Пригородное население, постоянно связанное с деловой жизнью г. Москвы, достигло многих десятков тысяч человек. На большинстве дорог Московского жел.-дор. узла пригородное движение стало производиться зонными поездками, чем достигалась более равномерная нагрузка поездов и сократилось время проезда для жителей более отдаленных от Москвы поселков. Размеры пассажирских пригородных перевозок по дорогам Московского ж.-д. узла за последнее пятилетие перед мировой войной увеличивались не менее чем на 10% ежегодно. Количество перевезенных в 1913 г. пассажиров достигло огромной цифры — 30 миллионов человек.

После значительного сокращения перевозок за период 1916—1921 гг. число перевезенных пригородных пассажиров в 1923 г. достигло по своим размерам цифры 1913 г. В 1927 г. размеры пригородного пассажирского движения уже вдвое превысили довоенные и в 1929 г. выразились в огромной цифре, достигающей до 90 млн. перевезенных пассажиров.

Основной причиной такого резкого увеличения пригородных пассажирских перевозок является, конечно, быстрый рост населения Москвы за истекшее пятилетие, при относительно недостаточном темпе городского жилищного строительства, и усиленное новое жилищное строительство в ж.-д. пригородах.

Так, по данным Московского облататотдела, жилая площадь пригородных жел.-дор. поселков возросла с 1925/26 г. к 1927/28 г. по М.-Казанской ж. д. на 113,5%, М.-Курской и Нижегородской линий на 116,3%, Северным ж. д. на 65,4% и М.-Бел.-Балт. ж. д. на 42,6%.

Обращаясь к перспективам развития жилищного строительства вдоль рассматриваемых ж.-д. линий, следует указать, что значительным тормозом здесь может послужить исчерпывание удобных земельных площадей вблизи железных дорог для отвода под застройку. Особенно резко ощущается это еще в настоящее время в ближайшей, прилегающей к Москве полосе. Относительно более обеспеченной свободной и удобной под застройку земельной площадью является М.-Б.-Балт. ж. д., затем идут М.-Казанская, М.-Нижегородская, Северные ж. д. и, наконец, М.-Курская.

Учитывая то обстоятельство, что намечаемый рост жилой площади в Москве не сможет в достаточной степени обеспечить все группы населения, следует ожидать дальнейшего заселения пригородных поселков, прилегающих к ж.-д. линиям, и связанного с этим развития нового жилищного строительства последних. Те препятствия, которые возникают в настоящий момент вследствие недостатка свободных земельных участков, должны быть изжиты путем развития строительства не менее удобных и наиболее отдаленных от ж.-д. линий участков, перехода на укрупненное государственное и кооперативное жилищное строительство, скорейшего проведения планировки Московского округа и некоторого облегчения правил о вырубке леса при жилищном строительстве. Во всяком случае, дальнейшее увеличение пригородных пассажирских перевозок неизбежно. Речь может идти лишь о темпе прироста этих перевозок.

II

При рассмотрении вопроса о первоочередности перевода отдельных пригородных участков железных дорог на электрическую тягу должен быть детально проработан ряд вопросов технического и, главным образом, экономического характера. При всех исчислениях очень важно применение единообразных методов расчетов соответствующих элементов по отдельным пригородным участкам железных дорог. Однако, как это показывает анализ соответствующих материалов правлений ж. д., прорабатывавших в свое время вопрос электрификации пригородного движения, — этого основного методологического требования соблюдено не было. Вопросы экономического характера либо вовсе не были проработаны, либо проработанные материалы настолько устарели, что в настоящее время не могут быть использованы. В результате имеющиеся к настоящему времени весьма обширные материалы правлений железных дорог не дают возможности судить даже о сроке перевода отдельных пригородных участков их на электрическую тягу.

Чтобы ответить на этот, последний вопрос, необходимо было произвести по единому методу коренные пересчеты зачастую несопоставимых материалов дорог. Кроме того, были привлечены более поздние материалы некоторых отделов Мособлисполкома, характеризующие хозяйственную жизнь отдельных тяготеющих к ж.-д. линиям

поселков и перспективы развития последних. При пересчетах в основу был взят метод определения коэффициентов подвижности населения г. Москвы плюс населения, тяготеющего к данной дороге и расселенного в трехкилометровой полосе вдоль нее. Метод этот, примененный в своих расчетах М.-Казанской ж. д. и принятый затем группой электрификации и Центральным плановым управлением НКПС, являлся в данных условиях, пожалуй, наиболее приемлемым, потому что давал возможность учесть влияние в образовании потока пассажиров как растущего с каждым годом населения г. Москвы и увеличивающегося населения местностей, тяготеющих к дороге, так и ряда других факторов (рост промышленных заведений, расположенных вдоль дороги, развитие жел.-дор. транспорта и т. д.).

После этих кратких методологических соображений попытаемся определить для отдельных пригородных участков железных дорог Московского узла так называемый «критический» год для паровой тяги, т.-е. год, когда будут исчерпаны предельные возможности существующих устройств при этом виде тяги и потребуются значительные капитальные вложения на дальнейшее развитие перегонов между станциями данного участка на паровой или электрической тяге, в зависимости от экономичности той или иной тяги. При этом в целях экономии места мы приведем лишь основные цифры, давая расчеты по отдельным дорогам в общих таблицах и не выделяя, как правило, отдельных категорий перевозимых пассажиров.

Объем пригородных пассажирских перевозок ж.-д. линий М.-Казанской, Белорусской, М.-Нижегородской и М.-Курской выражается за последние годы следующими величинами:

Годы	Московско-Казанская ж. д.			Белорусско-Балтийская ж. д. Белорусская лин.			Московско-Курская жел. дор.					
	Количество перевезенных платных пассажиров в одну сторону (тыс. чел.)			Количество перевезенных платных пассажиров в одну сторону (тыс. чел.)			Нижегородская линия			Курская линия		
	Количество населения г. Москвы и пригородных районов, на которые падают перевозки (тыс. чел.)	Коэффициент подвижности		Количество населения г. Москвы и пригородных районов, на которые падают перевозки (тыс. чел.)	Коэффициент подвижности		Количество населения г. Москвы и пригородных районов, на которые падают перевозки (тыс. чел.)	Коэффициент подвижности		Количество населения г. Москвы и пригородных районов, на которые падают перевозки (тыс. чел.)	Коэффициент подвижности	
1924/25	2.435	1.850	1,8	2.564,0	1.868,0	1,4	3.523,0	1.941,0	1,8	2.234,0	1.872,0	1,2
1925/26	4.092	2.025	2,0	3.358,0	2.041,0	1,9	4.613,0	2.130,0	2,2	2.828,0	2.059,0	1,4
1926/27	4.349	2.147	2,1	3.868,0	2.159,0	1,8	4.827,0	2.263,0	2,2	2.935,0	2.195,0	1,4
1927/28	4.991	2.284	2,2	4.509,0	2.297,0	2,0	5.650,0	2.411,0	2,3	3.353,0	2.335,0	1,4

Среднегодовое увеличение коэффициента подвижности населения по отдельным ж.-д. линиям выражается разными величинами: по

Казанской дороге он составляет 0,3, по Нижегородской линии—0,2, по Курской линии—0,07 и, наконец, по Белорусской линии М.-Бел.-Балт. ж. д.—0,2.

Ряд причин оказывал и будет оказывать свое влияние на рост подвижности населения, тяготеющего к отдельным ж.-д. линиям. При проектировке дальнейшего роста пассажирских перевозок мы должны помимо имеющейся проектировки роста населения отдельных пунктов¹ принять во внимание эти специфические для каждого ж.-д. участка и прилегающего к нему района причины (природные условия района, плотность заселенности его, перспективы хозяйственного развития района, наличие свободных земельных площадей под застройку, особые условия пассажирских перевозок). В частности, в отношении пригородного участка Белорусской линии М.-Бел.-Балт. ж. д. следует учесть возможные результаты постановлений президиума Моссовета от 5 и 19 июля 1929 г. об установлении жесткой охранной зоны Рублевского водопровода и максимальном сокращении пригородного пассажирского движения по Усовской ж.-д. ветке. А так как, во-первых, указанная ветка давала большое количество пассажиров (главным образом, дачников), и, во-вторых, природные условия района, прилегающего к основной магистрали по направлению к ст. Голицино менее благоприятны (низменная сырая местность)—в дальнейшем следует ожидать снижения относительного роста общих перевозок пассажиров по пригородному участку указанной ж.-д. линии.

Удельный вес перевозок бесплатных пассажиров колеблется по отдельным дорогам от 20 до 35 % по отношению к количеству платных пассажиров. Принимая во внимание незначительность намечаемого на ближайшее пятилетие прироста контингента работников ж.-д. транспорта, ряд проводимых НКПС мероприятий по сокращению административно-управленческих расходов дорог и, в частности, по сокращению выдачи бесплатных билетов и карточек,—рост перевозок бесплатных пассажиров при всех дальнейших расчетах мы принимаем увеличивающимся ежегодно лишь на один процент. С учетом всех приведенных выше обстоятельств мы можем получить следующую предположительную картину пригородных пассажирских перевозок в текущем пятилетии:

Наименование жел.-дор. линий	Общее количество перевозимых пригородных пассажиров в одну сторону (тыс. чел.)				
	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
Московско-Казанская жел. дор.	7.505,0	8.075,0	8.657,0	9.242,0	9.836,0
Белорусская линия М.-Бел.-Балт. ж. д.	6.033,0	6.586,0	7.151,0	7.731,0	8.323,0
Нижегородская линия М.-Курск. ж. д.	7.414,0	8.051,0	8.699,0	9.372,0	10.062,0
Курская линия М.-Курской ж. д.	4.454,0	4.795,0	5.140,0	5.492,0	5.849,0

¹ Следует отметить, что за неимением более поздних данных к моменту написания нашей работы мы принуждены были использовать проектировки, проработанные в середине 1929 г.

III

При намечении объема пригородных пассажирских перевозок в текущем пятилетии мы имели некоторые хотя бы ориентировочные данные о развитии Москвы и пригородных районов (проектировка населения г. Москвы и близлежащих городских и сельских поселков, перспективы хозяйственного развития районов, прилегающих к дорогам). Переходя же к определению примерного объема пригородных пассажирских перевозок за пределами текущего пятилетия, мы должны констатировать, что никаких, хотя бы грубо ориентировочных, цифровых данных в интересующем нас разрезе не имеется. Поэтому приходится пользоваться самыми общими соображениями о возможном хозяйственном развитии г. Москвы и ее пригородного района. В этом отношении следует учитывать: 1) быстрый, от года к году увеличивающийся темп хозяйственного развития народного хозяйства Союза, 2) политику форсированного развития восточных районов Союза, за счет перераспределения известной части материальных ресурсов старых индустриальных районов и, в частности, Московской области, 3) результаты произведенного районирования, способствовавшего развитию на территории области ряда быстро развивающихся новых промышленных и административных центров. Если первый из указанных факторов будет способствовать, в конечном итоге, абсолютному и относительному росту пригородных пассажирских перевозок г. Москвы, то другие факторы будут действовать в ином направлении, несколько ослабляя относительный рост этих перевозок. На основании приведенных соображений мы в дальнейших расчетах условно принимаем, что темп ежегодного прироста перевозимых пассажиров в следующие за текущим пятилетием годы будет, примерно, такой, как в последние годы этого пятилетия. В таком случае получаем следующую таблицу:

Наименование жел.-дор. линий	Общее количество перевозимых пригородных пассажиров в одну сторону (тыс. чел.)				
	1933/34 г.	1934/35 г.	1935/36 г.	1936/37 г.	1937/38 г.
Московско-Казанская жел. дор.	10.473,0	11.159,0	11.908,0	12.693,0	—
Белорусская линия М.-Бел.-Балт. ж. д.	8.967,0	9.666,0	10.424,0	11.236,0	12.138,0
Нижегородская линия М.-Курской ж. д.	10.807,0	11.619,0	12.445,0	13.445,0	14.473,0
Курская " " " " "	6.234,0	6.648,0	7.092,0	7.569,0	8.081,0

Продолжая расчеты в отношении трех последних ж.-д. линий и далее 1937/38 г., получаем, что по пригородным участкам М.-Нижегородской линии в 1938/39 г. будет перевезено 15,6 млн., Александровской ж.-д. линии в 1939/40 г.—14,2 млн. и М.-Курской ж.-д. линии в 1944/45 г.—12,9 млн. пассажиров.

В работе железнодорожного транспорта и, в частности, при перевозке пригородных пассажиров наблюдаются так называемые «пики». Количество пригородных пассажиров в интенсивные (главным образом, летние) месяцы на много превышает среднемесячные перевозки.

Процент этого превышения по каждому пригородному участку различен. Пользуясь материалами правлений железных дорог, мы имеем возможность получить, при соответствующих расчетах, следующие ориентировочные данные о перевозке пассажиров в дни среднего и дни максимального месяцев прибытия:

Наименование жел.-дор. линий	Г о д ы	Общее количество перевозимых пригородных пассажиров (тыс. чел.)	
		День среднего месяца	День максимального месяца
Московско-Казанская жел. дор.	1936/37	34,7	51,8
Белорусская линия М.-Бел.-Балт. ж. д. . . .	1939/40	38,8	55,9
Нижегородская линия М.-Курск. " "	1938/39	42,7	55,4
Курская " " " "	1944/45	35,2	48,9

Предельное количество пассажиров, которых можно перевезти в час утреннего интенсивного прибытия в г. Москву, при максимальном возможном числе поездов в час, при перенаселенности этих поездов в 30%¹ и при условии производства некоторых незначительных работ по усилению пропускной способности отдельных пригородных ж.-д. участков, составит:

По Московско-Казанской жел. дор.	12,2 тыс. чел.
" Белорусской линии М.-Бел.-Балт. жел. дор.	8,2 " "
" Нижегородской линии М.-Курск. " "	10,9 " "
" Курской " " " " " "	9,4 " "

Так как в интенсивный час (8—9 час. утра) количество прибывающих в г. Москву пригородных пассажиров составляет по отдельным дорогам от 20 до 25% суточного прибытия, то максимальный суточный поток пассажиров, которых дорога может обслужить при указанных выше условиях, составит:

По Московско-Казанской жел. дор.	49,8 тыс. чел.
" Белорусской линии М.-Бел.-Балт. жел. дор.	54,6 " "
" Нижегородской линии М.-Курск. " "	54,8 " "
" Курской " " " " " "	46,8 " "

Сопоставляя приведенные выше цифры о возможном потоке пригородных пассажиров в день максимального по перевозкам месяца и цифры максимальной пропускной способности дорог при паровой тяге и сохранении в основном существующих путевых устройств, можно констатировать, что критическим годом для М.-Казанской ж. д. будет 1936/37 г., для Нижегородской линии—1938/39 г., для Белорусской линии М.-Б.-Балт. ж. д.—1939/40 г. и Курской ж.-д. линии—1944/45 г.

IV

Выше мы определили «критический» год для паровой тяги отдельных пригородных участков жел. дорог Московского узла. Теперь попытаемся ответить на вопрос о наиболее выгодном виде тяги для этих участков.

¹ Указанный процент перенаселенности поездов может быть в значительной мере снижен путем некоторой передвижки часов начала занятий в учреждениях г. Москвы, перехода их на двухсменную работу и упорядочения самого графика движения поездов.

Обратимся, прежде всего, к заграничной практике. Электрификация железных дорог на Западе, начавшаяся до мировой войны, приняла особенно значительные размеры за послевоенные годы. К 1927 г. протяжение электрифицированных участков железных дорог отдельных стран составляет¹:

Австрия	612 км	или 10,5%	общего протяжения жел. дор.
Англия	854 " "	2,6%	" " " "
Германия	1.138 " "	2,1%	" " " "
Италия	2.200 " "	10,3%	" " " "
САСП	2.854 " "	0,7%	" " " "
Франция	1.066 " "	3,1%	" " " "
Швейцария	2.724 " "	49,7%	" " " "

Вследствие крайне быстрого роста электрификации жел. дорог, удельный вес электрифицированных участков к общему протяжению жел. дорог отдельных стран к настоящему времени возрос еще более. На первом месте стоит в этом отношении Швейцария, где на электрическую тягу переведено уже 62,3% всей ж.-д. сети.

Решающим фактором в деле электрификации железных дорог является, как известно, построение топливного баланса той или иной страны. Страны дорогого (ввозного) угля всячески изыскивают способы к уменьшению своей зависимости от иностранного рынка. Поэтому, в странах, импортирующих уголь, электрификация ж.-д. сети носит более планомерный характер и постепенно охватывает все большее число ж.-д. линий, распространяясь как на пассажирское, так и грузовое движение. Кроме того, существенные преимущества к развитию электрификации представляют природные географические условия некоторых стран (неровный рельеф, гористая местность и, в связи с этим, обилие гидроэнергии).

Менее интенсивно протекает электрификация железных дорог в странах дешевого угля. «Электрификации подвергаются здесь лишь те участки, где паровая тяга становится бессильной; участки с большой и прогрессирующей густотой движения, где необходимо увеличить пропускную способность, сильные подъемы, где применение паровой тяги связано с чрезвычайными затратами. Электрифицируются также крупные узловые станции, на которых производится большая маневровая работа, опытные участки и, наконец, тоннели»². Известную роль в деле внедрения электрификации играет и развивающаяся конкуренция со стороны автотранспорта. Эксплуатация электрифицированных линий обходится значительно дешевле паровых и создает более реальные средства для борьбы с развивающимся автотранспортом.

Сильный рост крупных городских центров, жилищный кризис в них и расселение населения по пригородам увеличили пригородные перевозки и заставили электрифицировать пригородное движение. Крайне показательны результаты электрификации пригородного движения одного из самых крупных городов Европы — Берлина. К 1927 г. здесь было электрифицировано около 80 км и намечено к электрификации в течение ближайших лет еще около 160 км двухпутных линий. Трехлетняя эксплуатация показала значительные преимущества электрической тяги. Прежде всего, значительно уменьшилась себестоимость пассажиро-километра—вдвое против паровой тяги, что объясняется: 1) уменьшением обслуживающего персонала при моторо-вагонном движении на 30% по срав-

¹ См. «Материалы по статистике путей сообщения», вып. 92, 1929 г.

² Стр. LXIII указанных статистических материалов.

нению с паровой тягой, 2) лучшим использованием подвижного состава, доходившим в среднем до 60—70% за счет повышения коммерческой скорости на 30—35% и применения переменных моторо-вагонных составов; 3) увеличением емкости поездов, примерно, в 2—2,5 раза по сравнению с паровой тягой на этой же длине станционных путей и увеличением густоты движения до 30 пар (поездов) в час; 4) отсутствием расходов на содержание складов топлива и устройство водоснабжения и, наконец, 5) меньшим расходом топлива на соответствующий измеритель: подсчитанная для пригородных жел. дорог экономия топлива на 1 т/км оказалась около 40%, при расходе энергии на шинах центральной станции в 47 квт-час на т/км.¹

Мы не будем приводить цифровых данных о результатах эксплуатации переведенных на электрическую тягу магистральных ж. д. с преимущественным грузовым движением. Укажем лишь, что по данным цитированных выше источников применение электрической тяги оказалось и при этом виде движения более рентабельным, чем практиковавшееся ранее применение паровой тяги.

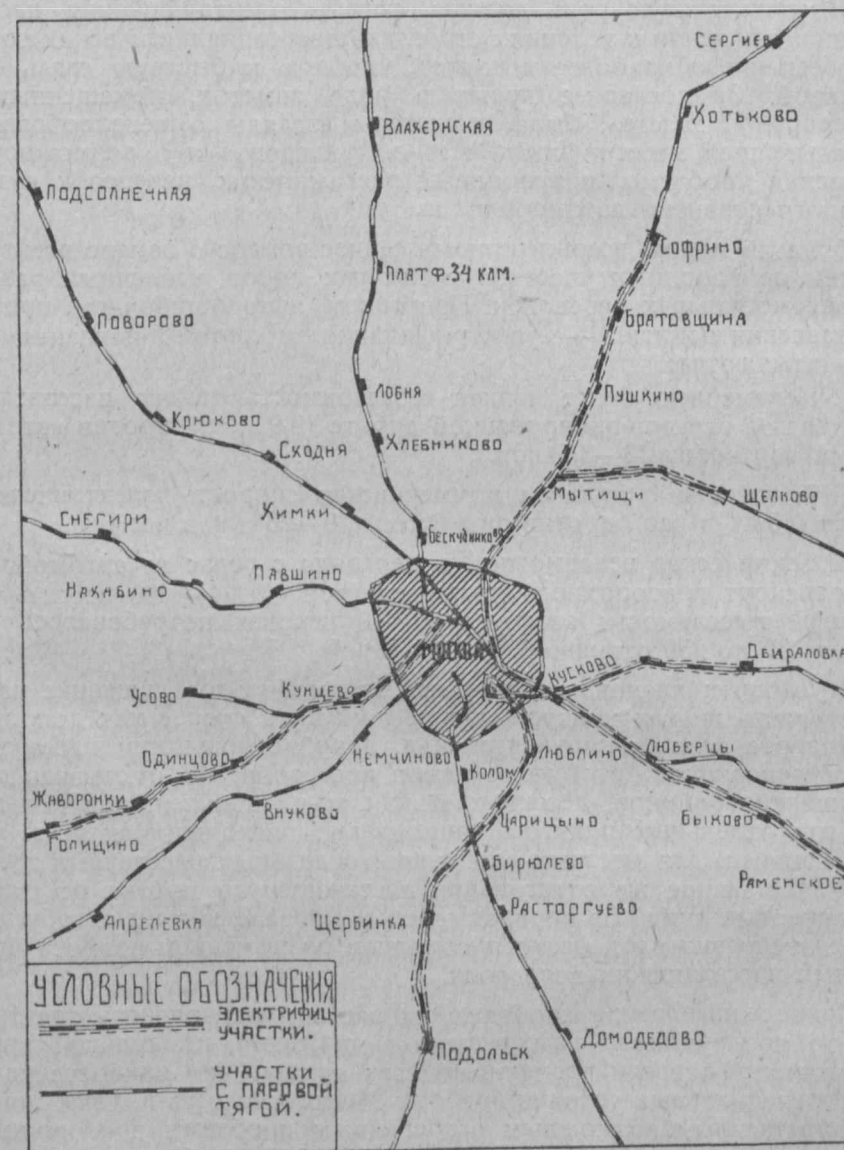
В СССР, как стране дешевого угля, электрификация ж.-д. транспорта развивалась до сего времени весьма медленно. В настоящее время, кроме недавно сданного в эксплуатацию участка Баку-Сабунчи (20 км), на котором движение производится составами облегченного типа, приближаясь в этом отношении к трамвайному. В условиях пригородного пассажирского движения г. Москвы основной предпосылкой к развитию электрификации является невозможность паровой тяги справиться с сильно возросшим объемом пассажирских перевозок или явная невыгодность этой тяги.

Данных отчетного порядка о рентабельности электрической тяги в условиях СССР не имеется². Поэтому приходится использовать имеющиеся по этому вопросу всякого рода расчеты.

В 1929 г. правлением Северо-западных ж. д. были произведены подсчеты в отношении расширения провозной способности Ораниенбаумской и Балтийской линий, условия пассажирского движения, на которых довольно близки к таковым же дорог Московского ж.-д. узла. Не приводя здесь деталей этих расчетов, укажем, что несмотря на некоторое превышение суммы дополнительных капитальных затрат при варианте электрификации пригородных участков указанных линий (19,0 против 15,2 млн. руб. по варианту сохранения паровой тяги), себестоимость пассажиро-километра при первом варианте оказывается значительно ниже (от 26 до 30%), и, в конечном итоге, введение электрической тяги оказывается экономически выгоднее.

Более ранние (1928 г.) расчеты правления Северных ж. д. показали, что при меньших размерах дополнительных капиталовложений, непосредственно связанных с частичным переходом пригородного пассажирского движения на электрическую тягу (16,4 млн. руб., против 18,3 млн. руб. при оставлении здесь паровой тяги), эксплуатация при смешанной тяге (т.-е. при электрической тяге с частичным сохранением паровой тяги до ст. Сергиево) оказалась бы в расчете на пассажиро-километр более выгодной (от 7 до 10%). Следует, однако, указать, что по другим подсчетам Северных ж. д., произведенным в том

же 1928 г., разница в себестоимости 1 пассажиро-километра при паровой и смешанной тяге менее резка, колеблясь в пределах от 4 до 0,4%.

Карта электрифицируемых пригородных участков Моск. ж.-д. узла.

Как критически не относиться к подобного рода расчетам, следует признать неоспоримыми преимущества электрической тяги против паровой. Это доказывают и отчетные данные электрифицированных заграничных ж. д. и ориентировочные расчеты в отношении электрификации пригородного пассажирского движения в СССР. При этом нельзя ограничиваться только расчетами рентабельности электрической тяги. Следует учитывать и другие преимущества этой тяги: большую пропускную способность дороги, большое коли-

¹ Труды Моск. института инж. транспорта, вып. IX, 1928 г., стр. 24.

² По наведенным справкам годовой отчет о работе электрифицированного участка Москва — Мытищи будет проработана правлением Северных жел. дор. не ранее конца 1930/31 года.

чество поездов и, следовательно, меньшие интервалы между ними, для пригородных районов ее немаловажное значение имеет и полное отсутствие дыма при электрической тяге.

Исключительную роль должна сыграть электрификация пассажирского движения в условиях строительства социалистических городов, обеспечивая наиболее дешевую, удобную и быструю связь его с Москвой. За последнее время в ряде заметок, помещенных в «Транспортной газете», были высказаны взгляды о нецелесообразности дальнейшей электрификации ж.-д. транспорта и о возможности разрешения проблемы пригородных пассажирских перевозок путем усиленного развития автомобилизма.

Вряд ли можно всерьез ставить сейчас вопрос о замене электрификации пригородных участков железных дорог усиленным развитием автомобильных перевозок. При таком, явно ошибочном, противопоставлении понятий — «электрификация» и «автомобилизация» — не доучитываются:

1. Неизмеримо более низкая себестоимость одного пассажиро-километра на электрифицированной дороге (0,9 коп.) против автомобильных перевозок (3—3,5 коп.).

2. Значительно большая коммерческая скорость электрических поездов (45 км в час), против автобусов (20—25 км в час.).

3. Техническая невозможность перевода с рельс на автомобильный транспорт пригородного движения (при 4.000—8.000 пасс. в час и средней вместимости автобуса 30—40 человек потребовалось бы в час от 130 до 250 отправок).

В условиях планового хозяйства автомобильное движение надо рассматривать не как конкурирующее начало, а скорее как дополнение к работе функционирующих ж.-д. линий с большими пассажирскими перевозками. Автобусные линии целесообразно открывать для обслуживания районов, лежащих между ж.-д. линиями, для кольцевой связи отдельных пунктов, рационально расходящихся ж.-д. линий и, наконец, для местных сообщений отдельных населенных пунктов. Искусственное же оттягивание пассажирского потока от существующих ж.-д. линий на прокладываемые параллельно им автобусные является неправильным, бесхозяйственным разрешением вопроса пригородных пассажирских перевозок.

Приведенные выше соображения заставляют признать электрификацию пригородного пассажирского движения, по крайней мере, на ближайший отрезок времени, во всех отношениях наиболее удачным, а в специальных условиях работы Московского ж.-д. узла, пожалуй, единственным возможным разрешением проблемы пригородных пассажирских перевозок.

Учитывая, что средний срок работ, связанных с переустройством ж.-д. станций и перегонов при переходе на электрическую тягу определяется в настоящее время в 3—4 года, следует признать, что с последнего года текущего пятилетия необходимо приступить к работам по электрификации пригородных участков М.-Казанской ж. д., с первой половины следующего пятилетия к электрификации Нижегородской ж.-д. линии и Белорусской линии М.-Бел.-Балт. ж. д. и в конце этого же пятилетия — к электрификации М.-Курской ж. д.

V

Электрификацию пригородного пассажирского движения нельзя рассматривать изолированно от разрешения внутригородского пассажирского транспорта г. Москвы. Однако, до сего времени проработка, да и практическое осуществление этих вопросов и НКПС и МКХ велись без должной увязки. Не предвидится значительных улучшений в этом направлении и для ближайшего будущего. По данным МКХ в 1929/30 г. намечается перевозка трамваем 700 млн. пассажиров и к концу пятилетия — 1.100 млн. Потребные к этому времени для переброски такого громадного числа пассажиров трамвайные вагоны (около 2 тыс.) перегрузят и без того загруженные линии и сильно понизят эксплуатационную скорость трамвая. Особенно сильный поток пассажиров наблюдается по направлению от Каланчевской площади к центру. Намечающийся МКХ проект частичного переустройства трамвайных линий, ведущих с Каланчевской площади к центру, лишь временно (на год-два) ослабит остроту с переброской пригородных пассажиров. Переброска на это направление значительного числа автобусов (первозящих вообще лишь около 5% общего числа пассажиров) не может разрешить вопроса благодаря узости и переполненности прилегающих улиц. Радикальную помощь в упорядочении городских пассажирских перевозок могло бы оказать сооружение метрополитена значительной длины по направлению, примерно, от Сокольников, через центр, до Смоленского рынка и с ответвлением к Тверской заставе до вокзала М.-Бел.-Балт. ж. д.

Есть все основания полагать, что МКХ в своих перспективных предположениях определенно недоучитывает возможность гигантского роста потока пригородных пассажиров по направлению Каланчевская площадь — центр, благодаря электрификации пригородных участков ж. д. В частности, данные правления Северных ж. д. свидетельствуют о небывалом приросте пассажирских перевозок за зимний сезон 1929/30 г. — при росте доходившем до 25%.

Следует уже сейчас попытаться представить себе, что получится с московским городским пассажирским транспортом при полном осуществлении к осени 1930 г. электрификации пригородных участков Северных ж. д. (Москва—Пушкино и Мытищи—Щелково), возможности осуществления в ближайшие 2—3 года электрификации участка Пушкино—Братовщина (район «Зеленого Города») — Софрино и завершении в середине следующего пятилетия электрификации участка Москва—Раменское, Моск.-Казанской ж. д. По исчислениям правления Северных ж. д. пригородный пассажирский поток в летние сутки должен составить в 1932 г. 65 тыс. человек, а в 1936 г. — 105 тыс. чел. Не менее 50—60 тыс. пассажиров в сутки должна давать в первые же годы и электрифицируемая Казанская дорога. Надо помнить, что не менее 20% всех пассажиров прибывает в утренний интенсивный час прибытия (8—9 час. утра). Если не будут приняты соответствующие меры — Каланчевская площадь и прилегающие к ней улицы будут в утренние часы буквально «взорваны» колоссальными потоками пригородных пассажиров, выбрасываемых пригородными электропоездами. Уже сейчас надо придумать целую систему мер, направленных к урегулированию работы московского городского транспорта на стыке его с транспортом железнодорожным.

Существовал и существует целый ряд проектов урегулирования пассажирского потока в районе Каланчевской площади путем глубоких вводов отдельных железных дорог в город или, наоборот, вывода

метрополитена на пригородные ж.-д. пути, объединения пригородного пассажирского движения линий М.-Казанской и М.-Нижегородской ж. д. (в районе станции Перово-Чухлинка, с пропуском пригородных пассажирских поездов по Нижегородской ж. д. и высадкой пассажиров в Москве-Рогожской, Курском вокзале, Каланчевской площади и на Октябрьском вокзале).

Всеми этими проектами молчаливо предполагалось сохранение разности двух хозяйствующих организаций — НКПС и МКХ — и вопрос радикально не разрешался.

Грубо определяемая величина затрат, намечаемых на частичное разрешение проблемы пригородного и городского пассажирского транспорта г. Москвы в течение ближайших лет (электрификация М.-Казанской, Нижегородской, М.-Бел.-Балт. и М.-Курской ж.-д. линий, постройка метрополитена, затраты на ремонт и приобретение трамвайных вагонов, автобусов, переустройство трамвайных путей, мостовых Москвы и т. д.) составляет около 200 млн. руб. Грандиозность такой суммы, превышающей стоимость сооружения Днепростроя, Туркестано-Сибирской ж. д., или Волго-Донского канала (взятых по отдельности), обязывает ко многому и, в первую очередь, к необходимости наиболее рационального расходования этой суммы.

Плановая сущность нашего государства позволяет нарушить кажушуюся неизбежность принципа разности хозяйствующих организаций (НКПС и МКХ) и объединить средства, намечаемые на транспортное строительство г. Москвы и пригородов. При этом условии наиболее целесообразным путем разрешения транспортной проблемы московского городского и пригородного пассажирского движения явилось бы объединение электрифицируемого пригородного движения с московским метрополитеном, сооружаемым по указанному выше направлению. Если откинуть ведомственные соображения, то наиболее серьезными возражениями против этого проекта явились бы возражения технического характера (разница габарита и длины нормальных составов ж.-д. поездов и поездов метрополитена, разные ускорения с места тех и других, иная конструкция вагонов). Указанные узко технические и, зачастую, чисто теоретические затруднения, основанные в большинстве случаев на мнениях «авторитетов», должны быть сейчас подвергнуты ревизии. При известном желании они могут быть легко преодолены. Благодаря этому создастся бы возможность экономии реальных миллионов рублей, а также десятков и сотен миллионов рублей, которые до сего времени не учитывались.

В самом деле вместо того, чтобы, затратив 20—30 минут на преодоление пространства в 30—40 км по электрифицированной железной дороге, вновь пересаживаться на Каланчевской площади на перегруженный городской транспорт и при отсутствии метрополитена тратить столько же времени, чтобы добраться до центра города (на расстоянии 2,5 км) — можно будет проезжать на электропоезде в любое место города по маршруту будущего электропоезда — метрополитена. Даже ничтожная экономия времени и усилий, получаемая каждым отдельным пассажиром, пользующимся объединенным пригородным и городским транспортом, умноженная на общее громадное количество перевозимых пассажиров — составит такую значительную величину, которая никак не может быть игнорирована в условиях планового государства.

Во всяком случае проект объединения работ по электрификации пригородного движения и постройке метрополитена (поддерживаемый между прочим работниками в

области электрификации ж.-д. транспорта, заслуживает самого серьезного внимания и требует весьма тщательной проработки.

VI

Подведем краткие итоги вышесказанному:

1. Основной предпосылкой для перехода с паровой на электрическую тягу в условиях работы железных дорог Московского узла является настолько интенсивное развитие пригородных пассажирских перевозок, что паровая тяга к известному моменту оказывается бес- сильной.

2. Для увеличения пропускной способности того или иного пригородного жел.-дор. участка требуются значительные капиталовложения и электрификация его является наиболее рациональным и, в конечном итоге, наиболее выгодным разрешением вопроса.

3. Основные моменты выгоды перевода пригородных пассажирских участков некоторых железных дорог Московского узла с паровой на электрическую тягу сводятся: к увеличению пропускной способности участка, даже без немедленной постройки дополнительных путей, возможности пуска большего числа поездов и, следовательно, меньшим интервалом между ними, большей скорости электрических поездов и значительно меньшей себестоимости перевозок. Одним из преимуществ электрической тяги перед паровой, особенно в условиях густо заселенного пригородного района г. Москвы, является также, полное отсутствие дыма.

4. Искключительную роль должна сыграть электрификация пригородного пассажирского движения для обеспечения наиболее рациональной связи новых городов социалистического типа («Зеленый город»).

5. Срок электрификации отдельных пригородных участков железных дорог Московского узла, определяемый невозможностью для паровой тяги справиться с возросшим объемом пригородных пассажирских перевозок, наступает в разные годы.

6. При среднем сроке производства работ, связанных с переводом пригородного пассажирского движения данного участка с паровой на электрическую тягу, в 3—4 года, — начало работ по электрификации пригородного участка Москва—Раменское Московско-Казанской жел. дор. намечается в последнем году текущего пятилетия, по электрификации пригородных участков Москва—Обираловка М.-Нижегородской и Москва—Голицино М.-Балтийской жел.-дор. линий — в первой половине следующего пятилетия и пригородного участка Москва—Подольск М.-Курской жел.-дор. линии — в конце следующего же пятилетия.

7. Считаясь со строительством «Зеленого города» в районе Северных жел. дор. за пределами электрифицированного уже участка этих дорог, необходимо в течение ближайших двух лет закончить работы по продолжению электрификации до ст. Софрино.

8. Примененный при исчислениях метод дал возможность получить сравнимые величины по отдельным железным дорогам. Однако, метод этот, в значительной мере субъективный, не может гарантировать абсолютной точности приводимых данных о перспективах развития пассажирских перевозок отдельных дорог. Фактическое пассажирское движение на дорогах Московского жел.-дор. узла может или отстать от намеченных цифр или, что является более вероятным при крайней осторожности наших расчетов, опередить их и таким обра-

вом поставить вопрос о приближении сроков электрификации того или иного железнодорожного пригородного участка.

9. Основной причиной, которая может внести значительные коррективы к намеченным выше срокам электрификации пригородных участков отдельных железных дорог Московского узла (определяемым, как указано выше, лишь невозможностью паровой тяги справиться с возросшим объемом пассажирских перевозок) и значительно приблизить эти сроки, являются — несомненно, преимущества электрической тяги и, в частности, более низкая, чем при паровой тяге, себестоимость пассажирских перевозок. Решающее слово в этом отношении должна сказать практика электрификации пригородных участков Северных железных дорог.

10. Учитывая: а) перегруженность городского пассажирского транспорта Москвы, особенно на линии Каланчевская площадь — центр, б) значительный прирост новых пассажирских потоков с электрифицированных уже или намечаемых в ближайшие годы к электрификации пригородных участков железных дорог, в) возможность громадных капиталовложений в ближайшие 5—10 лет на развитие как городского транспорта, так и пригородного жел.-дор. транспорта следует уже сейчас поставить вопрос о тесной увязке работ по развитию указанных видов транспорта, и в частности, о тщательной разработке проекта единого жел.-дор. и коммунального метрополитена.

11. Имея в виду необходимость в ближайшие годы работ по широкой электрификации пригородного пассажирского движения, НКПС и правлениям жел. дор. следует уже теперь приступить к тщательной технико-экономической разработке по единой методологии проблемы электрификации пригородного пассажирского движения Московского жел.-дор. узла, особое внимание уделив вопросу экономичности работы на электрической тяге и больших удобств ее для населения.

12. Поскольку уже теперь с полной очевидностью выясняется невозможность при проработке ряда проблем уложиться в рамки пятилетнего срока — необходимо как центральным, так и областным плановым органам возможно скорее приступить к составлению генерального плана развития народного хозяйства.

Отдел IV

А. И. Шапошников

Цветная металлопромышленность как фактор развития народного хозяйства Средней Азии и Казахстана

В настоящее время не подлежит сомнению, что Средняя Азия и Казахстан стоят в СССР на первом месте в смысле запасов руд цветных металлов. Ни Урал, ни Кавказ, ни какой-либо другой из старых и более изученных районов не могут в указанном отношении быть приравнены к Казахстану и Средней Азии.

Кроме уже выявленных запасов руд цветных металлов эти ресурсы таят в своих недрах богатейшие потенциальные возможности. Достаточно указать на обширные и мощные месторождения медных руд, открытых за последние годы в Казахских степях и в районе озера Балхаш; обратить внимание на блестящие перспективы, открывающиеся перед свинцовой промышленностью Казахстана благодаря открытию свинцовых месторождений Турлана, Контаги, Кара-Сая и др., и напомнить о недавнем признании (см. газету «За индустриализацию») академиком Ферсманом тех «неожиданностей», которые предстали перед геологами в результате последних исследований и изучения Туркестана, чтобы представить картину расцвета цветной металлопромышленности, который в ближайш. годы произойдет в этом районе.

Но, с другой стороны, основываясь на данных, опубликованных в «Пятилетнем плане Геологического комитета 1929/30—1932/33 гг.», следует иметь в виду, что всю работу по организации горной промышленности Средней Азии в настоящее время приходится ставить сначала «шаг за шагом», нащупывая заслуживающие внимания объекты, причем далеко не исключены самые неожиданные результаты.

Например наиболее известное и обещающее месторождение свинца района Кара-Мазара — Кансай последними работами Геологического комитета было в значительной степени развенчано. С другой стороны, Турланская группа свинцовых месторождений, очень мало выделявшаяся среди остальных, располагает запасами руд, позволяющими организовать на них добычу свинца в очень крупном масштабе.

Неожиданностей можно ожидать не только в количественном отношении, но и в качественном. Так например район Кара-Мазар, считавшийся до последнего времени меднорудным, теперь, в связи с последними работами Геолого-разведочного управления, следует перевести в разряд свинцоворудных, сильно серебристых.

В количественном отношении, на основании данных пятилетнего плана Геологического комитета, можно сказать, что рудность районов Средней Азии и Казахстана характеризуется преобладанием медных и полиметаллических руд.

Полиметаллические руды — в большинстве случаев свинцовые и цинковые, местами сильно серебристые. Золотоносность руд ничтожна или почти отсутствует. В геологическом отношении обращают на себя внимание многочисленные выходы полиметаллических и медных руд в районах гор Кара-Тау, Александровского хребта, степной полосы Чимкент-Аулие-Ата и далее на восток в юго-западных отрогах Кураминского хребта (Кара-Мазар) и выходы медных руд в районах Казакстана, Успенского рудника и Катракты, Тас-Адырь и Чок-Пак и Прибалхашья и др.

Переходя к освещению конкретных возможностей и перспектив цветной металлургии в Казакстане и Средней Азии на ближайшие годы, на базе разведанных до сего времени месторождений руд цветных металлов этих областей необходимо признать, что медь, свинец и цинк будут теми основными металлами, которые определяют отраслевой характер цветной металлургии этих окраин.

В зависимости от этого основного положения дальнейшее освещение и развитие поставленной темы будет производиться в аспекте перспектив развития медной и свинцово-цинковой промышленности.

Перспективы развития производства меди

В отношении конкретных возможностей организации медной промышленности бесспорное преимущество должно быть отдано Казакстану, южная часть которого и его необятные степные пространства заключают в своих недрах огромные запасы отчасти разведанных и количественно определенных, а частью только открытых и еще необследованных медных руд.

В степях Казакстана часто встречаются обнажения пород, окрашенных медной зеленью, и эти признаки рудоносности благодаря сухому, континентальному климату и незначительной растительности облегчают открытие новых месторождений медной руды.

На основании данных Геологического комитета общее количество медной руды в месторождениях Казакской степи определяется В. С. Гулиным в 83,1 млн. т, а количество содержащегося в этой руде металла — в 2,3 млн. т, при среднем содержании меди в руде 2,34 % (журнал «Цветные металлы», № 1).

Первое место из всех месторождений медных руд Казакстана занимают выявленные за последнее время месторождения около озера Балхаш, где Геологический комитет открыл очень большие запасы порфириновых медных руд, тех самых руд, на которых базируется в настоящее время в весьма значительной своей части медная промышленность САСШ.

Из Прибалхашской группы месторождений медных руд необходимо отметить Коунрад, Карабас и Сокуркой. Все три месторождения находятся в 18—25 км от озера Балхаш.

Наиболее разведанное из этих месторождений — Коунрад — имеет общую площадь руды на поверхности около 250.000 м² и запасы руды в размере около 25 млн. т с содержанием меди в руде от 1,78 до 10,07%, т. е. запасы металла в руде должны выразиться цифрой от 375 до 500 тыс. т. Это количество руды на Коунраде больше разведанных запасов Урала и прочих месторождений СССР.

Сооружение Турксиба в сильной степени увеличивает значение и ценность Коунрадского месторождения, а намеченное согласно постановлению СТО от 2/VIII 1929 г. соединение этого месторождения железнодорожной линией с Каркаралинском и подготовка судоход-

ства по озеру Балхашу и реке Или включают Коунрад в систему нашего народного хозяйства.

Другое месторождение Прибалхашской группы — Карабас — до последнего времени не разведано. Следует указать, что по данным Геологического комитета общая площадь рудной поверхности в Карабасе равна около 200.000 м². Правда, данных о запасах руд в Карабасе пока еще не имеется, но общий запас их может быть весьма значительным. По мнению геолога Русакова запасы меди-металла на Карабасе не многим отличаются от Коунрада. Несомненно одно, что Прибалхашская группа медных руд представляет собой хотя и мало разведанную, но первостепенного значения рудную базу, на которой может быть организовано крупнейшее производство меди.

Приведенная выше цифра запасов медных руд категории А+В+С на одном только Коунраде может согласно данным пятилетнего плана развития народного хозяйства Казакстана обеспечить выплавку 30.000 т меди в год.

Следующим по мощности месторождением медных руд Казакстана является месторождение Каркаралинского округа. Месторождения этой группы характерны наличием здесь полиметаллических руд, связанных со значительным содержанием в них меди.

Многочисленные месторождения этого района находятся на площади к северу, югу, западу и юго-западу от г. Каркаралинска.

Наибольшего внимания из этого района заслуживают: 1) Кактас-Джартас с общей площадью руды на поверхности в 45.000 м² и количеством руды категории А+В+С = 2.655 тыс. т, содержащий меди-металла около 77 тыс. т; 2) Кактас-Джал с общей площадью руды на поверхности около 27.750 м² и количеством окисленной и сульфитной руды, содержащей около 39 тыс. т меди-металла; 3) Шуптыкульский, Джусалы, Малик-Кайнарский, Узук-Булакский с значительными запасами медной руды.

Третьим по мощности районом следует считать Джезказганскую группу месторождений медных руд, расположенную в северо-восточной части Кызыл-ординского округа, в 125 км на юг от Улугавских гор и в 375 км на северо-восток от ст. Джусалы Среднеазиатской ж. д. Выходы руды этого района выявлены на площади свыше 100 км², вдоль реки Кара-Кингир, а форма самого месторождения представляет неправильные пластообразные залежи, а иногда круто падающие жиллообразные тела.

Из всей этой громадной рудоносной площади до настоящего времени разведана только часть, причем начиная с 1904 г. пройдено алмазным бурением 286 буровых скважин и установлено наличие около 185 тыс. т меди-металла в руде категории А+В+С (А₁ — 11.000 т, А₂ — 59.250 т, В — 2.900 т, С₁ — 6.250 т и С₂ — 106.400 т).

Среднее содержание меди в руде равно 10% (в руде первого сорта 14% и в руде второго сорта — 4,5%). По своему характеру джезказганские руды разделяются на три вида: 1) богатые сернистые руды (сульфиты), 2) бедные сернистые руды (сульфиты) и 3) окисленные руды.

Джезказганское месторождение в настоящем представляет собой рудную базу для Карсакпайского горно-металлургического комбината, начавшего функционировать в 1928/29 г. Карсакпайский комбинат дает пока по программе 5.000 т меди в год; предусматривается увеличение производительности завода до 10.000 т меди на текущее пятилетие и 25 тыс. т к началу второго пятилетия.

Геологическая ситуация района и размер разведанных запасов дают основание для дальнейшего расширения производства меди на рудах этого района.

Следующим по значению районом в смысле практических возможностей организации добычи меди является Спасско-успенский район, который и в довоенный период был одним из крупнейших не только в Казахстане, но и в России. Здесь разрабатывались исключительные по своему богатству руды с содержанием в среднем около 25% меди-металла. Бывшее акционерное спасское о-во после истощения запасов этих богатых руд перешло к переработке более бедных с содержанием меди в руде около 8%. Успенский рудник, находящийся в Акмолинской губ. в 115 км к югу от Спасского завода, разведывался, начиная с 1907 г.; до 1916 г. было пройдено 18 скважин и наконец после 1928 г. пройдено еще 2 скважины. К настоящему времени запасы руд категории А по Успенскому руднику определены Геолого-разведочным управлением в размере 323.230 т со средним содержанием 5,9% и 15.500 т со средним содержанием 18% металла в руде. В этом районе кроме Успенского рудника имеется ряд других месторождений, среди которых разведанным пока является месторождение на реке Кайракты в 50 км к востоку от Успенского рудника. Разведанные запасы меди Кайракты равны 12.000 т; содержание металла в руде колеблется от 1 до 10%, а в среднем—3%.

И наконец необходимо отметить Чидертинскую группу, где до настоящего времени открыто до 90 месторождений меди. Эти месторождения находятся в Павлодарском округе и должны рассматриваться как мощная рудная база для крупного производства меди. Главнейшие месторождения этой группы—Чокпак и Тас-Адыр—имеют запасы руд категории А, В и С—первое 100.000 т и второе—450.000 т.

Охарактеризовав кратко основные месторождения медных руд Казахстана, следует отметить ряд других месторождений, которые заслуживают внимания с точки зрения возможной организации на них производства меди. Сюда относятся: 1) Прибаянаульская группа, 2) Экибастусская группа, 3) Делеленская группа, 4) Илийский район и др.

Средняя Азия по сравнению с Казахстаном несравненно менее богата месторождениями медных руд. В то время как в Казахстане выявлены многочисленные мощные запасы медных руд, на которых возможно будет организовать крупнейшее в СССР производство меди, в Средней Азии Геологический комитет считает заслуживающим интереса пока только Наукатское месторождение.

Район Кара-Мазара, считавшийся до последнего времени медно-рудным, как было указано выше, «теперь нужно перенести в разряд свинцоворудных, сильно серебристых».

Акад. Ферсман и председатель Госплана Таджикской республики т. Черный в своих последних выступлениях в печати (см. газету «За индустриализацию», №№ 34 и 53) ограничились декларативными заявлениями о наличии в пределах Средней Азии медных месторождений, не указывая цифр разведанной руды. Судя по всем имеющимся материалам, месторождения Средней Азии в общем надо отнести к полиметаллическим, а не медным. Продолжающиеся разведки конечно могут изменить это положение.

Таким образом в отношении медной металлопромышленности первое место занимает Казахстан. Здесь намечается эксплуатация в первую очередь следующих месторождений (не считая Карсакпайского комбината): 1) Успенского рудника и Кайракты, 2) Тас-Адыр

и Чокпак, 3) Прибалхашских месторождений и 4) месторождений Коктас-Джортас и Коктас-Джале. Руководствуясь интересами цветной металлопромышленности Казахстана и необходимостью развития других отраслей народного хозяйства окраинных республик, Совет труда и обороны 2/VIII 1929 г. разрешил вопрос о постройке следующих железнодорожных линий в Казахстане: 1) ж.-д. линии от Акмолинска до Карагандинских копей; 2) линии от Карагандинских копей до Успенского рудника; 3) продолжения линии от Карагандинских копей до Каркаралинска; 4) ответвления от Каркаралинска к Коунрадскому медному месторождению; 5) ветки от ст. Чичен-Кара до Коктас-Джортасского медного месторождения с будущим продолжением на экибастусские копи.

Постройка указанных ж.-д. линий должна быть начата и закончена в строгом соответствии с требованием развертывания предприятий цветной металлопромышленности. Сооружение этих ж.-д. линий явится одним из основных звеньев в системе крупного медеобработывающего предприятия.

Значительные успехи обогащения руд цветной металлопромышленности, достигнутые за последнее время путем применения методов селективной флотации, в связи с возможностью перевозить добытые на перечисленных месторождениях концентраты по ж. д. в какой-либо районный центр, дали основание соответствующим органам ВСНХ СССР поставить вопрос о постройке мощного районного медеплавильного завода, проектирование которого в настоящее время уже производится.

Таким пунктом для постройки завода центрального типа по всей вероятности будет район Карагандинских месторождений каменного угля, который соединяет в себе преимущества центрального положения по отношению к месторождениям медных руд и близости к крупнейшей Карагандинской топливной базе.

Перспективы развития свинцовой промышленности

Вторым металлом, добыча которого займет видное место в промышленности Казахстана и Средней Азии, является свинец. Свинцовая промышленность этих районов, достигавшая в древности и в средние века блестящего расцвета, в настоящее время почти не существует: только в городе Аулие-Ата начал недавно работать небольшой свинцовоплавильный завод, который должен будет перерабатывать остатки руды Сулейман-Сайского месторождения и руду, добытую кустарными артелями, а в горах Кара-Тау и Александровском хребте работают небольшие производственно-кустарные артели по добыче свинцовых руд. Этими мелкими работами ограничивается современный масштаб свинцовой промышленности Казахстана, не считая Риддера, занимающего особое положение и имеющего свою историю и свое будущее.

Южная часть Казахстана в районах гор Кара-Тау, Александровского хребта и степной полосы Чимкент-Аулие-Ата изобилует выходами свинцовых и свинцово-цинковых руд. Кроме этих районов открыты свинцовые руды в Кара-калинском районе (около ст. Кызыл-Арват Среднеазиатской ж. д.).

Переходя к оценке каждого из перечисленных районов в отдельности, необходимо в первую очередь остановиться на Турлане.

Турланская группа месторождений. Основное месторождение свинцовых руд южной части Казахстана—это Турлан.

Оно находится в горах Кара-Тау в 70 км от станции Туркестан Среднеазиатской ж. д.

Общая обстановка и природа этого района очень суровы. Горы Кара-Тау дики, пустынные и лишены всякой растительности. В одном из сухих оврагов Турлана—Ачи-Сае—на высоте 1.000 м располагаются древние выработки и остатки небольшого рудного хозяйства в виде нескольких шахт и штолен (б. владельца Лесмана).

На Турланских месторождениях с 1926 г. работает разведочная партия Геолкома. Рудная масса залегает на Ачи-Сае в виде неправильного по форме образования с пережимами и с раздувами. По своим физическим и химическим свойствам руда принадлежит к разряду окисленных, церусситовых руд. Содержание свинца колеблется от 2 до 70 %, а в среднем около 19,2 %. Подсчитанные запасы руды категории А+В+С к настоящему времени равны около 770.000 т (категории А=19.400 т, категории В=250.000 т и категории С=500.000 т).

В 500 м от основного Турланского месторождения Ачи-Сая с его уже подсчитанными запасами руды находится другое месторождение — Кара-Кен-Сай. Руда Кара-Кен-Сая одинакова с рудой Ачи-Сая; направление залегания рудной массы Ачи-Сая идет в направлении к Кара-Кен-Саю, не выклиниваясь кверху. Эти моменты дали основание Геологическому комитету заключить об однородности обоих месторождений.

Осенью прошлого года на Кара-Кен-Сае в результате горноразведочных работ была обнаружена руда, по которой прошли кварцлагом 50 м. Таким образом гипотеза о связи двух Турланских месторождений — Ачи-Сая и Кара-Кен-Сая — подтверждается геологическими данными.

Надо отметить, что геологи скоро дадут свое заключение об открытых новых запасах свинцовых руд на Турлане. Эти запасы конечно пока не подсчитаны, и весьма вероятно на это потребуются еще немало времени, но общая картина уже достаточно выясняется. В систему народного хозяйства СССР включаются новые богатейшие месторождения свинцовых руд, на базе которых можно организовать крупнейшее производство свинца.

Два других месторождения Турланского района — Контаги и Кара-Сай — находятся в 35 км к северо-востоку от г. Туркестана. Месторождение Контаги было открыто Геологическим комитетом в 1928 г. и в прошлом 1929 г. здесь производились детальные обследования. В настоящее время ведутся расчистки и обследования в порядке горных работ.

Производившиеся некогда (в древности) выработки Контаги представляют собой неправильные норы, то суживающиеся, то расширяющиеся до пределов довольно обширных камер. Эти норы сначала метров на 60 идут в вертикальном направлении, затем разветвляются по горизонталям в различных направлениях. В некоторых местах обнаружена невыработанная руда. В одном месте, на глубине 50 м, расчистками вскрыта богатая сульфитная руда (сернистый свинец), залегающая пластообразно. Пласт прослежен пока на 20 м по простиранию и на 25 м в — — — — — м. Проба руды из расчисток, по заявлению работающего здесь геолога Н. А. Брызгалова, дала 19 % цинка и 46 % свинца.

С весны этого года на Контаги намечается алмазное бурение, результаты которого дадут основание для подсчета запасов.

Оба месторождения, и Контаги и Кара-Сай, судя по новым обнаруженным данным горной разведки, весьма интересны и есть очень

много оснований в результате разведок получить в конце этого года большие промышленные запасы.

Месторождения Чимкент-Аулие-Атинского района. Район Чимкент-Аулие-Ата представляет собой обширный плацдарм, прорезанный с запада на восток отрогами гор Кара-Тау и Александровского хребта.

Наиболее известное месторождение данного района — Сулейман-Сай находится в 110 км к с.-з. от г. Аулие-Ата.

Рудные образования этого месторождения залегают в виде рудоносных раздувов неправильной формы в контакте девонской и нижне-каменноугольной песчано-известковой толщи с силурийским известняком. Содержание свинца определяется в среднем в 45—50 %, цинка — 1—6 %, серебра — 0,003—0,01 %. Месторождение имеет протяжение по простиранию в 150 м и выклинивается на глубине 30 м.

Три буровые скважины, пройденные в 1928 г. разведочной партией Геолкома, пересекавшие контакт мрамора и песчаников на глубине 44 и 88 м, руды не встретили. Месторождение вскрыто эксплуатационными работами в окисленной зоне, представленной главным образом церусситом («Обзор геологического комитета» за 1928 г.).

Геологический комитет в своем заключении по поводу месторождений свинца в южной части Казакстана от 2/XI 1929 г. указывает, что «из месторождений Чимкент-Аулие-Атинского района разведкам в 1928 г. подвергалось только Сулейман-Сайское, причем установлено непромышленное его значение, как свинцового месторождения, но присутствие в рудах ваннадинита придает ему интерес, как ваннадиевому».

В 1928 г. в районе Чимкент-Аулие-Ата работала поисковая партия Геолкома, осмотревшая ряд свинцовых и медных месторождений в южных отрогах хребта Кара-Тау; но по мнению Геолкома только одно месторождение заслуживает некоторого дальнейшего исследования. В 1930 г. намечается продолжение поисковых работ в горах Кара-Тау и Александровском хребте.

К востоку, на северных склонах Александровского хребта около г. Фрунзе в 1928 г. было подвергнуто обследованию месторождение Талды-Булак, но в виду того, что месторождение закрыто мощной толщей элювия, характер его не мог быть достаточно выяснен. В 1930 г. будет произведена более детальная разведка шурфами. По заключению осматривавшего район Чимкент-Аулие-Ата геолога И. И. Бездека заслуживают внимания и разведок: 1) месторождения против ст. Тюлькубас, 2) месторождение Каракауз, находящееся в 7 км на запад от ст. Тюлькубас, и 3) месторождение в верховьях Чояна и Бугуни.

Для выявления характеристики Чимкент-Аулие-Атинского района интересно привести мнение проф. Н. М. Федоровского, посетившего этот район в 1926 г.

Н. М. Федоровский считает, что «развитие свинцово-серебряной промышленности края будет развиваться именно в этой части района», и «если вся область на протяжении 600 км несет на себе повсюду выходы свинцовых жил, имеющие чрезвычайно сходные условия залегания и состава руды, то вполне возможно, что одно или несколько месторождений могут определиться в мощные и крупные месторождения, могущие служить базой для большой свинцовой промышленности («Минеральное сырье» № 3, 1927 г.).

Таким образом можно заключить, что район Чимкент-Аулие-Ата весьма интересен в смысле перспектив возможного развития здесь

добычи свинцовых руд в будущем. Этот район требует самого внимательного и тщательного изучения, обследования и разведок.

Месторождения района Кара-Мазар. Месторождения Кара-Мазар находятся в Средней Азии и разбросаны отдельными группами в районе юго-западного окончания Кураминского хребта и в общей совокупности занимают прямоугольник 40×50 км.

В административном отношении Кара-Мазар расположен в районе от 40 до 70 км к северу от города Ходжента Таджикской ССР.

Предварительное разведывание и детальные опробования были произведены Геолкомом на следующих месторождениях Кара-Мазара: Алмалыкском, Алтын-Топканском, Такелийском, Канджоле, Мискане, Саук-Булакском. Горноразведочные работы производились на следующих месторождениях: Кан-Сайском, Табошарском, Тарыэканском, Замбараке и Кан-и-Мансурском.

В результате разведочных работ Геолкома определились следующие разведочные запасы свинца-металла промышленной категории (В+С):

Кан-Сайский участок	4.000 т	при 14% свинца в руде
Учкотлы-Мискан	6.500 т	" 3% " в медной руде
Тарыэкан	1.000 т	" 10% " в руде
Лашкерек-шлаки	2.000 т	" 19% " в шлаках

Итого 13.500 т

По мнению Среднеазиатского геологического комитета эти запасы определяют собой лишь только часть тех запасов, которые могут быть выявлены в Кара-мазарском районе начатыми с 1929 г. детальными горноразведочными и электроразведочными работами.

Необходимо отметить, что летом 1929 г. на Кан-и-Мансурском месторождении открыта так называемая Сатарская аномалия, которая остается пока еще загадкой и на которой ведутся в настоящее время горные разведки. В случае установления ее рудоносности эта аномалия может дать весьма значительные запасы свинца.

Несмотря на: 1) наличие многочисленных выходов руд, 2) большой размер древних разработок, 3) четырехгодичные разведки, которые здесь велись Геологическим комитетом, Кара-Мазар в целом большого промышленного значения до настоящего момента не представляет. Имеющиеся положительные результаты разведки на многих месторождениях Кара-Мазара вызывают необходимость их продолжения. Разведанные месторождения Кара-Мазара, по которым были произведены подсчеты промышленных запасов, не сосредоточены в одном месте, а разбросаны на значительной площади в условиях трудного горного профиля.

Практический интерес и значение представляет небольшое, благоприятно и близко расположенное к ж. д. и городу Ходженту, месторождение Кара-Мазара — Кан-Сай, запасы которого категории А+В равны:

Свинца	3.155 т
Цинка	3.891 т

Итого 7.046 т

Здесь может и должна быть поставлена переносная обогатительная фабрика.

Месторождения Кара-Калинского района. Основное месторождение Кара-Калинского района — Арпаклен находится

в 120 км от ст. Кызыл-Арват Среднеазиатской ж. д. и в 30 км от Кара-Калы. В основном Арпаклен является баритовым месторождением. В прошлом году была обнаружена свинцовая руда в наплавах, в брекчии и в виде вкрапленностей в барите, производились горные работы.

Встречающаяся руда — свинцовый блеск. Детальной разведки на свинец не было. Официальных данных и заключения Геологического комитета также пока не имеется. Приведенные данные даются на основании сообщений начальника разведочной партии в Кара-Кале геолога Соколова. Необходимо кроме того отметить, что в районе Кара-Калы имеется еще ряд других (около 20) месторождений свинцовых руд.

Акад. Ферсман допускает возможность нахождения в Кара-Калинском районе богатых месторождений свинца и цинка, но этот прогноз нуждается в подтверждении данными, которые могут быть получены в результате геолого-разведочных работ. Во всяком случае на этот район следует обратить самое серьезное внимание.

Кроме перечисленных месторождений свинцовых руд в районах южной части Казахстана и Средней Азии по данным Геологического комитета, опубликованным уже в печати, в других районах Казахстана имеется ряд свинцово-цинковых месторождений с значительными запасами руд.

Характеристика этих месторождений определяется следующими данными:

Р а й о н ы	Средн. содерж. мет. в руде (в %)		Содерж. металла в руде (в т)	
	Свинец	Цинк	Свинец	Цинк
Успенский	4—8	—	91.000	—
Экибастус-Баянкульский	3—6	4—12	64.225	63.800
Юго-западный	8—20	8	21.000	2.800
Кара-калинский:				
а) центральный район	3—6	18	33.000	35.000
б) северный "	4	—	19.600	—
Прибалхашский	10	—	15.750	—

Исходя из приведенной характеристики месторождений свинцовых руд Казахстана и Средней Азии, можно заключить, что производство свинца может быть и должно быть организовано в районах, тяготеющих к Турлану, как главнейшей рудной базе. Произведенные на этом основании подсчеты транспортных показателей по снабжению завода а) концентратами с намечающихся к эксплуатации турланских рудников, б) коксом, в) углем и г) флюсами и показателей реализации его готовой продукции (показатели исчислены по средней себестоимости и дифференциальному тарифу) не дают больших преимуществ ни одному из двух наиболее вероятных пунктов расположения завода — г. Туркестану и Чимкенту. Преимущества Туркестана перед Чимкентом выражаются цифрой около 7 р. 50 к. на т готовой продукции. За Туркестаном имеется большое преимущество в смысле его близости к основной рудной базе — Турлану — и выгоды в отношении возможностей осуществления здесь централизованного варианта электроснабжения предприятий комбината. За Чимкентом — преимущества в отношении водоснабжения, культурно-бытовых и климатических условий и соображения политического порядка. При таком положении решение вопроса очевидно будет в пользу чимкентского варианта. В ка-

честве топливной базы для свинцового завода, при принципиальной установке на использование местных топливных ресурсов, принимается Кузбасс — по коксу и Фергана — по углям.

Кузбасс является для настоящего момента единственной, в достаточной мере промышленно-разведанной базой кокса. Караганда, Экибастус и другие месторождения Казакстана в будущем, по мере того как будет установлена возможность промышленного применения их коксующихся углей на заводе и с того момента, когда на этих месторождениях будет организовано производство кокса, могут заменить собою Кузбасс. Пока же даже при сравнительной отдаленности Кузбасса свинцовый завод в смысле снабжения коксом может ориентироваться только на него.

Район Ферганы мог бы также служить источником получения кокса с кок-янгаских месторождений угля. Но самую проблему коксующести ферганских углей в настоящее время еще нельзя признать окончательно решенной. Спекаемость кок-янгаских углей подтвердилась только при сжигании их в примитивных кучах. Лабораторные же испытания дали противоречивые результаты. Во всяком случае, если вопрос о возможности организации промышленного получения ферганского кокса будет разрешен положительно, этот кокс будет наиболее близким даже по сравнению с углями Караганды. Мелкие месторождения угля в южной части Казакстана и Средней Азии большого интереса для свинцового завода не представляют, так как залежи эти обычно линзообразного характера и быстро выклиниваются.

Масштаб производства свинцового завода намечается в 30.000 *t* с возможностью дальнейшего расширения до 50.000 *t* в год.

Для соединения турланских рудников с основной магистралью Среднеазиатской ж. д., а следовательно и с заводом, необходимо будет организовать усовершенствованный вид транспорта на протяжении 70 км до ст. Туркестан. По произведенным подсчетам наиболее выгодным видом путей сообщения между указанными пунктами будет узкоколейка, так как она дает наименьший размер капиталовложений — 2.860 тыс. руб. и наименьшую себестоимость перевозок.

Это кратко охарактеризованный свинцовый комбинат будет на первое время и при разведанной до сего времени рудной базе единственным пока центром свинцовой промышленности в Казакстане и Средней Азии, не считая соответствующих предприятий Риддера.

Проблема добычи цинка. Цинковая проблема в условиях Казакстана и Средней Азии является наименее изученной и проработанной по сравнению с проблемами медедобывающей и свинцоводобывающей промышленности. Да и самые запасы цинковых руд значительно меньше запасов свинца. Общие запасы цинка-металла в рудах степной полосы Казакстана определяются по данным Геолкома в размере 102,6 тыс. *t* и разбросаны по следующим районам: 1) Экибастусский — Баяноульский — 63.800 *t* металла в руде, 2) юго-западный — 2.800 *t* металла в руде и 3) Кара-калинский — 35.000 *t* металла в руде. Турланский район является по преимуществу свинцовым, и процент содержания цинка в турланской руде крайне незначителен. Руды Кара-Сая также имеют незначительное содержание цинка и только конгаские руды содержат цинка по непроверенным еще Геолкомом данным до 19%.

В Средней Азии свинцово-цинковые месторождения, как было указано выше, имеются в Кара-мазарском районе. Главнейшее из этих месторождений — Кас-Сай — имеет по данным Среднеазиатского геолкома 3.891 *t* цинка. Остальные свинцово-цинковые месторождения

Кара-Мазара разбросаны и находятся в условиях трудного горного профиля.

Во всяком случае первенствующее значение в Казакстане и Средней Азии будет принадлежать наиболее дефицитным металлам — меди и свинцу — и более скромное — цинку. Самостоятельного производства цинка здесь пока не имеется, и цинковые концентраты, которые будут получаться в процессе разработки некоторых свинцово-цинковых месторождений, придется пока направлять на действующие в настоящее время цинковые заводы.

Не останавливаясь на других цветных металлах, месторождения которых имеются в Казакстане и Средней Азии, так как значение их несоизмеримо меньше, чем значение меди, свинца и цинка, следует только отметить ртутные месторождения Кара-Калы. Хотя о последних и не имеется официальных данных Геолкома, они представляют несомненный интерес, и, судя по всем имеющимся сведениям, здесь современем возможно будет организовать промышленную добычу ртути.

Акад. Ферсман относит эти месторождения к числу особо богатых; геолог Соколов, ведущий здесь разведку, воздерживаясь пока по вполне понятным причинам от слишком оптимистической их оценки, все же считает эти месторождения заслуживающими самого серьезного внимания.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что основными рудными месторождениями Казакстана и Средней Азии являются медные, свинцовые, цинковые и ртутные. На базе этих месторождений в ближайшие годы будут сооружены в Казакстане медный и свинцовый заводы. Значение этих крупных предприятий цветной металлургии для Казакстана, в особенности в связи с окончанием Турксиба, как в хозяйственном, так и в политическом отношении будет громадно.

В Казакстане, который почти не имеет крупной промышленности и промышленного пролетариата, через несколько лет возникнут и крупная промышленность и пролетарские центры.

Необходимо кроме основных экономических и хозяйственных соображений, которыми следует руководствоваться при строительстве этих предприятий, иметь в виду их огромное показательное значение в смысле культурно-бытовом. Исходя из этого, необходимо основательно продумать и решительно провести те новые формы быта и культуры, которые сейчас намечаются и проектируются для всех крупных предприятий СССР.

Д. Волжин

Проблема реконструкции орошения в хлопковых районах Средней Азии и крупное строительство¹

Ввоз хлопка из-за границы требует больших затрат от нашего народного хозяйства. За последние 7 лет ввоз хлопка поглощал ежегодно в среднем свыше 100 млн. руб. золотом, а в отдельные годы достигал 150 млн. руб.² Между тем наши естественные ресурсы позволяют нам с избытком покрывать свою потребность в хлопке внутренним производством и при этом по умеренным ценам. Освещению этого вопроса и посвящена настоящая статья.

I

Северной границей хлопководства в САСШ признается 37° с. ш., у нас эти границы продвигались дальше на север: в Ср. Азии до последнего времени границей распространения хлопчатника считалось 42°40' с. ш., а единичные посевы доходили до 43°20' с. ш. около г. Туркестана, соответственно вертикальной границей распространения хлопчатника признавалось 700—900 м над уровнем моря, причем успехи селекции эти границы постепенно раздвигают. Благоприятные по климатическим условиям зоны нашего Союза характеризуются крайне недостаточным выпадением осадков в них. В основных хлопковых районах Ср. Азии в долинах в средний год за май—август выпадает осадков: в Ташкентском районе — 59 мм, в Ферганском — 53 и Мургабском — только 12,5. Вот причина, почему 99% нашего сбора хлопка мы получаем с орошаемых земель, напоминая в этом отношении Египет и резко отличаясь от САСШ, в которых 98%³ сбора хлопка производится без искусственного орошения, и лишь хлопководство сухих штатов дальнего запада развивается на орошаемых землях.

Хлопководство без искусственного орошения у нас в новых более северных районах не вышло еще из стадии широко поставленного опыта, но и при наиболее благоприятных условиях продукция новых районов⁴ вероятно уляжется в пределах 10% от общего производства хлопка в Союзе.

¹ В порядке обсуждения. *Ред.*

² Ввезено за 7 лет американского хлопка 483 тыс. т по 1.110 руб. за т, египетского — 105 тыс. т по 1.610 руб. за т и пр. — 14 тыс. т по 770 руб. за т.

³ В статье проф. В. Р. Вильямса. „Пути борьбы за повышение урожая“ в „Экономической жизни“ от 26/VIII 1928 г. № 172 содержится следующее утверждение: „высокая цена его (хлопка) определяется тем, что во всем мире он производится при одинаковых условиях искусственного орошения, т. е. при непомерных и непроизводительных затратах труда и энергии“. Это чистейшее недоразумение, т. к. цена всех сортов хлопка кроме египетского зависит от цен американского хлопка, который производится без искусственного орошения.

⁴ Авторитетным работником по вопросам хлопководства М. М. Бушуевым в статье „Перспективы хлопководства в новых районах или ученая фантастика“, „Хлопковое дело“, 1928 г., №№ 7-8 — дается весьма сдержанная оценка этих перспектив.

Основным путем необходимого для нас увеличения производства хлопка является сильное расширение поливных хлопковых площадей в испытанных наших хлопковых районах — Ср. Азии, Казакстане и преимущественно в Азербайджане в ЗСФСР. и под'ем урожайности в них, которая в свою очередь требует, как необходимое условие, хорошо поставленного ирригационного хозяйства: достаточного орошения, недопущения заболочивания, засоления и пр. Наше хлопководство и ирригация многосторонне и неразрывно связаны между собой.

Задачи, стоящие перед нами в области ирригации, могут быть лучше уяснены при ознакомлении с заграничной практикой. Много поучительного для нас дает более, чем двадцатилетний опыт правительственной ирригации в САСШ.

Общее состояние ирригации в САСШ в недавно вышедшей работе Уидзо¹, одного из 5 советников комитета по мелиорации, работавшего в 1923 г., охарактеризовано такими чертами. Существующие ирригационные предприятия полностью используют летний сток большинства источников сухих областей. Реальным ресурсом для расширения орошения остается сбережение паводковых и зимних вод и остатков летнего стока в начале и конце сезона. Обычно частные проекты берут воду путем примитивного вывода ее из источника орошения и не имеют достаточного водоснабжения среди лета и в маловодные годы. Подобные проекты были рассчитаны на определенную площадь; впоследствии были орошены прилегающие пространства, особенно в многоводные годы, когда казалось, что воды может хватить на большие площади, чем первоначально предполагалось. В средние по водообеспеченности годы часть площадей не получает достаточно воды, чтобы обеспечить полный урожай.

При оценке оросительной способности источника обычно исходят из стока в средний год, но это означает, что ряд лет имеют водообеспеченность ниже среднего года. Засушливые годы часто следуют один за другим, образуя цикл маловодных лет. В такой период земли, водообеспеченность которых зависит от летнего стока или от небольших водохранилищ, сильно страдают; и в таком случае часто потери фермеров в один год равны стоимости мощных ирригационных сооружений. Усилия ирригаторов должны сосредоточиться на том, чтобы дать дополнительное водоснабжение частично орошаемым землям и путем сооружения водохранилищ с частичным или многолетним регулированием стока обеспечить водоснабжение и в маловодные годы землям, не обеспеченным в настоящее время. Каждая ирригационная община должна стремиться иметь водохранилища, обеспечивающие водоснабжение при всяких условиях; и, по мнению Уидзо подобное улучшение водообеспеченности в районах существующего орошения обеспечит успех для фермера, правительства и предпринимателя.

Ирригация в САСШ развивалась без плана. Каждый предприниматель, будь то община или капиталист, заботился только о своих интересах. Из-за этого драгоценная оросительная вода, которая в засушливых районах в минимуме, используется нерационально. Много гидростанций установлено вблизи населенных пунктов, вода для них пропускается круглый год и в значительной мере пропадает для ирригации. Уидзо настаивает, чтобы существующее орошение было переустроено с целью лучшего использования оросительной воды с обменом правами на воду отдельных предприятий, если это понадобится. Гид-

¹ J. A. Widtsoe. Success on Irrigation Projects. N. York, 1928, стр. 114—116 и др.

роустановки должны быть отодвинуты вверх, что в настоящее время, при дешевизне передачи энергии на большие расстояния, легко осуществимо, а пропущенная через эти установки вода поступала бы в ниже-расположенные водохранилища и использовалась бы на орошение. «Большая насущная потребность — утверждает Уидзо — установить планы использования всех вод каждой речной системы с наибольшим экономическим эффектом». Для успеха подобного плана надо затратить усилия и установить законы, в прежнее время не требовавшиеся. Как видим, необходимость единого плана использования каждой речной системы или отдельных рек и речек в засушливом районе работниками ирригации САСШ отчетливо осознана, но для этого требуется принудительное объединение отдельных компаний, обмен правами на воду и пр., чего нельзя достигнуть без издания особых законов, которые не так-то легко примирить с действующим правом собственности.

Столкновение задач развития ирригации с правом частной собственности отмеченным не исчерпывается. Земли, орошенные Службой мелиорации, должны были подразделяться на участки по 40—160 акров (16—64 га) и выкупаться поселенцами в собственность с оплатой стоимости сооружений и земли.

Из общей площади, орошенной Службой мелиорации к 1923 г., только $\frac{1}{3}$ земель до орошения являлась общественным фондом, а $\frac{2}{3}$ принадлежали частным собственникам. После орошения общественные земли были быстро исчерпаны, и поселенцы, полные надежд, нередко соглашались платить чрезмерно высокую цену за землю крупным землевладельцам сверх оплаты стоимости ирригационных сооружений. Это сильно отяготило фермеров. Уидзо подчеркивает, что в дальнейшем вопрос о крупном частном землевладении будет встречаться во всех проектах, и настаивает, чтобы крупным владениям вода не отпускалась и чтобы они были разделены на фермы требуемого размера, а земля продавалась поселенцам по цене не выше той, что она стоила до орошения. Нормальной ценой неорошенной земли он считает 25—75 руб. за га. Земельные спекулянты не должны пользоваться плодами правительственного орошения. Комитет советников по ирригации настаивает, чтобы до утверждения проекта крупные владения были или приобретены правительством, или с собственниками их достигнуто соглашение о продаже земли поселенцам по ценам, одобренным правительством.

Подобные же затруднения при развитии орошения отмечаются в Египте. Главнейшей причиной того, что немногие оросительные компании в Египте имели успех, Вилькокс¹ считает высоту цены на неорошаемые земли. Бесдоходные, белые от солей земли покупались по 500 руб. за га, а земли, приносящие до 50 руб. дохода с га, — даже по 1.500 руб. за га, в то время как за неорошенные земли в зависимости от их рельефа и др. условий по мнению Вилькокса можно платить 125—250 руб. за га. В числе других причин неуспеха отмечается то, что компании продавали нередко феллахам недостаточно мелиорированную землю и тем подрывали доверие у тех людей, кто своей работой единственно мог бы обеспечить успех начинанию. Вредную роль играла также земельная спекуляция, для борьбы с которой Вилькокс предлагает ряд мероприятий.

Экономические результаты работы Службы мелиорации по орошению к 1923 г. через 21 г. после издания Акта о мелиорации были

¹ W. Willcocks and Craig. Egyptian Irrigation, v. II, 1913, гл. XV, § 181. Land Reclamation, стр. 833—887.

таковы: скоплено воды в водохранилищах и забрано воды в каналы из источников с постоянным током, которой достаточно, чтобы оросить 677 тыс. га и доставить добавочное орошение согласно Варрен-акту (Warren Act) на площадь в 440 тыс. га, обычно не имеющую необходимого количества воды для обеспечения полного урожая.

К 1920 г. на долю Службы мелиорации пришлось вложений 130 млн. долл., т. е. 18,6% общих вложений на орошение в САСШ, и 6,5% политой в 1919 г. площади. Из подготовленной к поливу площади вода была подана для 1.202.130 акров (480 тыс. га, т. е. для 74,6% подготовленной площади, или для 34.276 ферм со 132 тыс. жителей на правительственных проектах, а с 1.169.100 акр. (468 тыс. га) был собран урожай в сезон 1922 г. Средняя стоимость сбора с акра в 1922 г. была 43,08 долл. (215,4 с га), а вся ценность сбора со всех земель проектов 50.360.850 долл., т. е. более, чем $\frac{1}{3}$ всей стоимости правительственных ирригационных проектов.

Первоначально поселенцы должны были погасить стоимость сооружения проектов без начисления процентов в 10 лет; в 1914 году этот срок был удлинён до 20 лет, а законом 1924 г. оплата определена в 5% от среднего валового дохода от с.-х. культур с акра за предшествующие 10 лет, т. е. не установлено определенного срока погашения. Законом 25/V 1926 г. для новых проектов срок погашения устанавливается министром внутренних дел и не может превышать 40 лет, т. е. минимальная валовая доходность для новых проектов должна быть не менее 0,50 долл. на доллар вложений на ирригацию. Это удлинение срока вызывалось тем, что поселенцы, особенно в годы послевоенного сельскохозяйственного кризиса, не могли оплачивать своих обязательств. Причины подобного неблагополучия в значительной мере коренились в основе самих проектов, первое время осуществлявшихся спешно без достаточного внимания к почвенным и экономическим условиям. Производительность почв чрезвычайно колеблется. Весною 1925 г. на федеральных проектах было произведено почвенное исследование на площади 1.517.518 акров и установлено, что 100.000 акров безусловно непроизводительны, а 200.000 временно непроизводительны — эти площади, около $\frac{1}{6}$ обследованной территории, были исключены из классификации, и конгрессом в 1926 г. было списано в убыток 27 млн. долл. главным образом из-за включения в проекты бесплодных земель. Остальные площади были разбиты на классы по степени производительности и по ним исчислена валовая доходность.

К л а с с ы з е м е л ь	% площади	Валовой доход	
		долл. на акр	руб. на га
I	52	78—23	390—115
II	14	54—16	270—80
III	20	52—15	260—75
IV	14	43—11	215—55

Наиболее яркой оказалась зависимость доходности от климатических условий, именно: от продолжительности вегетационного периода.

Число проектов	Средн. продолжи- тельность вегета- ционного периода в днях	Средняя доходность	
		с акра в долл.	с га в руб.
3	296	56,71	284
2	229	44,62	224
4	186	38,30	191
6	137	26,73	134
5	125	29,74	149
1	113	14,89	74

Благоприятные климатические условия, позволяя разнообразить культуры, благоприятствуют увеличению доходности даже при не очень высоких по качеству почвах, но и они бессильны спасти дело при совершенно бесплодных почвах.

По сумме вложений на ирригацию на единицу площади проекты разделяются так:

Число проектов	Сумма вложений	
	на акр долл.	на га руб.
5	80—96	400—480
5	60—76	300—380
5	49—55	245—275
5	35—45	175—225
4	29—34	145—170

По сумме ежегодного валового сбора с единицы площади за все годы, по которым имеются отчеты, и сумме валовой доходности на 1 долл. капитальных затрат проекты дают сильные колебания:

Число проектов	Колеб. средн. доходн. по проектам		Колеб. средн. доходности в долл. (1 руб.) по проектам на 1 долл. (1 руб.) капит. затрат на ирригацию
	с акра в долл.	с га в руб.	
1	148	740	1,57
2	76—89	380—445	0,80—1,71
3	50—64	250—320	0,62—1,02
5	40—47	200—235	0,53—1,03
4	31—38	155—190	0,47—1,21
6	20—28	100—140	0,46—0,74
3	16—19	80—95	0,22—0,55

Из 24 проектов валовой сбор с га по 300 и более руб. дают только 5 проектов и от 200 до 250 руб. — только 6 проектов; остальные дают более низкую доходность.

Уидзо приводит таблицу по 13 проектам, которые были заселены в 1914 г., показывающую зависимость между процентами непокрытых к 1923 г. поселенцами обязательств по погашению вложений на ирригацию и ежегодной средней валовой доходностью с акра; к этой таблице мы добавляем данные о числе проектов и о колебаниях ценности сбора:

Число проектов	Процент недобора подлежащ. покры- тию обязательств	Средн. ежегодн. ценность сбора		Колебания ценно- сти сбора	
		с акра в долл.	с га в руб.	с акра в долл.	с га в руб.
4	4,7	65,60	328	158—19	740—95
3	7,6	45,67	228	63—31	315—155
3	11,6	32,68	163	41—20	205—100
2	25,8	30,27	151	32—28	160—140
1	36,2	15,58	78	15—58	78

Между долей непокрытых обязательств и доходностью усматривается обратная зависимость, но не носящая особо тесного характера.

Значительный интерес представляет проблема устойчивости урожайности и доходности при орошении. Заимствуем из отчета Бюро мелиораций САСШ данные за 1924 г. о проценте ферм на проектах, попавших в различные по характеру урожайности группы: от 1—43,5% ферм по различным проектам попало в группу с низкой урожайностью менее половины средней для каждого проекта в целом; от 19,4—67,4% ферм попало в группу с урожайностью несколько более высокой, равной половине, средней для проекта и выше, но менее средней; от 14—50% ферм по различным проектам попало в группу с хорошей урожайностью, равной средней и выше, но менее, чем в 1½ раза, выше средней, и от 1,1—29,7% ферм попало в группу с отличной урожайностью, равной полуторной средней для каждого проекта и выше. При этом колебания урожайности на фермах одного и того же проекта бывают очень велики; так на проекте Milk River в 1924 г. в группу с отличной урожайностью попало 29,7% ферм, а в группу с самой низкой урожайностью—25,4% ферм. Одно орошение не гарантирует еще устойчивой урожайности и доходности.

Отметим еще некоторые интересные для нас выводы опыта Америки. Для утверждения проекта признаются необходимыми тщательные изыскания в отношении водообеспеченности, технической части проекта, почв, климата, путей сообщения, рынков, земельных цен, вероятной стоимости освоения, причем эти данные должны доставляться уполномоченными министров внутренних дел, земледелия и торговли. Должно быть уделено особое внимание правильному составлению смет. Дренаж и выравнивание участков должны входить в стоимость проектов. Поселенцы должны тщательно подбираться. На проектах должны иметься особые инструктора, помогающие фермеру выработать соответствующее направление хозяйства и побудить его к экономному обращению с водой; для достижения последнего требуется вести разностороннюю пропаганду. Нужно позаботиться о доступном для фермеров кредите. Большие владения должны разбиваться на фермы установленного размера, и кредит должен помочь изживанию арендаторства, которое сейчас широко распространено (около ¼ ферм обрабатывается арендаторами). Выводы американских ирригаторов о необходимости плана развития ирригации и использования источников в других целях по каждому бассейну и речной системе, о необходимости заранее учитывать колебания водообеспеченности источников и принимать меры для предотвращения вредных последствий этих колебаний, о необходимости тщательного проектирования и выяснения как стоимости проекта, так и его экономических результатов, — всю свою силу сохраняют для наших условий. Но наши проекты строятся в расчете на крупное, вооруженное всеми достижениями техники обобществленное хозяйство.

А широкая постановка научных исследований в области орошаемого хозяйства, как основа для воздействия на практику орошения, была признана необходимой руководителями среднеазиатской ирригации еще в 1923 г. и к настоящему моменту опытно-оросительные станции, тогда заложенные, имеют значительные достижения, позволяющие уверенно экономить оросительную воду.

II

Реки в Ср. Азии имеют исключительно благоприятный режим для использования их на орошение. Беря начало в горах, от таяния снегов и ледников они имеют много воды летом, в конце апреля, в мае, июне, а чисто ледниковые реки, например Зеравшан, в самую жаркую пору лета, именно тогда, когда сельскохозяйственные растения больше всего нуждаются в оросительной воде.

На прилагаемом графике, имеющем чисто иллюстративное значение, дается сопоставление средних месячных расходов главнейших рек Ср. Азии—Аму-дарьи, Сыр-дарьи, Чирчика и Зеравшана с знаменитым Нилом.

Полноводье Нила приходится на август, сентябрь, октябрь, когда средний расход его достигает 4.500—9.500 м³ в секунду, зато летом, в мае, в Ниле около 600 м³ в сек., в это время не только Аму- и Сыр-дарья имеют воды в несколько раз больше Нила, но и Чирчик несет воды больше Нила, а столько воды, сколько Нил в мае, Зеравшан несет в июне. В предвоенные годы площадь, орошаемая Нилом, составляла в тыс. га:

	Верхн. Египет	Нижн. Египет	Египет в целом
Площадь поливных земель	1.000	1.400	2.400
В т. ч. площ. постоянн. орош.	450	1.400	1.850
Культуры на поливных землях			
Зимние	850	850	1.700
Летние	230	740	970
Высеваемые в полноводье (в конце июля, в авг.)	250	550	800
Сады	10	10	20
Всего	1.340	2.150	3.490
Хлопок в 1912 г.	160	565	725
в 1925 »	235	575	810

Непрерывный вегетационный сезон в течение всего года позволяет иметь в Египте при наличности 2.400 тыс. га поливных земель 3.490 тыс. га посева, т. е. посевы в 1,45 раза больше площади орошенной земли; в Ср. Азии вторичные культуры высеваются после зерновых и имеют незначительное распространение; но летних культур из-за маловодья Нила летом в Египте немного; да и для того, чтобы иметь эту площадь летних культур, пришлось построить водохранилища, из них знаменитое Ассуанское, начавшее работать в 1903 г. и расширенное в 1913 г.¹

В Ниж. Египте ирригация (без водохранилищ и правительственных каналов) и освоение, включая оросительную сеть, выравнивание и промывку участков, постройки, машины, инвентарь, рабочий скот и пр. оборудования, до войны составляли на га 480—600 руб., а в настоящее время из-за вздорожания труда и материалов—720—960 руб. на га; стоимость дренажа засоленных земель, включая водосборы, водоподъемные установки и подсобные работы,—около 240 руб. на га.

¹ Статьи Т. S. Richmond. Salt Lands и Sirry Bey „Drainage“ в „Egyptian Cotton Numb. Maner. Suard. Comm.“. 17/III 1927.

Орошаемая площадь Союза в 1929 г. составляла: по Ср. Азии с Казакстаном общеполivная — 3.500 тыс. га, хлопковая — 893 тыс. га, по ЗСФСР общеполivная — 813 тыс. га, хлопковая — 130 тыс. га.

Движение хлопковых площадей и сборов волокна по Ср. Азии, включая Казакстан и ЗСФСР, было следующее¹:

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Площади в тыс. га .	644	725	737	69	193	356	481	538	630	781	893
Сборы волокна в тыс. т	239,9	306,1	238,8	10,3	38,6	78,3	137,8	143,2	190,8	222	245
Площади в тыс. га .	161	100,8	101,9	1,1	20,1	93	110	116	122	130	130
Сборы волокна в тыс. т	35,5	21,9	21,1	0,1	4,2	19,8	22,9	22,3	24,3	23	21

Зак. федерация Ср. Азии

Сборы волокна по Ср. Азии с Казакстаном непрерывно растут но для покрытия потребности промышленности в хлопке темп прироста сборов необходимо усилить; по ЗСФСР сборы волокна в течение 5 лет остаются стационарными. Естественные ресурсы позволяют при развитии орошения в 7 раз увеличить продукцию хлопка. По подсчетам проф. Г. К. Ризенкампа² по отдельным источникам с учетом подпочвенных и др. условий орошаемая площадь в Ср. Азии может быть увеличена в хлопков. районах на 6.500 тыс. га, в том числе за счет вод Сыр-дарьи на 1.500 тыс. га и за счет вод Аму-дарьи на 3.500 тыс. га. Орошаемая площадь в хлопковых районах Ср. Азии, составляющая сейчас около 2% от всей площади, более, чем утроится; при этом резко возрастет пригодная для хлопководства площадь в Казакстане, на долю которого придется около 1.000 тыс. га прироста по Сыр-дарье, около 300 тыс. га — по Чирчику и до 500 тыс. га — в низовьях Аму-дарьи. Ориентировочно продукцию хлопка по Ср. Азии и Казакстану при отмеченном развитии орошения можно исчислить в 1.800 тыс. т волокна. Делавшиеся подсчеты по ЗСФСР при полном развитии орошения определяли продукцию хлопка-волокна кругло до 150 тыс. т.

Необходимое для нас расширение хлопководства требует мощного ирригационного строительства на ряду с другими мероприятиями, что обнаруживается при ознакомлении с источниками орошения, на которых расположены хлопковые площади.

Из общеполivной площади по Ср. Азии и Казакстану около 1% приходится на нехлопковые районы. Площадь в хлопковых районах по источникам орошения распределяется так.

На группу источников, разбираемых на орошение частично, в 1927 г. пришлось только 1/3 общеполivной и хлопковой площади, а остальные 2/3 пришлось на источники, разбираемые на орошение полностью, за исключением паводковых, зимних и сбросных вод, но при существующей сети и технике водопользования.

В 1927 г. количество воды в источниках за вегетационный период составляло около 60% от среднего многолетнего, а исчисленная нами взвешенная полезная водность — около 77%, и посушки хлопка

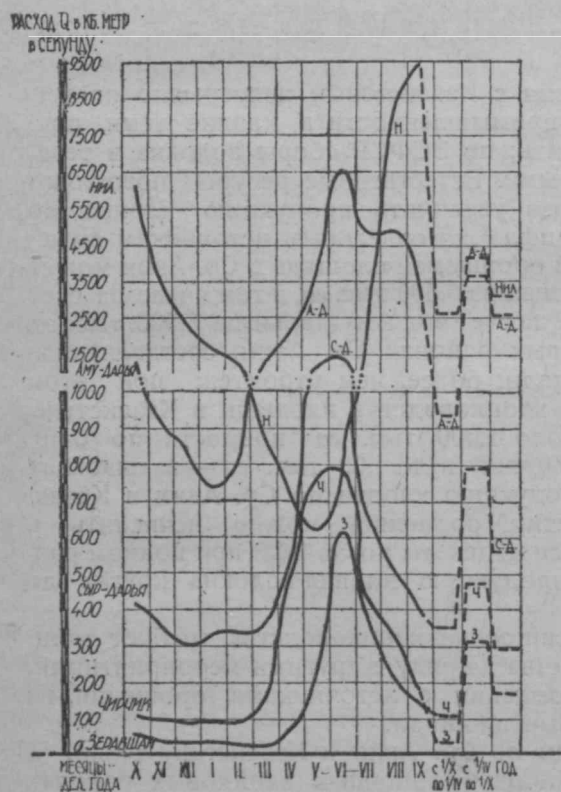
¹ Данные о сборе волокна в 1929 г. исчислены по данным о скупке на 1/II 1930 г.

² Г. К. Ризенкампф. Данные о свободных земельных запасах в Туркестане для орошения и культивирования хлопчатника. Москва, 1920 г.

имели место на 11 из 26 источников, целиком разбираемых на орошение, посушки составили 18.500 га и недополив — 42.640 га. Резкий недостаток в воде испытывали семхозы ГХК: Пахталык-Куль (Ферган), Искандер, Челеки, Кульбасты (Зеравшан) и Байрам-Али.

Исчисленная тем же способом полезная водность в 1928 г. составила 110% от многолетней и в 1929 г. — около 100% многолетней. На Зеравшане в 1929 г. критические месяцы апрель и май дали 110 и 120% от многолетнего; столь же хорошая водность отмечалась весной во время посевов хлопка по Ангрену и некоторым др. маловодным источникам.

График средних расходов помесечных и за периоды — вегетационный (I/IV—I/X), невегетационный (I/X—I/IV) и за год рек: Зеравшана, Чирчика, Сыр-дарьи, Аму-дарьи за 1914 г. и Нила у Ассуана за 20 лет

320 тыс. га; эта площадь меньше, чем на Зеравшане — 350 тыс. га, — расход которого слишком в 10 раз менее расхода Аму-дарьи. Сыр-дарья также мало использована: по количеству воды она почти в 2½ раза больше Зеравшана, а орошаемая площадь в хлопковых районах на Сыр-дарье — 150 тыс. га — обратно, почти в 2½ раза меньше, чем на Зеравшане. Площадь на Чирчике почти равна площади на Сыр-дарье, хотя по количеству воды Чирчик в 2 раза меньше Сыр-дарьи, но на ¼ больше Зеравшана. Приведенные данные о сравнительно незначительных площадях, орошаемых самыми крупными реками Ср. Азии, объясняют, почему дальнейшие значительные приросты орошаемых площадей связываются с более полным использованием на орошение вод Чирчика, Сыр- и Аму-дарьи. Свыше 9/10 наших

строительством и другие осуществленные водохозяйственные мероприятия недостаточны, чтобы избавить большинство наших систем и орошаемых площадей от безусловной зависимости от колебания водности года. Вода мелких источников целиком разбирается на орошение, и площади то расширяются, то сжимаются и получают то или иное количество воды не в зависимости от выпадения дождя над орошаемыми полями, а в зависимости от накопления в горах и плавности таяния зимних осадков.

При ознакомлении с данными о площадях посевов по источникам орошения бросается в глаза малая использованность на орошение рек Чирчика, Сыр- и Аму-дарьи. На графике видно, что по расходу воды в секунду за год Аму-дарья мало уступает Нилу, а по расходу за вегетационный период (апрель — сентябрь) — на 1/5 превосходит Нил. Площадь же полевых посевов на Ниле 3.500 тыс. га, а на Аму-дарье — около

орошаемых площадей расположены на туземных оросительных системах. Из крупных систем лишь 2 системы в Ср. Азии — инженерные: Голодностепская¹ (у Среднеазиатской ж. д. между Ташкентом и Самаркандом) и Мургабская системы, — одна, обладающая водохранилищами.

Туземная техника позволила разобрать на орошение полностью ключи и реки, причем из последних даже такая крупная как р. Зеравшан, использует путем подбора культур лишь свободный сток этих рек; однако туземной технике оказалось не под силу использовать в значительной мере мощные реки или соорудить водохранилища для регулирования стока перегруженных площадями источников орошения. И первые крупные инженерные системы, преследовавшие совсем не те социально-экономические задачи, которые выдвигаются сейчас в связи с социалистическим переустройством хлопководческого хозяйства, восполнили пробел туземной техники, дав пример расширения площадей путем сбережения в водохранилищах неиспользуемых вод и путем вывода воды на орошения из Сыр-дарьи. Уидзо говорит про засушливый запад Америки, что там свободный сток источников кроме паводковых, зимний и случайных вод использован, и орошаемая площадь составляет около 10% от общей площади; при таких условиях задача ирригаторов — собрать в водохранилища неиспользуемую на орошение воду, дать дополнительное водоснабжение частично орошаемым землям, и в таком случае при полном и бережливом использовании водных запасов, включая и грунтовые воды, орошаемую площадь вероятно можно будет удвоить.

У нас прежде всего стоит задача использовать воды крупных рек, бесполезно стекающие в Аральское море. Благоприятный режим этих рек позволяет оросить без регулирования стока сотни тысяч га (по Чирчику — около 300 тыс. га, по Сыр-дарье — 500 тыс. га, а по Аму-дарье — в несколько раз больше). Новое орошение из малоиспользуемых источников обещает дать обеспеченный водой прирост площадей хорошего качества, а технически оно часто проще, чем переустройство существующего орошения на полностью разбираемых на орошение реках. Подойти к использованию этих мощных рек надо с соответствующим масштабом и совершенным техническим вооружением. Наиболее крупные из современных проектов нового орошения: 1) орошение Голодной степи из Сыр-дарьи путем использования и переустройства существующих головного сооружения и канала, площадь прироста 360 тыс. га и переустраиваемая около 70 тыс. га; рельеф исключительно благоприятен для организации крупнейших хлопковых совхозов и механизированной обработки; вероятное увеличение продукции хлопка-волокна до 100 тыс. т; 2) расширение орошения в бассейне Чирчик—Ангrena сверх существующих около 200 тыс. га на 300 тыс. га, и наконец спешно ведутся изыскания по крупному проекту на Вахше в Таджикистане, площадью до 70 тыс. га с возможностью культуры египетских сортов хлопчатника.

На ряду с крупным строительством, дающим площади прироста значительно большие, чем одновременно переустраиваемые площади существующего орошения, большое значение должно иметь переустройство существующих систем, улучшающее водоснабжение, водо-

¹ Эта система была открыта к заселению осенью 1914 г.; даже не законченная постройкой в отношении сбросной сети, рассчитанная на орошение 50 тыс. га, она ныне насчитывает около 70 тыс. га общепольных и 40 тыс. га хлопка и включает знаменитый по высоте механизации культуры хлопчатника хлопковый совхоз Пахта-Арал (наибольшее хлопковое хозяйство в мире) 12.500 га.

распределение и борьбу с заболочиванием и засолонением путем различного вида дренажа. Наиболее характерным примером переустройства значительной площади с относительно небольшим приростом новой дает Зеравшан, вся вода которого, кроме паводковых пиков и некоторой доли зимней воды используется на орошение, даже часть зимней воды используется на орошение виноградников, люцерны, пшеницы и на промывку склонных к осолонению земель, которые весной поступают под хлопок.

Нагрузка площадей на единицу воды в секунду на Зеравшане больше, чем в проектируемых каналах, и для обеспечения поливом существующих площадей — с усилением хлопкового клина и для некоторого расширения площади — требуется постройка водохранилищ и целая система мер, направленных к экономии воды и тщательному многократному использованию не только поверхностных, но и просачивающихся при поливах и от потери в каналах возвратных и сбросных вод. Проект переустройства подобной системы путем ряда крупнейших строителей, например плотины Первого мая (Рават Ходжа), потребовал сложных длительных исследований и здесь ожидаемые результаты от переустройства значительно труднее определить, чем при новом орошении, когда не так трудно учесть, на какое количество неиспользованной в данном источнике воды надо рассчитывать и в каком количестве и какие площади предстоит оросить.

Существуют мнения, с нашей точки зрения ошибочные, что задачу рационализации теперешней системы в основном выполняет мелкое ирригационное строительство. Мы приводили мнение Уидзо о том, как важно упорядочить существующее орошение запада Америки, которое развилось без плана, когда часто в многоводные годы орошались площади, лишь частично поливаемые в другие годы. Решение подобной задачи в области орошения стоит перед нами и в Средней Азии. Обеспеченное водоснабжение площадям, расположенным на источниках, целиком разбираемых на орошение и недополиваемым и подвергающимся посушкам в маловодные годы (последние, к сожалению могут следовать чередой друг за другом и нарушать расчеты, основывающиеся на благоприятной или средней водности года), в наших условиях может дать переброска воды в маловодные источники орошения или каналы из частично используемых источников на ряду со способами, рекомендуемыми Уидзо: водохранилищами и использованием грунтовых вод; эти задачи в основном могут быть решены крупным строительством.

В порядке среднего и мелкого строительства, а иногда и натурповинности, у нас была осуществлена в незначительном размере переброска вод из многоводных в маловодные источники.

Другим примером улучшения путем мелкого строительства и натурповинности водообеспеченности площадей, страдающих из-за несовершенства примитивной туземной сети (головы, просто дыры в мягком прибрежном грунте), является переустройство систем по средней Аму-дарье, не получавших достаточного количества воды весной из-за низкого горизонта реки. По Аму-дарье, путем мелкого строительства сокращается многоголовье, несколько каналов прикрепляется к одному, более обеспеченному, выше расположенному водоприемнику, каналам дается правильный уклон и благодаря этому площадь расширяется, водообеспеченность весной улучшается, что позволяет большую долю отводить под хлопчатник, а натурповинность сокращается.

Работы, выполнявшиеся путем мелкого строительства, отчасти путем среднего строительства и эксплуатации заметно меняли с течением времени свой характер. Первоначально мелкое строительство носило характер восстановительного с попутным улучшением восстановляемых сооружений. В последние годы мелкое строительство сохранило такой характер только в Таджикистане; в других районах путем мелкого строительства, которое является строительством на существующих системах, и эксплуатации улучшались водозаборные сооружения с широким применением габионов, велось укрепление берегов, более тщательные регулировочные работы, не допускающие переполнения каналов, размывов, заболочивания, осуществлялось ошлюзование систем, постройка сбросов, акведуков, сифонов, лотков и мелкой сети на вновь орошаемых площадях за счет лучшего водозабора или экономии воды благодаря ошлюзованию, введению водооборота, запрещению рисовых посевов. В последнее время заметное место начинают занимать работы по осушению заболоченных пространств и проведение оросительной сети на осушенных после рисовых посевов полях. Расширение площадей происходит также в результате введения равенства в получении воды по всей системе — вверх и вниз, но это только подчеркивает необходимость коренного улучшения водоснабжения, так как зависимость большинства наших систем от водности года сказывается сильно; и при большей площади и использованности внутренних резервов наши поливные площади будут резко испытывать на себе нежелательные последствия при неблагоприятном отклонении водности источников от средней.

Водоохранилищ, кроме Мургабских и небольшого, находящегося в постройке по системе р. Арыси, у нас нет; почти не применяется бетонирование каналов, грунтовые же воды кроме кяризов в Туркмении и в небольшом числе в других маловодных районах также не используются. Эти резервы водообеспеченности у нас еще впереди.

Мелкое строительство, как оно теперь понимается, и по его общему объему, и по стоимости единичного объекта является новым строительством, но на системах. Мы видели, как резко подчеркивал Уидзо, необходимость плана использования каждой системы и недопустимость случайного строительства. Необходимо, чтобы у нас и мелкое строительство, особенно в его нынешнем понимании, осуществлялось в порядке реализации побасейновых или посистемных схем, причем для каждого объекта строительства должен быть утвержденный проект и компетентное заключение о пригодности орошаемых земель по почвенным условиям.

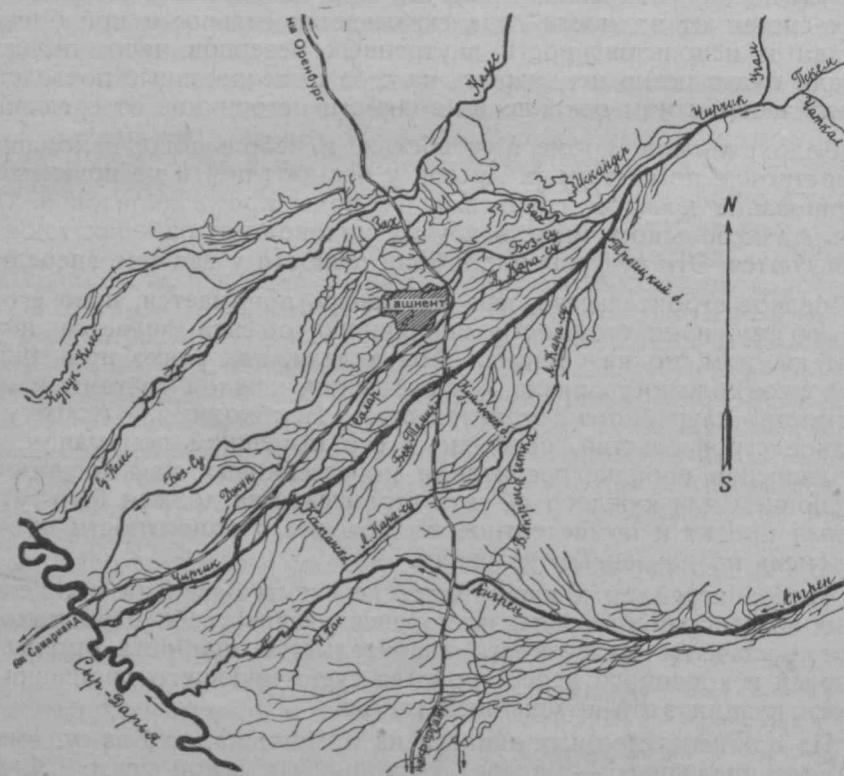
Теперь перейдем к характеристике схемы развития орошения в Чирчик-ангреном бассейне, постараясь уяснить себе народнохозяйственное значение намеченного значительного прироста орошаемых площадей и коренного переустройства существующего орошения, путем реализации этой крупнейшей схемы.

На одном из мощных каналов из р. Чирчика, на Боз-су, именно на отводе последнего — Саларе, расположен краевой центр Ср. Азии г. Ташкент, насчитывающий без малого 400 тыс. жителей; местоположение Ташкента — с. широта $41^{\circ}20'$, средняя продолжительность безморозного периода около 202 дней с колебаниями 173—225 дней; основные приросты имеют меньшую, чем Ташкент, высотную отметку и следовательно несколько больше тепла. Наличие выгодных климатических условий, имеющих преобладающее влияние, как это выяснилось в Америке, на успешность ирригационного проекта, соче-

тается в этом районе, по авторитетной характеристике почвоведов Л. П. Розова, с первоклассными почвенными условиями, ташкентский оазис по правому берегу Чирчика прорезан жел. дор. (ст. ж. д. Дарбаза, Келесс, Ташкент, Кауфманская, Вревская, Чиназ), а строящаяся в настоящее время линия от Ташкента через Пскент в Фергану пересечет левый берег Чирчика и Ангренские земли, где расположены значительные приросты площадей. Однако для лучшего обслуживания нового района потребуется провести пригодные для автотранспорта дороги с закрепленной грудью и подъездные жел.-дорожные пути, которые сразу же будут иметь большую нагрузку.

Близость культурного центра, прекрасные почвы и климат при наличии жел. дороги благоприятствовали развитию виноградарства и высокосортного садоводства, славящегося далеко за пределами края, садов около 6 тыс. га.

Представление о существующей оросительной сети и расположении ирригационных узлов дает нижеприведенная схема, имеющая иллюстративное значение.

Оросительных каналов, непосредственно берущих воду из Чирчика, насчитывается: по правому берегу — 17, по левому берегу — 37 и по Ангрену — 65; более крупных каналов, как забирающих воду из источников орошения, так и крупных распределителей — около 300, и сверх того значительно большее число распределителей следующего порядка и оросителей. Создается впечатление кровеносной си-

стемы, разносящей на поля около половины воды крупного притока Сыр-дарьи, мощной горной реки Чирчика, полностью воду в 10 раз меньшего Ангрена, небольших рек Келесса и Куру-Келесса и многих потоков и ключей.

Недостатки существующего орошения следующие: водозабор из Чирчика, водой которого орошается $\frac{9}{10}$ переустраиваемых площадей бассейна, производится в нескольких десятках пунктов туземным способом, в последнее время с широким применением габионов; каналы то недополучают воду, то чаще всего переполняются, заболочивая посевы, причем в большие паводки случаются затопления (в 1928 г. было затоплено у канала Чушка-Баш 3.000 га рисовых посевов). Пойма р. Чирчика, расположенная между каналами левобережным и правобережным Кара-су и Чирчиком с преобладанием рисовых посевов сильно заболочена (около 30 тыс. га болот). Хвостовые же части некоторых каналов Чирчика-Заха, Куру-Кульдука и др. испытывают недостаток воды. Площади по среднему течению Ангрена — около 15.000 га — систематически в течение десятилетий испытывают крайний недостаток в воде, особенно в районе Пскента и Букинском — хлопок поливается менее 3, люцерна ¹—2 раза; недостаток воды характерен также для низовьев Келесса; площадь с недостаточной водообеспеченностью в районе переустройства около 30 тыс. га. Схема инж. Ф. П. Моргуnenкова предусматривает водозабор из Чирчика вести к 3 узлам, в которых проектируется постройка барражей, называющихся по местонахождению: Троицкий, Куйлюкский и Калган-чирчикский. Водозабор вне барражей сохраняется только в верховьях Чирчика для питания отдельных каналов Искандера Ханьма и верхней части Заха.

Верхний узел Троицкий расположен в непосредственной близости, ниже по течению, существующих мощных каналов из Чирчика: Боз-су с пропускной способностью 80 м³/с и левобережного Кара-су 10 м³/с. На Боз-су расположена гидростанция у г. Ташкента мощностью 3 тыс. квт и строится по среднему течению Кадырынская станция мощностью 12 тыс. квт; площадь орошаемых земель на Боз-су около 40 тыс. га (под хлопком около 40%); на отводах, орошающих правобережную часть поймы, правобережном Кара-су и др. расположены значительные площади рисовых посевов. Канал левобережный Кара-су орошает значительную долю левобережной поймы Чирчика, около 25 тыс. га, из них около $\frac{2}{5}$ под рисом, напоминающие гигантские соты, поля которого (Шалы пая) на 90 дней залиты слоем воды в 0,1 м и выше, хлопка из-за заболоченности около $\frac{1}{5}$ по более возвышенным местам.

Соответственно переустроенные канал Боз-су и левобережный Кара-су используются; водозабор в них обеспечивается благодаря возможности при наличии барража поддерживать требующийся уровень воды в реке. По Боз-су вода перебрасывается по соединительной ветке в Зах-арык, а отсюда подается на орошение пустующих массивов по Н. Заху, Келессу, Межкелесскому и Боз-су-джунскому районам. По левобережному Кара-су вода подается для орошения поймы, которая в целях осушения заболоченных земель прорезывается параллельными каналами-коллекторами из Кара-су до Чирчика. Построенные два таких коллектора не только полностью оправдали ожидания, осушив

¹ Статистико-экономический очерк долины реки Ангrena. Ташкент, Туркводхоз, 1923 г.

около 10 тыс. га, но и создали условия, позволяющие на недавних и древних заболоченных рисовых полях с успехом культивировать хлопчатник, причем для этого не требуется предварительной планировки полей, так как для рисовых посевов поля тщательно выравнивались, а необходима лишь после осушки глубокая тракторная вспашка задернелого и уплотнившегося почвенного слоя.

Помимо орошения поймы по левобережному Кара-су Чирчикская вода может быть пропущена для орошения массивов по левому берегу р. Ангrena, шириной около 1½ км. Схема предвидела брать воду для В. Ангренской ветки не у Троицкого, а у следующего по течению Куйлюкского барража; по мотивам, что дешевле построить новый более короткий канал для орошения Ангренских земель с водоприемником у Куйлюкского барража, чем перестраивать для увеличенного пропуска воды более длинный туземный канал левобережного Кара-су. Помимо ангренских земель по схеме от Куйлюкского барража должна орошаться средняя часть поймы. Самый нижний — Калганский барраж должен подавать воду для орошения нижней части поймы и земель в низовьях Ангrena в сфере командования существующего канала из Ангrena Н. Хана, питаемого уже сейчас перебрасываемой в Ангрен Чирчикской водой.

После переключения на питание из Чирчика не только низовьев, но и средней части Ангrena ангренская вода может быть в большей степени использована для расширения орошения в районе выше В. Ангренской ветки путем мелкого строительства, а в средней части Ангrena улучшенное водоснабжение позволит повысить хлопковый клин и увеличить число поливов хлопка и люцерны. Приведенная схема является примером зависимости мелкого строительства от крупного.

Каналы из Чирчика выше Троицкого барража продолжают забирать воду посредством регулировочных работ и по ним предусматривается расширение орошения. Орошение в верховьях Келесса и по мелким горным потокам и ключам схемой переустройства не затрагивается.

Расширение орошения после реализации работ первой очереди схемы характеризуется следующими цифрами: общий прирост по Чирчик-ангренскому бассейну запроектирован в 349 тыс. га (с 235,8 тыс. га до 584,4 тыс. га), хлопковый прирост—197 тыс. га (71 тыс. и 268 тыс. га); при этом по району вне переустройства, общая (46 тыс. га и хлопковая (5 тыс. га) площадь почти не изменяется; низкий процент хлопчатника здесь, а также по В. Ангрену объясняется высоким местоположением и неурегулированным орошением из мелких источников; по В. Ангрену общая площадь увеличивается с 12,5 до 46 тыс. га, т. е. на 33 тыс. га, а хлопковая—с 3 на 6 тыс. га; по району Верхнего Чирчика прирост общий 22 (с 13 до 35 тыс.), а хлопковый—6 (с 4 до 10) тыс. га. Наибольший прирост запроектирован по основному переустраиваемому массиву, орошаемому из Чирчика, находящемуся в сфере командования трех ирригационных узлов.

Приросты общеполivных площадей по сравнению с 1928 г. и изменение в распределении культур после переустройства запроектированы по отдельным естественно-историческим и сельскохозяйственным районам этого массива следующие:

Наименование районов	Годы	Хло- пок	Лю- церна	Зерно- вые	В тыс. га				Итого
					бахчи, огор., пропаш.	сады и усады	рис		
В. Ангренск. ветка	1928	11,8	2,3	5,0	1,2	3,1	4,3		27,7
Ниж. Хан.	Проек.	84,3	23,1	12,5	3,7	10,3	2,5		136,5
Н. Захск. и Ср. Келесск.	1928	15,5	6,7	2,9	4,9	2,2	0,0		32,2
Н. Меж. Келесск.	Проек.	60,2	15,6	9,4	8,4	10,4	—		104,0
Боз-суйск, Джун	1928	16,8	4,1	2,5	5,9	11,1	0,3		40,8
Меж-боз-су-келесск.	Проек.	39,9	10,9	2,6	9,9	20,9	—		84,4
Пойма Чирчика	1928	16,9	4,2	3,4	4,7	5,8	32,5		67,5
	Проек.	62,3	18,8	11,9	9,4	12,3	16,8		131,5
	1928	61,0	17,3	13,8	16,7	22,2	37,1		168,1
Итого по району 3 узлов	Проек.	246,7	68,5	36,5	31,5	53,9	19,3		456,4
	Прирост	185,7	51,3	22,7	14,7	31,6	17,8		288,2

В результате осуществления схемы общеполivная площадь в районе 3 узлов достигнет 456 тыс. га, увеличившись на 288 тыс. га, или на 171%, от существующей площади. На ряду с этим резко изменится распределение культур: посевы риса сократятся с 37 до 19 тыс. га, заняв вместо 22,1 всего 4,3%; хлопковые посевы возрастут—с 61 до 247 тыс. га (на 328%), хлопчатник займет по отношению к общей площади 54% вместо нынешних 36,3%; в связи с сокращением пропашных и риса, солома которого является прекрасным кормом для скота, доля под люцерной, дающей питательный корм и обогащающей почву азотом, возрастет с 10 до 15%, усадьбы и сады займут 11,8% вместо существующих 13%, хотя в отдельных районах, как например Боз-су-джунском—главном центре ташкентского садоводства, в котором сейчас под садами и усадьбами свыше ¼ общеполivной площади, удержится приблизительно такая же доля под садами; ведение же садового и огородного хозяйства будет осуществляться специальными садоводческими и садово-огородными и молочными совхозами и колхозами.

Зерновых озимых сохранится около 8%, так как свободная площадь имеется, а до сбережения осенних вод в водохранилищах целесообразно использовать последнюю на озимые посевы. конечно, без ущерба для хлопка. Об озимых в орошаемых районах Америки Уидзо высказывает следующее положение: «в гармонии с духом экономии ирригационной воды посевы озимой пшеницы в орошаемых районах должны стать общей практикой».

Американский эксперт, инженер А. Девис, с именем которого связаны крупнейшие ирригационные сооружения американской Службы мелиорации, на ряду с признанием удовлетворительности почвы и необходимости постройки Троицкого и Куйлюкского барражей (под вопросом им оставлен Калганский). в своем заключении главное внимание сосредоточил на обеспеченности площадей своевременным поливом.

Инж. А. Девис усматривает, что распределение культур и поливы так скомпонованы, чтобы суммарный оросительный график уложился в график расходов р. Чирчика; это правильно, если стремиться использовать на орошение лишь неурегулированный сток реки. В связи с этим в июне запроектирована потребность почти на 12% больше, чем в июле, что по мнению Девиса необычно для сельского хозяйства, обеспеченного водой. Максимальный сток Чирчика наблю-

дался в 1908 г. с расходом 11.460 млн. м³ минимальный в 1917 г. — 4.292 млн. м³, или равнялся 37,5% максимального стока.

Кривая расходов довольно хорошо совпадает с потребностями ирригации, поскольку половодье бывает летом; но максимальные расходы наступают на 15—30 дней раньше максимальной потребности. Отсюда подчеркивание инж. Девисом необходимости немедленно организовать изыскания для водохранилищ и безотлагательная постройка таковых для сохранения зимних вод и пиков летних паводков, при этом средняя нехватка против запроектированной потребности в воде составила 3—5% в мес. и за 30-летний период лишь за 2 года в июне, июле и августе нехватка воды составляла 20—47% от потребности.

Инж. Девисом также обращено внимание на отбор площадей с рельефом, допускающим недорогую планировку полей, так как, по его мнению, неучитывание рельефа и стоимости планировки часто являлось причиной неудач ирригационных начинаний. Главнейший вывод А. Девиса для Чирчик-ангреновской схемы очень положителен: «При достаточно обильном количестве воды, надлежаще гарантированном водохранилищами с совершенными регулируемыми сооружениями, можно рассчитывать на орошение в Чирчикской долине около 700 тыс. га хороших земель, подходящих для культуры хлопка, фруктов, люцерны, овощей и зерновых при затратах, хорошо укладывающихся в продуктивную ценность земли» и «принятие предложений настоящего доклада не должно задерживать начала Чирчик-ангреновского строительства».

Высший водно-технический совет признал запроектированную орошаемую площадь из Чирчика—492 тыс. га с намеченным составом культур, обеспеченною поливом наличными водными ресурсами при условии включения в состав схемы одного из водохранилищ в верховьях Чирчика; но окончательное решение вопроса о водохранилище для первой очереди работ поставил в зависимости от результатов изучения режима возвратных вод и русловых потерь Чирчика и возможной экономии оросительной воды; одобрил один верхний барраж Троицкий, с тем, чтобы от последнего орошались не только земли, предположенные схемой, но и Верхняя Ангреновская ветка с площадью 112 тыс. га, а вода в нее подавалась через левобережный Кара-су с подпитыванием последнего через существующий канал Бектемир. Верхне-чирчикский узел был признан тесно связанным с проектируемой на Чирчике мощной гидростанцией для добывания азота; а задача переустройства Верх. Ангрена выше Верхней Ангреновской ветки была признана самостоятельной задачей, а представленный материал недостаточным для ее решения.

Таким образом, одобрено переустройство орошения по Чирчику, начиная от Троицкого барража и ниже, обозначенное нами выше в таблице как район 3 узлов схемы. Постановлением подчеркнуто огромное значение оценки рельефа со стороны ирригационного и сельскохозяйственного освоения поливных площадей под механизированное хозяйство и признано, что условия и стоимость ирригационного освоения в связи с тракторной вспашкой и колебания стоимости обработки в зависимости от рельефа нуждаются в доработке путем экспериментальной проверки на характерных участках схемы.

Крупное общесоюзное значение Чирчик-ангреновской проблемы обрисовывается со стороны эффективности вложений, снабжения хлопком промышленности и роста крупного механизированного хлопководческого хозяйства.

Приведем данные по Чирчику и по некоторым другим проектам, исчисленные И. Д. Мусатовым, оговорившись, что это не материал отчетов, а проектный, и степень точности исходных материалов неодинакова:

Схемы и предв. проекты	Капитальные затраты на ирригацию (без ирр. освоения) на 1 га прироста поливн. земель	Капитальные затраты на ирригацию (без ирр. освоения) на 1 га всего хлопкового прироста	Капитальные затраты на ирригацию на 1 т прироста хлоп.-волокна	Прирост валовой доходности земледелия на 1 руб. капитальных затрат
Чирчик	351 руб.	596	2,052	90 коп.
Дальверзин	491 "	736	2,028	73
Мильская степь	294 "	867	2,806	59
Кирь	783 "	1.680	5,063	44

При всей неточности этого сопоставления (Дальверзин — предварительный проект, Чирчик и Мильская степь — схемы, причем в обоих случаях, особенно по Мильской степи, затраты будут больше; доходность по Чирчику была исчислена скромная) сравнительная эффективность Ч.-А. проблемы явно выявлена.

Стоимость проекта переустройства орошения из Чирчика без переустройства Верхнего Ангрена докладчиком ВВТС инж. Г. А. Черниковым исчислена с увеличением представленных смет по основным работам в 1,7 раза, по распределительной сети в 1,44 раза, а мелкая и мельчайшая сеть и планировка по опыту и исчислениям для Дальверзина:

Основные работы и водохранилище	82 млн. руб.
Распределительная сеть	36 "
Мелкая сеть для коллективных хозяйств	26 "
Временная эксплуатация	5 "
Итого	149 "
Мельчайшая сеть для коллект. хозяйств	39 "
Планировка	39 "
Всего	227 млн. руб.

Мельчайшая сеть принята по 125 руб. на га; планировка в такую же сумму. Таким образом мельчайшая сеть и планировка стоят столько же, как основные работы, куда отнесено одно из водохранилищ, ирригационные узлы и магистральные каналы. К сожалению, требования хлопковых организаций, которые выставлялись для мельчайшей сети—необходимость в день полить в одном месте 20 га, т. е. ту площадь, которую в состоянии вспахать отряд тракторов из 10 единиц в 1 день, представляются неубедительными; практика Ферганы по низовьям р. Исфары и Бухары по р. Зеравшану допускает сильную растяжку предпахотных поливов, ограничиваясь часто лишь зимними поливами; надо признать неустановленным и размер поливной деланки, от чего зависит объем планировки. Водохранилища, плотины и др. крупнейшие сооружения, которым уделяется так много внимания в технических инстанциях, падают сравнительно незначительной суммой на га, а ирригационное и с.-х. освоение, мельчайшая сеть и планировка и пр. — очень большой, и именно в этой части надлежит прежде всего удешевить строительство.

Стоимость прироста, без ирригационного освоения по району ниже Троицкого барража, отнеся все расходы на прирост, составит

480 руб. на га, а сбрасывая часть стоимости—16 млн. руб.—на переустраиваемую площадь, соответственно получаемой выгоде (земли В. Ангрена, Среднего Ангрена, Келесса, низовье Заха и др. получают больше воды, а заболоченные земли будут осушены и вся площадь получит обеспеченный забор воды), стоимость на 1 га прироста поливной земли составит 430 руб., на 1 га хлопкового прироста—740 руб., а на 1 га хлопка-волокна—1.790 руб., валовая продукция от земледелия, исчисляемая ниже, на 1 руб. капитальных затрат составит 77 коп., при этом сметы и доходность уже подверглись поправкам технических инстанций; результаты строительства со стороны эффективности надо признать удовлетворительными.

Отметим, что по рельефу Чирчик-ангренинский район представляет большое разнообразие, а мельчайшая сеть и планировка зависят от микрорельефа.

Пойма выравнена и почти не нуждается в планировке; уже ангрениские земли потребуют планировки, рельеф же правого берега, по Н. Заху, Келессу, Боз-су и Джуну—волнистый и потребуются творческие усилия для выработки типов мельчайшей сети, характера планировки и подбора соответствующих машин, для организации механизированного крупного хлопководческого хозяйства при таком трудном рельефе.

Урожайность и себестоимость хлопка в семхозах ГХК Каунчи в районе Джунга с площадью поливных земель 400—450 га и хлопковых посевов 250—280 га¹, и Чувапочи по Н. Заху с общеполливной 170 га и хлопковой — 80—130 га и двум совхозам по Голодной степи Пахта-Арал с общеполливной площадью 4—9 тыс. га и хлопковой 3,55—6 тыс. га и Малек с общеполливной 370—480 га и хлопковой — 225—300 га составила:

Сельхозы и совхозы	Урожайность (в ц с га)			Себестоимость (ц сырца в руб.)			
	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1928
Каунчи	10,1	12,3	9,2	32,1	24,1	31,6	70,3
Чувапочи	13,1	10,5	8,2	28,8	31,4	36,9	49,3
Пахта-Арал	11,3	14,8	14,8	24,1	20,3	25,5	41,3
Малек	18,2	8,8	12,5	23,9	31,8	40,2	58,6

Урожайность совхозов Приташкентского района недостаточна, а себестоимость при условии, что лимитная цена за 1 центнер сырца 28 руб. очень высока; но таковую по семхозам Каунчи и Чувапочи нельзя считать характерной для механизированных крупных хозяйств; более благоприятные результаты дают семхозы Малек, сильно страдавший от заболочивания в виду отсутствия сбросов, и Пахта-Арал, дававший 3 года из 4 себестоимость сырца ниже лимитной цены.

Урожайность по скупке по Ташкентскому району определилась близкой к довоенной урожайности по административной статистике, но урожайность преуменьшалась сильным преувеличением хлопковых площадей.

Среднеазиатским ЭКОСО по хлопковой пятилетке намечается урожайность по Ср. Азии (без новых районов):

	1929	1930	1931	1932	1933
Урожай с га в ц	9,99	11,37	12,08	13,18	14,96

¹ Совещание агроработников 1927 г. отметило как основной дефект семхоза неурегулированность водопользования.

Для получения этой урожайности намечается внесение минеральных удобрений в среднем по 30 руб. на га в 1931/32 г. и по 38,5 руб. на га — в 1932/33 г.

Почвы Чирчик-ангренинского района прекрасные, но для Ср. Азии без Казакстана это относительно северный район, подверженный неблагоприятным климатическим явлениям¹. Допуская, что при улучшенной обработке с применением навозного и в достаточном количестве минерального удобрения урожайность достигнет, как запроектировано составителями схемы, 14,8 ц с га, для расчета доходности следует принять несколько меньшую урожайность—13 ц сырца с га. Стоимость механизированной обработки можно принять не 212 руб. на га, как это запроектировано схемой, а 300 руб. с га в соответствии со стоимостью обработки га в Пахта-Арале в 1926 г., считая, что удобрений придется применять больше, чем на целинных землях Пахта-Арала, а возможно понизить общие и накладные расходы. Отмечу, что в материалах по хлопк. пятилетке ГХК намечает более высокую себестоимость обработки на га. Не останавливаясь на детальных подсчетах, приведем таблицу урожайности валовой и чистой доходности, из которых возможно исходить при расчетах эффективности Ч.-А. схемы:

Культуры	Урож. в ц с га	Валовая доход. га (руб.)	Чистая доход. га (руб.)
Хлопчатник	12	370	70
Людерея	58	240	100
Рис	24,6 не оч.	450	150
Бахчи, огороды, пропашные	—	250	105
Сады и виноградники (40%), усадьбы (60%)	100% от 63	450	120
Зерновые	13	150	60

Отметим, что доходность хорошо поставленных садов и виноградников много выше принятой нами для расчета средней доходности; к тому же бездоходные площади под постройками нами отдельно не выделяются, а принято, что около 60% усадебной земли приходится на постройки и дворы, а 40%—на сады и виноградники, что близко к существующему соотношению.

Валовая доходность средневзвешенного га прироста, при намеченном соотношении культур составит 330 руб., а чистая доходность—80 руб., т. е. взвешенная доходность близка к доходности хлопчатника, которому принадлежит преобладающее значение.

Себестоимость 1 центнера сырца составит 23 руб., не причисляя к расходам процента на капитал, вложенный в ирригацию и сельскохозяйственное освоение; нынешняя лимитная цена 28 руб. за центнер сырца.

Рисовые посевы, несмотря на их высокую доходность, намечаются к вытеснению, в целях расширения хлопководства и экономии оросительной воды; интересные² работы Самаркандской опытно-оросительной станции по изучению пересадочной культуры риса, уплотнения почвы под рисовые посевы и прерывистого полива уже на на-

¹ Р. Шредер. Известия Турк. с.-х. опытной станции, 1911 г., вып. I и 1913 г. вып. II.

² См. „Рисовая проблема в долине р. Зеравшана и способы уменьшения оросительных норм риса“ К. Н. Савич и Г. Е. Каприелянц, изд. Ср.-аз. УВХ, Ташкент, 1928 г. Работы в расширенном объеме продолжаются на Самарк. опыт.-оросит. ст.

стоящей стадии их проведения позволяют сокращать обычную оросительную норму риса и повышать урожайность. Урожайность нами поставлена по рису выше, чем предполагалось схемой; рис сильно отзывается на удобрении и улучшении обработки, а при сокращении площади необходимо повысить урожайность. ВВТС признал, что рисовые посевы даже в уменьшенном размере целесообразно сохранить лишь до организации рисовых совхозов в районе Турксиба.

Отметим, что вытеснение риса для обращения этих площадей под хлопок сопровождается нередко тем, что часть площади некоторое время остается неиспользованной, затем требуются дренаж и переустройство оросительной сети; допустим всего на сумму 150 руб. на га; но сверх этого потребуются затраты на орошение в районе Турксиба и др. для получения га под рисом, при отводе под рис около 50% площади 800—1.000 руб., сверх того потребуются затраты на освоение нового района, а рис — валютная культура. Вытеснение га риса для культуры хлопка требует, при полном подсчете и необходимости орошения под рис в др. районе не меньше затрат в расчете на 1 га прироста хлопка, чем при орошении путем крупного строительства новых площадей в хлопковых районах, при этом на целине обычно легче получить более высокую урожайность хлопка, чем на осушенных из-под риса землях; но расчет будет иным в тех случаях, когда экономия воды, шедшей на рис, позволит оросить больше площадей хлопка, чем сокращено площадей под рисом.

Создание колхозов и совхозов на площади прироста ниже Троицкого барража кругло в 290 тыс. га, проведение сопутствующих мероприятий и общая сумма вложений, включая ирригационное строительство и освоение, выразятся в таких суммах:

Маш.-тракт. станции	100 руб. на га на площадь	290 тыс. га—29 млн. руб.		
Совхозы	400 " " "	115 " 46 " "		
Колхозы	200 " " "	175 " 35 " "		

Итого с.-х. освоение 110 " "

Ирригационное строительство и освоение, падающее на прирост	200 млн. руб.
Ирригационное строительство и освоение, падающее на переустр. площадь	16 " "
Хлопкоочистит. и маслобойные заводы	15 " "
Улучшенные дороги	10 " "
Под'ездные ж.-д. пути	10 " "

Всего 361 " "

При затрате на ирригационное строительство и с.-х. освоение 310 млн. руб. — из них менее 10% валюты — мы будем иметь ежегодно на приращенной площади 70.000 т волокна на сумму 70 млн. руб. золотом (при полном вытеснении риса продукция хлопка увеличится на 15 тыс. т, или 15 млн. руб. (и на 30 млн. руб. по госценам других продуктов полеводства, огородничества и садоводства), не считая возросшей продукции животноводства. При этом ежегодная чистая доходность земледелия составит 23.200 тыс. руб., т. е. по 7,5% на сумму вложений на ирригационное строительство и с.-х. освоение.

Отнесенные затраты на переустройство существующего орошения будут находить возмещение в повышении продукции и отсутствии убытков от затоплений, заболочиваний, неизменных спутников туземного забора воды и отсутствия сбросной сети.

Затраты на хлопкоочистительные и маслобойные заводы с избытком окупятся, а под'ездные ж.-д. пути будут иметь полную нагрузку, так как после осуществления орошения первой очереди орошаемая площадь Ташкентского района примерно будет равна $\frac{1}{3}$ орошаемой площади Ферганской долины, с близкой к последней продуктивностью.

Из площади прироста около 100 тыс. га по правому берегу приходится на Казакстан, остальной прирост находится в пределах Узбекистана. Среднее землепользование в расчете на двор менее 3 га пашивой земли; при условии механизации обработки в колхозах и, учитывая прирост населения, около $\frac{1}{3}$ прироста может быть обработано местным населением, для обработки остальной площади придется привлечь работников для совхозов и колхозов из других районов, например для освоения земель по Ангрену из соседнего крайне перенаселенного Наманганского района, для освоения некоторой доли земель вблизи Ташкента, вытесняемых крупной промышленностью туземных ремесленников и для земель в пределах Казакстана оседающих кочевников и неустroенных после земреформы переселенцев.

Культура хлопчатника при ручной обработке дает два резко выраженных пика трудовых затрат в июне во время окучек и во время уборки с конца сентября по декабрь. Тракторная вспашка и последующая механическая обработка позволяют заменить частично мужской труд трудом подростков и женщин во время окучек и сократить затраты труда до уборки с 70 раб. дней до 30 раб. дней; но эти два пика остаются и при большом хлопковом клине имеет место крайне неравномерная потребность в труде.

Из опыта семхозов ГХК выяснилось следующее соотношение рабочих по категориям¹:

временных	63,3%	общего количества;	39,7%	затрач. раб. дней
постоянных	24,5%	" "	47,7%	" " "
сезонных	12,2%	" "	12,6%	" " "

При площади 20.000 га необходимо привлекать 10.000 рабочих, из которых постоянных 2.480, сезонных 1.220, временных 6.330. Этот расчет говорит, что для площади под совхозами в 115 тыс. га потребуется около 40.000 временных рабочих. Частично осенний пик во время уборки хлопка рассасывается; в Ташкентском районе будет много садов, работы в которых по уборке урожая фруктов заканчиваются раньше разгара сбора хлопка и рабочие перебираются из садов на хлопковые поля. Но при огромном росте хлопководства, который должен иметь место в Ср. Азии, смягчение трудовых пиков и организация труда временных и сезонных рабочих в соответствии с требованиями социалистического строительства — одна из главных социально-экономических задач.

Это смягчение может идти двумя путями: еще большим усилением механизации обработки и сбора хлопка и занятием труда на месте, но в других отраслях деятельности в свободное от работ по хлопку время.

Чирчик-Ангрен является одним из лучших наших крупнейших хлопковых объектов; соперничать с ним может лишь Голодная степь: проект с 360 тыс. га прироста, возможной продукцией хлопка-волокна 100 тыс. т, более дешевый по стоимости на 1 га, также прорезанный жел. дорогой, обладающий благоприятным рельефом для круп-

¹ См. брошюру по освоению Дальверзина, изд. Ср.-аз. Экосо, 1929 г., составленная Бруком.

ных хозяйств, но с почвами, в дальнейшем требующими для предотвращения засоления горизонтального или вертикального дренажа на значительной доле площади (около 20 %).

Эти крупные проекты Чирчик-Ангрен и Голодная степь сильно продвинут наше хлопководство, и скорейшая постройка их будет иметь огромное народнохозяйственное значение, по-неволе очень бегло очерченное нами.

Благодаря их осуществлению сверх прироста поливных земель в испытанном хлопковом районе в 650 тыс. га будет переустроено существующее орошение на площади 250 тыс. га, включая и 70 тыс. га так называемого инженерного орошения в Голодной степи¹, которое нуждается в коренном переустройстве существующего орошения, особенно в отношении широких мероприятий по дренажу.

¹ Тех, кто хотел бы получить обстоятельное ознакомление с проектом орошения Голодной степи, отсылаем к только что вышедшей капитальной работе (проф. Г. К. Ризенкам и др. — К новому проекту орошения Голодной степи, ч. I, с атласом, изд. УВХ Ср. Азии, Ленинград, 1930 г., ц. 40 руб.) по этому вопросу Ср. Аз. УВХ, в которой охарактеризовано исключительно крупное народнохозяйственное значение этого проекта, очерчены естественно-исторические условия, изложены технические основы проекта, приложены постановления технических инстанций и доклад американской экспертизы инж. А. Девиса.

А. Девис дает полное одобрение основ проекта, советует утвердить его и, сделав несколько технических советов, заключает: „ни одна из мер, рекомендуемых настоящим докладом, не должна откладывать начала строительства хотя бы на один день“.

Производственные методы переселения

Мы, несомненно, стоим накануне полного распада форм и методов старого «переселенчества» и возникновения взамен его новой советской колонизации, осуществляемой исключительно экономическими методами.

Наблюдающиеся в данное время организационный и методологический разрывы между мероприятиями по заселению и производственными процессами являются главной причиной того огромного неуспеха, который наблюдается в ходе заселения ДВК. Процесс производственного освоения края должен осуществляться во всех стадиях, начиная с разработки планов и постановки необходимых для них обследований и изысканий и кончая проведением практических мероприятий — хозяйственными организациями и предприятиями в порядке выполнения ими своих основных производственных задач.

Проведению в жизнь какого-либо хозяйственного мероприятия большого значения обязательно предшествует подробная разработка и обоснование плана его, что в свою очередь требует предварительных всесторонних исследований и изысканий. Сооружению например какой-нибудь железнодорожной линии предшествует целая система изысканий — от общих, обосновывающих экономическую целесообразность проектируемого направления, до детальных технических, подготавливающих необходимые данные для составления проекта сооружения и производства постройки самой дороги. В этом отношении имеются подробно разработанные, научно обоснованные и опытно проверенные программы и методы разного типа обследований.

Установлен и некоторый средний расход на изыскательские работы в виде известного процента — до 1 % от стоимости сооружения. При этом изыскания и составление проектов часто занимают не меньше времени, чем это требуется на осуществление самого проекта.

Столь же большое внимание уделяется исследованиям и при составлении планов и проектов по созданию других хозяйственных предприятий: каменноугольных, по добыче золота, по рыбопромышленности, по сооружению портов, фабрик, заводов и пр. Никому и в голову не придет приступить к постройке например порта «Советская гавань» на основании только того материала, приведением которого сопровождалось включение его в пятилетний план. В пятилетний план вносятся задания с самым кратким технико-экономическим их обоснованием; выполнение же их сопровождается основательнейшей в качестве самостоятельной задачи проработкой.

Разработанной методики по составлению плана переселения мы не имеем, несмотря на то, что организация заселения ДВК — задача значительно более сложная, чем организация какого-либо одного или даже ряда предприятий. Это объясняется как локальностью этого дела «переселения» в ДВК, вследствие чего при его проведении лишь в малой мере приходится пользоваться опытом других терри-

торий, так и теснейшей связью переселения с данной хозяйственной системой, вследствие чего опыт прошлого здесь дает значительно меньше, чем для мероприятий технико-хозяйственного порядка. При разработке планов и проектов организации горнопромышленных, лесопромышленных, железнодорожных и др. предприятий имеется возможность использовать огромную практику и теоретические работы, относящиеся к аналогичным случаям из других районов Союза и даже из других стран.

Переселение прошлого заключалось в механической переброске людей с предоставлением им возможности при ограниченной государственной поддержке устраиваться собственными разрозненными силами. Нужно было разрядить избыточное население аграрно перенаселенных губерний, а с другой стороны политические условия повелительно требовали для закрепления территории ДВК увеличения в нем населения. При этих условиях переселение являлось как бы самоцелью — переселением для увеличения количества населения.

Попадая в новую природную и хозяйственную среду, переселенцы буквально оказывались одиночками на «голом месте».

Переселенческая организация, сосредоточивая внимание на переброске переселенцев без создания для них общих благоприятных экономических условий, для обеспечения им хотя бы некоторой приживаемости вынуждена была принять на себя заботы по обслуживанию самых разнообразных их нужд. Отсюда — гипертрофированный «универсализм» переселенческих учреждений, которые пытались осуществлять самые разнообразные функции: организацию передвижения переселенцев, подготовку колфонда, организацию хозяйств, руководство производством, оказание медико-санитарной и культурно-просветительной помощи переселенцам и т. д. Но эта система административных забот не обеспечивала переселенцу самого главного — она не давала ему таких организационных форм производства, при которых переселенец не оставался бы одиноким и беспомощным, а сразу находил бы свое место, как производительник, связываясь через ту или иную хозяйственную организацию с краевым, республиканским и т. д. хозяйствами.

Переход от старых форм переселенчества к новым методам хозяйственно-организованного заселения является насущнейшей потребностью ДВК. На это указывают и те печальные результаты, которые выражаются в катастрофическом обратничестве, свидетелями которого в настоящее время мы являемся.

Правда некоторые новые установки в этом деле получили полное принципиальное признание, например переселение — не цель, а средство для экономического развития края; оно должно быть теснейшим образом увязано с планом хозяйственного развития ДВК; нельзя проводить одну только земельную «колонизацию», а наряду с ней необходимо организовывать промышленное и промысловое хозяйство; вместо переселения индивидуального, надо организовать переселение и переселенческое хозяйство на коллективных началах и т. д.

Но все эти установки пока остаются неувязанными между собой в единую, стройную систему, не обладают строго конкретным содержанием и слабо отражаются в практической работе. По-прежнему продолжает сохраняться переселенческий «универсализм». Вместо привлечения к работе производственных организаций как наиболее заинтересованных в успехе своего производства и единственно способных самим процессом своего производства в кратчайший срок закре-

пить в крае переселенцев — основная тяжесть и ответственность за успех дела почему-то возлагается на Переселенческое управление, являющееся органом административно-регулирующим и имеющим в своем распоряжении ограниченного значения (для подготовки переселенческого фонда) три производственных партии.

По установленному порядку проработка контрольных цифр по переселению, заданных центром или краевыми органами, с развертыванием их в пятилетний план, с подразделением числа вселяемых переселенцев по годам, по округам и по категориям (на земледельцев, промысловиков и промышленных рабочих), проходила обычно так. На основании самых общих соображений Переселенческим управлением по согласованию с краевыми учреждениями и организациями производится чисто кабинетным путем разверстка заданных цифр по соответствующим подразделениям без всякой возможности сделать эти цифры реальными, но зато с полным соблюдением принятой на этот счет техники, с соблюдением погодного нарастания числа вселяемых, с приведением затрат по средним измерителям, с показанием роста товарности переселенческих хозяйств и с подгонкой балансов в приводимых таблицах по вертикальным и горизонтальным направлениям. Составленный таким образом план после некоторой его «отшлифовки» в плановых органах мог бы служить хотя бы материалом для детальной проработки на основании фактического материала в тех организациях и предприятиях, которым придется этот план впоследствии проводить в жизнь.

Все значительные хозяйственные плановые задания, включенные в пятилетний план, обычно со страниц печатной «пятилетки» Краевой плановой комиссии спускаются в гущу хозяйственной жизни. Пройдя здесь через ряд фаз и подвергшись технической и экономической обработке, такие задания приобретают необходимое реальное содержание и обоснование и в свою очередь организуют для себя кадры исполнителей. Для проработки заданий в производственных органах требуется некоторый значительный период от нескольких месяцев до года и более. К сожалению план переселения после появления его на страницах «пятилетки» Крайплана дальнейшей детальной и углубленной проработке почти не подвергается. Разработка его в переселенческих партиях ограничивается добавлением некоторых деталей большей частью формального порядка. Главнейшие причины тому: отсутствие времени и сил, так как текущая оперативная работа занимает все силы и все время; нет нужных материалов — прежние устарели, а новых недостаточно.

В целях подготовки данных для составления планов заселения и для выяснения характеристики и размера необходимых мероприятий Переселенческим управлением производились экспедиционные обследования заселяемых и предполагаемых к заселению районов. В большинстве случаев эти обследования по своей программе носили характер общегеоботанический или в лучшем случае общегеографический, вследствие чего они давали мало материала для построения планов современного переселения. Таким обследованием за последние 4 года охвачено более 10 млн. га. В 1927/28 г. программа общих обследований была пополнена требованием составления схематического плана заселения обследованной территории. Такое поручение между прочим было дано Приморской экспедиции Переселенческого управления в отношении всего Владивостокского округа. В процессе выполнения работы выяснилась невозможность составления камеральным путем на основании прежних материалов плана заселения для округа с раз-

нообразным и сложнейшим хозяйством без непосредственного и активного участия в этом деле самих производственных организаций и предприятий, нуждающихся в притоке рабочего населения и более всего располагающих возможностью своим производством закрепить переселенцев на новых местах. С другой стороны опыт составления плана реконструкции хозяйства и заселения Приханкайской территории наглядно показал, каким огромным фактическим материалом хозяйственного и технического порядка необходимо располагать для составления реального плана. Дальрис в течение почти трех лет подготавливал материал, затратив на это дело свыше полумиллиона рублей. Между тем Приханкайская территория по своему хозяйственному и колонизационному весу составляет не более $\frac{1}{4}$ всей территории Владивостокского округа.

В том же 1927/28 г. была выдвинута идея «детальных обследований» в целях подробного освещения площадей, предназначенных для заселения.

Несмотря на дороговизну обследований этого типа, серьезного значения на улучшение планирования переселения они не оказали вследствие неудовлетворительности их программы (с преобладанием агростатистики), а главное — в виду отсутствия целевых производственно-организационных установок для них. Универсальные обследования при программной и оперативной их громоздкости не могут обеспечить необходимыми данными все могущие возникнуть на обследуемой территории предприятия и организационные типы хозяйства. В последних целях нужны специфические обследования и изыскания, которые обычно производятся самими заинтересованными предприятиями или хотя бы по их программам и поручениям (совхозы, зернотресты, свеклосахарный комбинат, Дальрис, Дальлес, АКО и т. д.).

Детальная проработка плана заселения края в целях самой тесной увязки его с крайним хозяйством должна производиться в самых недрах тех многочисленных хозяйственных организаций и предприятий (акционерных обществ, трестов, колхозов, совхозов и т. д.), которые в совокупности составляют это хозяйство. Путем разложения заданной контрольной цифры переселения по отраслям хозяйства, по предприятиям и производственным организациям, по округам и районам контрольная цифра доводится до первичных хозяйственных ячеек, которые дают свое заключение и свою оценку о возможности и об условиях вселения того или иного количества переселенцев на базе перспектив развития своего производства.

На основании таких первичных материалов составляются планы по сложным предприятиям и производствам, которые в совокупности дают объединенный по краю план.

Составление плана заселения и плана производства должно представлять собою один общий процесс, поскольку размещение рабочей силы является лишь частью производства. Каждая из производственных организаций (рыбопромысловые, лесопромысловые, кустарные, горнопромышленные как кооперативные, объединяющие производственное население, так и государственные, потребляющие сырье, производимое кооперированным населением — тех и других по краю наберется много десятков), составляя свой пятилетний план, обязательно должна включать в него в качестве важнейшего раздела мероприятия и расходы по привлечению и устройству в крае промышленного населения в количестве, соответствующем потребностям своего намеченного по пятилетнему плану производства.

В плане должны быть даны следующие обоснованные сведения: 1) количество потребной рабочей силы: а) постоянной, б) сезонной, в) самостоятельного промыслового населения, объединенного в артели и коллективы для обеспечения предприятия сырьем; 2) общее на каждый год количество отдельно — постоянной и сезонной рабочей силы и промыслового населения, необходимого к заводу в порядке колонизации в целях обеспечения развития предприятия или колхоза в соответствии с пятилетним планом; 3) районы отбора переселенцев, порядок отбора и условия привлечения их на предприятия, взаимные обязательства сторон, организация передвижения к месту работ и пр.; 4) капитальные единовременные затраты, связанные с осуществлением завоза и устройства рабочего и промыслового населения, расходы на жилища и на общественные постройки, на подготовку сельскохозяйственных угодий, на устройство дорог, колодцев; на вспомогательные предприятия для улучшения условий рабочего и промыслового населения: молочные фермы, ягодные сады, огороды, культурные мероприятия и т. д.; 5) источник покрытия расходов, связанных с хозяйственным освоением края; 6) производительность труда и зарплата; 7) бюджет семьи — промышленника, колхозника, рабочего; 8) эффективность затрат по насаждению производств в крае и пр.

Еще более важной стадией участия производственных организаций в этом деле является самое выполнение плана: подбор нужных кадров, заключение взаимных обязательств, организация передвижения, обеспечение переселенцев жилищами, достаточным и постоянным заработком, продовольствием, медико-санитарией, школьной, культурной помощью и т. п.

Никто так не заинтересован, как сами предприятия, в том, чтобы своевременно и в достаточном количестве иметь на предприятии постоянные и нужные по своей квалификации кадры рабочих. Достигнуть этого можно только при условии активного участия в проведении плана. Попытка уклониться от этого, ссылаясь на то, что «заниматься переселенцами» — не дело производственных организаций, основана на явном недоразумении.

В условиях ДВК в большинстве районов невозможно успешное развертывание хозяйств, а в особенности создание новых хозяйственных предприятий и отраслей без одновременного проведения специальных мер для привлечения и закрепления производственного населения в этих районах.

Само собой разумеется, что заниматься заселением края производственные организации могут и должны лишь в соответствии со своими производственными задачами. Но с другой стороны поскольку это заселение не обычная операция, но по своему хозяйственному и политическому значению далеко выходит за пределы самого предприятия и требует притом весьма значительных затрат, постольку представляется совершенно правильным расходы не полностью возлагать на предприятия, а в известной их доле относить за счет иных сметных источников, напр. за счет сметы Всесоюзного переселенческого комитета. За счет последнего нужно принять расходы: 1) по переезду переселенцев и обслуживанию их при следовании в организованном порядке по железным дорогам и по водным путям; 2) по подготовке сельскохозяйственных угодий, по постройке необходимых дорог и колодцев; 3) по устройству для переселенцев жилищ и зданий общественного пользования: школ, лечебных заведений и др.

Остальные расходы должны быть отнесены за счет самого предприятия.

За последнее время со стороны хозяйственных предприятий все больше уделяется внимания вопросам непосредственного своего участия в переселении, как единственном условии обеспечения себя необходимой рабочей силой.

Трест Дальрис свой пятилетний план построил целиком в расчете на рабочую силу, привлеченную путем колонизации, предусмотрев самое активное в ней участие. На этот же путь частично стал трест Дальлес, признав необходимым самому организовать и осуществлять переселение при лесозаготовках в низовьях р. Амура и в других удаленных от обжитой территории районах. Запроектированный Сахаротрестом свеклосахарный комбинат во Владивостокском округе предположено обеспечить рабочей силой исключительно за счет завоза переселенцев из европейской части Союза, осуществляемого самим комбинатом. Для организации при комбинате труда в порядке промышленного заселения проект предусматривает систему необходимых мероприятий и затрат.

Весьма значительную работу предусматривает в своем плане АКО. На текущий год для устройства переселенцев на Камчатке АКО предусматривает целый ряд мероприятий (подготовку жилищ, разделку сельскохозяйственных угодий и др.) с затратами до 1.500 тыс. руб. Кое-какие шаги по части завоза рабочей силы предпринимаются Дальуглем и Сахалиннефтью, Союззолотом, Примрыбаксоюзом и др. Последний имеет прямое поручение из центра по заселению побережья рыбопромысловым населением с отпуском ему средств на текущий год свыше 2 млн. руб.

Опыт завоза промышленных и промысловых рабочих, проведенный в 1927/28 г. Краевым отделом труда, вследствие ряда организационных неувязок и ошибок, а также вследствие полной неподготовленности предприятий к устройству завезенных для них рабочих прошел весьма неудовлетворительно. Этот опыт с достаточной убедительностью показал полную несостоятельность попытки переложить заботу по организации рабочей силы для предприятия на учреждения, не имеющие прямого отношения к предприятию (Крайтруд, ДВКПУ), а также и то, что организация рабочей силы, составляющая в ДВК одну из существеннейших и сложнейших частей производственного процесса, должна выполняться самими производственными организациями.

Начавшийся среди производственных организаций перелом по отношению к вопросам переселения еще не завершился и организационно не оформился.

Большинство производственных организаций продолжает считать, что забота по обеспечению их рабочей силой—дело переселенческих организаций и органов труда, как организаций специально для того предназначенных.

Но и среди организаций, ставших на путь признания необходимости для себя активного участия в этом деле, все еще нет достаточного сознания собственной ответственности, нет понимания своих задач и всей их сложности и очень мало подготовленности к их выполнению. Причина этого та, что при отсутствии разработанной методики построения планов заселения и при отсутствии соответствующего руководства каждая организация предоставлена самой себе. Нам известно не мало случаев, когда для смежных территорий, находящихся в одинаковых условиях, разными предприятиями (свеклосахарный комбинат и трест Дальрис) запроектировались значительно от-

личающиеся между собою условия жизни привлекаемых рабочих (жилищные, уровень зарплаты, прочие удобства).

Процесс расщепления переселенческой деятельности по производственным предприятиям наибольшие затруднения встречает в сельскохозяйственном секторе.

Переселенческий «универсализм» развился главным образом на земледельческой базе. Переселенческая организация по своим прошлым традициям, по организационной зависимости от НКЗема и наконец по самой своей структуре более всего приспособлена к обслуживанию сельскохозяйственного и в особенности земледельческого переселения. Важнейшими операциями Переселенческого управления являются: подготовка наделов, организация передвижения переселенцев в пределах края и содействие, надо сказать, весьма ограничены по устройству хозяйства на участках. Но и в отношении сельского хозяйства ДВКПУ, не будучи производственной организацией, не имеет возможности оказывать новоселам действительную производственную помощь в процессе организации ими своего хозяйства. Наиболее близкими агентами к переселенцам по линии ДВКПУ являются—заведующие подрайонами и состоящие при них агрономы. Первые представляют собой лишь формальную инстанцию, производящую зачисление, водворение, разрешение на ссуду и пр., а вторые—только консультантов без всяких производственных возможностей.

Жизнь и в этом секторе пробилась брешь: постепенно начали выдвигаться в качестве организаторов переселения производственные предприятия. Кроме зерновых совхозов, роль которых в организации заселения земледельческих районов не велика, за последнее время выдвигаются особого рода «Оперативные центры», или «организующие базы» (см. наш отчет по Приморской экспедиции. «Исследование условий заселения Владивостокского округа», стр. 200 и 201), или «хозяйственные оперативные центры», имеющие задачей всестороннюю хозяйственную организацию распыленных крестьянских хозяйств, входящих в их сферу деятельности путем объединения их и выполнения хозяйственных операций—по распашке, по раскорчевке земельных угодий, по снабжению и по очистке семян, по уборке и по обмолоту урожая, по переработке сырья и т. д.

Еще более практическое значение в качестве организующих центров в зерновых районах не только для старожилов, но главным образом для переселенцев за последнее время начали приобретать крупные коллективные хозяйства, объединяемые и руководимые окружными колхозными центрами. За последний год, даже за несколько последних месяцев, во Владивостокском округе возникла целая сеть колхозов, объединяющих главным образом переселенцев. Колхозы имеют собственную организационную и хозяйственную линию и находятся вне непосредственного ведения переселенческих органов. На ДВКПУ и его оперативные переселенческие партии в отношении колхозов как и в отношении зерновых совхозов, свеклосахарного комбината, рыбопромысловых объединений и т. д. возлагается только подготовка земельного фонда.

Таким образом необходимость проведения плана заселения непосредственно через производственные организации и предприятия получает все большее признание во всех отраслях краевого хозяйства и даже в таком секторе, как земледельческо-зерновой, в котором переселенческие органы всегда чувствовали себя наиболее сильными. Мы считаем, что к данному времени положение в смысле методики и организационных форм проведения заселения ДВК уже достаточно

выяснилось. Остается поставить точки над «и» и, сформулировав соответствующие выводы, приступить к скорейшему их проведению в жизнь.

Всем без исключения производственным организациям и предприятиям, которыми пятилетний план может быть выполнен лишь при условии привлечения из-за пределов края рабочей силы и переселенцев вообще, необходимо включить в свои планы мероприятия по организации заводов и устройству на новых местах потребных для них переселенческих кадров.

Во избежание параллелизма и взаимных перекрытий в практической работе по проведению мероприятий по заселению заселяемые территории необходимо районировать по производственному признаку в зависимости от преобладания в данное время, в ближайший хозяйственный период той или другой отрасли хозяйства и того или иного вида труда. В этом случае мы будем иметь: 1) районы сельскохозяйственного занятия—зернового, рисового, скотоводческого и т. д.; 2) районы промысловые: рыбопромысловые, лесопромысловые, кустарнопромысловые; 3) районы промышленности: каменноугольной, нефтяной, лесной, золотодобывающей и т. д. Хозяйственными центрами этих районов будут основные гос- или кооперганизации, существующие уже и намеченные к организации. Поэтому при районировании обязательно должна учитываться возможность для предприятия хозяйственно объединить и обслужить территорию и население, создав из нее хозяйственно-целостный комбинат.

В настоящее время существует сравнительно развитая сеть государственных и отчасти кооперативных предприятий, ведущих крупные главным образом сырьевые операции. Причем районы их деятельности уже в значительной мере определились. Наиболее значительными из них являются: Дальлес, Лесзаг, Ако, Асо. Госрыбтрест, Промрыбак, Пищтрест, Союззолото, Дальуголь, Сахалиннефть, совхозы, зернотресты, крупные колхозы, Никольский масложиркомбинат и др. Намечаются к организации новые совхозы, зернотресты, хозяйственные оперативные центры (хопцы)—в зерновых районах, свеклосахарный комбинат, пчеловодные совхозы, подгородные молочные фермы, оленеводческие хозяйства и т. д.

Хозяйственная основа развертывания краевого хозяйства имеется. Заселение—один из элементов хозяйственного строительства, органически и неразрывно связанный с последним во всех его частях и стадиях.

Крайисполком, организуя и руководя краевым хозяйством, осуществляет свои функции через систему производственных организаций, в задачу которых переселение рабочей силы входит наравне с прочими производственными процессами. Состоящие при Крайисполкоме органы РКИ, Плановая комиссия, отделы труда, земельный и т. д. под руководством президиума Крайисполкома выполняют различные специальные функции управления. Для управления делами по заселению при президиуме Крайисполкома должен быть создан специальный отдел с соответствующими полномочиями, но без присвоения ему производственных функций, которые целиком и полностью должны быть возложены на соответствующие предприятия. На этот отдел возлагается: 1) общее руководство производственными предприятиями по составлению планов переселения, увязка планов отдельных организаций, а также сводка этих планов в общий и единый по краю план; 2) общее руководство и контроль за выполнением планов переселения; 3) распоряжение кредитами, отпускаемыми центром на специальные

расходы: по продвижению переселенцев, по обеспечению их жилищами, по подготовке колфонда (землеотводные, мелиоративные и пр. работы) и на медико-санитарные и школьно-просветительные мероприятия.

Этот отдел при Крайисполкоме состоит из 3 подотделов: 1) планово-регулирующего, 2) контрольно-инспекторского, через который осуществляется практическая связь с производственными организациями, и 3) финансового. При окружных президиумах тех округов, где происходит заселение, организуются окружные отделы.

В соответствии с такой схемой радикально реорганизуется и существующая система переселенческих органов. Краевое переселенческое управление в своей общей и плановой части, а также в составе отдела водворения, усиленное штатом квалифицированных работников, образует Краевой отдел при президиуме Крайисполкома. Отдел подготовки фонда ДВКПУ передается Краевому земельному управлению с тем, чтобы при последнем был организован производственный подотдел по подготовке земельного фонда, т. е. по выполнению работ землеустроительных, мелиоративных, дорожно-мелиоративных и др. для надобности и по поручениям различных производственных организаций (колхозов, лесхозов и др.). И наконец, отдел передвижения переселенцев выделяется в самостоятельное управление с возложением на него задач по обслуживанию передвижения всех категорий рабочих и переселенцев, направляющихся в ДВК как в пределах ДВК, так и за пределами его.

Местные переселенческие партии расформировываются с передачей отдельных их частей по принадлежности—в окружные отделы при президиумах окрисполкомов, в окрземотделы и в соответствующие производственные организации.

К. Ю. Чарнецкий

Проблема учета показателей¹

Огромная работа, предпринятая НКПС по реконструкции жел. дор. транспорта, должна идти по двум направлениям — техническому и экономическому. Только те мероприятия административного, строительно-технического и эксплуатационного характера можно считать приемлемыми, которые окажутся экономически выгодными. Беспристрастным судьей при сравнении различных производственных приемов может быть только отчетная калькуляция, с помощью которой можно учитывать эффективность капитальных вложений и изменений приемов работы, ибо только с помощью ее можно установить действительные размеры снижения себестоимости как по отдельным процессам и операциям, так и по снижению себестоимости основной продукции железных дорог — перевозкам.

Однако необходимо сказать, что учета себестоимости железнодорожных перевозок не существует и поэтому нет мерила при сравнениях различных производственных приемов.

В дореволюционное время требования к учету эксплуатационных расходов со стороны бюджета сводились к тому, чтобы установить правильные финансовые отношения между казной и обществами частных жел. дорог, которые достигались тщательной проверкой доходных и расходных статей смет и отчетов. Со времени национализации в течение 10 лет, с 1917 г. по 1/X 1927 г., советское государство предъявило к железнодорожному транспорту те же бюджетные требования, причем детализация смет и отчетов была проведена поразительная: вместо прежних 680 сметных подразделений приказов № 8.233 ФНТ от 19/II 1926 г. введено 3.869 статей, из коих 101 приходилась на Отдел I — Расходы по содержанию правления, 816 — на Отдел II — Содержание отделов правления, 1.011 — на Отдел III — Пути и сооружения, 517 — на Отдел IV — Эксплуатация, 211 — на Отдел IV-а — Связь и электротехника, 1.129 — на Отдел V — Подвижной состав и на прочие 3 отдела — 84 статьи. Ответить на вопрос о себестоимости перевозок бюджетная система учета расходов не могла, да и не должна была, в то время как жизнь ставила перед железнодорожным хозяйством требования об оценке хозяйственной целесообразности вводимых технических приемов, на которые учет не мог ответить.

Ныне действующая система учета, введенная комиссией Ц. Ч. Грунина, порвав с прежними сметами и отчетами, вместе с тем не могла дать ни правильно составленной сметы, ни учета себестоимости перевозок. Правильное составление сметы, равно выполнение и проверка ее не могут быть произведены вследствие того, что однородные рас-

¹ В порядке обсуждения. Ред.

ходы разных служб смешаны в одном сметном подразделении I, II и IV глав. Для определения учета себестоимости перевозок необходимо точное установление себестоимости продукции всех подсобных и вспомогательных процессов и операций, тогда как они могли учитываться лишь по самостоятельным выделенным балансам: механические и ремонтные заводы, лесные заготовки и пр., а также проекты перевода на самостоятельные балансы ЦХУ и жилищного дела. Учитываемые по главе III расходы по совершению перевозок также неполны, потому что часть их проходит по другим главам: по главе I — административные, общие и содержание имущества, по главе II — возобновление и ремонт имущества и по IV — расходы по соцстраху в части, падающей на совершение перевозок.

Ни бюджетная, ни грунинская системы учета расходов не могли ответить на вопрос себестоимости перевозок вследствие того, что в них нет ни правильной классификации расходов, ни тем более размещения, локализации расходов.

В литературе нет точно установленных размеров, зависящих и независящих от размеров движения:

Г о д ы	А в т о р ы	В %	
		Независящие	Зависящие
1905	Васютинский А.	12	88
1907	Салов В. В.	26	74
1908	Фролов А. Н.	17	86
1908	Наградский В. А.	84	16
1924	Раабен К.	7,5	92,5
1924—1929	Михальцев Е. В.	30	70
1913 и 1927	Кульжинский С.	10	90

По официальным отчетам движение расходов, зависящих и независящих, с 1924/25 г. (принимаемого за 100) по 1926/27 г. обнаруживало тенденцию роста по обеим категориям в одинаковых размерах:

Р а с х о д ы	1925/26 г.	1926/27 г.
Зависящие	150	177
Независящие	145	168
Средняя	149	170

Отказ от измерителей, борьба с административными расходами и в известной степени более удачная группировка расходов дают следующую динамику роста расходов в период с 1926/27 г. по 1928/29 г., принимая 1926/27 г. за 100:

К л а с с и ф и к а ц и я	1927/28 г.	1928/29 г.
I. Администр., общие и содержание имущества	103,78	103,95
II. Возобновление и ремонт имущества	101,43	108,30
III. Совершение перевозок	112,32	127,23
IV. Расходы соцстраха	106,33	105,64
Средняя	105,95	112,73

Несмотря на бурный рост перевозок из года в год, глава I осталась почти стабильной, глава II обнаружила рост, который целиком нужно отнести к ремонту подвижного состава, т. е. тем самым расходам, которые при правильном учете должны быть отнесены на совершение перевозок:

Содержание и ремонт имущества	В тыс. руб.			Удельный вес			1926/27=100	
	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Пути, здания	246.576	248.165	241.001	56,39	55,91	50,9	100,64	97,8
Подвижн. состав	190.691	195.743	233.013	43,61	44,09	49,1	102,65	116,6
Средняя	437.267	443.908	274.014	100	100	100	101,51	108,6

Расходы по III главе обнаружили рост вследствие того, что они находятся в полной зависимости от размеров эксплуатации. Расходы по IV главе обнаружили рост только вследствие того, что в них имеются начисления на зарплату работников, занятых по совершению перевозок. Неприглядность и неприемлемость классификации, предложенной комиссией Грунина, обнаруживаются при сопоставлении с отчетными данными американских жел. дорог:

Группы	Классификация	САСШ				СССР (без соцстр.)			
		Статей	Минималы.	Максималы.	Среднее	Статей	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
I	Общая и административная	11	3,74	4,76	4,21	38	31,27	30,6	28,6
II	Возобновл. и ремонт путей связи	23	19,52	22,27	20,77	76	19,4	18,4	16,6
III	Возобновл. и ремонт подвижн. состава	29	15,76	21,4	18,72	30	14,9	14,4	16,1
IV	Совершение перевозок	53	54,43	49,46	56,30	23	34,5	36,6	38,7
	Итого	116	—	—	100	167	100	100	100

По совершению перевозок в Америке берется 53 статьи, а у нас 23 заказа по самой основной работе транспорта, зато по общим, второстепенным, в Америке—11, а у нас—38. В суммовом отношении расходы по совершению перевозок в Америке доходят до 59,4%, а у нас—до 38,7%, что указывает на неполный учет. Финансовые измерители, по которым составлялись сметы до введения новой отчетности, предложенной комиссией Грунина, также были слишком грубы и фактические финансовые измерители давали значительные расхождения против сметных, причем как правило по административным расходам сметные измерители были выше фактических, а в расходах по совершению перевозок чаще встречалось обратное—фактические измерители оказывались выше сметных.

Группы	Оч. №№	Измеритель	Сметн.	Фактич.	Разница
Администр.	16	Ср.-год. эксплуат. длина . . .	112,91	107,67	+ 5,44
	17	" " " " . . .	75,09	69,88	+ 5,21
	19	" " " " . . .	69,80	64,43	+ 5,37
	58	" " " " . . .	137,91	131,74	+ 6,17
	34	" " " " . . .	14,48	21,51	— 7,03
	68	" " " " . . .	100,62	115,90	— 15,28
Содерж. и рем. имущ.	78	1.000 т гр. по ком. док., включ. и хоз. в ком. поезд . . .	27,7	21,51	+ 5,56
	43	Ср.-год. эксплуат. длина . . .	1448,89	1367,43	+ 81,47
	51	" " " " . . .	747,35	725,24	+ 22,11
	52	" " " " . . .	490,26	517,44	— 27,18
	56	" " " " . . .	124,52	117,29	+ 7,23
	77	" " " " . . .	152,28	143,38	+ 8,90
Соверш. перевозок	104	Един. ремонта	17029	17909	— 884
	105	" " " "	15806	16810	— 1004
	106	" " " "	4691	4967	— 296
	107	" " " "	247	293	— 46
	69	1.000 т ком. дв., включ. пасс. . .	111,752	100,09	+ 11,662
	72	100 п/км общих	14,30	14,85	— 0,55
	73	100 " "	4,49	4,57	— 0,08
	81	100 " "	12,83	14,39	— 1,56
	82	100 " "	5,60	6,03	— 0,43
	83	100 " "	36,26	39,46	— 3,2
	93	10.000 в. о. коэф. экв. пр. попр. .	16,95	15,35	+ 1,1
	94	10.000 " " "	5,86	6,23	— 0,37
	95	10.000 " " "	8,70	8,96	— 0,25
	96	10.000 " " "	7,29	7,30	— 0,01

Принимая во внимание значительность в числовом выражении технического измерителя, нужно иметь в виду, что финансовые измерители даже при малых отклонениях дают большие расхождения в суммах.

Вследствие того, что разрешения вопроса об учете себестоимости перевозок бухгалтерским способом нет, железнодорожному транспорту приходится обращаться к разным условным приемам, число коих, можно сказать, неограниченно. Наиболее употребительные из них рассмотрим.

1. Прием условного тонно-километра заключается в том, что провоз одного пассажира-километра приравнивается условному количеству т/км груза. В НКПС коэффициент эквивалентности был вначале 90, а затем—60, т. е. один пассажиро-километр приравнивался вначале 90 пудам, а впоследствии—60 пудам, или т. По данным министерства путей сообщения за 1917 г. коэффициент эквивалентности Европейской России в сопоставлении с таковыми по другим государствам давал огромные расхождения:

Годы	Европ. Россия	Австро-Венгрия	Германия	Франция	САСШ
1908	48	97	94	64	134
1909	43	104	86	65	125
1910	39	102	86	68	128
1911	38	100	79	71	134

По работе инж.-экономиста С. И. Шилова, члена комиссии проф. Е. В. Михальцева (выпуск 93-й за 1929 г.) себестоимость пассажиро-

километра эквивалентна 140 *т/км* без поправки на отнесение стоимости провоза бесплатных пассажиров и провоза хозяйственных грузов прямого сообщения за 5 месяцев, а с произведением поправки эквивалентность равна 119. Принимая во внимание, что удобства перевозок пассажиров мирного времени были большие по сравнению с настоящим временем, коэффициент эквивалентности должен был бы еще повыситься и стать выше коэффициентов Соединенных Штатов, что должно являться абсурдным. Способ этот нужно признать грубым.

2. В Америке и за границей применяется определение стоимости поезд-мили. Этот способ можно было бы применить и в СССР с тем, чтобы опять-таки условно определить стоимость поезд-километра как для товарного, так и для пассажирского движения. Можно даже определить также условно стоимость поезд-часа, паровоз-часа, вагоно-часа и установить опять-таки условно соотношение стоимостей пассажирского с товарным движением. Однако подобный способ будет являться сложным и условным.

3. Способ комиссии проф. Михальцева, основанный на установлении классификации расходов, которые должны с помощью различных технических измерителей быть разверстаны между пассажирским и товарным движением, также является в высшей степени условным и сложным:

Размеры расходов	Товарные		Пассажирск.		Общие условные
	Точно	Условно	Точно	Условно	
1. Непосредственно отнесены	3,0	—	1,8	—	—
2. Условно пропорц. <i>т/км</i> и <i>п/км</i>	—	1,2	—	1,4	—
3. Пропорционально различным измерителям	—	—	—	—	71,1
4. Расходы, распределяемые пропорц. расходам принятым	—	—	—	—	10,2
5. Расходы, распределяемые пропорционально итогам ранее распредел. расходов	—	—	—	—	11,3
	3,0	1,2	1,8	1,4	92,6

Таким образом точно распределены между пассажирским и товарным движением только 4,8% всей массы расходов, остальные 95,2% распределяются условно. Подлежат условному распределению даже такие расходы, как тяга поездов со штатом, топливом, содержанием и ремонтом подвижного состава и прочие, — все они относятся к 3-й категории. Определение себестоимости носит условный характер, вычисления себестоимости слишком сложны.

Перенос из Германии грунинской системы учета и определение себестоимости перевозок с помощью Текленбурга-Михальцева являются большой ошибкой. Германия, неся на ж. д. всю тяжесть репарационных отчислений, не могла иметь хорошо, вернее правильно построенного учета. Франк в сборнике «Проблемы восстановления европейского ж.-д. транспорта» говорит: «Германские ж. д. теперь стеснены в своей свободе установления тарифов с точки зрения пользы германского хозяйства». Статья 365-я Версальского договора обязывает, «чтобы все грузы, ввозимые в Германию или провозимые тран-

зитом через Германию из стран-победительниц, а также по требованию стран-победительниц, и идущие из Германии грузы перевозились по наиболее дешевым тарифным ставкам и на наиболее выгодных условиях, какие вообще применяются на каких бы то ни было германских железнодорожных линиях, будь то во внутреннем сообщении или при ввозе, вывозе или провозе при аналогичных обстоятельствах». Из приведенной цитаты видно, что в Германии не могло быть стимулов к установлению правильной себестоимости перевозок. Перенесение учета германских дорог является не более как «жалкой тошнотой к стране чужой».

Для того, чтобы определить динамику роста расходов за 5 лет, можно произвести перегруппировку очередных номеров системы Кандаурова по группам расходов, принятых комиссией Ц. Ч. Грунина. Тогда для 1924/25—1926/27 гг. получим удельные веса и динамику роста:

Группы расходов	1924/25=100		Удельный вес		
	1925/26 г.	1926/27 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Административн. и общ.	139	153	28,15	27,01	25,57
Возобновл. и рем. имущ.	140	167	36,94	35,73	36,46
Соверш. перевозок	155	185	34,91	37,26	37,97
Средняя	149	170	100,0	100,0	100,0
Приведенная продукция	138	155	—	—	—

С 1926/27 по 1928/29 г. расходы по тем же группам без соцстраха дают:

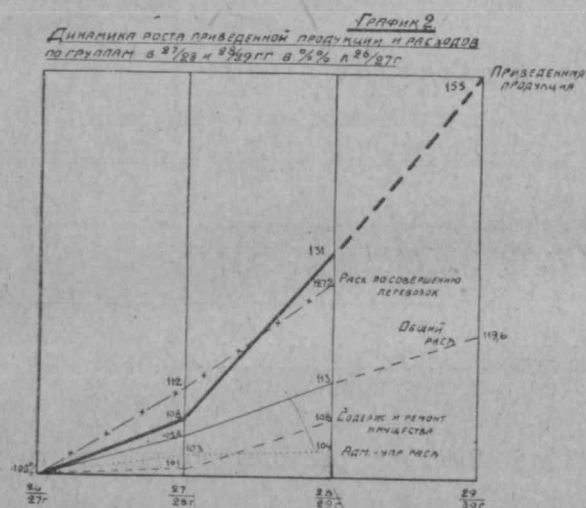
Группы расходов	1926/27=100		Удельный вес		
	1927/28 г.	1928/29 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Административн. и общ.	103,78	103,95	31,27	30,6	28,6
Возобновл. и рем. имущ.	101,42	108,30	34,23	32,8	32,7
Соверш. перевозок	112,32	127,23	34,50	36,6	38,7
Приведенная продукция	105,8	112,9	100	100	100
	108,0	131,0	—	—	—

Невязка, условность перевода — незначительная и ею в выводах можно пренебречь, — объясняется тем, что часть административных расходов попала непосредственно на содержание имущества (36,46 — 34,23) = 2,23% и на совершение перевозок (37,97 — 34,5) = 3,47% всей массы расходов. Как видно, удельные веса по группам расходов обна-

руживают снижение по первой и второй группам, наоборот по третьей группе — совершенно перевозок — удельный вес повышается за оба периода времени.

Отношение роста приведенной продукции к росту расходов за те же 5 лет будут указывать на замедление роста расходов и повышение роста приведенной продукции, последняя по своему росту перегоняет рост эксплуатационных расходов:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Приведенная продукция .	100	138	155	168	203
Эксплоатац. длина . . .	100	100	102	103	104
• расходы . .	100	149	170	180	192

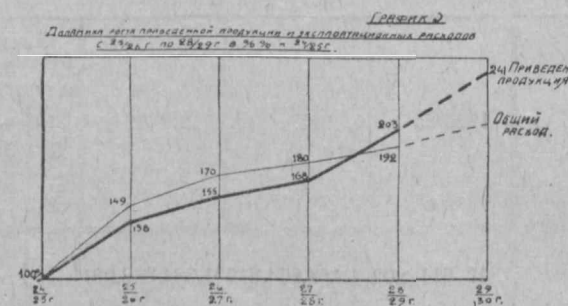

Черт. 1

Стоимость 100 условных m/km и стоимость прироста перевозок за тот же промежуток времени представляется в следующем виде:

Руб. в тыс. Усл. <i>т/км</i> (в млн.)	Стоимость ста усл. <i>т/км</i>						Руб. в тыс. Усл. <i>т/км</i> (в млн.)	Стоимость прироста движения					
	813,6	1184	1384	1468	1564	1657		371,2	200,8	82,6	95,9	93,0	
67.842	11,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
93.955	—	12,6	—	—	—	—	26.113	14,21	—	—	—	—	
105.434	—	—	13,1	—	—	—	11.479	—	17,40	—	—	—	
113.888	—	—	—	12,7	—	—	8.454	—	—	9,77	—	—	
138.484	—	—	—	—	11,3	—	24.596	—	—	—	3,89	—	
163.800	—	—	—	—	—	10,0	25.316	—	—	—	—	3,67	

Увеличение стоимости в первые годы объясняется погоней фактических расходов за сметными; когда же с введением грунинской системы измерители отпали и к тому же была начата борьба с ростом адми-

Черт. 2

нистративно-хозяйственных расходов, стоимость вместе с ростом грузооборота обнаружила естественное падение. Графически таблица изобразится так:

По группам расходов рост перевозок оказывает такое влияние за 100 усл. m/km (в руб.):

Г о д ы	Адм., общ. и содерж. имущ.	Содерж. и рем. имущ.	Соверш. перевозок	Соцстрах	Всего
1926/27	3,8	4,1	4,2	1,0	13,1
1927/28	3,6	3,9	4,3	0,9	12,7
1928/29	3,0	3,4	4,1	0,8	11,3
По смете на 1929/30	2,6	3,4	4,0	Соцстрах отнесен по перев. 3 гр.	10,0

Из приведенной таблицы видно: 1) закономерность снижения административных расходов, ремонта имущества и соцстраха и стабильность совершения перевозок; 2) неправильность в распределении сметных ассигнований: преуменьшенность по совершению перевозок и преувеличенность по первым двум группам расходов: административным и ремонту имущества. По той причине, что удельный вес постоянных независимых от эксплуатации расходов значителен, общая себестоимость m/km из года в год при увеличении перевозок снижается и следовательно снижение не является достижением. Таким образом в железнодорожном транспорте, как в промышленности и торговле, расходы зависящие обнаруживают стабильность, а независимые — снижение. Отсюда является возможность применения к железнодорожному транспорту приемов исчислений калькуляционной бухгалтерии: калькулирование издержек, построение дифференциальной калькуляции, нахождение мертвой точки и прочее.

Исходя из установленной закономерности, необходимо отрешиться от приемов определения себестоимости статистическим спо-

собом, и нужно перейти к бухгалтерскому способу определения себестоимости. Перегруппировка очередных номеров расходов Кандаурова дает возможность учета себестоимости железнодорожных перевозок бухгалтерским способом:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	Удельный вес			1924/25 = 100	
				1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1924/25 г.	1926/27 г.
Всего израсходовано .	813.611.202	1.184.874.819	1.384.362.081	—	—	—	—	—
Снимаются с экспл. расх. на приоб. убыт. сч. №№ 113, 114, 115	27.786.343	33.215.220	39.262.558	—	—	—	—	—
В %	3,4	3,2	2,8	—	—	—	—	—
Подлежит распределению	785.824.859	1.146.659.599	1.345.099.523	100	100	100	146	171
I. Между товарным и пасс. движением сч. №№ 20, 69, 70, 72, 73, 74, 81, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 104, 105, 106, 107, 108, 111 и 112	386.885.751	573.713.074	673.929.840	42,2	50	50,1	148	174
II. На калькулирование вспомог. производств:								
1) водоснабж. сч. №№ 58, 61, 87, 89, и 90	14.291.880	19.887.888	24.478.144	—	—	—	—	—
2) Ремонт подвижн. сост. сч. №№ 78, 79, 80, 97, 98, 99, 100, 101 и 102 . .	51.016.107	73.760.018	83.781.994	—	—	—	—	—
И следовательно на увеличение себестоимости выработки	—	—	—	—	—	—	—	—
	65.307.987	93.647.906	108.260.138	8,4	8,3	8,1	143	165
III. Подлежат условному распределению по измерителям	333.631.121	479.298.619	562.909.545	42,4	41,7	41,8	143	168

Расходы первой категории должны распределяться по первичным бухгалтерским документам. Расходы второй категории подсобных и вспомогательных производств взяты лишь в отношении водоснабжения и ремонта подвижного состава, ибо другие вспомогательные производства отражения в отчетности не имеют. Наконец расходы третьей категории также могут частично быть разбиты между товарным и пассажирским движением. Например накладные расходы и начисления на зарплату штата при правильном определении стои-

мости содержания его, куда относятся: очередные №№ 21, 26, 27, 28, 29, 30 и другие. Очередные №№ 31 (судебные), 35 (ущерб и убытки), 59 (содержание дворов, зданий) также могут быть разбиты между товарным и пассажирским движением. Точного подсчета размеров зависимых от эксплуатации расходов сделать нельзя, но примерно их будет около 60 % от всей массы.

Может возникнуть вопрос о том, стоит ли произвести коренную ломку учета на железнодорожном транспорте вторично? Его необходимо произвести, так как не только себестоимость перевозок, но даже себестоимость простейших производственных процессов в железнодорожном транспорте отсутствуют. Можно лишь условно говорить о себестоимости ремонта подвижного состава, себестоимости лесных изделий, жилищного хозяйства и т. д., и т. п., а о себестоимости перевозок в сущности и говорить нельзя. В торговле и особенно промышленности калькуляционные системы учета вошли также не сразу, борьба за них велась и там ожесточенная, везде указывалось на «особенности» производства, не позволяющие ввести их, и тем не менее калькуляционные системы учета как в торговле, так особенно в промышленности завоевали себе прочное положение, ибо только с помощью их можно управлять производством.

Ближайшей задачей рациональной организации железнодорожного транспорта является приведение всех операций дорог, как бы они разбросаны или просты не были, под наблюдение и контроль ЦУЖЕЛ, что может быть достигнуто лишь введением калькуляционного метода учета. По каждому процессу, каждой операции необходимо определить стоимость затрат: материалов, рабочей силы со всеми начислениями и накладными расходами по ней, а также и всеми прочими расходами, падающими на них. Затем данные себестоимости должны быть суммированы и перераспределены так, чтобы можно было точно установить себестоимость основной работы, исчисленной на основании данных количеств совершенных перевозок товарного и пассажирского движения.

Прежде всего необходимо пересмотреть бухгалтерские документы с тем, чтобы: 1) расходные документы ХМ, ТВ, КЭ и Э имели у себя подразделения затрат рабочей силы, материалов на товарное, пассажирское движение, а также по вспомогательным и подсобным предприятиям; 2) эксплуатационные документы Э и КЭ по перевозкам должны иметь распределения по пассажирским, товарным, воинским, хозяйственным, маневровым работам.

Техническая отчетность на ж.-д. транспорте прекрасная и вся работа по реорганизации учета должна быть направлена к сближению технического и бухгалтерского учетов.

Инструкции по составлению и оформлению счетных документов должны быть преподаны в удобопонятном виде с тем, чтобы они были доступны линейным агентам, причем первое время будет требоваться инструктирование их.

Затем необходимо перестроить план системы учета и пересмотреть взаимную корреспонденцию счетов. В построении баланса должны быть произведены следующие основные изменения:

1. Необходимо открыть счет уставного капитала железнодорожного транспорта вместо существующих ныне капитала основного имущества и капитала материального снабжения. На дорогах должны вестись лишь активные счета: счет основного имущества и счет материалов с соответствующими подразделениями. Нельзя мириться с тем, чтобы учет материалов велся камеральным способом, преследующим

собой наблюдение за предполагаемыми нормами, а не за фактическим движением, следствием чего является отсутствие заготовительных цен на материалы и расходование их по номенклатурным ценам, в результате чего затраты по эксплуатационным расходам и строительству определяются неправильно, а на счетах прибыли и убытка появляются фиктивные списывания разниц между фактическими заготовками и номенклатурными ценами.

2. Для учета дальнейших изменений от переоценок и пр. — открыть счет изменения уставного капитала.

3. В целях точного определения затрат по содержанию рабочих и служащих, подобно промышленности и торговле, впредь до распределения их по операционным счетам в целях концентрации затрат открыть счета: а) зарплату, куда отнести все виды платы: тарифные, нагрузка, спецфонд, сдельные, сверхурочные и пр.; б) счет накладных расходов на зарплату: декретные отпуска, оплата практикантов, компенсация за неиспользованные отпуска, коммунальные услуги, выходные пособия и пр.; в) счет начислений на зарплату, соцстрах, культкомиссии, месткомы, медпомощь.

В тех же целях необходимо открыть счета текущего ремонта и амортизации.

4. Для учета постоянных расходов, не зависящих от эксплуатации или мало зависящих, необходимо открыть счета: а) содержание ЦУЖЕЛ; б) содержание правлений дорог; в) содержание станций и раз'ездов; г) содержание пути и связи; д) расходов по содержанию консервированных предприятий; е) расходов за счет ФУБР'а; ж) расходов за счет специальных фондов; з) расходов по ликвидации вышедшего имущества; и) процентов уплаченных; к) расходов разных.

5. Открыть счета производств: а) основного — пассажирских перевозок — можно с подразделением на пригородные и дальние; товарных с подразделением в местном и прямом сообщениях и воинских — грузовых и людских перевозок; б) вспомогательных и подсобных производств — маневровые работы, перевозка хозяйственных грузов и служебные перевозки, силовые станции, заводы и мастерские, лесозаготовки, автотранспорт, жилищное хозяйство и т. д. Счета производств должны дать по каждому процессу и операции себестоимость услуг или изделий.

6. Надлежит открыть также счет амортизационного фонда, счет резервного капитала, счет запасного капитала, счет расходов будущих лет.

Одновременно с пересмотром плана учета необходимо остановиться на вопросах техники и механизации учета. До сего времени механизация учета проводилась лишь в статистике и совершенно не находила применения в области бухгалтерского учета, где работа ведется кустарным способом. Необходимо стремиться при пересмотре учета принять во внимание требования механизированного учета, поставив целью объединение бухгалтерского, статистического и по возможности технического учетов.

7. Наконец должны быть открыты счета: а) доходов от перевозок пассажиров и багажа, б) доходов от перевозок грузов большой и малой скорости, в) доходов от воинских перевозок, г) доходов будущих лет, д) процентов полученных, е) доходов разных. От счета переходящих сумм следует отказаться и баланс будет более показательным. Тогда счет прибылей и убытков получит валовые прибыли или убытки от основных операций: перевозок пассажиров, грузов, воинских перевозок. Вспомогательные и подсобные производства дадут

лишь разницы от выполненной работы, выпущенных изделий, полуфабрикатов, материалов. Затем по убытку пройдут расходы по консервированным предприятиям, проценты уплаченные, расходы разные, а по прибыли — проценты полученные, доходы разные. Вот остов схемы построения учета ж.-д. транспорта на коммерческих началах. Типовую схему корреспонденции счетов выработать не представится затруднений.

Перестроив учет, введя себестоимость основного производства и вспомогательного и подсобных производств, необходимо попутно произвести и изменение системы финансирования железнодорожного транспорта, переведа его с бюджета на хозрасчет. В постановлении ЦК ВКП(б) от 5/XII 1929 г. о реорганизации промышленности говорится: «Перевод предприятий на хозяйственный расчет вполне себя оправдал. Хозрасчет выявляет лицо предприятия, способствует рационализации производства, правильной организации сбыта и снабжения и вызывает вместе с тем противодействие элементам бюрократизма и волокиты. Одновременно перевод предприятий на хозяйственный расчет способствует рациональной постановке учета, производительной деятельности предприятия и ознакомлению масс с этой действительностью». На бюджете могут состоять лишь административные органы, содержание коих точно может быть определено и исчислено, железнодорожный же транспорт, являясь производственным предприятием, не может безболезненно вложиться в бюджет.

Работа железнодорожного транспорта постоянно изменяется, суживается или расширяется, в зависимости от спроса на перевозки со стороны промышленности и торговли, вследствие чего транспорт должен обладать гибкостью, свободой и быстротой действий в своих производственных функциях, в то время как сметно-бюджетные правила сковывают его. Несмотря на то, что в предприятиях производственных, в том числе и железнодорожном, точное исчисление сметой доходов и расходов невозможно, сметно-бюджетный порядок финансирования ограничивает распорядителя кредитов в отношении передвижения кредитов. Мало того, бюджет не может охватить и все коммерческо-финансовые операции: вексельные, ссудные, по открытым счетам и пр., следствием чего у дорог имеются или ресурсы, скрытые от Наркомфина, или, что того хуже, платежи по пассивному кредиту, которые приходится погашать из открываемых на другие цели кредитов или же из выручки. Желая сделать уступки железнодорожному транспорту по отношению к административным органам, целиком вкладывающимся в бюджет, государство как в прошлом, так и теперь делает смягчения: по положению 1910 г. соглашением с Госфинконтролем был легализован целый ряд самых сложных расчетов и взаимоотношений между параграфами, чтобы ослабить сметную дисциплину; декреты Совнаркома от 2/II 1919 г., от 16/I 1922 г., от 11/IX 1923 г., от 9/XII 1926 г. и т. д. — все они имеют целью ослабление бюджетных правил и поэтому все они обречены на неудачу.

Производственное предприятие должно учитываться коммерческим учетом, а финансироваться по финплану через Госбанк. Только с помощью коммерческого учета можно ответить на основной вопрос себестоимости перевозок, а с помощью финплана охватить производственное предприятие во всем его объеме.

Финансирование может вестись двояким образом: децентрализованно и централизованно. Децентрализованный способ финансирования придется отбросить, потому что он может повредить проведению единого плана, может сорвать его. Он неприменим еще и потому,

что учет не успеет стать на ноги. Наоборот, централизованный способ финансирования является вполне приемлемым. ЦУЖЕЛ совместно с дорогами составляет финплан, которым определяется сумма средств, потребных для той или другой дороги. Каждая дорога является самостоятельной в пределах данных лимитов и должна нести полную ответственность за выполнение программ.

В основу финансового плана должна лечь сметная себестоимость перевозок по каждой дороге, которая должна быть ежемесячно или кварталю прокорректирована ЦУЖЕЛ, и таким образом определится необходимость пополнения дорог из средств ЦУЖЕЛ или обратно — дорога пополнит вырученными сверх лимита средствами кассы ЦУЖЕЛ. Каждая дорога должна иметь в своем распоряжении расходы и отчисления с тем, чтобы можно было всегда сделать сопоставление с результатами их деятельности как по основной работе — перевозкам, так и по вспомогательным и подсобным производствам.

Реконструкция может быть проведена только в том случае, если будут произведены:

1. Полная ломка учета и отчетности и перевод со сметно-бюджетного порядка на начала коммерческого учета с тем, чтобы основой всякого баланса были данные о себестоимости перевозок или изделий.

2. Перевод ЦУЖЕЛ и правлений дорог с госбюджета на режим сальдо-бюджета с тем, чтобы финансирование дорог производилось по выработанному финплану, охватывающему железнодорожное хозяйство в целом.

Отдел VI

Критика и библиография

Проф. П. И. Лященко. Социальная ства. Гиз. 1930 г. Том I. Стр. 400. Цена

экономика сельского хозяй- 3 руб. Том II. Стр. 303. Цена 2 р. 50 к.

Выход в свет фундаментальной работы проф. Лященко несомненно является большим событием. П. И. Лященко не один десяток лет работает в области земельных отношений и истории русского хозяйства. Он многократно читал по названным и смежным дисциплинам курсы в различных вузах и ведет семинарские занятия с аспирантурой. По предисловию можно установить, что автор вынашивал экономию сельского хозяйства не меньше четверти века. В силу этого выход в свет названных томов надо всячески приветствовать, но это же обстоятельство заставляет пристально присмотреться к содержанию рецензируемого труда.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с написанным, это необычайно обширная эрудиция автора. Проф. Лященко не только знает, что где лежит, но и знает цену всему материалу, которым он оперирует. Литература на английском, немецком и французском языках в одинаковой мере доступна ему и использована в широких размерах.

В основном проф. Лященко подходит к решению проблем марксистски, и это является несомненным достоинством книги. Однако вместе с положительным замечанием следует здесь отметить и то, что является несомненным дефектом в настоящей работе, и что необходимо устранить или исправить. Словом, мы остановимся на том, что составляет, так сказать, пятно на работе П. И. Лященко.

Начнем с формального момента — деления книги. После двух вводных глав автор делит содержание I тома применительно к земле (гл. III, IV, V, VI), к рабочей силе (глава VII) и капиталу (глава VIII).

Разумеется не то важно, что такое расположение глав напоминает деление, принятое в буржуазной экономике, деление на три фактора — труд, земля и капитал, но дело в том, что из-за такого деления в I томе не нашлось соответствующего места важнейшим проблемам концентрации, дифференциации и условиям воспроизводства. Между тем эти три проблемы составляют по существу сердцевину сельскохозяйственной экономики, так как они показывают условия развития производительных сил при наличии земельной ренты.

Без надлежащего рассмотрения названных проблем все остальные материалы,

оказываются представленными П. И. Лященко больше «статически». В них дается литературно-историческое рассмотрение проблемы, а динамика общественных отношений, их влияние на развитие производительных сил, нарастание противоречий между производительными силами и производственными отношениями — все это остается в лучшем случае в тени, в худшем — совсем отсутствует. В силу этого марксизм автора оказывается лишенным действенного революционного содержания, что не может считаться конечно плюсом рецензируемых книг.

В связи со сказанным самое название книги вызывает возражения. В самом деле зачем включено в заголовок книги слово социальная. Будто экономика, хотя бы и сельскохозяйственная, не есть социальная наука. Или можно допускать какую-то версию технической экономии. Критическое отношение ко всем натуралистическим концепциям, чем автор объясняет прибавление термина социальной, тоже не дает оправдания допущению вредного плеоназма. Сочетание этих терминов может дать повод лишь к теоретическим ошибкам — не больше. И эта неточность во втором издании несомненно должна быть исправлена.

После общих замечаний перейдем к отдельным проблемам.

Остановимся вначале на предмете с.-х. экономии. На 9 стр. у П. И. Лященко имеется неточность, которая требует уяснения. Оказывается, что с.-х. экономика изучает «определенную группу экономических явлений, выражающихся в конечном счете (разрядка наша — Г. Г.) в общественных отношениях людей в процессе производства».

Отсюда можно заключить, что имеются проблемы не в конечном счете, которые тоже изучает экономика. Получается странный дуализм, который оправдывает наличие двух терминов — социальный и экономический. А дальше П. И. Лященко так и пишет: «из всей совокупности этих отношений с.-х. экономика... выделяет объект своего изучения общественные отношения людей в процессе с.-х. их деятельности и экономические явления с.-х. действительности» (разрядка наша. — Г. Г.) Как-будто все-таки имеются вообще экономические явления, не связанные с общественными отношениями, и

общественные отношения, не связанные с экономическими явлениями.

Допущенная автором неточность еще более усугубляется дальнейшим, когда П. И. Лященко пишет, что под экономическим явлением он понимает «прежде всего (разрядка наша, Г. Г.) его общественный характер, проявляющийся в форме отношений производства, затем обмена и распределения» (стр. 9).

Все это дает основание полагать, что автор расщепляет экономику на два вида содержания — общественные отношения и экономические явления. Такое деление является прекрасной базой для механистических воззрений в экономии. Хочется верить, что все сказанное порождено неудачной редакцией наиболее уязвимого и ответственного положения.

Попутно считаем необходимым заметить, что характеристика науки организации с.х. предприятия П. И. Лященко дана не совсем точная, вернее совсем неточная. Буржуазные экономисты установили взгляд, что организация с.х. предприятия есть наука техническая, а автор в данном случае некритически заимствует эту точку зрения и переносит ее в свою книгу. «В основе изучения частнохозяйственной деятельности и внутрихозяйственных отношений частного хозяйства, — читаем мы, — лежит не социальное начало, а начало техническое: отношение человека к природе...» (стр. 10).

Прусский юнкер, организовав свое хозяйство, имеет дело разве только с природой? Конечно нет. Он имеет дело с наемными рабочими, со средствами производства — капиталом, землей, как средством выкачивания земельной ренты. Комбинация этих элементов в хозяйстве весьма далека от простого маневрирования силами природы. В капиталистическом обществе всякая вещь стала товаром. Товар имеет натуральные свойства и свойства общественные. Нельзя допускать, что товар, попадая в рамки отдельного хозяйства не для потребления, а для производства и воспроизводства, теряет свою общественную значимость и общественные свойства.

Если буржуазным организаторам нужно было выставлять организацию как науку техническую, то правильное теоретическое марксистское решение вопроса должно отвергнуть такую точку зрения. Наука об организации с.х. предприятия есть наука социальная и ни в какой мере не искусство.

Само определение с.х. экономии у П. И. Лященко включает изучение не только общественных отношений, но и их генезис. Общественные отношения рассматриваются им как существующие в равновесии. И это определение наложило отпечаток на всю книгу. Генезис обязывает делать большие исторические экскурсы, иногда в ущерб рассмотрению общественных отношений капиталистического хозяйства, а в данном случае автор остановился

на XVI и даже XIV веке, но не включил вопрос об условиях развития сельского хозяйства в эпоху финансового капитала. Гораздо лучше было бы поступить наоборот — дать понятие о развитии сельского хозяйства в капиталистическом обществе во всех его фазах.

Термин «равновесие» совсем необязателен в определении. Его наличие предполагает «устойчивые совокупности и равновесие основных технических, экономических и социальных моментов — земли, труда и средств производства» (стр. 16). В действительности же мы нигде не находим устойчивости и равновесия между названными моментами.

В отсутствии устойчивости и названного равновесия заключается закон диалектического развития капиталистического общества. Равновесие, о котором говорит Маркс, выводя закон образования цены, имеет никакого отношения к равновесию П. И. Лященко.

Метод с.х. экономии проф. Лященко разработан лишь критически. В этом отношении он достиг значительных результатов, но положительной части он не дал, а диалектики не коснулся.

Суммируем наши замечания: в основном предмет с.х. экономии П. И. Лященко намечен правильно, но в самом определении и в толковании содержания имеются отклонения от марксистской системы.

Вторая глава посвящена проблеме «закон убывающего плодородия». Критическая и историческая части этой проблемы автором изложены полно. Отметим лишь маленькую неточность: Скворцова и Каблукова конечно нельзя причислить к безусловным противникам закона, но это, так сказать, «между прочим». Основное наше замечание относится к чрезмерному выхождению П. И. Лященко технико-агрономической версии закона (стр. 53) и статического толкования его. Отсюда легко прийти к выводу, что «повышенные затраты, например в западно-европейском интенсивном сельском хозяйстве, нельзя сравнивать с незначительными затратами на единицу поверхности в экстенсивном именно потому, что при таком способе сравниваются результаты производительности, с одной стороны, на базе свободных естественных производительных сил, повышающих производительность, а с другой — при отсутствии такой базы» (стр. 86).

Очевидно, что различие заключается не в разном качественном составе почвы, а в наличии или отсутствии ренты, в различии величин предприятия. Фермер, довольствовавшийся средней прибылью, производившейся в крупном масштабе, успешно конкурировал с карликовым земледельцем Европы, земледельцем, которого душили и душат огромные ренты. В этом — существо спора. При малейшем отступлении от этого толкования, а поставив можно заметить у П. И. Лященко, что

можно впасть в величайшие противоречия.

Также заставляет настораживаться толкование автором возможности вздорожания продукта в условиях статичности. Во-первых, его пример никакого отношения к закону не имеет. Напротив он его связал с законом. Во-вторых, он допустил возможность вздорожания при статических условиях (стр. 93), что, как разновидность возможностей, может иметь место, но она вовсе не может являться в какой-либо мере закономерностью.

В связи с изложенным стоит раздел «производственно-технические особенности сельского хозяйства». Этот раздел понадобился П. И. Лященко для того, чтобы отметить «сравнительно слабую подчиненность вообще производственного процесса воздействию человека, сложность этого процесса и особенно его связанность с землей пространственно и материально, так как этой связью с землей и пространственностью определяется то количество природных ресурсов и энергии, которое может быть использовано в сельском хозяйстве. Действительно например тепловая и химическая энергия солнечного луча в сельскохозяйственном производстве не только почти невоспроизводима искусственно, но только почти нерегулируема, но и очень слабо в отношении к общей массе своей используется в с.х. производстве» (стр. 352).

И дальше: «по подсчетам Ж. Вилля для производства на 1 га 10—12 тыс. кг пшеницы требуется солнечной энергии в размере до 8.000 л. с., тогда как затрата механической энергии самого человека и животных — всего 15 л. с.» (стр. 352).

К чему все приведенные соображения? Сельское хозяйство во всем этом разделе резко противопоставляется промышленности. Правильно ли это противопоставление? Очевидно, что нет. Каждая отрасль и крупные виды производства имеют свои особенности. В каждом из них человек чувствует себя еще более или менее слабым.

Просмотр техники производства укажет читателю на огромные трудности, создающиеся из-за недостаточности знаний наших инженеров, агрономов и т. д.

Сельское хозяйство с технической стороны ничем принципиально не отличается от чугунолитейного дела, выделки кожи и т. п.

Мысли о биологическом характере с.х. производства, об отсутствии регулирования («почти нерегулируема»), об участии энергии солнечной в 8.000 л. с. при 15 л. с. человеческой и прочей энергии подводят более основательную базу под признание закона, чем это можно видеть в самой главе о законе.

Человеку отводится роль приспособляющегося к природным законам. Всякие процессы селекции, удобрений и прочие агротехнические и зоотехнические усовершен-

ствования все еще «весьма ограничены».

Кроме того процесс подбора приводит к созданию разновидности «более специализированной, тонкой, но и гораздо более хрупкой, дорогой, требующей ухода. И этих последствий своего вторжения в жизнь животного или растения человек изменить не в силах» (стр. 354).

Оказывается, последствия с.х. процесса таковы, что они удорожают специализированный скот, делают его более хрупким и т. д. Словом, все эти последствия нужно было бы изменить, но человек оказывается не в силах. Подобные замечания служат основой для воздыханий о золотом веке, о тяжести современных условий, о беспроблемности преодоления сил природы. Подобные рассуждения плохи и тем, что они совершенно не соответствуют реальному процессу развития. Человек с большой быстротой подчиняет природу. С 1 га уже в настоящее время получается продукции до 100.000 рублей; каждая голова скота может быть и дорожает по сравнению с примитивными породами, но этот скот дешево производит мясные и молочные продукты. Человек с каждым днем все больше делается господином над силами природы; производительность труда все повышается. Волю или неволю, но П. И. Лященко в одном месте не совсем четко сформулировал возражения против закона падающей производительности, а в другом месте эта неправильность возведена в перл антимарксистского построения.

Крупнейшим разделом I тома являются главы, трактующие о земельных отношениях. Основным замечанием к ним надо считать следующее: проф. Лященко выступает в этом разделе больше в роли каталогизатора. Он намечает примерно 4 типа развития, имея в виду еще ряд типов восточных, игнорируя тем самым ленинские два пути — американский и прусский.

По Ленину ясно, что два главнейших пути намечены в зависимости от наличия докапиталистических пережитков и от их отсутствия. Один путь развития без социальных пут, при максимальной капиталистической свободе, другой — наоборот — максимально сдавленный тисками землевладения прусского юнкерства. Эти два главные принципиальные пути в капиталистических странах могут варьировать, не нарушая характерных различий намеченных Лениным двух путей. Отвлекаясь от принципиальной ленинской установки и не предложив иной систематики, автор произвольно нагромождает один тип на другой.

Нельзя согласиться с П. И. Лященко и в трактовке им национализации земли. Он считает логически возможной национализацию, но социально национализация невыполнима (стр. 226), а в другом месте национализация земли признается им даже утопичной. Но ведь требование национа-

лизации было одним из пунктов соц.-демократической партии. Нельзя же говорить, что требование национализации выставлялось с уверенностью в заведомой невыполнимости или его утопичности. Правда затруднения с национализацией крупные. Ленин указывал на растущие трудности проведения национализации с ростом монополистического капитала, но нигде он не считал национализацию невыполнимой, а тем более утопической.

Думается, что П. И. Лященко односторонне оценивает и тенденции развития капиталистического сельского хозяйства. «Процесс обобществления в области земельной собственности и земельных отношений совершается развитым капитализмом другим путем — не концентрацией земельной собственности, не концентрацией материальной базы земледельческого производства земли в руках крупных хозяев предпринимателей, как это происходит в промышленности. Тот же процесс по существу происходит здесь путем подчинения земельной собственности как юридической формы, права на ренту «банковскому капиталу через кредит, через ипотечную задолженность» (стр. 245). Так пишет П. И. Лященко.

Совершенно ясно, что П. И. Лященко упрощает процесс развития капитализма в сельском хозяйстве. Происходит не только передача ренты банкам путем роста задолженности, но и дифференциация, ведущая к укрупнению, концентрации и наконец сращиванию банковского капитала с сел.-хоз. капиталом. Отмеченное упрощение и повело по существу к выпадению из поля зрения П. И. процесса дифференциации и концентрации, хотя упоминание о них в книге имеется.

Нельзя считать правильным также следующее положение автора. Он говорит, что «основной проблемой экономики аренды является вопрос о соотношении в ней этих капиталистических и некапиталистических отношений и тенденций» (стр. 256). Эта цитата взята нами из главы «Земельные отношения капитализма». В этой главе выдвигается в качестве основной проблемы борьба «трудового с'емщика» с капиталистом, и это говорится применительно к таким странам, как Англия, Сев. и Южная Америка. Проф. Лященко не может не знать, что в капиталистическом сельском хозяйстве «трудовому с'емщику» отводится подчиненная роль. Центр проблемы переносится на отношения землевладельца и капиталиста-арендатора. Борьбой этих двух социальных групп — землевладельца и капиталиста-арендатора — и насыщена законодательная, политическая и экономическая деятельность. Об этом и сам автор говорит в другом месте. Допущение П. И. Лященко можно отнести лишь к наиболее отсталым областям наиболее отсталых стран.

Довольно просто автор разделяется и с проблемой труда в капиталистическом

сельском хозяйстве. Он опускает процесс отделения производителя от средств производства. В силу этого дифференциация у него сведена к выяснению «социально-экономического состава по преимуществу».

Жаль также, что, говоря о перенаселении, П. И. Лященко не определил понятия аграрного перенаселения. Существующая путаница в этом вопросе требует внесения ясности в самое понятие перенаселения, между тем автор необходимой ясности не внес.

Переходя ко II тому, нужно отметить следующее: П. И. Лященко придает слишком большое значение земельной ренте. Он пишет, что «в районах с высокой рентой должны возделываться продукты большего весового объема с единицы площади или большей стоимости, благодаря чему на единицу продукта или его стоимости получается возможность достичь относительно минимальной ренты. Это — собственно старая закономерность, подмеченная еще Тюненом» (стр. 141). Помимо того, что П. И. Лященко излишне преклоняется перед гениальным Тюненом, в его фразе все понятия перевернуты. Рента называется издержками производства, она поставлена как первичный фактор размещения, а не как следствие его. В силу этого можно полагать, что повышение ренты толкает к большей интенсификации и к соответствующему размещению. А отсюда логичен вывод, который уже сделал Брентано вслед за Андерсоном, что рента — двигатель прогресса сельского хозяйства. Такой вывод будет противоречить всей системе воззрений и самого П. И. Лященко, а к нему можно притти, возводя ренту — следствие штандорта — в причину штандорта. Это досадное смешение следствия с причиной требует коренного пересмотра всей теории штандорта проф. Лященко. Пересмотр необходим и потому, что он издержки производства считает «основными видами издержек, входящих в состав штандортообразующих факторов» (стр. 139).

Подобное утверждение продиктовано частнохозяйственной точкой зрения. Сами издержки производства зависят от внешнехозяйственных и внутрихозяйственных обстоятельств, являются производным фактором. Очевидно, что для штандорта нужны иные факторы. Обычные вариации буржуазных теорий о штандорте сел.-хоз-ва не приближают к правильному марксистскому пониманию вопроса. Особенно неприемлемо обычное буржуазное толкование роли транспорта. Транспорт трактуется до сих пор по Тюнену. Не смущает экономистов и то обстоятельство, что транспорт Тюнена был гужевым, что его роль трактовалась в начальный период развития капитализма в сел. хоз-ве. Перенос тюненское толкование транспорта, экономисты забывают о диалектических процессах развития хозяйства, когда не только транспорт меняется, но и все народное хо-

зяйство меняется. Вместо одного города страна, неравномерно развиваясь, покрывается сетью городов. Сам транспорт, совершенствуясь, меняет свою значимость. В результате действия сложных причин происходит сосредоточение садово-огородных продуктов вовсе не в тех пунктах, где это можно было бы, руководствуясь условиями транспорта. Словом автор должен пересмотреть проблему штандорта в сторону увязки со всей своей системой, изложенной в книге.

Значительной главой II тома надо считать главу о кризисах. Она значительна потому, что литература по кризисам не так уж обильна. П. И. Лященко правильно связывает аграрные кризисы с воспроизводством. Он указывает на необходимую связь аграрных кризисов с рентой. Но его определение аграрного кризиса (стр. 206) носит характер простого описания форм проявления кризиса. Как таковое оно не полно и определено неверно. Еще менее можно удовлетвориться одной описательностью кризиса. Необходимо вскрыть сущность аграрного кризиса, как взрыва капиталистических противоречий. Этот основной момент в определении автора опущен, а без вскрытия существа аграрных кризисов их определение не может считаться правильным. Много усилий П. И. Лященко потратил на определение влияния конкретных условий на аграрный

кризис. Бесспорно, что все эти условия на кризис влияют. Но как? По существу или по форме? Очевидно, что только по форме. К недостаточно разработанным местам нужно отнести также периодизацию кризисов. П. И. Лященко просто не использовал всей имеющейся здесь литературы.

В заключение надо пожалеть, что автор оставил неосвещенной проблему развития сел. хоз-ва в эпоху финансового капитала. Тема исключительно интересная и достаточно обеспеченная материалами.

Подведем итоги: работа П. И. Лященко является серьезным вкладом в аграрную литературу. Вместе с тем нужно отметить, что в самой системе построения, в трактовке проблем, в методе анализа автор допускает ряд совершенно немарксистских положений. Особенно неудовлетворительна трактовка проблемы советской экономики там, где автор ее касается (по преимуществу мелко). Поэтому нельзя не пожелать решительного исправления допущенных теоретических отступлений от Маркса — Ленина, в результате чего книга несомненно только выиграет.

В целом книга дает обильный материал для проработки сел.-хоз. экономики. При активных методах работы в вузах, при ознакомлении с какой-либо проблемой работа проф. Лященко окажется полезной.

Г. Гордеев

Ф. А. Цылько. Пути развития сельского хозяйства СССР в ближайшие пять лет. Гиз,

1930 г. Стр. 144. Цена 65 коп.

Брошюра Ф. А. Цылько излагает основные положения пятилетнего плана развития сельского хозяйства. Удачно составленная, написанная живо и популярно она все же страдает основным недостатком, который нельзя приписать автору: в брошюре нашел отражение именно пятилетний план развития сельского хозяйства, утвержденный XVI партконференцией и V съездом Советов. Между тем жизнь, как нигде больше, обогнала наметки пятилетки в области реконструкции сельского хозяйства. Развернувшаяся массовая коллективизация крестьянских хозяйств обогнала наметки не только пятилетнего плана, но и контрольных цифр на 1929/30 г., утвержденных в ноябре 1929 г. Поэтому нельзя винить автора в том, что он упустил этот момент, так как брошюра писалась на грани бурного развертывания коллективизации, и автор естественно не мог предвидеть всего того, что произошло в последующие месяцы. Надо упомянуть, что в сносках и кое-где в тексте т. Цылько делает поправки применительно к контрольным цифрам 1929/30 г., и это значительно поднимает интерес брошюры.

Однако несмотря на этот основной недостаток, заключающийся в том, что брошюра отражает устаревшие наметки в опре-

деленной части пятилетки сельского хозяйства, она является интересной работой, могущей принести значительную пользу при проработке пятилетнего плана развития народного хозяйства.

Брошюра разбита на семь глав: 1) что даст промышленность сельскому хозяйству к концу пятилетки; 2) пути подема сельского хозяйства; 3) совхозы; 4) колхозы; 5) машинно-тракторные станции и колонны; 6) производственное кооперирование и подъем индустриального крестьянского хозяйства и 7) капитальные вложения в сельское хозяйство и результаты сельскохозяйственного производства к концу пятилетки.

Начав с основной установки пятилетки — индустриализации страны, — автор в первой главе знакомит читателя с тем, что дает промышленность сельскому хозяйству в пятилетнем разрезе в части машиноснабжения, химизации, поднятия земледелия и борьбы с вредителями. В главе нашел отражение новый расширенный план тракторостроения, разработанный уже после утверждения пятилетки. Упомянуто также и о хибинских апатитах, долженствующих произвестись коренной переделом в части химизации сельского хозяйства. Здесь же автор говорит специально о потребляющей

полосе Советского Союза и реконструкции ее зернового хозяйства, намеченной пятилеткой.

Во второй главе дан краткий анализ состояния нашего крестьянского хозяйства к началу пятилетки. Вслед за этим автор говорит о двух возможных путях развития сельского хозяйства—капиталистическом и социалистическом—и о преимуществах последнего. Заканчивается глава изложением тех установок, которые легли в основу решений партии и правительства в области сельского хозяйства. Увлекательно написанная глава страдает уже отмеченным нами недостатком—на ней лежит печать первой половины 1929 г. Как пример приводятся колхозы-комбинаты 14—16 тыс. га (35 стр.) и т. д. Необходимо еще отметить одну незначительную опisku автора. На стр. 33 он начинает абзац так: «И у нас так же, как и в капиталистических странах, рост крупного обобществленного (разрядка моя—В. Н.) сел.-хоз. производства сопровождается ожесточенной классовой борьбой в деревне». Далее автор разъясняет коренную разницу между нами и капиталистическими странами, но в последних, как известно, обобществленного сел.-хоз. производства нет. Конечно эта описка не имеет существенного значения в общем содержании книги.

В трех следующих главах автор говорит о современном (1928/29 г.) состоянии и значении совхозов, колхозов и машинно-тракторных станций и о их развитии в перспективе пятилетки. Если главы о совхозах и машинно-тракторных станциях отвечают духу времени, то глава о колхозах имеет в настоящий момент уже только историческое значение. В ней отражены факты прошлого. Не могли быть в ней отражены также и последние установки партии и правительства о формах коллективизации (с.-х. артель, как основная форма на данный период), а приведены лишь

рассуждения о том, что мы должны стремиться от низших к высшим формам и т. п. Глава подлежит тщательной переработке в следующем издании. Надо будет также соответственно переработать и главы о совхозах и машинно-тракторных станциях, особенно в части их взаимодействия с колхозной системой (государственно-колхозные комбинаты и т. п.).

В шестой главе нашли отражение главным образом известные решения правительства о подъеме урожайности. Здесь автор говорит о развитии сельского хозяйства в разрезе индивидуальных крестьянских хозяйств, их производственного кооперирования, контрактации с.-х. продукции и пр. Значение производственного кооперирования и контрактации освещено довольно подробно, но опять-таки применительно к 1928/29 г. О производственном кооперировании и контрактации в условиях сплошной коллективизации в брошюре ничего не говорится. Надо пожелать освещения этого вопроса в следующем издании брошюры.

Последняя глава подводит итоги и освещает результаты, которые должны быть в конце пятилетки. Жизнь и здесь обогнала первоначальные установки пятилетки, но итоговые данные в отраслевых разрезах вряд ли подвергнутся большим изменениям, так как пятилетний план был составлен с учетом ряда условий подъема сельского хозяйства (машинизация, 35%-ное повышение урожайности и т. д.). Значительно изменится социальное лицо сельского хозяйства по сравнению с наметками.

Надо пожелать Госиздату переиздать работу тов. Цылько в обновленном и переработанном виде. Внесение в брошюру новых моментов в связи с массовой коллективизацией значительно увеличит значение ее и вместе с тем даст рядовому читателю хороший материал для проработки вопроса.

В. Носов

В. В. ШЕР. Кредитная реформа. Госбанка СССР. Москва. 1930 г. Стр. 103. Цена 85 коп.

Недавно принятый закон о кредитной реформе является крупным событием как в работе кредитной системы, так и в реконструкции наших финансов вообще. Размер сдвигов, производимый этой реформой, настолько значителен, что требуется большая организационная и плановая работа, чтобы реализовать ее полностью. Поэтому всякая работа, в той или другой мере способствующая проведению этого закона в жизнь (а работа В. В. Шера именно и ставит себе это задачей), должна рассматриваться с положительной стороны.

Брошюра В. В. Шера не ставит перед собой задачу теоретически проанализировать вытекающие из реформы положения. Точ-

С предисловием Г. Л. Пятакова. Изд.

но так же ее нельзя рассматривать как инструкцию по проведению реформы. Задача брошюры—дать общий комментарий, веши с помощью которых можно было бы легче переходить на рельсы нового прямого кредитования. Следует иметь в виду, что брошюра вышла в свет почти немедленно за изданием самого закона о реформе. Поэтому, имея в виду самую цель ее, а затем и сроки, в какие она появилась, к брошюре нельзя предъявлять больших требований. В основном это—полуоперативный документ, и только под таким углом зрения ее и следует рассматривать.

Каков предмет брошюры или, что все равно, предмет кредитной реформы—во-

вопрос, по поводу которого в первую очередь необходимо сделать несколько замечаний.

В последние годы и в особенности по мере того как плановое начало глубже и шире стало охватывать народнохозяйственный процесс, все резче стал проявлять себя антагонизм между финансовой формой и ее содержанием. Этот антагонизм проявлял себя, да и теперь еще во многом проявляет, одинаково как по линии кредитных отношений, так и по линии бюджета. По кредитной линии в частности он выражался в следующем. Советский банк, как составной элемент всей хозяйственной системы, с неизбежностью должен был отражать новую природу хозяйства, конкретно—его обобществленный характер и плановость. И банк по существу эту природу отразил. Действительно, так как план в народном хозяйстве сделался определяющим моментом,—движение средств в банке приняло обусловленный характер. Это в первую очередь отразилось на том, что отпала роль процента, как регулятора обращения банковских средств. Вместе с тем, являясь следствием плана, средства банка и в первую очередь конечно его активы изменились с точки зрения ликвидности. Равным образом изменилось (отмерло) и понятие кредитоспособности клиента и т. д. и т. п. Однако, несмотря на то, что в своем внутреннем содержании работа советского банка вполне отразила тип нового хозяйства, формы работы не соответствовали этим изменениям, и это обстоятельство остро выдвинуло (по линии банка) проблему финансовой реконструкции. Ликвидация этих противоречий, как она отразилась в принятом законе, и является предметом рассматриваемой нами брошюры.

В принятом правительством законе (30/1 1930 г.) о кредитной реформе говорится: «Существовавшая до сих пор система отпуска товаров в кредит в обобществленном секторе, приводившая к усложнению путей прохождения кредита и к затруднениям при его планировании, должна быть ликвидирована и заменена исключительно банковским кредитованием. Само банковское кредитование должно быть организовано таким образом, чтобы нуждающиеся в кредите предприятия и организации получали его, минуя посредствующие звенья». Следовательно переход на прямое кредитование, на непосредственную связь банка с кредитующим по товарному обороту клиентом составляет основную идею реформы.

В какой мере эта реформа резко меняет существовавшую до сего времени практику? Чрезвычайно сильно. На фоне недостатков старой системы это выглядит довольно отчетливо. Кредитная реформа совершенно уничтожает вексель во внутреннем обращении, а с этим уплывает и почва для так называемого «бронзового векселя». Контокоррент, выступающий на сме-

ну и системы текущих счетов, «теснейшим образом связывает нормальных дебитора и кредитора. Этому способствует еще и концентрация краткосрочного кредита». Отныне нет больше «борьбы за пассивы». Кредитная реформа делает революцию в области понятий кредита. «Кредитный туман рассеивается. Колдовство банков уступает место простому экономическому расчету и подсчету» (Г. Л. Пятаков). Кредит вступает теперь в полном смысле в ту стадию, когда он заслуживает названия орудия учета («социализм—это учет»). Фетиш кредита разрушается.

Много нового влечет за собой реформа и для дела планирования народного хозяйства. Если раньше, когда банк кредитовал посредника, трудно было дать картину отраслевого кредитования вследствие искривления каналов обращения, то теперь оно получит полную прозрачность. Намеченный по плану кредит той или другой отрасли хозяйства действительно будет ей оказан. Данные же контокоррента дадут картину о состоянии кредитования на любую дату времени. Создавая для планового дела ряд преимуществ, вместе с тем реформа предъявляет к нему и огромные требования. План отныне становится решающим фактором в области банковского кредита.

Несомненно, что новая форма кредитования создает лучшие условия и для контрольной работы банка. Однако нельзя преувеличивать значения этих условий, как это пытается делать В. В. Шер. Автор пишет: «вместо обработки реестра векселей, представленных клиентом, или вместо тщательной приемки товаров на склады банка или систематической проверки сохранности расписок банк должен будет наблюдать за тем, насколько выполняет данное предприятие количественные и качественные показатели утвержденного плана, насколько правильно осуществляются предписанные данному предприятию темпы развития хозяйственной деятельности». Ведь нельзя забывать, что финансовый план, а тем более кредитный план не идентичен хозяйственному плану. Кредитный план, его исполнение может служить лишь косвенным и достаточно отдаленным методом контроля за исполнением хозяйственного плана.

В брошюре, распадающейся на 8 глав, в основном затронуты все моменты, могущие быть предметом внимания в начале проведения реформы. Для понимания существа реформы даны исторические предпосылки и основные идеи реформы. Затем, в зависимости от отраслевых особенностей, рассматриваются конкретные формы применения кредита: к промышленности, потребительской кооперации, сельскохозяйственным заготовкам и наконец кустарно-промысловой кооперации. Специальная глава посвящена новым формам кредита, вытекающим из кредитной реформы, и по-

следняя—существующей структуре банковской системы и связанным с реформой переменам. В главах, посвященных конкретизации реформы, дано много ценных указаний—как правильное всего в тех или других случаях проводить в жизнь дек-

рет. Нельзя забывать, что декрет, как и всякий закон, дает лишь общую норму, для проведения в жизнь которой требуется большая дополнительная работа. И в этом—главное достоинство брошюры.

А. Неусыпин

«Вестник статистики». Орган Центрального статистического управления СССР. Статиздат ЦСУ СССР. Москва. №№ 1 и 2 за 1929 г.

Вышедшие в течение 1929 г. два номера рецензируемого журнала, как и в прежние годы, посвящены преимущественно вопросам статистической методологии.

Организационные вопросы современной советской статистики, перерастающие в теперешней их постановке также в вопросы статистической методологии, не только не находят в рецензируемом журнале достаточного отражения, но подчас и просто отклика. Некоторым отражением этих вопросов здесь могут пожалуй послужить редакционная статья в № 1 журнала («О правом уклоне и бюрократизме в статистике») и доклады, зачитанные руководителями ЦСУ СССР на совещании управлений ЦСУ в июле 1929 г. (В. П. Милутина. О директивах по составлению пятилетнего плана работ госстатистики; М. Н. Смит. О плане работ промышленной статистики; А. И. Гайстер. О плане работ с.х. статистики), опубликованные в № 2 журнала в качестве статей. Но этого, разумеется недостаточно, ибо они только ставят вопросы, не давая их углубленной проработки. А между тем, где же как не в «Вестнике статистики» должны быть подвергнуты обсуждению статистической общественности такие вопросы, как например вопросы планирования статистической работы, организации статистического учета в обобществленном секторе сельского хозяйства и системы его связи со всей с.х. статистикой, постановки статистического учета сельского хозяйства через сельсоветы и т. д., и т. п. И только две частные организационно-методологические проблемы освещены в журнале достаточно полно: речь идет о статьях М. Красильникова—«К организации статистики печати в СССР» (№ 1) и «К постановке переселенческой статистики».

Совершенно иначе обстоит дело с освещением вопросов статистической теории и методологии статистического исследования отдельных экономических проблем. В этой области «Вестник статистики» может определенно зарегистрировать ряд существеннейших достижений, причем последние относятся не только к самому журналу, но и к статистической теории вообще. Все ярче звучит в журнале голос статистика-марксиста и диалектика, оплодотворяющего формально-статистический метод материалистическим анализом и ставящего самый метод на ноги.

В свете такой постановки вопроса наибольший интерес представляет опубликованная в № 2 журнала статья А. Боярского—«Средняя», посвященная первооснове статистической методологии, теории статистической средней. Автор строит свой математический анализ средней на базе гегелевской диалектики «одного» и «многого»—в утверждении их в коллективе, в данном случае в статистической совокупности. Отсюда он определяет статистическую среднюю как функцию ряда величин, составляющих статистическую совокупность: $x = F \cdot x_1 \cdot x_2 \dots x_n$.

Далее через неоспоримое утверждение, что в средней статистический метод, отвлекаясь от индивидуальных особенностей каждого члена совокупности, абстрагирует то общее, что присуще всему исследуемому коллективу, автор расширяет первое формальное определение средней, характеризуя ее как корень уравнения $f(x_1, x_2 \dots x_n) = f(x, x \dots x)$.

Поскольку последняя функция ставит среднюю в непосредственную зависимость от того свойства коллектива (статистической совокупности), которое она призвана обобщить, абстрагируя его в одном числе, автор называет ее «определяющей функцией» и совершенно правильно ставит вопрос о том, что верное построение этой функции всецело зависит от познания самого «определяющего свойства» совокупности. В переводе на язык последних споров вокруг вопросов статистического исследования мысль эта формулирует только то общее положение, что прежде чем строить среднюю данной статистической совокупности, надо знать и экономическую природу последней, выявить ее «определяющее свойство», построить «определяющую функцию» и из нее уже выводить тот или иной тип средней.

Известным продолжением этой же темы является и другая статья, посвященная вопросам теории статистики.—Б. Ястремского «О смысле теории Чебышева-Ляпунова, или — долой идеологические миражи» (№ 1). Под претенциозным названием здесь скрывается весьма популярная и простая интерпретация известной теоремы Чебышева о соотношении между средними выборочной и генеральной совокупности и той формулировкой, которая дана этой теореме

Ляпуновым. Безусловным достоинством статьи является именно та простота, с которой автор трактует эту тему, преподнося сложнейшие проблемы математической статистики в такой форме, что они становятся удобопонятными даже математически малоподготовленному читателю. Ее «идеологический» смысл заключается в том безусловно правильном утверждении, что целью было бы требовать или ждать полного совпадения выборочной и генеральной средних, и что в этом собственно нет нужды, ибо формулировка Ляпунова дает возможность установить тот объем выборочной совокупности, при котором выборочная средняя довольно точно воспроизводит статистическую среднюю, численно равную генеральной» (стр. 154).

Проблемы теоретической статистики исчерпываются указанными двумя статьями.

Разве только в связи со статьей А. Боярского следует упомянуть прекрасную к ней иллюстрацию—рецензию В. Старовского, посвященную изложению и анализу известной книги Ирвинга Фишера—«Построение индексов» (№ 2). Автор этой рецензии разоблачает формально-статистический подход Ирвинга Фишера к исследуемой им проблеме. Занятый поисками «идеальной» формулы Ирвинг Фишер впадает в противоречие с экономической природой индекса и строит его вне зависимости от его «определяющего свойства» и «определяющей функции». Автор рецензии показал, «что именно в этом пренебрежении экономическим анализом задача Ирвинга Фишера превратилась в отыскание своего рода статистической квадратуры круга».

Следующая серия статей посвящена проработке отдельных частных вопросов статистической методологии.

В № 1 журнала опубликована статья Е. Бухмана—«К построению теории амортизации» и ответ на нее С. Гиммельфарба—«Теория амортизации, или как ополчается наука». «Критический очерк» Е. Бухмана посвящен некоторым, по его мнению, спорным вопросам, выдвинутым проф. Филоненко-Бородичем в его работе «Математические основы теории амортизации». Вопросы, которые Е. Бухман подвергает исследованию, могут быть сведены к следующим проблемам: 1) определение нормы амортизации для однородного имущества, 2) то же для разнородного, 3) определение остаточной стоимости имущества и 4) все перечисленные проблемы в аспекте не стоимости имущества, а сроков его службы. Как видно из самого перечня подлежащих исследованию вопросов, проблемы эти—не теоретико-экономического порядка, а специфически счетного. Однако, от этого они несколько не теряют в своей актуальности. Критик Е. Бухмана С. Гиммельфарб совершенно прав, когда ут-

верждает, что все построения автора (а вместе с ним и самого Филоненко-Бородича и Подтягина) даже и не пахнут экономической теорией, он прав, когда и противопоставляет квази-научным построениям всех рассматриваемых им авторов единственно правильно—марксовской теории амортизации. Но он абсолютно неправ, когда этим и ограничивает свою критику. Подобное противопоставление есть только лишь первый этап критики, ибо без правильного теоретико-экономического осмысления и осознания процессов амортизации невозможно и правильное построение норм амортизационных исчислений и сроков погашения основного капитала. Мало установить, что в процессе производства стоимость машин в меру их изнашивания превращается в часть цены продукта—это только одна сторона проблемы, без освещения которой однако немислимо и самое ее разрешение. Другая, не менее существенная задача—определить, как происходит восстановление изнашиваемого основного капитала in natura, наконец третья задача, значение которой также нельзя недооценивать,—это правильное установление норм амортизации. Первая задача разрешается марксистской экономикой на путях вскрытия присущих капиталистическому обществу процессов образования стоимости, вторая задача—путем изучения динамических процессов капиталистического цикла и, наконец, третья задача лежит вне области теоретической экономики и до сих пор решалась в частнохозяйственной сфере методами бухгалтерского учета. Стихийный практицизм бухгалтерского учета имел все же в своей подоплеке практику хозяйственного процесса. Обобщить эту практику, дать ей методологическое обоснование—в этом в сущности и заключается задача статьи Е. Бухмана. Но надо сказать, что именно с этой-то задачей автор и не справился. Первое, чего ему недостает,—это правильной ее формулировки. Вместо этого автор, критикуя Филоненко-Бородича, сам попадает в плен к его искусственным построениям. Не противопоставляя ему определенной теоретико-экономической концепции или даже просто целевой установки исследования, автор не выходит за пределы отдельных определений и примеров Филоненко-Бородича и не может их преодолеть.

Опубликованная в этом же номере (№ 1) статья Б. Бунакова—«Эффективность кредита и методы ее установления»—посвящена другому, актуальнейшему в современных условиях вопросу, более известному в советской печати под названием проблемы «эффективности капитальных вложений». Последняя проблема, верно, уже первой, но она входит в нее составной частью и неразрывно с нею связана. Сам автор считает, что понятие эффективности кредита охватывает три соподчиненных понятия: 1) народ-

по хозяйственной эффективности кредита ($\mathcal{E}_1$), 2) эффективности ссудного капитала, как такового ($\mathcal{E}_2$) и 3) эффективности производительного капитала ($\mathcal{E}_3$).

Нар.-хоз. эффективность кредита, по мнению автора, будет заключаться: «а) в максимальном использовании для нужд перераспределения имеющихся в народном хозяйстве свободных капиталов и максимально целесообразном их направлении с точки зрения поставленных целей и б) в минимальных затратах на осуществление этого перераспределения» (стр. 104—105). В соответствии с этим автор и строит ряд индексов для определения значения $\mathcal{E}_1$. Не входя по условиям места в обсуждение этих индексов, мы должны отметить одно обстоятельство, вносящее по нашему убеждению неверный тон как в самое определение понятия, так и в дальнейшие построения автора. Таким ошибочным моментом в его определении мы считаем введение целевого элемента. Эффективность перераспределения мобилизованных кредитным институтом свободных капиталов также должна быть оценена с народнохозяйственной точки зрения; мерилом здесь очевидно может служить характер расширения производительных сил общества, а в данной связи — нахождение такого варианта перераспределения, которое с точки зрения роста производительных сил было бы оптимальным. Сам автор в другой, верно, связи как-будто даже намечает формулу такого оптимума: минимальным пределом нар.-хоз. эффективности для всего ссудного капитала является наличие такого состояния перераспределения, которое позволило бы поддерживать народнохозяйственное равновесие» (стр. 105). Но эту мысль он не развивает, а наоборот всюду подменяет ее целевой установкой, конкретизируя соответствующие индексы как степень выполнения планового задания.

С. Зозарский в статье «О методах измерения текучести и оборота рабочей силы» (№1) освещает другую весьма актуальную проблему — учет текучести рабочей силы. Безусловным достоинством статьи является точное определение объекта исследования. Автор, во-первых, проводит строгое разграничение понятий оборота рабочей силы и ее текучести и, во-вторых, конструирует следующие четыре категории подлежащих исследованию явлений: А — «общий оборот» рабочей силы, В — «собственно текучесть». — В оборот, зависящий только от условий производства, и Г — «холостая текучесть». А есть «все число рабочих, прошедших через производственный процесс за изучаемый отрезок времени» (стр. 115); В — та часть оборота, которая показывает сменность рабочих на одной и той же работе; $H = A - B$ и наконец Г есть В за вычетом той части текучести, которая определяется «естественной убылью» рабочей силы (смертность, инвалидность и т. д.). Болезненное

явление, которое привлекает к себе сейчас такое пристальное внимание хозяйственников и которое (в данной связи) и является проблемой исследования, есть категория Г — «холостая текучесть». На наш взгляд автор правильно наметил всю совокупность подлежащих исследованию вопросов. Мы внесли бы к постановке автором вопроса лишь одно дополнение: необходимость наряду с текучестью рабочей силы учитывать также степень ее постоянства — те основные кадры рабочих, которые предприятие сохраняет за наблюдаемый отрезок времени. Это позволило бы более отчетливо представить степень и размеры текучести рабочей силы.

Особое место занимает в журнале статья М. А. Давидовича — «Некоторые черты процессов дифференциации крестьянства, характерные для районов нечерноземной полосы». Посвященная не вопросам статистической методологии, а анализу конкретных хозяйственных явлений, эта статья освещает одну из интереснейших проблем о. х. экономики — вопрос о связи процессов дифференциации крестьянского хозяйства с его хозяйственно-организационной структурой и в частности выявляет и определяет степень интенсификации крестьянского хозяйства в социальном разрезе последнего. Как по собственному заявлению автора, так и по всему содержанию статьи следует, что основная ее мысль — полемика с утверждениями неонародников, усматривающих причину экономической якобы устойчивости мелкого крестьянского хозяйства в его особой интенсификации. Частным поводом появления этой статьи по заявлению автора «послужил вопрос о роли интенсификации хозяйства в дифференцирующих процессах, возбужденный в связи с выходом труда проф. А. Челинцева и др. «Динамика крестьянского хозяйства». В силу такой постановки вопроса значение рецензируемой статьи выходит далеко за пределы того ограниченного материала, с которым она имеет дело. Обращаясь непосредственно к статистико-описательной и аналитической частям статьи, необходимо отметить, что автор оперирует преимущественно материалом весенних опросов за 1924—1928 гг., относящихся исключительно к Смоленской губ. Несмотря на то, что количество используемых автором группировок невелико, статья насыщена (именно насыщена) данными, подкрепляющими его антинеонародническую и марксистскую установку. Основная мысль статьи может быть формулирована следующими выдержками из нее: «Нарастание хозяйственной дифференциации в условиях Смоленской губернии и смежем думать в условиях нечерноземной полосы вообще череносится в главном с простого количественного расширения хозяйства в его основных элементах на его организационную перестройку, на внутреннюю интенсифика-

цию» (стр. 86). И в другом месте: «экономическая дифференциация крестьянства, представляющая собою материальную базу для социальной дифференциации, в нечерноземной полосе является в первую очередь последствием неравномерной интенсификации сельского хозяйства, различий в организационном построении этого последнего» (стр. 88).

Заканчивая на этом обзор того большого статейного материала, который дан в двух рецензируемых номерах журнала, отметим наличие в них ряда статей (Г. Раевича — «Некоторые типичные ошибки в использовании группировок» — №1, Е. Хоткевича — «О построении динамических рядов денежного оборота крестьянск. хоз-в», М. Юрцовского — «О систе-

Де-Рузье Поль. Современная индустрия. Госиздат, 1930 г. Том I. Каменноугольная, нефтяная, гидро-электрическая промышленность. Стр. 140. Цена 75 коп. Том II. Металлургия. Стр. 177. Цена 1 р. 25 к.

Рецензируемый труд принадлежит перу одного из видных французских экономистов. В двух томах собран богатый материал, характеризующий состояние мировой тяжелой индустрии накануне и после войны.

По обилию фактов работа могла бы представлять большой интерес, если бы ценность ее не была снижена следующими обстоятельствами. Во-первых, работа явно устарела, так как французский оригинал базируется на материале и цифрах, доведенных только до 1921 г. Правда переводчик дополнил таблицы более свежими данными, но положение от этого мало изменилось, ибо анализ и характеристика автора относится к той ситуации, в которой находилась мировая промышленность в первые годы после войны. С тех пор прошло много времени, возникло много нового, что в рецензируемой работе своего отражения не нашло.

Во-вторых, работу портит исключительная ограниченность взглядов автора. В этом отношении де-Рузье побивает рекорд. Его суждения часто оказываются неприемлемыми не только для марксиста, но и для любого солидного экономиста буржуазного толка. В предисловии «от издательства» справедливо указано, что «эти рассуждения настолько наивны, что опровергать их может у нас в СССР буквально любой грамотный читатель».

Каждая из четырех отраслей промышленности, затронутых в рецензируемом труде, освещается автором по однородной схеме: сначала дается характеристика основных производственных процессов и техники, за ней следует изображение организационных форм производства, стоящих в связи с особенностями современной техники и реализующих тенденцию капиталистической промышленности к концентрации. Кончается каждое описание анализом особенностей рынка сбыта данной отрасли и организа-

ме показателей видов на урожай», в которых разбросано много ценных методологических указаний, а также несколько работ, посвященных вопросам рационализации и др. Большой интерес из всего этого материала представляет стенограмма доклада В. Г. Громяна о предлагаемом им новом методе прогноза урожая. На основании подмеченной им цикличности урожаев, докладчик утверждает, во-первых, строгую периодичность этих циклов (десятилетнюю) и, во-вторых, что ему удалось выявить эмпирически закон компенсации происходящий в природе.

Однако как представленный докладчиком материал, так и самый доклад и прения по нему заслуживают самостоятельной статьи и не могут быть отображены в рецензии.

В. Львов

ционных форм его («концентраций сбыта» по выражению автора) в различных странах.

Остановимся прежде всего на угольной промышленности. Здесь обращают на себя внимание совершенно не отвечающие современным тенденциям развития утверждения автора относительно роли техники в производственных процессах добычи угля.

«Применение механизации труда все же еще продолжает стоять в слишком большой зависимости от особого стечения обстоятельств, а вследствие этого не получает широкого распространения». «И если в САСШ, на родине врубковых машин, они находят себе применение, то это объясняется прежде всего исключительной мощностью и богатством месторождений, позволяющими американцам разрабатывать главным образом те из них, которые допускают механическую врубку, и дающими им возможность оставлять без внимания многие другие месторождения». За отсутствием этих условий «в Европе механическая врубка играла весьма незначительную роль» (т. I, стр. 4—7).

Вопреки утверждению автора механическая добыча угля в Европе, особенно в Германии, за последние годы получила значительное распространение.

Устарела также характеристика, данная де-Рузье рынку сбыта английской промышленности. Автор считает, что Англия скорее угрожает недопроизводством, нежели перепроизводством угля. У английского угля имеются огромные коммерческие преимущества в виде обширного внешнего рынка, чрезвычайно удобного географического расположения (близости залежей угля к морским портам) и мощного торгового флота. Обстоятельства эти дают «английскому угольному рынку изумительную, нигде более не встречающуюся гибкость» (стр. 41).

Эта характеристика звучит сейчас ironically, если принять во внимание тяжелую депрессию, переживаемую английской угольной промышленностью. Уже несколько лет как эта проблема обсуждается экономической печатью всего мира, а в Англии она стала центральной экономической и общественной проблемой, благодаря значительному удельному весу угольной промышленности в общем составе английской индустрии, и тяжелому положению, в котором очутились рабочие этой отрасли.

Как известно депрессия вызвана была обострившейся иностранной конкуренцией, сокращением спроса на уголь в виду усилившегося потребления нефти и других источников энергии, а также вследствие распространения методов более экономной утилизации угля.

Большую роль кроме того сыграли техническая отсталость и инертность английской промышленности, работающей на устаревшем основном капитале и старинными методами производства. Новейшая волна рационализации почти не коснулась их.

Аналогичные условия оказывали свое влияние и в других основных отраслях английской промышленности, испытывающих такие же затруднения, причем для исследования этих обстоятельств как известно была даже создана специальная правительственная комиссия под председательством Бальфура—Committee on Industry and Trade, которая работала несколько лет и выпустила 7 томов интересных материалов. Однако все эти моменты в книге де-Рузье никакого отражения не нашли.

Имеются пробелы и в других частях рецензируемого труда. Так по нефти не освещен новейший процесс переработки ее, так называемый крекинг-процесс; по гидроэлектричеству не развит вопрос об электроцентралях. Характеристика рынков дана в слишком общей форме и лишь постольку, поскольку это необходимо автору для объяснения «концентрации сбыта», т. е. образования предпринимательских объединений для сбыта.

Лучшими в рецензируемом труде следует признать главы, посвященные концентрации и интеграции производства. Данный автором анализ сохраняет свой интерес до сего времени.

Общие экономические концепции автора, как мы уже отмечали, чрезвычайно наивны. Вот образчик его суждений по рабочему вопросу: у рабочего современной металлургии «надежды на будущее представляются более ограниченными, чем в эпоху, когда он почти всегда мог надеяться стать хозяином небольшой мастерской и руководить ею» (т. II, стр. 44). «Все же, — утешает де-Рузье рабочих, — для него открыты другие ценные пути к возвышению». «Крупные металлургические предприятия вербуют часть своего высшего персонала из

сыновей старших рабочих и помощников мастера» (стр. 46). Надо полагать, что удачи этих «выдвиженцев» капитала для массы пролетариата служат весьма слабым утешением.

Де-Рузье — специалист по капиталистическим монополиям, автор двух трудов по трестам и синдикатам, и казалось бы по этому вопросу от него можно было ожидать достаточно веских и глубоких взглядов. Увы, рецензируемое произведение не оправдывает этих ожиданий.

Принято думать, что в основе движения предпринимателей к организации синдикатов и трестов заложены серьезные экономические стимулы, вытекающие из процесса укрупнения производства и усиления роли основного капитала. Де-Рузье напротив настаивает на том, «что экономические условия, неизбежно вызывающие концентрацию, отнюдь не влекут за собою образования фактической монополии и, наоборот, являются препятствием для нее. Там, где эти препятствия устранены и где устанавливается монополия, это вызвано действием мощных искусственных факторов, каким очень часто, если не всегда, является государственная власть» (т. I, стр. 75). Политические факторы оказываются берут верх над экономическими. Мало того, монополии зависят еще от столь эфемерной вещи, как расовая психология: «они связаны с тем, насколько у той или иной расы развиты склонность и способность к объединению, ставят ли они себе в борьбе за рынки скромные или честолюбивые задания» (т. II, стр. 179).

За всеми этими наивностями чувствуется однако грубая тенденциозность апологета капитализма. Автор доходит до оправдания и идеализации американских трестов, известных своими злоупотреблениями и грязными спекуляциями. По его мнению эти злоупотребления исчезли с тех пор как в политической деятельности стали принимать участие просвещенные и честные люди из университетской среды. Господство монополий прекратилось, «корни трестов-монополизаторов были подрезаны». Тресты облагородились. «Они сохранили свое название, так как во главе их, как прежде, стояли крупные «капитаны промышленности» и так как организации эти достигли поразительных размеров. Но они больше не стремились к образованию монополий...» (т. II, стр. 145).

Внимание читателя привлекают в работе де-Рузье конечно не его наивные рассуждения, которые кстати сказать чрезвычайно характерны для выявления мысленных буржуазных экономистов типа автора рецензируемого труда. В последнем интересен фактический материал, характеризующий состояние главным образом послевоенной экономики капитализма. Приходится лишь пожалеть, что эта работа издана с таким запозданием.

И. М. Гринштейн

«Factors of Economic Geography» by Z. Carlton Staples and G. Morrell York. Изд. South-Western Publishing Co., New York, Cincinnati, Chicago, San Francisco. 1928 г. 596 стр. «Факторы экономической географии» — З. Карльтон Стейплс и Д. Моррелл Йорк).

Недавно американская экономическая литература обогатилась руководством по экономической географии, составленным преподавателем экономики Стейплсом и проф. торговли Йорком.

В книге сразу чувствуется опытная рука старых школьных учителей. Книга написана простым, доступным языком, не загромождена цифровым материалом, разбита на небольшие главы, легко усвояемые. В конце каждой главы умело подобран вопросник-тема для проработки в семинариях и для сочинений на экономические темы. Книга богато иллюстрирована и снабжена солидным картографическим материалом. Одним словом с внешней стороны книга Стейплса и Йорка не оставляет желать ничего лучшего. Перед читателем работа не просто двух опытных педагогов, а двух буржуазных педагогов.

Но на ряду с отмеченными достоинствами, «факторы» страдают одним весьма существенным, недостатком: авторы книги далеки от объективности в изложении экономических явлений и в оценке их.

С самых же первых страниц книги становится ясно, что «почтенные» воспитатели юношества выполняли социальный заказ столь же «почтенной буржуазии. Заказ выполнен умело, и «честные американские бизнесмены» могут спать спокойно: мировоззрение их потомков при чтении «труда» Стейплса и Йорка не помрачится «социалистической ересью».

Так например чрезвычайно интересна классификация «факторов», данная авторами. «Факторы» они делят на три основных класса: 1) экономические, 2) материальные и 3) «региональные» или районные.

«Экономические факторы» имеют два основных раздела: каузальные (причинные) факторы и результативные. Первые в свою очередь делятся на исторические, социальные и физические. Результативные делятся на связь (коммуникацию), транспорт, факторы локализации производства (?), факторы роста больших городов, факторы применения энергетических ресурсов, управления и торговли, «деловую организацию».

Дальнейшее дробление классов еще более любопытно. К историческим факторам, оказывается, относятся различные исторические этапы развития мировой торговли. «Социальные факторы» подразделяются на: цивилизацию, язык, расовые особенности, народонаселенность, религию и государственный строй. Физическими факторами являются: климат, топография и разные. К факторам связи относятся следующие: курьеры (посыльные), сигналы, телеграф, телефон, почта, радио.

Второй основной класс «факторов» включает в себя так называемые «материальные факторы». Под «материальными фак-

торами» понимаются продукты сельского хозяйства и добывающей промышленности, являющейся объектами обмена или сырьем для обрабатывающей промышленности. «Материальные факторы» подразделяются в свою очередь на растительные, животные и минеральные.

Под «региональными» (районными) факторами понимаются естественно-исторические условия различных районов (государств). «Районы» имеют такое подразделение: восточные и западные. К восточным районам относятся: Европа, Азия, Австралия и Африка. К западным районам — Соединенные Штаты Америки, разные (Канада, Северная латинская Америка и Вестиндские острова) и Южная Америка. «Районы» (континенты) в свою очередь делятся на государства. В конечном счете районное деление сводится к чисто административному делению на ряд государств и т. п.

Указанная классификация характерна для современной буржуазной экономики, скрывающей под риторической скорлупой самую сущность экономических явлений.

Заботливые педагоги постарались скрыть от любознательных взоров своих учеников все то, что выходит из рамок прописного буржуазного благополучия и прописной буржуазной морали. Во имя «торжества добродетели» авторы книги не постеснялись прибегнуть к грубому искажению фактов. В этом отношении очень характерна глава о «России» в разделе «региональных факторов». Вот несколько выдержек из этой главы:

«Торговля и промышленность. Россия развивалась очень медленно и благодаря политическим условиям до сих пор находится в хаотическом состоянии, поскольку речь идет о ее промышленности и торговле. Во многом эта отсталость объясняется неблагоприятными географическими условиями. Россия не имеет глубоководного незамерзающего порта. В действительности огромная река — Волга — теряет свое торговое значение вследствие того, что она впадает в Каспийского море. Большинство остальных рек сковано льдом в течение многих месяцев в году. Ее основными морскими портами являются: Архангельск на Белом море и Ленинград на Балтийском море.

С коммерческой точки зрения Россия главным образом имела значение как производитель пищевых продуктов и сырья. Американский промышленник благодаря этому находил широкий сбыт специальных машин, как например: косилок, жаток и сноповязалок».

А вот что пишут ученые педагоги о России как о производителе пшеницы:

«Пшеница в России. До мировой войны Россия близко примыкала к Соеди-

нейшим Штатам по площади посева, продукции и экспорту пшеницы. Более того, в некоторые годы она являлась первой на мировом рынке. Во время войны ее границы были блокированы и ее экспорт пшеницы в государства Западной Европы, наиболее нуждающиеся в зерне, стал невозможен. Позже ее внутренние и внешние политические затруднения не только сократили экспортные фонды, но и вообще снизили к минимуму продукцию до такой степени, что Россия должна была голодать и кормиться от американской щедрости. Под существующим в настоящее время управлением Россия еще не восстановила прежних размеров продукции, несмотря на то, что продукция все возрастает и по всей вероятности дойдет до прежнего уровня.

Россия могла бы быть крупнейшим производителем пшеницы в мире. Применяя современные машины и разумные методы, она могла бы значительно повысить урожай с единицы площади, который всегда был самым низким в мире. Много годных под пшеницу земель в Сибири никогда еще не разрабатывалось. Улучшение транспортных условий сделает доступными эти огромные пространства земель. Отсутствие

русской пшеницы на мировом рынке во время войны и после было восполнено экспортом Соединенных Штатов, Канады и Аргентины. Эти страны увеличили свою продукцию до такого уровня, чтобы удовлетворить мировой спрос на пшеницу. Какой эффект на производство пшеницы в указанных странах произведет восстановление Россией своего положения на мировом рынке как производителя пшеницы — составляет интересную проблему» (стр. 161).

Американские экономисты повидому твердо усвоили себе взгляд на СССР, как на колонию для Западной Европы и для Америки. На всем протяжении труда почтенных педагогов Стэйблса и Йорка красной нитью проходит такая характеристика «специализации», избранной «Россией»: «Россия специализируется на выращивании пищевых продуктов, обменивая их на продукты промышленности» (стр. 88).

Вот какой чушь забывают головы молодому поколению американские педагоги. Нам надо на это реагировать усилием издательством экономической литературы характера обзоров, богатых фактическим материалом, переведенных на иностранные языки.

Н. Буланже

Г. Ретбоун (H. Rathbon) Индия (India). Предисловие Е. Варга. Вступительная статья Л. Мадьяр. Перевод с англ. деми. Колониальная серия под редакцией Ф. Ротштейна. Москва. 1929 г. Стр. 152. Цена 1 р. 40 к.

Наиболее дальновидные апологеты капитализма ныне определенно утверждают, что фокус капиталистического развития перенесен в «цветные» страны: Азию и Африку. Никогда уже капиталистическая Западная Европа и даже Соед. Штаты, говорит например Зомбарт, не переживут такого высокого подъема экономического развития, какого они достигли в конце прошлого столетия¹. Причем в большинстве случаев пишущие на эту тему имеют в виду прежде всего Англию. Действительно, если колонии вообще играют для Англии исключительную роль, то огромное значение среди них Индии совершенно неоспоримо. Достаточно взглянуть на торговые и расчетные балансы Англии и Индии, точнее — на экспорт и импорт капитала и т. д., чтобы понять, в чем заключаются способы эксплуатации Индии Англией. В течение многих и многих десятилетий Индия служит сырьевым придатком метрополии, рынком сбыта английских товаров, местом, где обогащаются многие тысячи английских чиновников, посылающих свои сбережения в Англию, источником обильных пенсий, выплачиваемых английским правительством своим бывшим чиновникам и т. д. Такое ежегодное выкачивание британским империализмом

различных богатств из Индии на сотни миллионов рублей естественно обескровливали хозяйство страны, тормозили ее экономическое, культурное развитие. Народы Индии хронически лишались своего прибавочного продукта как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Тем не менее разумеется, частичное развитие хозяйства Индии все же имело место.

Более или менее значительные симптомы развития и укрепления туземной промышленности стали заметны только в начале текущего столетия. Если 1905—1907 гг. можно считать датой, когда окрепшая туземная буржуазия, как класс стала предъявлять британскому империализму требования (правда, довольно робкие) в доле прибыли от грабежа индийских масс, то мировая война и первые годы после войны явились уже значительным шагом вперед.

Процесс развития индийской промышленности, испытывший особый подъем во время мировой войны, продолжался и по окончании ее. Правда, после мировой войны в Англии все настойчивее стали раздаваться тревожные голоса о необходимости всячески затормозить промышленный процесс Индии, по объективные обстоятельства здесь как раз благоприятствовали Индии.

Уже в 1924 г. мы имеем резкое сокращение экспорта капитала из Англии в Индию. Мало-помалу британский империализм основательно принимается за усиленную политику торможения промышленного

развития Индии, так как индустриализация ее до очевидности явно противоречила интересам британского империализма. Факты второго послевоенного пятилетия экономики Индии это вполне подтверждают. Иной точки зрения придерживается автор рецензируемой работы. Тов. Ретбоун полагает, что процесс индустриализации Индии, начатый во время империалистической войны, продолжается и по ныне, не без участия в проведении политики индустриализации со стороны британского империализма; отсюда он делает ошибочные выводы, что процесс быстро промышленного развития Индии неизбежно приводит к экономическому освобождению Индии из-под английской опеки и что теперь Индия как раз переживает эпоху «деколониализации». Но имеет ли это место в действительности, т. е. имеем ли мы сейчас действительно быстрый процесс индустриализации Индии, чтобы можно было говорить о «деколониализации» Индии? Читатель убедится, что факты, приводимые самим тов. Ретбоуном, говорят против выводов автора.

«Согласно вычислениям С. Parshá — пишет Ретбоун, — вся сумма капитала, вложенного в Индию до войны, оставалась приблизительно в том же отношении к общей сумме капитала, вывезенного из Англии, как ежегодный экспорт капитала в Индию по отношению к сумме всего ежегодного экспорта капитала из Англии»¹. Таким образом хотя экспорт капитала из Англии в Индию до мировой войны имел место, равно как имел место медленный рост индийской промышленности, тем не менее период до мировой войны т. Ретбоун не называет индустриализацией Индии. Наоборот автор неоднократно подчеркивает стремление британского правительства того периода сохранить Индию исключительно как рынок сбыта и рынок сырья. «Можно было бы думать, пишет Ретбоун, что это показывает, что Индия получила нормальную долю капитала, экспортированного из Англии». Насколько это действительно была «нормальная доля» для Индии, мы оставляем на совести автора. Скорее это была «нормальная доля» для того, чтобы сохранить ее в кабале, как колонию. «Ненормально малое количество экспортированного в Индию капитала в 1919 и 1920 гг. — читаем мы дальше, — сравнительно с общей суммой экспорта из Англии за эти же годы, могло казаться следствием изоляции Индии во время войны». Едва ли кого-либо убеждает «аргумент» автора об изоляции.

Скачок последующих трех лет (1921 г. — 25,6% общего экспорта из Англии, 1922 г. — 26,9%, 1923 г. — 17,9% против 8,8% в 1920 г. и 3,9% — в 1924 г.) автор объясняет

предпринятым крупным железнодорожным и другим строительством, но почему-то внезапно оборвавшимся в последующие годы. Если бы этот скачок объяснялся только этим строительством, несомненно, во первых, он был бы более продолжительным и не столь резким. Автор почему-то проходит мимо конъюнктуры, играющей повидому, здесь значительную роль.

«Но как объяснить, читаем дальше, понижение 1925/26 г.? (1925 г. 3,7%, 1926 г. — 1,7% общего экспорта капиталов из Англии. Л. Д.). Несомненно, что частично оно может быть объяснено причинами, лежащими вне Индии. Прежде всего в оба эти года общая сумма экспортов капиталов из Англии значительно понизилась сравнительно с предыдущим и последующими годами.

В 1925 г. было установлено эмбарго, относящееся вообще ко всем иностранным и колониальным займам, а в 1926 г. экспорт капиталов пал вследствие всеобщей забастовки и угольного локаута в Англии.

Но все это только частично объясняет понижение ввоза английских капиталов в Индию. Здесь были еще другие причины. Одна из них состоит в огромном приращении накопления в самой Индии... (? Л. Д.). Во-вторых, политика индустриализации уже успела оказать влияние на рынок капиталов».

Было бы легкомыслием поверить автору, что уменьшение английского экспорта в Индию объясняется... «огромным приращением накопления в самой Индии». Смешно здесь говорить об «огромном приращении», когда скажем потребление хлопчатобумажных изделий в стране уменьшилось с 4.210 млн. ярдов в 1913/14 г. до 3.820 млн. ярдов в 1926/27 г. Это ли не доказательство... «огромного приращения» в стране «Ибо, в чем заключается процесс индустриализации, — пишет Ретбоун, — как при помощи индийского, так и при помощи британского капитала, процессе, который является высшей целью британского империализма? (разрядка наша Л. Д.). Если на минуту поверить автору, что индустриализация Индии является... «высшей целью британского империализма», то, спрашивается, почему же столь разительно уменьшалась доля экспорта капитала именно в Индию по сравнению с общим экспортом капитала из Англии за приводимые Ретбоуном годы — 1924, 1925, 1926, 1927? Хотя капитал плывет туда, где он получает наибольшую прибыль, но разве доля прибыли, получаемая британским капиталом в Индии, недостаточно велика?¹.

¹ Даже по официальным данным по одной только джутовой промышленности прибыль фабрикантов в год определялась от 300 до 600 млн. рупий, или в среднем, 90% годовых на вложенный капитал. Подробнее см. The Modern Review August, 1929.

¹ „Weltwirtschaftliches Archiv“, October, 1928, Werner Sombart „Die Wandlungen des Kapitalismus“.

¹ Обращает на себя внимание тяжеловесный перевод, характерный впрочем для всей книги.

Стоит только ознакомиться с огромными дивидендами, получаемыми английскими акционерами в Индии, чтобы понять, что дело не только в одной прибыли, а в роли британского правительства в направлении экспорта капитала. Утверждать после приведенных цифр падения экспорта капиталов в Индию, что процесс индустриализации Индии является «высшей целью британского империализма» — по меньшей мере странно, тем более, сам автор указывает, что «государственная власть становится все более и более важным фактором индийской экономики в качестве политического капитала и индийской буржуазии».

Мы уже указывали, что данные, приводимые автором, часто говорят против его положений; так, например, в таблице о потреблении угля, в подразделе добычи на 1919 г. падает 22.628 тыс. т а на 1926 г. — 19.968 тыс. т, точно так же приводимые им данные указывают на уменьшение ввоза текстильных машин и т. д. Все это факты, которые говорят не в пользу индустриализации Индии.

«Развитие промышленности, пишет Ретбоун, полностью приостанавливает тенденцию аграризации страны, создает тенденцию к полному уничтожению полупфеодалных отношений, на которых до сих пор держалось господство британского империализма над Индией» (разрядка автора — Л. Д.).

В приводимой же автором таблице (стр. 76) «распределения населения Индии по роду занятий» по цензу 1911 г. на земледелие и скотоводство падает 221.896 тыс. чел., а по цензу 1921 г. — 229.045 тыс. чел.; в обрабатывающей же промышленности соответственно имеем 35.323 чел. (1911 г.) и 33.167 чел. (1921 г.). Очевидно приводимые цифры говорят отнюдь не об усиленной индустриализации.

Тов. Ретбоун притягивает всякий факт для доказательства якобы происходящего процесса «деколонизации» Индии, хотя объективно эти факты и не говорят в пользу его концепции. Так в третьей главе («сельское хозяйство и индустриализация»), приводя таблицу посевной площади и урожая, из которой явствует уменьшение посевов пищевых культур, автор ничтоже сумняшеся зачисляет сей факт в арсенал своих доказательств. «Сокращение посевной площади под хлебными продуктами, — спешит отметить Ретбоун, — неизбежно связано с ростом индустриализации». Но в этой же таблице имеются факты, указывающие на расширение площади под пищевыми культурами, о которых автор почему-то умалчивает. В действительности англо-индийское правительство принимает энергичные меры, особенно за последние годы, к расширению посевной площади промышленных культур, проводя

большие ирригационные работы¹. Излишне упоминать, что за пользование водой крестьяне беспощадно обираются. Но почему британский империализм тратит огромные средства на проведение каналов, колодцев по сравнению с незначительными вложениями в промышленность? Ведь не из альтруизма к индийскому крестьянину происходит эту политику Англия. Совершенно ясно, что Британия стремится этим путем еще больше закабалить Индию, превращая ее в рынок сырья. Британский империализм тем энергичнее осуществляет эту политику, что Англия хочет в частности возможно скорее избавиться от зависимости от американского хлопка. В подразделе «Ирригация» т. Ретбоун обобщил причины разительного темпа проведения искусственного орошения в Индии по вполне понятной причине, так как это бьет по его концепции.

Прав автор, отмечая, что проводимая англичанами ирригация «повлечет за собой массовую экспроприацию земли сотен тысяч крестьян», ибо «богатый крестьянин станет еще богаче», зато огромнейшая часть беднейшего крестьянства обречена на непосильную эксплуатацию.

Интересны сообщения автора о грабительской политике, осуществляемой британским торговым флотом, который, пользуясь монопольным положением, не только выкачивает чрезмерными фрахтами огромные богатства из Индии, но всячески препятствует развитию национально-индийского торгового флота.

К сожалению автор недостаточно подробно остановился на железнодорожной политике британского империализма в Индии, а на ней стоило бы остановиться, ибо последние воочию убеждают в антииндустриальной политике Англии в Индии. Автор только сообщает об общем росте железнодорожной сети, ничего не говоря о железнодорожных фрахтах.

В рецензируемой работе можно найти достаточно примеров значительного проникновения английского капитала в различные отрасли экономики Индии. Правда, автор и этот факт склонен причислить к арсеналу симптомов, ускоряющих индустриализацию, что также едва ли правильно. По нашему мнению, чем сильнее охват английским капиталом хозяйства Индии, тем основательнее процесс закабаления этой страны как источника сырья и рынка сбыта английских товаров. Автор дает различные примеры английского финансового окутывания и опутывания Индии; вот например: Английский финансовый капитал создает затруднения для индийской компании, как например «Tata and Steel Co», а потом «лю-

безно» соглашается на то, чтобы эта компания выпустила на английский рынок долговые обязательства, которые она была вынуждена принять на себя в результате созданных для нее затруднений». Или: «Английский банк добивается контроля над индийскими частными компаниями путем преднамеренного отказа в кредите и т. п., как это произошло в бомбейской хлопковой промышленности». Помимо приведенных примеров в книге, число их можно было бы значительно приумножить, ибо британский капитал стремится пробраться во все поры Индии, где только представляется возможным извлечь порядочную прибыль.

Противоречива и мало убедительна также попытка автора доказать быстрый темп индустриализации Индии в разделе («Индустриализация и денежный курс») четвертой главы. Разбирая борьбу между индийской буржуазией и английской за установление курса, признавая, что точка зрения индийской буржуазии в установлении устойчивого и более низкого курса для рупии (1 шилл. 4 пенса) отвечает больше интересам Индии, т. Ретбоун не ставит точки над и, определенно указав, что английская политика здесь направлена решительно против индустриализации Индии. Наконец здесь имеется у автора и фактическая неправда. «Около этой точки (т. е. 1 шилл. 4 пенса. Л. Д.) курс оставался до 1916 г.», — пишет Ретбоун. «С тех пор до 1920 г. он поднялся до 1 шилл. 8 пенсов с небольшим. Однако начиная с этого года, наступило значительное понижение с колебанием вокруг 1 шилл. 4 пенсов». В действительности же амплитуда колебаний курса рупии была шире. Уже к концу мировой войны рупия была выше двух шиллингов. Еще в январе 1920 г. рупия расценивалась в 2 шилл. 4½ пенса.

Подводя итоги в заключительной главе, т. Ретбоун здесь уже не решает столь прямолинейно настаивать на политике индустриализации, делая на всякий случай отступления от прежде занятых позиций. Однако, несмотря на частое подчеркивание им многочисленных противоречий во взаимоотношениях между Англией и Индией, центр тяжести не только в отыскании противоречий. Факт тот, что т. Ретбоун, несмотря на указанные им противоречия, все же настаивает, что британский империализм всячески стремится индустриализовать Индию, что фактически не соот-

ветствует действительности. Повторяем, поблажки, делаемые британским империализмом в Индии во время войны, были решительно оставлены после войны. Здесь нужно различать объективный экономический процесс, имеющий место в Индии, и политику, проводимую там британским империализмом.

«В Индии действительно происходит процесс индустриализации», — пишет в предисловии к рецензируемой работе тов. Варга. — Но прежде всего процесс этот не является последствием мероприятий английской буржуазии, а общим процессом, который происходит во всех колониях и полуколониях. Это — неизбежное следствие втягивания какой-либо страны в круг капиталистического мирового хозяйства... Это временная, продиктованная исключительными обстоятельствами политика английской буржуазии ошибочно рассматривается сторонниками теории деколонизации как начало коренного хозяйственно-политического поворота. Они основывают свои взгляды на неправильной оценке положения английского капитализма. Они рассматривают английскую промышленность, как «мертвую собаку», отрицают возможность английского капитализма в деле проведения рационализации английской промышленности и значительного вывоза капитала в Индию и утверждают, что английская буржуазия вынуждена для индустриализации Индии обращаться к помощи капиталов индийской буржуазии. Они настолько увлечены своей ошибочной теорией, что не хотят даже замечать новых фактов, не согласующихся с их теорией».

Несмотря на неправильность основной точки зрения автора, книга его в целом несомненно заслуживает внимания и читается с большим интересом. Автор мастерски владеет материалом. Этим книга выгодно отличается от других книг по Индии, авторы которых часто тонут в обилии сырого материала. Но ошибочность концепции т. Ретбуона должна быть решительно вскрыта, так как она неизбежно влечет за собой вредные политические последствия, как в оценке текущего политического положения в Индии, так и политики британского империализма и его подголосков из II Интернационала. Поэтому теория «деколонизации» получила достойное осуждение на VI конгрессе Коминтерна.

Л. Демский

Всемирная экономическая география. Под редакцией Н. Н. Баранского и С. В. Бернштейн-Когана. Том X. И. Витвер. Южная Америка. ГИЗ. 1930 г. Стр. 506. Ц. 4 руб.

Работа тов. Витвера, посвященная анализу экономического развития стран Южной Америки, представляет значительный интерес прежде всего по кругу охватываемых вопросов. Экономический кризис, ныне разразившийся в странах Южной Америки, чрезвычайно характерен для кри-

зиса капиталистической стабилизации в колониальных и полуколониальных странах и приобретает особую значимость на фоне «третьего периода» и всеобщего кризиса капиталистической системы.

Работа т. Витвера построена в порядке монографий по отдельным странам, при-

¹ „Wirtschaftsdienst“, März, 1929 Heft 9. „Britisch-Indien Kanäle und Stromregulierungen“.

чем каждая монография делится на две части: экономическую и географическую; всем монографиям предпослан краткий экономико-географический очерк Южной Америки в целом. Такую методологию работы следует признать правильной и удачной, в частности особый интерес и ценность представляют подробные, живо и добросовестно написанные очерки, посвященные географии отдельных южно-американских республик.

Однако в этом достоинстве работы т. Витвера заключается и ее порок, выражающийся в известной однобокости работы, которую можно было бы назвать «географическим материализмом». Эта однобокость работы ясно заметна при прочтении очерка, посвященного любой стране, и заключается в резкой диспропорции между привлеченным географич. и экономич. материалом.

Вместе с тем в каждой монографии экономическая и географическая части не представляют из себя единства, органически связанного марксистским анализом, а механическое соединение географического и экономического материала.

После этих общих замечаний принципиального общеметодологического характера можно перейти к анализу конкретной части работы т. Витвера.

Автор разбивает страны Южной Америки на три группы: страны тропического востока (Бразилия), Лаплатские страны (Уругвай, Парагвай, Аргентина) и Андские страны (Чили, Боливия, Перу, Эквадор, Колумбия, Венесуэла).

Остановимся прежде всего на очерке, посвященном Бразилии, — наиболее значительной по территории и населению республике Южной Америки. Как известно экономика Бразилии построена на кофейном хозяйстве, причем экспорт кофе составляет свыше 70% стоимости всего экспорта страны. Развитие монокультурной, отсталой экономики Бразилии, закабаленной иностранным империализмом, главным образом английским и северо-американским, тормозится САСШ и Англией, несмотря на богатейшие в мире естественные богатства (запасы железной руды — около 23% мировых запасов и колоссальные потенциальные ресурсы водной энергии); САСШ и Англия заинтересованы в превращении Бразилии в аграрный придаток к высокоразвитым индустриальным странам и рынок сбыта для иностранной индустрии.

Между тем т. Витвер исходит из предпосылки, что «Бразилия обладает данными для гораздо более разностороннего хозяйственного развития, чем это имело место до сих пор, и притом в области не только плантационного хозяйства, но и полеводства, скотоводства, лесного хозяйства. Громадные запасы железной руды и обилие водной энергии создают предпосылки и для промышленного развития, хотя оно и затрудняется недостатком ископаемого угля в стране» (стр. 161-162). Эта предпосылка

верна «вообще», но экономически неверна и политически вредна в условиях капитализма: многостороннее экономическое развитие Бразилии, ее «деколонизация» в условиях капиталистического хозяйства невозможна.

В анализе конкретной экономики Бразилии у т. Витвера имеется также ряд существенных пробелов. Так анализируя схему валоризации кофе, автор ограничивается описанием, не вскрывая внутренней порочности схемы, заключающейся в ограничении предложения бразильского кофе на мировом рынке при непрерывной аккумуляции запасов кофе внутри Бразилии и росте производства «outsider's» (Колумбии, стран Центральной Америки и Нидерландской Индии), что с неизбежностью должно было привести валоризационную схему к краху, который и произошел в октябре истекшего 1929 г. и был усилен экономическим кризисом в САСШ, являющимся главн. потребителем бразильск. кофе.

В очерке, посвященном Бразилии, имеется также целый ряд других погрешностей.

Так особым упущением этой части работы т. Витвера следует признать неполный анализ основной отрасли промышленности Бразилии — текстильной, в частности хлопчатобумажной. По этой отрасли промышленности т. Витвер мог бы дать более развернутое отображение, дающее динамику хлопчатобумажной промышленности Бразилии за ряд предвоенных и послевоенных лет.

Экономико-географический анализ Лаплатских стран автор начинает с Уругвая. В очерке, посвященном Уругваю, т. Витвер недостаточно выпятил монокультурный характер экономики Уругвая и ее животноводческий уклон; это особенно ярко видно при сравнении структуры экспорта Уругвая и других стран южного полушария с преобладанием экстенсивного сельского хозяйства (Аргентина, Австралия, Новая Зеландия).

Пожалуй самым слабым очерком рецензируемой работы является глава об Аргентине, хозяйственно и политически ведущей стране Южной Америки. Анализируя экономику Аргентины, автор исходит из той предпосылки, что «крупнейшую роль в эволюции Аргентины сыграл иностранный капитал (по преимуществу — английский), прилив которого обусловил прежде всего быстрое развитие железнодорожного сообщения, без которого было бы немыслимо превращение пампы в ту огромную фабрику пшеницы, маиса и льняного семени, какой она является теперь» (стр. 269-270). Бесспорно иностранный капитал, особенно английский, способствовал экономическому развитию Аргентины, в частности разрыванию железнодорожного строительства в стране, и английские капиталы составляют в настоящее время около 80% всех капиталов, инвестированных в железные дороги Аргентины; однако

необходимо помнить, что в дальнейшем иностранный капитал, захвативший командные хозяйственные высоты в Аргентине (мясную промышленность, цементную, производство нефти, автомобилестроение), выполняет роль тормоза экономического развития Аргентины, способствуя не процессу индустриализации страны, а ее аграризации.

Эта общая неверная предпосылка, замалывающая роль иностранного империализма в Аргентине, свидетельствует о политической наивности автора и с неизбежностью ведет к вульгарной, насквозь оппортунистической теории «деколонизации» и «прогрессивной» роли иностранного империализма в колониальных и полуколониальных странах. Кроме того т. Витвер допускает целый ряд ошибок в характеристике конкретной экономики отдельных отраслей промышленности и сельского хозяйства Аргентины. В частности чрезвычайно слабой является характеристика мясной промышленности Аргентины — основной отрасли национальной промышленности страны; автор совершенно обходит вопрос о послевоенных изменениях в экономике мясопромышленности Аргентины, выражающихся в энергичном внедрении северо-американского капитала, в частности гигантских мясных компаний Армора, Свифта и Вильсона.

В области анализа сельского хозяйства Аргентины работу также нельзя считать удовлетворительной.

Автор совершенно не дает характеристики социальной физиономии сельского хозяйства Аргентины, в частности распределения земельной собственности; в сельском хозяйстве Аргентины преобладает система латифундий, причем в крупных хозяйствах размером свыше 100 га, сосредоточено 96,5% всей площади, между тем как хозяйства размером до 100 га владеют только 3,5% всей площади.

Точно так же чрезвычайно слаб и анализ экономики сельского хозяйства Аргентины. В частности совершенно отсутствуют материалы о чрезвычайно интересном процессе машинизации сельского хозяйства Аргентины, и т. Витвер отделяется общей фразой о том, что «сельское хозяйство Аргентины в значительной степени сохраняет еще экстенсивный характер и медленно прогрессирует, что обуславливается главным образом господствующей системой земельной собственности» (стр. 284).

Между тем в действительности сельское хозяйство Аргентины характеризуется перестройкой хозяйственных форм, своеобразным и тесным переплетением экстенсивных и интенсивных форм хозяйства, наличием остатка феодализма на ряду с новейшими формами эксплуатации финансового капитала.

Особый интерес представляет процесс насыщения сельского хозяйства Аргентины машинами, в частности тракторами и

комбайнами, который особенно усилился в послевоенные годы и происходит почти исключительно за счет импорта сельскохозяйственных машин из САСШ в Аргентину. В 1928 г. в Аргентине насчитывалось 19.000 тракторов против 500 в 1921 г.; вместе с тем за последние 4 года в Аргентину было импортировано из САСШ 15.000 комбайнов. Вообще комбайны широко распространены: в сельском хозяйстве Аргентины, они составляют свыше 32% машин, применяемых в сельском хозяйстве страны и в 1927/28 г. например ¼ часть урожая пшеницы убиралась комбайнами, причем значительная насыщенность комбайнами сельского хозяйства Аргентины объясняется в первую очередь тем, что себестоимость уборки при комбайне самая низкая по сравнению со сноповязалками, машинами по срезке колосов и жатками-лобогрейками.

Недостаточной является характеристика животноводческого сектора сельского хозяйства Аргентины, между тем животноводство Аргентины, в частности молочное хозяйство, представляет значительный интерес для СССР, так как Аргентина за последние годы добилась значительных успехов в области стандартизации сельскохозяйственной продукции, в частности продуктов животноводства (масло).

Наконец в работе т. Витвера нет характеристики промышленности Аргентины. Между тем в послевоенные годы промышленность Аргентины в целом дает весьма интенсивный рост: по числу предприятий — на 25%, по размерам инвестированного капитала — на 38%, по стоимости валовой продукции — на 55%, по числу лошадиных сил — на 47% и по числу занятых лиц — на 46%.

Аргентинская промышленность характеризуется преобладанием отраслей, производящих средства потребления, а не средства производства. Капиталы, инвестированные в легкую промышленность Аргентины (пищевая, конфекционная, изготовление мебели и экипажей, художественная и художественно-декоративная, текстильная), составили в послевоенные годы (только по учтенным аргентинской статистикой отраслям легкой промышленности страны) около 55% всех капиталов, инвестированных в промышленность Аргентины в целом. Все эти материалы, чрезвычайно интересные, характерные для экономики полуколониальной страны, какой является Аргентина, — в работе т. Витвера совершенно отсутствуют.

В заключение необходимо указать, что весьма слабым местом очерка т. Витвера, посвященного Аргентине, является характеристика роли иностранного капитала в стране. Для определения роли иностранного капитала в Аргентине т. Витвер анализирует внешнеторговые обороты страны и роль в них отдельных империалистических стран, в частности САСШ и Англии.

Однако помимо внешнеторговых показателей косвенного порядка следует обращаться и к прямым показателям о роли иностранного капитала в стране, в частности размеры иностранных инвестиций.

Для всех прочих очерков работы т. Витвера, посвященных Чили, Боливии, Перу, Эквадору, Колумбии и Венесуэле, общим недостатком является анализ экономики этих полуколонизированных стран, закабаленных английским и северо-американским империализмом, — вне зависимости от роли иностранного капитала.

Указанный недостаток является политической ошибкой т. Витвера, так как ана-

лиз экономики любой из полуколонизированных стран Южной Америки должен производиться на фоне ожесточенной борьбы отдельных империалистических стран, в первую очередь САСШ и Англии, за обладание богатейшими в мире продовольственными, сырьевыми и минеральными ресурсами южно-американских республик.

В общем же работа т. Витвера может быть использована только в качестве неполного и не всегда точного справочника по экономической географии Южной Америки.

М. Коган.

Г. Срагович

Библиография плановой литературы¹

I. Общие вопросы планирования

1. Теория, методология

1. Гаврилов, М. Г., Основные моменты пятилетнего плана Баш. ССР. Уфа. Госплан Баш. АССР. 1929. 43 стр. (Оттиск из журн. «Хозяйство Башкирии»).

2. Гальперштейн, Я., Пути развития народного хозяйства Туркмени. Ашхабад. Турк. гос. изд-во. 1929. 35 стр., с иллюстрац.

Разбор затруднений, с которыми столкнулся народное хозяйство Туркм. ССР за пределами пятилетки 1928/29—1932/33 гг., когда будет выполнен этот план, утвержденный IV сессией ЦИК Туркм. ССР II созыва. В приложении дана резолюция, принятая IV съездом КП(б) Туркмени по докладу о путях развития народного хозяйства Туркмени.

3. Гозулов, А. И., Демографические основы пятилетки. (Методологические основания исчисления населения Северо-кавказского края для пятилетнего перспективного плана). Ростов-на-Дону. 1929. 40 стр. (Отдельн. оттиск из журн. «Северо-кавказский край» № 4, 1929 г.).

4. Мотылев, В. Е., Проблема темпа развития СССР: 3-е дополнен. изд. М. Комакад. 1929. 196 (2) стр., 3 вклдн. листа, диагр.

5. Его же. Темп развития СССР и капиталистических государств. М. «Московский рабочий». 1929. 61 (1) стр. (Вечерний комму. ун-т при Инст-те красной профессуры. Научно-популярная б-ка для партактива. Под общ. ред. М. Н. Покровского, А. М. Деборина и Л. Н. Крицмана).

6. Рубинштейн, М. И., Империалистические войны будущего. М. Комакад. 1929. 192 стр. (Комакад. Инст-т мирового хозяйства и мировой политики).

Специальная глава посвящена планированию народного хозяйства во время войны.

7. Струмилин, С. Г., Социальные проблемы пятилетки. 1928/29—1932/33. С предисл. Г. М. Кржижановского. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М.—Л. Гиз. 1929. 64 стр.

2. Директивы съездов и конференций и доклады

8. Бауман, К. Я., Пятилетка Московской области и борьба с оппортунизмом. Речь на IV пленуме МК ВКП(б) 15/VIII 1929 г. М. Моск. обл. отд. Гиз РСФСР. 1929. 48 стр.

9. Бергавинов, С. А., Пятилетний план народного хозяйства Северного края. Архангельск. 23 стр. Прил. к газ. «Правда Севера» № 22 от 20/VI 1929 г.

10. Всесоюзная коммунистическая партия. От XV съезда ВКП(б) до XVI конференции. Сборник резолюций и постановлений: XV съезд, апрельский, июльский, ноябрьский пленумы ЦК и ЦКК, XVI конференция. М.—Л. Гиз. 1929. 258 стр.

11. То же. Конференция XVI. Москва. 1929. Стенографический отчет. М.—Л. Гиз. VII, 336 стр.

12. То же. Центральный комитет. Пленум. 1929. Ноябрь. Резолюция. 1. О контрольных цифрах народного хозяйства на 1929/30 г. 2. Об исполнении решений июльского (1928 г.) пленума о подготовке технических кадров. 3. Об итогах и дальнейших задачах колхозного строи-

¹ Перечень изданий по вопросам планирования народного хозяйства, вышедших в СССР во втором полугодии 1929 г. на русском языке. См. такую же библиографию в журнале «План. хоз.» за 1929 г. №№ 6, 7, 8, 10.

тельства... (и др. материалы). М.—Л. Гиз. 1929. 96 стр.

13. То же. Крымский областной комитет. Кабинет агитпропа и политпросветработы. Хозяйственное, советское и партийное строительство в Крыму. Посobie для курсов переподготовки партактива, сети партпросвещения, школ соцвоса, докладчиков и для самообразования. Симферополь. Крымск. гос. изд-во. 128 (7) стр.

См. гл. VII «Пятилетний план развития народного хозяйства и культурного строительства Крым. АССР на 1928/29—1932/33». (Тезисы, утвержденные VI Всекрымским съездом советов). Стр. 107—128.

14. То же. Коломенское окружное организационное бюро. Директива по составлению пятилетнего плана народного хозяйства в Коломенском округе. (Утвержд. оргбюро ВКП(б). Коломенского округа 23/VIII 1929 г.). (Коломна. 1929 г.). 8 стр. Без тит. листа и обл.

15. То же. Тверской окружной комитет. Контрольные цифры народного хозяйства Тверского округа на 1929/30г. (Резолюция бюро окружкома и др. материалы). Тверь. 31 стр.

16. Голодед, Н. М., Развитие народного хозяйства и культуры БССР за пятилетие 1928/29—1932/33 гг. (Сокращенные доклады Н. М. Голодеда и М. М. Карклина на XII съезде КП(б)Б).—Минск. 1929 г. 66 стр. (Отдельн. оттиск из журн. «Советское строительство», № 2-3 за 1929 г.).

17. Кржижановский, Г. М., Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Доклад и заключительное слово на V съезде советов СССР. М. «Плановое хозяйство». 1929 г. 124 стр.+1 л. карт.

То же, 2-е и 3-е изд.

18. Его же. Хребтовский год пятилетки. Контрольные цифры на 1929/30 г. Доклад и заключительное слово на II сессии ЦИК СССР. М.—Л. Гиз. 1929 г. 112 стр., с график.

19. Киселев, А. С. Пятилетний план и задачи низовых советов. (Доклад, сделанный на XIV всеросс. съезде советов). М. «Власть советов», 76 (2) стр. Приложение: Постановление XIV всероссийского съезда советов по докладу тов. А. С. Киселева.

То же (2-е изд.).

20. Лежава, А. О пятилетнем плане развития народного хозяйства РСФСР. Доклад на XIV всеросс. съезде советов 12/IV 1929 г. М.—Л. Гиз. 48 стр.

21. Логинов, Д., Итоги двух лет работы и перспективы пятилетнего развития губернии.

Доклад автора на XVI губсъезде советов. Тверь. 1929 г. 64 стр. с диагр.

22. Московская область. Съезд советов, I. Стенографический отчет. (М.), Мособлсполком. 314 (2) стр.

23. Псковский округ. Плановая комиссия. Тезисы к докладу о пятилетнем плане народного хозяйства и культурного строительства Псковского округа. Псков. окрисполком. 1929 г. 12 стр. Без тит. листа. Описано по обложке.

24. РСФСР. Съезд советов, XIV. Стенографический отчет. (Бюллетени 1—18). М. ВЦИК. 1929. 645 стр., разд. паг. с иллюстр. и диагр.

25. Рыков, А. И., Пятилетний план развития народного хозяйства. Доклад А. И. Рыкова, Г. М. Кржижановского, В. В. Куйбышева. Заключительное слово Г. М. Кржижановского. М.—Л. Гиз. 141 стр.

То же, изд. 2-е—4-е.

26. Северо-кавказский край. Плановая комиссия. Доклад т. Циклина В. И. и материалы Севкавплана по контрольным цифрам развития народного хозяйства и культуры Северо-кавказского края на 1929/30 г. (Предварительная ориентировка). Ростов-на-Дону. (Севкавплан. 1929 г.). 78 стр. с диагр. (Отдельный оттиск из № 5-6 журн. «Северо-кавказский край» 1929 г.).

27. То же. Тезисы о пятилетнем строительстве народного хозяйства на Северном Кавказе. (Материал Севкавплана). Ростов-на-Дону. «Северный Кавказ». 40 стр. 1929 г. (Пятилетка Сев.-кав. края 1928/29—1932/33 гг.).

28. Сибирский край. Съезд советов, III. Третий Сибирский краевой съезд советов. (Сборник материалов). Новосибирск. Сибкрайсполком. 1929 г. 91 стр.

Постановление о пятилетке Сибири см. стр. 41—44.

29. СССР. Съезд советов, V. Стенографический отчет. М. ЦИК СССР. 1929 г. 633 стр.+2 вкл. листа карт.

22 бюллетеня с самостоятельной пагинацией, сброшюрованные в одну книгу.

30. Сырцов, С., Второй год пятилетки. Доклад на II сессии ВЦИК. М.—Л. Гиз. 1929 г. 63 стр.

31. Его же, На пороге нового хозяйственного года. Доклад на I областном съезде советов.—М. «Московский рабочий». 1929 г. 61 стр.

32. Уханов, К., Основные моменты пятилетнего плана Московской области. (Доклад на объединенном пленуме МК и МКК ВКП(б). 15/VIII 1929 г.).—(М.), Моссовет. 1929 г. 56 стр.

33. Его же. Перспективы строительства Московской области. Речь на I областном съезде советов 21/IX 1929 г.—М. «Московский рабочий». (1929 г.). 104 стр.

34. Уральская область. Исполнительный комитет советов. Пленум. Контрольные цифры хозяйства Урала на 1929/30 г. Постановление президиума Уральского областного исполнительного комитета от 18/IX 1929 г. Свердловск. Уралоблисполком. 1929 г. 67 стр.

35. Хлопьянкин, М. И., О пятилетнем перспективном плане хозяйственного и культурного строительства Нижне-волжского края (1928/29—1932/33 гг.). Москва—Саратов. Гиз. 1929 г. 80 стр.

3. Организационные вопросы планирования

36. СССР. Высший совет народного хозяйства. Президиум. Реорганизация управления промышленностью. I. Тезисы ВСНХ СССР. II. Тезисы ЦКК ВКП(б) и НКРКИ СССР.—М. «Торгово-промышленная газета». 1929 г. 40 стр.

37. СССР. Государственная плановая комиссия. Производственная конференция. II. Москва, 1929 г. Резолюция второй общегосударственной производственной конференции 4-5/VI 1929 г. М. «Плановое хозяйство». 1929 г. 30 стр.

38. Строительство советского государства. Сборник первый. М. Комакадем. 1929 г. XXII, 312 стр. (Комакадемия. Институт советского строительства).

См. статью: М. Моргенштейн—«К вопросу о структуре аппарата госуд. управления в период реконструкции народного хозяйства», в которой автор предлагает функциональное построение аппарата госуд. управления, согласно трем основным видам работы—планирование, учет и контроль.

II. Планирование всего народного хозяйства

1. Годовые планы

39. Адыгейская автономная область. Плановая комиссия. Контрольные цифры народного хозяйства Адыгейской области на 1928/29 г. Краснодар. 1929 г. 82 стр.

40. Кубанский округ. Плановая комиссия. Контрольные цифры народного хозяйства Кубанского округа на 1929/30 г. Краснодар. 1929 г. 165 стр.

41. Ленинградская область. Плановая комиссия. Контрольные цифры народного хозяйства и культуры Ленинградской области на 1929/30 г. Под ред. и с предисл. Г. В. Цыперовича. (Л.), Прибой. 1929 г. 124 стр.

42. Нижне-волжский край. Плановая комиссия. Контроль-

ные цифры народного хозяйства и культуры Нижне-волжского края на 1928/29 г. Саратов. Нижне-волжск. краев. план. комис., 1929 г. IX, 280, 357 стр.

43. Рязанская губерния. Плановая комиссия. Полезные ископаемые Рязанской губернии. Сборник статей под общ. ред. М. М. Григоровского. Рязань. 1929 г. 231 стр., с черт. и диагр. (Рязанская губ. плановая комиссия. Материалы к плану народного хоз-ва Рязанской губернии. Вып. 6).

44. СССР. Государственная плановая комиссия. Секция внутренней конъюнктуры. Выполнение плана первого года пятилетки. Под ред. А. С. Мендельсона. М. «Плановое хозяйство». 1930 г. 96 стр., 2 вклад. листа графиков.

45. СССР. Государственная плановая комиссия. Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г., одобренные Советом народных комиссаров СССР. М. «Плановое хозяйство». 1930 г. XVI, 655 стр.

46. СССР. Совет народных комиссаров. Отдел печати и информации. Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г. (Основные элементы). М. Отд. печати и информ. СНК СССР и СТО. 1929 г. 31 стр.

47. Центрально-черноземная область. Плановая комиссия. Контрольные цифры хозяйства ЦЧО на 1929/30 г. Воронеж. Обл. план ЦЧО. 1929 г. (5), 162 стр. (Областная плановая комиссия ЦЧО).

2. Перспективные планы

48. Вятская губерния. Плановая комиссия. Пятилетний план Вятской губернии. Вятка. Вятск. губисполком. 1929 г. 208 стр.

49. Златоустовский округ. Плановая комиссия. Контрольные цифры пятилетнего перспективного плана развития хозяйства Златоустовского округа. (Проект окружной плановой комиссии. Златоуст. Златоустовский окрисполком. 1929 г. X, 211 стр.

50. Коломенский округ. Организационная комиссия. Коломенский округ, состояние и перспективы развития народного хозяйства. (Коломна). 1929 г. 44 стр. Предварительный вариант пятилетки на 1928/29—1932/33 гг.

51. Кубанский округ. Плановая комиссия. Материалы к построению пятилетнего плана народного хозяйства и культурного строительства Кубанского округа на 1928/29—1932/33 гг. Краснодар. 1929 г. 95 стр. На правах рукописи.

52. Кунгурский округ. Исполнительный комитет советов.

Комиссия по составлению пятилетнего плана. Пятилетний план хозяйства Кунгурского округа 1928/29—1932/33 гг. (Проект комиссии). 1929 г. 189 стр., 4 вкл. листа карт.

53. Материалы к пятилетнему плану. (Сборник).—Нижний Новгород. (Ниж. губ. план). 1929 г. 20 стр. Без тит. листа. Описано по обложке. (Отгис из журн. «Нижегородское хозяйство». № 7-8, 1929 г.).

54. Нижегородский край. Плановая комиссия. Пятилетний план Нижегородского края. Материалы к докладу о перспективах развития хозяйственного и культурного строительства на 1928/29—1932/33 гг. Нижний Новгород. Нижегород. краев. план. комиссия. 1929 г. 165 стр. (На правах рукописи).

55. Оренбургский округ. Плановая комиссия. Пятилетний план хозяйственного и социально-культурного строительства Оренбургского округа. 1928/29—1932/33 гг.—Оренбург. Оренб. окрисполком. 1929 г. XI, 498 стр. с диагр. 20 вклад. листов, диагр. и картогр. (Плановая комиссия Оренбургского окрисполкома).

56. Самарский округ. Плановая комиссия. Пятилетний план народнохозяйственного строительства Самарского округа на период 1928/29—1932/33 гг. Самара. Самарский окрисполком. 1929 г. 41 стр.

57—61. СССР. Государственная плановая комиссия. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. 2-е изд. Т. I—III. М. «Плановое хозяйство». 1929 г.

Т. I. Сводный обзор. 166 стр. с диагр., картогр. и карт.

Т. II. Часть I. Строительная и производственная программа плана. 491 стр.

Т. II. Часть 2. Социальные проблемы. Проблемы распределения. Труд и культура. 418 стр.

Т. III. Районный разрез плана. 606 стр.

Объекты нового строительства государственной промышленности на пятилетие (1928/29—1932/33 гг.). 2-е изд. М. «Плановое хозяйство». 1929 г. 72 стр. Прилож. к III тому пятилетнего плана народнохозяйственного строительства СССР.

То же. 3-е изд. (Т. П. Ч. I).

62. Узбекская ССР. Государственная плановая комиссия. Основные черты пятилетнего плана народного хозяйства Узб. ССР на годы 1928/29—1932/33. Самарканд. Госплан Узб. ССР. 1929 г. IV, 56 стр.

3. Генеральные планы

63. Сабосович, Л. М., СССР через 15 лет. Гипотеза генерального плана, как плана построения социализма в СССР. 2-е

изд. М. «Плановое хозяйство». 1929 г. 160 стр. + 1 лист диагр.

То же, 3-е дополн. изд.

III. Планирование промышленности

1. Общие вопросы, директивы

64. Богдановский, С., Основные проблемы экономики советской нефти. С предисл. Н. И. Соловьева.—(М.). Нефтяное изд. НТУ ВСНХ. 1929 г. (4), 125, (1) стр.

Автор ставит вопрос о «новой экономике нефти» в связи с тем, что советское хозяйство является плановым хозяйством («внеценностным хозяйством»).

65. Всесоюзный съезд профессиональных союзов. VIII. Москва. 1928 г. Полный стенографический отчет.—М. ВЦСПС. 1929. 745, (3) стр. (Восьмой съезд профсоюзов СССР (10—24/XII 1928 г.). Пленумы и секции.

Слушался доклад В. В. Куйбышева о пятилетнем плане промышленности.

66. Гинзбург, А. М., Очерки промышленной экономики. М.—Л. Гиз. 1930. 344 стр., с график. (Б-ка промышл. знаний).

67. Лобов, С., Пятилетний план промышленности РСФСР. Доклад на XIV Всерос. съезде советов (12/V 1929 г.). М.—Л. Гиз. 1929. 72 (2) стр., с диагр.

68. Северо-кавказский край. Совет народного хозяйства. Указания по заполнению форм промфинплана на 1929/30 г. Ростов н/Д. Б. г. 17 стр. Без тит. листа и обложки.

69. СССР. Высший совет народного хозяйства. Инструкция к формам квартального финансового плана. (М.). (Гостехиздат). (1929). 19 стр. Без тит. листа и обложки.

То же (2-е изд.). 23 стр.

70. То же. Указание по заполнению форм контрольных цифр 1929/30 г. (М.). Гос. тех. изд. (1929). 16 стр. Без тит. листа и обложки. Перед загл.: «Издание официальное».

2. Годовые планы

71. Московская область. Совет народного хозяйства. Основные показатели контрольных цифр на 1929/30 оп. г. по промышленности МОНХ. областного и окружного подчинения. — М. МОНХ (и ВСНХ). 1929. 1 стр., 29 л. табл. Без тит. листа. Описано по обложке. Перед загл.: «Личное. Проект».

72. Северо-кавказский край. Совет народного хозяйства. Контрольные цифры промышленности С.-кавк. краевого совета народного хозяйства на 1929/30 г. (Ростов н/Д.). Б. г. 22 стр. Без тит. листа и обложки.

73. СССР. Высший совет народного хозяйства. Контрольные цифры промышленности на 1929/30 г. Материалы к докладу ВСНХ СССР Госплану СССР. М. Гос. тех. изд. (1929). 151 стр.

См также № 99 (прилож. к контрольным цифрам ВСНХ СССР на 1929/30 г.).

3. Перспективные планы

74. РСФСР. Высший совет народного хозяйства. Планово-экономическое управление. Пятилетний план промышленности ВСНХ РСФСР (1928/29—1932/33 гг.). М.—Л. Гиз. 1929. XV, 218 стр. с диагр.

75. Северо-кавказский край. Совет народного хозяйства. Материалы к докладу о перспективах развития промышленности Северо-кавказского края (на 1928/29—1932/33 гг.). Ростов н/Д. С.-к. КСНХ. 1929. 59 стр. (К III съезду советов Северо-кавказского края).

4. Лесная промышленность

76. Архипов, Н. Тезисы о состоянии и перспективах лесного хозяйства и лесопромышленности в АКСР.—Петрозаводск. 1929. 11 стр.

77. «Северолес», трест. Архангельск. Пятилетний план «Северолеса». —Архангельск. «Северолес». 1929. 34 стр. (ВСНХ РСФСР, гос. лесопромышл. трест «Северолес»).

5. Металлопромышленность

78. Днепропетровск. Совет р. к. и к. д. Материалы к пленуму городского совета XIII созыва. О выполнении промфинпланов за I полугодие 1928/29 г. по заводам Югостали и транспорту. (Днепропетровск). Президиум горсовета. 1929. 25 стр.

79. СССР. Главное управление черной металлургии. Перспективы развития металлургии черных металлов. Л. Научн. химико-технич. изд. 1929. XXXVI, 940 стр., 1 вкл. лист табл. (Высший совет народного хозяйства СССР. Материалы к пятилетнему плану промышленности ВСНХ СССР на 1928/29—1932/33 гг. Т. III).

6. Нефтяная промышленность

80. «Азнефть», трест. Баку. Конспект проекта пятилетнего плана Азнефти и показателя производственной деятельности за 8 мес. 1928/29 операц. года. Доклад К. А. Румянцев на пленуме Б. К. АКП(б). Баку. (Азнефть). 1929. 47 стр., вкл. илл.

81—82. То же. Проект пятилетнего плана развития азербайджанской нефтяной промышленности на 1928/29—1932/33 гг. Баку, Азнефть. 1929. Разд. пар. Приложение к проекту... 36, 11, 4 стр.

83. Богдановский, С. Д., и Шох. П. М. Нефть в плане великих работ. М.—Л. Нефтян. изд. НТУ ВСНХ СССР. 1930. 91 (I) стр.

84. Закавказская. СФСР. Центральный исполнительный комитет. 4 созыв. 3 сессия. Стенографический отчет.—(Тифлис). Зак. ЦИК. 1928. 261, 25 стр.

В докладе Азнефти были также затронуты вопросы о промфинплане Азнефти на 1927/28 г. и о пятилетке на 1927/28—1931/32 гг.

85. Петросян, Г. Р. Пятилетний план развития народного хозяйства СССР и Азербайджанской нефтяной промышленности. Баку. Аз. ЦПВСГ. 1929. 55 стр., вкл. илл.

7. Промышленность стройматериалов

86. Всесоюзное совещание по строительству и строительным материалам, 2-е. Москва. 1929. Труды Второго всесоюзного совещания по строительству и строительным материалам. (23—27/III 1929 г.). М. Гос. тех. изд. 1929. 264 стр. с иллюстр. и диагр. (Строительный комитет ВСНХ СССР. Стромсовет ВСНХ РСФСР).

См. доклад П. Е. Кивгилло «Состояние и перспективы пром. стройматериалов минерального происхождения на 1928/29—1932/33 гг.».

8. Угольная промышленность

87. Лебедев, А. Экономический очерк каменноугольных месторождений в Печорском крае и их будущие перспективы. Усть-Сысольск. (Коми облисполком). 1929. 24 стр., 4 л. графиков.

На обл. загл.: «Каменноугольные месторождения в Печорском крае и их будущие перспективы». (В связи с потребностями края в 1928/29—1932/33 гг.).

88. СССР. Высший совет народного хозяйства. Президиум. Доклад о состоянии и перспективах развития Подмосквового каменноугольного бассейна. (М.). (Президиум ВСНХ). (В.г.). 63 л. Без тит. листа и обложки. Напечатано на пишущей машине и стеклографировано.

89. Черненко, В. Г. Развитие коксового производства на углях Донбасса в десятилетие 1928/29—1937/38 гг. (Предисл. Г. Ломова). (Харьков). Донуголь. 1929. 67 стр. (Научно-издательское бюро Донугля. Серия планово-эконом. изд. Кн. 2).

9. Электропромышленность

90. Всесоюзное электротехническое объединение. Организационное бюро. Пятилетний план электропромышленности. Ориентировочный вариант. Октябрь 1929 г. М. (Оргбюро ВЭО. 1930). 15 стр. (Организационное бюро по созданию Всесоюзного электротехнич. объединения ВСНХ СССР).

91. Слободкин, Г. Л. Организация сельской электрификации. Материалы, документы и правительственные постановления. Сост. Г. Л. Слободкин. М. Гос. тех. изд. 1929. 72 стр. (Глав. электро ВСНХ СССР. Бюро по сельской электрификации (Сельэлектро)).

Помещены между прочим материалы об организации сельской электрификации по линиям годового производственного и перспективного пятилетнего планов, и материалы о плановом финансировании сельской электрификации.

IV. Планирование строительства

92. Гос. институт по проектированию новых металлургических заводов. Ленинград. Днепропетровский комбинат. (Материалы к проекту). М. Гос. инст. по проектир. новых металлург. заводов. 1929. 164 стр., 14 л. прил.

93. То же. Задание по реконструкции машиностроительного отдела Краматорского завода.—Л. Гос. инст. по проектир. новых металлург. заводов. 1929. 48 стр., 1 л. плана.

94. То же. Технический совет. X сессия. Постановление X сессии Технического совета Гипромеза. 14—17/VI 1929 года. Л. Гос. инст. по проектир. новых металлург. заводов. 1929. 70, (2) стр.

Слушались промышленные задания: 1) по реконструкции заводов Мосмашстреста, 2) по постройке нового автомобильного завода, 3) Сарептской верфи и 4) проект Сормовской верфи.

95. То же. XI сессия. Постановление XI сессии Технического совета Гипромеза. 15—18 августа 1929 года. Л. Гос. инст. по проектир. новых металлург. заводов. 1929. 79 стр.

96. Кузнецкий металлургический завод. Строительство. Кузнецкий металлургический завод. (Сборник). Новосибирск. 1929. 36 стр. с чер. и план.

97. Никшич, И. И., и Олейников, Я. А., Липецкий железорудный район. Воронеж. «Коммуна». 1929. 129 стр., вкл. иллюстр. 14 л. граф., карт и план.

98. Общество изучения Сибири и ее производительных сил. Новосибирск. Проблема Бийской гидро-электроцентрали. Под ред. В. Д. Вегмана. Новосибирск. Сибкрайиздат. 1929. 24 стр. На обложке загл.: «Бийская гидро-электро-централа». (Докладная запис-

ка, сост. при участии В. Г. Болдырева, Н. Я. Брянцева и Ф. Ф. Скурского).

99. СССР. Высший совет народного хозяйства. Титульные списки нового строительства и главных объектов расширения и реконструкции на 1929/30 г. Материалы к докладу ВСНХ СССР Госплану СССР. М. Гос. тех. изд. 1929. 172 стр.

Приложение к контрольным цифрам промышленности на 1929/30 г.

100. Трахтер, Б. С., Керченская проблема и будущее Керченского металлургического завода. (Керчь). 1929. 32 стр.

101. Центрально-черноземная область. Совет народного хозяйства. Липецкий металлургический комбинат. Воронеж. 1929. 64 стр. (Област. сов. нар. хоз. Центрально-черноземной области).

Брошюра дает краткий очерк предпосылок и перспектив Липецкого строительства.

V. Планирование сельского и лесного хозяйства

1. Методология

102. Владимиров, И. А. Принцип построения оперативно-финансового и организационного планов крупного хозяйства. М.—Л. «Новая деревня». 1929. 93 (1) стр.

103. Северо-кавказский край. Земельное управление. В план станицу, село и аул. Руководство по составлению и проведению сельскохозяйственных производственных планов станичных, сельских и аульных советов (на 1929/30 г.). Ростов н/Д. «Северный Кавказ». 1929. 116 стр. (С.-кавказск. краев. зем. упр.).

2. Годовые планы

104. Сальский округ. Земельное управление. Контрольные цифры сельского хозяйства по Сальскому округу в районном разрезе на 1929/30 г. Ростов-на-Дону. 1929. 63 стр. (Сальск. округ. зем. упр-ние). Без тит. листа. Описано по обложке.

105. Строганов, Г. С. Сельское хозяйство Белгородского округа ЦЧО. Порайонная характеристика сел. хоз-ва округа в контрольных цифрах на 1928/29 г. Белгород. 1929. 70 стр. (Белгородская окружн. плановая комиссия).

3. Перспективные планы

106. Вольф, М. М. Пути реконструкции сельского хозяйства в пятилетке. Предисл. Г. М. Кржижановского. 3-е исправл. изд. М. «Плановое хозяйство». 1929. 121 стр.

То же, 4-е изд.

107. Всесоюзная коммунистическая партия. Северо-кавказский краевой комитет. Опыт социалистического переустройства северо-кавказской деревни. Приложения. Ростов-на-Дону. Сев.-кав. краев. к-т ВКП(б). 1929. 65, (2) стр.

108. Иваново-вознесенская губернская производственная сельскохозяйственная конференция крестьян и агрономов, Иваново-Вознесенск 1929.

Основы перспективного плана сельского хозяйства Ив.-вознесенской губ. на пятилетие 1929—1933 гг. и пути повышения урожайности. Иваново-вознесенск. губ. зем. управл. 1929. 104, (2) стр. с график. (Материалы I губ. производ. сел.-хоз. конференции крестьян и агрономов и VII губ. агрономич. совещания).

109. Калинин, М. И., О путях подема сельского хозяйства и о кооперативном строительстве в деревне. Доклад на V съезде советов СССР. М.—Л. Гиз. 1929. 121, (3) стр.

110. Кубяк, Н. Перспективы развития и социалистического переустройства сельского хозяйства РСФСР. Доклад на XIV всерос. съезде советов 20/V 1929 г. М.—Л. Гиз. 1929. 123, (3) стр.

111—116. РСФСР. Народный комиссариат земледелия. Плановая комиссия. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства (1928/29—1932/33 гг.). М. «Новая деревня». 1929. (Наркомзем РСФСР. Труды Земплана. Под общ. ред. А. И. Муралова. Вып. XVI).

Ч. 2. Отрасли сельского хозяйства. Растениеводство. Животноводство. 320 стр.

Ч. 4. Развитие сельского хозяйства по районам. 120 стр.

Ч. 5. Организация территории. Землеустройство. Переселение. Мелиорация и сельское строительство. Госземимущества. 76 стр.

Ч. 11. Лесное хозяйство. IV, 3—455 стр., 1 л. табл.

Ч. 12. Рыбное хозяйство. 72 стр.

117. Северо-кавказский край. Исполнительный комитет советов. Агрономический центр. Социалистическое переустройство сельского хозяйства. (Материалы к пятилетнему плану 1928/29—1932/33 гг. Сев. Кавказа). Ростов-н/Д. «Северный Кавказ». 1929. 128 стр. (Агроцентр при С.-кавк. краев. исполн. ком-те). На обл. надзаголовок: «Пятилетка Северо-кавказского края 1928/29—1932/33».

118. То же. Социалистическое переустройство Северо-кавказской деревни. Ростов-на-Дону. Сев.-кав. краев. исполн. ком. 1929. 96 стр.

Сборник постановлений, изданных крайисполкомом в 1928 и 1929 гг. Напечатана

также резолюция III краевого съезда советов по докладу о пятилетнем плане развития сельского хозяйства.

119. Слепушкин, Н. П., Перспективы сельского хозяйства Среднего Поволжья. (Очерк перспективного плана). Самара. 1929. 50 стр., со схем.

120. Спасов, Л. С. Мероприятия по реконструкции сельского хозяйства ЧАССР. Доклад на XIII област. партконференции. (Чебоксары). Чувашобком ВКП(б). 1929. 47 стр.

План 1928/29 г. и пятилетка на 1928/29—1932/33 гг.

121. Татарская ССР. Народный комиссариат земледелия. Основные задачи развития и переустройства сельского хозяйства Татарской республики. Казань. Изд-во НКЗем ТР «Ингча». 1929. 114 стр. Перед загл. Н. В. Петров.

Доклады НКЗ на сессиях ЦИК ТССР о перспективах на 1928/29—1932/33 гг. и постановления ЦИК ТССР.

4. Колхозы

122—123. Всесоюзный совет сельскохозяйственных коллективов. На путях коллективизации. Сборник 2-й. Под ред. Г. Н. Каминского и Е. П. Терлецкого.

См. ст. Казачек: «Крупное коллективное с.-х. производство в 1929/30 г.» (проектировки по РСФСР, УССР и БССР, сделанные на основе республиканских материалов).

То же. Сборник 3, 206 стр.

См. ст. Е. Терлецкий: «На новом подеме». (Контрольные цифры колхозного строительства на 1929/30 г.). В. Назимов: «К методологии планирования колхозного строительства». А. Бусыгин: «Основные вопросы организации и планирования производства крупных колхозов».

124. Всероссийское совещание крупных колхозов, I. Москва. 1929. За крупные колхозы. Материалы I-го Всероссийского совещания крупных колхозов. Под ред. В. Барчука. М. «Новая деревня». 1929. X, 497 стр., с илл., диагр., карт. и план. +1 л. карт. (Колхозцентр РСФСР. Упр-ние крупными колхозами).

125. Ильин, Е. И., Колхозы РСФСР и перспективы их развития. М.—Л. Сельхозгиз. 1930. 256 стр. с диагр.

126. Смирнов, И. М., Проект пятилетнего плана социалистической реконструкции крестьянского хозяйства Тульской губернии. Сост. И. М. Смирнов. Тула. 1929. 111 (7—41) стр. (Тульск. губ. союз коллективных хоз-в).

127. Сырцов, С. И., Колхозы и план социалистического строительства. Речь на Всерос. совещании крупных колхозов 3/VII 1929 г. М. Книгсоюз. 1929. 28, (2) стр.

5. Совхозы

128. «Гигант», зерновой совхоз. Сальский округ. Зерносовхоз «Гигант» (в Сальском округе Северного Кавказа). (О работе совхоза в 1928/29 г. и план на 1930 г.). Ростов-на-Дону. «Северный Кавказ». 1929. 25, (7) стр. (Отд. применения сел.-хоз. достижений Сев.-кав. агроцентра).

129. «Совхозцентр», Объединение трестированных советских хозяйств. Инструкция по составлению производственно-финансового плана трестированного совхоза (на 1930 г.). М. Сельхозгиз. 1930. 32 стр.

130. Совещание директоров госсельтрестов РСФСР. Москва. 1929. (Стенографический отчет). М.—Л. «Новая деревня». 1930. 144 стр. (Совхозцентр. Совещание директоров госсельтрестов. 21—23 июня 1929 г.).

6. Машинно-тракторные станции

131. Маркевич, А. М., Межселенные машинно-тракторные станции. (База с.-х. реконструкции). Предисл. Г. М. Кржижановского. 5-е исправл. изд. М. «Плановое хозяйство». 1929. 304 стр.

132. РСФСР. Народный комиссариат земледелия. Комиссия по обследованию тракторных колонн и станций. Машинно-тракторные станции и тракторные колонны. Материалы комиссии Наркомзема по обследованию тракторных колонн и станций. С предисл. Э. И. Квинтга. М. Сельхозгиз. 1930. 383 стр. с илл. и план.

133. «Тракторцентр», акционерное общество. Москва. Межселенные машинно-тракторные станции в перспективном пятилетии. Основные показатели контрольных цифр перспективного плана строительства МТС. 1929/30—1932/33 гг. М.—Л. Сельхозгиз. 1929. 24 стр. (На правах рукописи).

134. То же. Межселенные машинно-тракторные станции в перспективном пятилетии. Контрольные цифры перспективного плана строительства МТС 1929/30—1932/33 гг. М. Сельхозгиз. 1929. 26 стр. («На правах рукописи. Предварительная наметка»).

7. Проблема поднятия урожайности

135. Вильямс, В. Р. Вопросы повышения урожайности и реконструкция сельского хозяйства. (Сборник статей). М. «Новый агроном». 1929. 136 стр. с графиками.

136. Всероссийский агрономический съезд, II. Москва. 1929. Стенографический отчет II всероссийского агрономического съезда 26 января—5 февраля 1929 г. М. «Новая деревня». 1929. 559 стр. 5 л. порт.

Был заслушан ряд докладов «О повышении урожайности» (т.т. Клименко, Макаров, Тулайков и др.), доклад т. Лежнева-Финьковского «Организационные формы и перспективы строительства советской агрономии» и нектор. др.

137. Трудолюб, В. А., Пути поднятия урожайности. Под общ. ред. И. И. Осипова. С 39 диагр. М.—Л. «Новая деревня». 1930. 52 стр. с диагр.

138. Чайнов, С. К., Приемы повышения урожайности в разрезе с.-х. районов РСФСР и реорганизация сельского хозяйства в них. М.—Л. Сельхозгиз. 1930. 168 стр. с карт. (Комитет по повышению урожайности при Наркомземе РСФСР).

8. Разные вопросы

139. РСФСР. Народный комиссариат земледелия. Отдел механизации сельского хозяйства. Материалы к плану организации ремонта сельскохозяйственного инвентаря. М. «Новая деревня». 1929. 86 стр.

140. Северо-кавказское краевое научное бюро по опытному сельскохозяйственному делу. Ростов-на-Дону. Пути и темпы развития сел.-хоз. опытного дела в Северо-кавказском крае. (1928/29—1932/33). (Материалы к пятилетнему перспективному плану). Ростов-Дон. «Северный Кавказ». 1929. 176 стр. (Сев.-кавказск. краев. зем. упр-ние. С.-кавк. научн. бюро по опытному сел.-хоз. делу).

(Продолжение в след. номере)

П Л А Н Х О З Г И З

МОСКВА, Ильинка, Старопанский пер., 3, тел. 91-61.

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ, Э. И. КВИРИНГ, Н. А. КОВАЛЕВСКИЙ

ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЙ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА

Стр. 86

1930 г.

Ц. 45 к.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОМИССИЯ ПО КАДРАМ. ГОСПЛАН СССР

ПЛАН ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР КАДРАМИ СПЕЦИАЛИСТОВ

(1929/30—1932/33 гг.)

Стр. 287

1930 г.

Ц. 1 р. 35 к.

ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Под. ред. Л. Я. Эвентова и А. С. Мендельсона

Стр.

1930 г.

Ц. 3 р. 50 к.

БОРЬБА С ПОТЕРЯМИ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

по материалам Госплана

под редакцией И. А. Кана

Стр.

1930 г.

Ц. 3 р. 25 к.

ПЯТИЛЕТКА В ДЕЙСТВИИ

СЕРИЯ КНИГ

1. В. Левин. Пятилетка в четыре года. Ц. 28 к.
2. П. Рудаков. На борьбу с потерями. Ц. 65 к.
3. В. Шемятовский. Проблема топлива в пятилетке. Ц. 35 к.
4. К. Мехоношин. Оборона в пятилетке.
5. Ю. Флаксерман. Энергетика—база соц. строительства.
6. К. Соколов и В. Соболев. Низовая печать (Газетная новь).
7. А. Маймин. Город и деревня на путях к социализму. Ц. 23 к.
8. В. Вегнер. Соц. строит. в автон. республ. и областях. Ц. 60 к.
9. Н. Медников. Промышленность на 2-м году пятилетки. Ц. 35 к.

ПРОДАЖА В МАГАЗИНЕ „ПЛАНХОЗГИЗА“

МОСКВА, Тверская, 24, пом. 6, тел. 1-14-57

И ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ.